Основные законы и форма правленія въ Россіи.

Н. И. Паліенко.

ЧАСТЬ I.

I.

Основные законы Россійской Имперіи обнародованы почти четыре года тому назадъ, но вопросъ о существѣ опредѣленнаго ими государственнаго строя, все еще остается для многихъ открытымъ. Не только въ общественныхъ, особенно партійныхъ группахъ этотъ вопросъ различно разрѣшается и вызываетъ рѣзкую полемику, но и сами представители правительственной власти избѣгаютъ выражать сколько нибудь опредѣленное мнѣніе о существующемъ государственномъ строѣ Россіи, ограничиваясь лишь общими заявленіями о наличности въ Россіи представительнаго строя, не опредѣляя затѣмъ точнѣе его юридическаго характера.

Каковъ же тотъ строй? Является ли Россія теперь, по крайней мѣрѣ de jure, ограниченной конституціонной монархіей, или осталась и нынѣ, послѣ введенія законодательныхъ представительныхъ учрежденій, монархіей неограниченной, абсолютной, какъ это открыто и заявляютъ нѣкоторыя политическія партіи и нѣкоторые представители мѣстной административной власти. Первая и вторая Государственныя Думы, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ своего состава и въ лицѣ своихъ предсѣдателей, трактовали новый строй, какъ конституціонный. Третья Государственная Дума, организованная по положенію о выборахъ 3 іюня 1907 г., не смотря на горячіе дебаты, возникшіе въ ней не такъ давно по этому вопросу съ участіемъ въ нихъ и пред-

ставителя объединеннаго министерства, дебаты, въ которыхъ многiе изъ членовъ Думы высказались, что основными законами установленъ у насъ конституцiонный строй, не пришла, тѣмъ не менѣе, in corpore къ опредѣленному рѣшенiю этого вопроса; Дума не рѣшилась по политическимъ соображенiямъ сказать въ качествѣ высшаго законодательнаго представительнаго учрежденiя свое авторитетное и опредѣленное слово по вопросу, касающемуся самыхъ правовыхъ основъ и условiй ея бытiя. И вотъ получается положенiе, недопустимое съ точки зрѣнiя элементарныхъ требованiй государственнаго правопорядка, не мыслимое ни въ какомъ другомъ изъ современныхъ государствъ, что правовыя основы государственнаго строя страны покрываются таинственнымъ туманомъ, точно предметы въ странѣ воспоминанiй въ извѣстной сказкѣ Меттерлинка «Синяя птица».

Ясный отвѣтъ по указанному вопросу даетъ лишь наша научная государственно-правовая литература. Наука положительнаго государственнаго права не можетъ допускать неясностей и недомолвокъ въ отношенiи правовыхъ началъ положительнаго государственнаго строя, разъ сама система дѣйствующаго права въ достаточной мѣрѣ выразила эти начала; для раскрытiя началъ дѣйствующаго права у юристовъ есть такое средство, какъ юридическiй анализъ правовыхъ нормъ и для установленiя принциповъ, положенныхъ въ основу данной системы нормъ—синтезъ заключающихся въ нихъ правовыхъ понятiй. Въ этомъ объективномъ изслѣдованiи дѣйствующаго права различныя политическiя симпатiи и соображенiя, обусловливающiя тѣ или другiе недомолвки и напередъ диктующiя истолкованiе права въ желаемомъ смыслѣ, не должны имѣть мѣста.

Въ нашей научной литературѣ имѣются уже нѣсколько трудовъ, посвященныхъ освѣщенiю нашего реформированнаго государственнаго права и въ частности выясненiю интересующаго насъ кардинальнаго вопроса объ установленной дѣйствующимъ правомъ формѣ правленiя Россiи. Эти изслѣдованiя пришли къ выводу, что существующими законами въ Россiи установленъ кон-

ституціонный представительный строй, хотя сравнительно наименѣе развитаго типа, и Россія изъ абсолютной монархіи превратилась въ монархію конституціонную, ограниченную, представительную [1]).

Мы имѣемъ въ виду въ настоящей статьѣ со своей стороны обратиться къ выясненію юридически опредѣленной формы правленія въ Россіи. Выясненіе этого вопроса требуетъ предварительнаго сопоставленія и приведенія въ связь дѣйствующихъ государственныхъ нормъ съ нормами, опредѣлявшими существо нашего государственнаго строя до послѣднихъ преобразованій. Это необходимо, какъ потому, что новыя государственно-правовыя нормы лишь въ извѣстной части, хотя и кореннымъ образомъ, измѣнили дѣйствовавшій государственный правопорядокъ, такъ и потому, что нѣкоторыя изъ нихъ содержатъ въ себѣ даже весьма важныя заимствованія изъ понятій и терминологіи стараго права, возбуждающія особенныя затрудненія при толкованіи нынѣ существующаго строя. Таковы особенно включенный и въ новые основные законы терминъ «самодержецъ», «самодержавный», «самодержавная власть», а въ 222 ст. Учр. Имп. фамиліи и терминъ «неограниченный самодержецъ».

Юридическія основы нашего стараго государственнаго строя были ярко выражены въ томѣ I ч. I Св. Осн. Госуд. Законовъ изд. 1892 г.

Именно въ раздѣлѣ первомъ, трактующемъ «О священныхъ правахъ и преимуществахъ Верховной Самодержавной Власти» говорилось: «Императоръ Всероссійскій есть Монархъ самодержавный и неограниченный.—

---

1) См. напр. *Н. И Лазаревскій*: Лекціи по русскому государственному праву, 1908 г. т. I, ст. 119 сл., 134 сл.; Проф. *В. В. Ивановскій*: Учебникъ государственнаго права, 1908 г. ст. 336 сл., 379 сл. 2-е изд. 1909 г.; См. также новѣйшее 6-е изданіе курса *Коркунова* «Русское государственное право, т. I, 1908 г. подъ редакціей и съ дополненіями пр.-доц. Авалова, Горенберга и Соколова; См. Дополненіе редакторовъ, стр. 214—215. Иначе квалифицируетъ нашъ государвственный строй нѣмецкій ученый проф. Hatschek. Въ недавно вышедшей своей книгѣ «Allegemeines Staatsrecht auf rechtsvergleichender Grundlage», Leipzig, 1909 г., Theil I, Hatschek, не приводя къ тому никакихъ доказательствъ, и не подвергая не только анализу, но даже самому поверхностному обзору, опредѣляющія русскій государственный строй, нормы, просто относитъ Россію къ категоріи «абсолютныхъ» монархій, хотя съ наличностью народнаго представительства.

Повиноваться Его власти не токмо за страхъ, но и за совѣсть самъ Богъ повелѣваетъ», и за тѣмъ въ статьѣ 2 говорилось, что «Та же власть верховная и самодержавная принадлежитъ и императрицѣ, когда наслѣдство престола въ порядкѣ, для сего установленномъ, дойдетъ до лица женскаго»...

Далѣе, «Императорскій Всероссійскій престолъ есть наслѣдственный въ нынѣ благополучно царствующемъ Императорскомъ Домѣ» (ст. 3 Осн. Зак.).

Такимъ образомъ, форма правленія, какъ она ясно опредѣлялась въ прежнихъ Осн. Законахъ, есть неограниченная наслѣдственная монархія «Божіею милостію»; указаніе на религіозный источникъ и санкцію императорской власти содержалось, какъ и нынѣ содержится, въ титулѣ Императора «Божіею поспѣшествующею милостью, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій» и находитъ свое наглядное выраженіе въ торжественномъ обрядѣ коронованія и миропомазанія, совершаемомъ по опредѣленію Основныхъ Законовъ (ст. 35 Осн. Зак., нынѣ ст. 58) по вступленіи на престолъ. Русскій монархъ также именовался, какъ и нынѣ именуется, «истиннымъ и природнымъ» (выраженіе, употребленное въ формѣ всенародной присяги на вѣрность подданства. Прилож. V къ Основн. Законамъ изд. 1892 г. и изд. 1906) государемъ своихъ подданныхъ. Этимъ выражается идея, что русскій монархъ обладаетъ первоначальной, а не делегированной властью, производитъ свою власть непосредственно отъ Бога или, выражаясь старой французской формулой монархической власти, «держитъ свою власть лишь отъ Бога и себя самого»— «ne tient de nullui fors de Dieu et luy» [1]) Абсолютный суверенитетъ монарха проведенъ былъ въ прежнихъ Основныхъ Законахъ самымъ послѣдовательнымъ, категорическимъ образомъ. Монархъ являлся единственнымъ носителемъ всей законодательной власти (см. ст. 47 и 51 Осн. Зак.) и власти управленія «во всемъ ея про-

---

[1]) Символическимъ изображеніемъ этого принципа является то, что при коронованіи Императоръ самъ беретъ скипетръ и державу, показывая тѣмъ, говоритъ проф. Романовичъ-Словатинскій (Пособіе для изученія рус. госуд. права. Вып. I, стр. 47), всенародно свое самодержавіе.

странствѣ» (ст. 80 Осн. Зак.). Въ законодательной дѣятельности монарху содѣйствовали лишь законосовѣщательныя учрежденія, въ сферѣ же «управленія верховнаго» власть его дѣйствовала непосредственно, а въ «подчиненномъ управленіи» опредѣленная степень власти ввѣрялась отъ Монарха мѣстамъ и лицамъ, дѣйствующимъ его именемъ и по его повелѣнію (ст. 80 Осн. Зак.) [1]). Опредѣляя «Существо Верховной Самодержавной Власти» наши старые Основные Законы характеризовали ее двумя признаками, какъ «неограниченную» и какъ «самодержавную». Въ статьѣ I Основн. Закон. термины «самодержавный» и «неограниченный» стояли рядомъ, связанные союзомъ «и»: «Императоръ Всероссійскій есть Монархъ, самодержавный и неограниченный»... Такое сочетаніе этихъ терминовъ въ Основныхъ Законахъ возбудило въ средѣ истолкователей русскаго государственнаго права разногласія по вопросу о томъ, являются ли понятія «неограниченности» и «самодержавія» [2]) въ Осн. Зак. однозначущими или каждое изъ нихъ имѣетъ свой особый смыслъ. Въ виду того, что терминъ «самодержавный» для обозначенія власти монарха принятъ и въ нынѣ дѣйствующихъ Основныхъ Законахъ, а терминъ «неограниченный», хотя и опущенъ при опредѣленіи «существа» власти монарха, но оставленъ въ ст. 222 спеціальной части дѣйствующихъ Основныхъ Законовъ, именно во второмъ раздѣлѣ ихъ, «Учрежденіи объ Императорской Фамиліи», то разъясненіе этого словоупотребленія законодателя въ нашихъ прежнихъ Основныхъ Законахъ далеко не утратило своего значенія и для дѣйствующихъ Основныхъ Законовъ, копировавшихъ и повторявшихъ многое изъ прежнихъ Основныхъ Законовъ.

[1]) Въ частности, о тождественномъ съ вышеуказаннымъ положеніемъ русскаго монарха въ области церковнаго законодательства и управленія по нашимъ прежнимъ Основнымъ Законамъ, и о томъ, что церковная власть признавалась въ законахъ лишь «однимъ изъ направленій высшей государственной власти», см. проф. *Е. Н. Темниковскій*: «Положеніе Императора Всероссійскаго въ русской православной церкви въ связи съ общимъ ученіемъ о церковной власти». Юр. Записки Демид. Юрид. Лицея. Вып. I, 1909 г. стр. 47—80.

[2]) Слово «самодержецъ»—переводъ греческаго «αὐτοκράτωρ».

Обратимся прежде всего къ законодательнымъ источникамъ, на основанiи которыхъ составителями свода при его изданiи была формулирована указанная I статья прежнихъ Основныхъ Законовъ. Въ подстатейныхъ ссылкахъ ст. I Осн. Зак. на первомъ мѣстѣ поставлена ссылка на № 17906 Полн. Собр. Зак. Учрежденiе объ Императорской фамилiи 5 апр. 1797 § 71. Тутъ Императоръ Павелъ I опредѣляетъ «о нарушающихъ порядокъ отношенiй къ монарху членахъ императорской фамилiи»... царствующiй, яко неограниченный Самодержецъ, во всякомъ противномъ случаѣ имѣетъ право отъ назначеннаго нами отрѣшить и поступать, какъ съ неповинующимся волѣ нашей и волѣ каждаго, мѣсто наше занимающаго». Въ указанномъ случаѣ словоупотребленiе «неограниченный Самодержецъ» даетъ основанiе приписывать различное значенiе терминамъ «неограниченный» и «самодержавный», иначе нечего было бы говорить «неограниченный Самодержецъ» [1]).

Соотвѣтственно съ этимъ и въ Осн. Зак. Учрежд. о Импер. фамилiи ст. 178, изд. 1892 г., какъ и въ дѣйствующемъ Учрежденiи о Императорской фамилiи ст. 222, дословно почти вездѣ копирующемъ старое Учрежденнiе о Императорской фамилiи, говорится: «Царствующiй Императоръ, яко «неограниченный Самодержецъ, во всякомъ противномъ случаѣ имѣетъ власть отрѣшать неповинующагося отъ назначенныхъ въ семъ законѣ правъ и поступать съ нимъ, яко преслушнымъ волѣ Монаршей»!

Въ слѣдующемъ источникѣ I ст. Осн. Зак. изд. 1892 г.—Полн. Сбор. Зак. № 3006, Уставъ Воинскiй 30 марта 1719 г. арт. 20, толкованiе—говорится: «Ибо Его Величество есть самовластный монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не

---

[1]) *Н. М. Коркуновъ:* Рус. госуд. право, т. I, 1899 г. стр. 202, замѣчаетъ: «если составители Свода на первое мѣсто поставили ссылку именно на Учрежденiе Императорской Фамилiи, то это объясняется вѣроятно тѣмъ, что въ одномъ этомъ актѣ встрѣчается принятое въ Сводѣ сочетанiе опредѣленiй: «самодержавный и неограниченный».—Это совершенно вѣрно, но догматическiй анализъ нашихъ законовъ не можетъ однако игнорировать такое выдѣленiе этого источника и проведенное въ самомъ законѣ сочетанiе этихъ опредѣленiй, какъ двухъ особыхъ свойствъ власти.

долженъ, посему и власть имѣетъ свои государства и земли, яко Христіанскій Государь, по своей волѣ и благомнѣнію управлять», при чемъ добавляется, что «все упомянутое въ этомъ артикулѣ относится и къ Ея Величеству Царской супругѣ и Его государства наслѣдію».

Въ этомъ источникѣ употребленъ лишь терминъ «самовластный», а не термины «самодержавный» и «неограниченный»; въ параллельномъ же нѣмецкомъ текстѣ Воинскаго устава терминъ «самодержавный» передается терминомъ «суверенный». (Denn Seine Majestät sind ein souweräner Monarch...). Этотъ источникъ съ своимъ терминомъ «самовластный» не даетъ указанія для выясненія соотносительнаго значенія терминовъ «самодержавный» и «неограниченный» [1]). Можно лишь сказать, что терминъ «самовластный» выражаетъ суверенитетъ монарха, который по смыслу приведеннаго источника является при этомъ абсолютнымъ, вслѣдствіе чего приведенный источникъ можетъ служить основаніемъ для употребленнаго въ ст. I Осн. Зак. скорѣе термина «неограниченный», а не «самодержавный». То же самое должно сказать и о слѣдующемъ источникѣ I ст. Осн. Зак. изд. 1892 г. П. С. З. № 3485 Уставъ Морской 1720 янв. 13 кн. V гл. I ст. 2, толк., повторяющемъ буквально вышеприведенный текстъ Устава Воинскаго («Ибо Его Величество есть Самовластный Монархъ»...).

Далѣе подъ ст. I Осн. Зак. сдѣлана ссылка на П. С. № 5509, Манифестъ 28 февр. 1730 г. «О вступленіи на Россійскій престолъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Анны Іоанновны, о воспріятіи Самодержавія и объ учиненіи вновь присяги». Тутъ относится къ интересующему насъ вопросу слѣдующее мѣсто: «понежѣ потомъ вѣрные жъ Наши подданные всѣ единогласно Насъ просили, дабы Мы Самодержавство въ нашей Россійской Имперіи, какъ издревле

---

[1]) Это признаетъ, повидимому, и проф. *Н. М. Коркуновъ*, Рус. госуд. право, т. I, 1899 г. стр. 202: «это неудачное и нигдѣ болѣе въ нашемъ законодательствѣ не встрѣчающееся выраженіе: «самовластный», какъ видно изъ нѣмецкаго текста артикула употреблено въ смыслѣ «суверенный».

прародители Наши имѣли, воспріять соизволили, по которому ихъ всенижайшему прошенію, Мы то Самодержавство воспріять и соизволили».—Далѣе, содержится приказъ «вновь присягу сочинить», и напечатать ее «по которой всѣ вѣрные Наши подданные (въ самой формулѣ присяги добавлено еще и «рабы») въ вѣрности своей къ намъ, яко Самодержавной Государынѣ, присягать должны».—Историческія событія, вызвавшія этотъ манифестъ, отверженіе Императрицей ограниченій императорской власти, проектированныхъ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ и принятыхъ было Императрицей [1]), даютъ полное основаніе понимать «самодержавіе» въ Манифестѣ 1730 г., какъ однозначущее съ «неограниченностью» власти [1]).

Наконецъ, послѣдній изъ указанныхъ подъ ст. 1 Осн. Зак. изд. 1892 источниковъ П. С. З. № 3718 янв. 25. 1721 Регламентъ или Уставъ Духовной Коллегіи ч. I, п. 2 гласитъ: «Монарховъ власть есть самодержавная, которымъ повиноваться самъ Богъ за совѣсть повелѣваетъ, обаче совѣтниковъ своихъ имѣютъ не токмо ради лучшаго истины взысканія, но дабы и не клеветали непокоривые человѣцы, что се или оно силою паче и по прихотямъ своимъ, нежели судомъ и истиною заповѣдуетъ монархъ».

Слова «монарховъ власть есть самодержавная... обаче (т. е. тѣмъ не менѣе) совѣтниковъ своихъ имѣютъ», указываютъ, что самодержавіе здѣсь употреблено въ смыслѣ нераздѣльности и неограниченности власти; монархъ ни съ кѣмъ власти не раздѣляетъ, и ни кѣмъ не ограниченъ, хотя и имѣетъ при себѣ совѣщательные органы: ради лучшаго взысканія «истины» и «дабы не клеветали непокоривые человѣцы...»

Что здѣсь слова «власть самодержавная» однозначущи со словами «власть неограниченная», подтверждается еще

---

[1]) Членъ В. Т. Совѣта Кн. Д. М. Голицынъ, какъ извѣстно, мотивировалъ своимъ товарищамъ необходимость ограниченія самодержавія слѣдующими словами: «понеже кончиною Петра II мужское колѣно Петра Великаго пресѣклось, Россія же весьма много претерпѣла отъ самодержавной власти..., то надлежитъ сію безмѣрную власть ограничить добрыми законами и не иначе подносить Самодержавной Императрицѣ, какъ подъ извѣстными условіями».

и идейнымъ источникомъ духовнаго регламента. Этимъ источникомъ, какъ доказываетъ убѣдительно проф. Е. Н. Темниковскій, явились сочиненія Пуффендорфа. Именно только что приведенное мѣсто Духовнаго Регламента о цѣлесообразности совѣщательнаго органа при самодержавномъ монархѣ инспирировано разсужденіемъ Пуффендорфа (De Jure naturae I. VII c. 6 § 12) о значеніи совѣщательнаго органа при носителѣ «абсолютной» власти (Per... senatum, praesertium ubi regi sit potestas eundem iterum dissolvendi, imperium absolutum esse non desinit...) [1]). Это «imperium absolutum» авторъ регламента передаетъ словами «власть самодержавная».

Разсмотрѣніе всѣхъ источниковъ I ст. Осн. Зак. приводитъ насъ къ выводу, что хотя всѣ они характеризуютъ власть монарха, какъ неограниченную, но лишь въ манифестѣ Анны Іоанновны и Духовномъ Регламентѣ терминъ «самодержавный» спеціально употребленъ для означенія неограниченности власти, въ двухъ же другихъ источникахъ законодатель пользуется своеобразнымъ терминомъ «самовластный», а въ первомъ изъ указанныхъ источниковъ, поставленномъ составителями ст. I Осн. Зак. въ подстатейной ссылкѣ на первомъ мѣстѣ, терминъ «Самодержецъ» сочетается съ терминомъ «неограниченный», какъ имѣющій самостоятельное значеніе, что и выразили также составители ст. I Осн. Зак. словами «самодержавный и неограниченный».

Такимъ образомъ, законодательные источники I ст. нашихъ дореформенныхъ Основныхъ Законовъ не даютъ рѣшительныхъ указаній о соотношеніи терминовъ «самодержавный» и «неограниченный», квалифицирующихъ власть Государя въ ст. I прежнихъ Осн. Зак. и, слѣдовательно, не даютъ основаній и къ столь рѣшительно высказываемому нѣкоторыми утвержденію, что термины «самодержавный» и «неограниченный» въ указанной

---

[1]) Проф. *Е. Н. Темниковскій*: Одинъ изъ источниковъ Духовнаго Регламента. Харьковъ, 1909 г. *Его же*: Положеніе Императора Всероссійскаго въ русской православной церкви въ связи съ общимъ ученіемъ о церковной власти. Юридич. Записки. Изд. Демид. Юрид. Лицея, 1909 г. Вып. I, стр. 58—66.

статьѣ употреблены, какъ синонимы. Не даютъ также достаточныхъ основаній для отождествленія «самодержавія» съ «неограниченностью» власти и другія, кромѣ указанныхъ въ Сводѣ Законовъ, историческія указанія о словоупотребленіи термина «самодержавіе» въ періодъ времени, предшествующій Своду Законовъ.

Независимо отъ того, что другихъ, кромѣ вышеприведенныхъ источниковъ ст. I Осн. Зак. составителями не показано, и, слѣдовательно, для истолкованія этой статьи мы должны считаться съ текстомъ Основного Закона и его источниками, но и въ другихъ источникахъ слово «самодержавіе» употреблялось въ различномъ смыслѣ.

Такъ, терминъ «самодержавіе» употреблялся въ смыслѣ высшей верховной власти, суверенитета, съ подчеркиваніемъ его такъ называемой внѣшней стороны (международно-правовая сторона суверенитета)—въ договорѣ Екатерины II съ грузинскимъ царемъ Иракліемъ. Въ Екатерининскомъ Наказѣ ст. 9 «самодержавіе» употреблено въ смыслѣ соединенія всей власти въ лицѣ монарха «государь есть самодержавный, ибо никакая другая, какъ соединенная въ его особѣ власть, не можетъ дѣйствовать сродно съ пространствомъ столь великаго государства».

Самодержавіе понимали и въ смыслѣ «единоначальствованія» [1]). Иванъ Грозный употреблялъ терминъ «самодержавный» въ смыслѣ первоначальности царской власти и одновременно въ смыслѣ ея нераздѣльности и неограниченности [2]).

При такомъ положеніи вопроса не удивительно, что и въ литературѣ нашего государственнаго права истолкователи дореформенныхъ Основныхъ Законовъ, начиная съ самого составителя Свода графа Сперанскаго, расходятся во мнѣніяхъ относительно значенія терми-

---

[1]) Въ степенной книгѣ, составленной въ XIV в. митрополитомъ Кипріаномъ написано: «Самодержавное царское скипетроправленіе, иже начася отъ Рюрика, иже бѣ отъ племени Пруссова, по его же имени прусская земля именуется; Пруссъ же братъ бысть единоначальствующаго на землѣ римскаго Кесаря Августа»... Цит. у *В. И. Сергѣевича*: Лекціи по исторіи русскаго права. Власть Московскихъ государей. 1890 г. стр. 246.

[2]) См. объ этомъ ниже.

новъ самодержавія и неограниченности въ основныхъ законахъ.

II.

Графъ Сперанскій, мнѣніе котораго въ данномъ вопросѣ имѣетъ особо важное значеніе, въ своемъ «Руководствѣ къ познанію Законовъ», разграничивалъ понятія самодержавія и неограниченности [1]). Приводя ст. 1 Осн. Законовъ «Императоръ Всероссійскій есть Монархъ самодержавный и неограниченный», Сперанскій писалъ: «въ сихъ краткихъ словахъ заключается два положенія: 1) что Имперія Россійская есть монархія, въ коей всѣ стихіи державнаго права соединяются въ особѣ Императора; 2) что они соединяются во всей полнотѣ ихъ и пространствѣ и, слѣдовательно, Имперія есть чистая монархія.—Двумя словами, весьма многозначительными, продолжаетъ Сперанскій, выражается въ нашихъ законахъ полнота верховной власти: самодержавіемъ и неограниченностью. И затѣмъ онъ поясняетъ, что слово «самодержавіе» имѣетъ два разные смысла: когда оно прилагается къ государству, то оно означаетъ независимость государства отъ всякой посторонней власти», но въ приложеніи къ особѣ монарха означаетъ «соединеніе всѣхъ стихій державнаго права во всей полнотѣ ихъ, безъ всякаго участія и раздѣленія ихъ». Слова же «неограниченность власти», поясняетъ онъ далѣе означаетъ, что «никакая другая власть на землѣ, власть правильная и законная, не можетъ положить предѣловъ власти Россійскаго Самодержца».

Это разграниченіе Сперанскимъ самодержавія и неограниченности всецѣло было принято въ нашей государственно-правовой литературѣ проф. А. В. Романовичъ-Словатинскимъ [2]), но подверглось критикѣ со стороны Н. М. Коркунова, указывавшаго, что въ опредѣленіи Сперанскаго понятія эти по содержанію совпадаютъ. «Соединеніе всѣхъ стихій державнаго права,

---

[1]) Графъ *Сперанскій*, Руководство къ познанію Законовъ изд. 1845 г. I. О силѣ и пространствѣ верховной власти, стр. 49—57.

[2]) *А. В. Романовичъ-Словатинскій*, Пособіе для изученія рус. госуд. права, 1872 г. В. I, стр. 32.

«писалъ Н. М. Коркуновъ, очевидно ничего другого означать не можетъ, какъ то, что не существуетъ никакой другой власти, которая бы ограничивала власть монарха [1]). Но разграниченіе Сперанскаго могло бы предстать въ нѣсколько иномъ свѣтѣ, если бы, ограничиваясь лишь данными Сперанскимъ основными опредѣленіями понятій самодержавіе и неограниченность и не вдаваясь въ дальнѣйшія его поясненія, сопоставить эти опредѣленія съ одной изъ весьма распространенной въ свое время на Западѣ Европы идеей и формулой о монархической власти. Это—именно формула монархическаго принципа, столь ярко формулированная въ Хартіи 1814 г. Людовика XVIII, принятая на заключительныхъ актахъ Вѣнскаго конгресса, далѣе въ монархіяхъ бывшаго германскаго союза, и даже, по толкованію нѣмецкихъ государствовѣдовъ, конституціяхъ современныхъ монархій Германской Имперіи.

Эта идея суверинитета монарха именно состоитъ въ томъ, что монархъ, даже конституціонный или ограниченный, сосредоточиваетъ въ своемъ лицѣ всю полноту правъ государственной власти (quo ad jus), которой онъ одинъ и обладаетъ по собственному праву, и лишь въ осуществленіи своихъ державныхъ правъ (quo ad exercitium) монархъ можетъ быть въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ ограниченъ соучастіемъ другихъ органовъ, какъ то установленнымъ имъ самимъ народнымъ представительствомъ.

«Мы приняли въ соображеніе»,—говоритъ «возвращающійся послѣ долгаго отсутствія» король Людовикъ XVIII во введеніи къ октроированной имъ хартіи 1814 г.—«что, хотя вся полнота власти сосредоточивается во Франціи въ особѣ короля, наши предшественники не колеблясь измѣняли ея отправленія (exercice), согласно различію времени»... И до нынѣ еще дѣйствующая Баварская конституція, октроированная въ 1818 г., въ отд. II § I—опредѣляетъ: «Король—глава государства, онъ соединяетъ въ себѣ всѣ права верховной власти и осуществляетъ ихъ согласно даннымъ имъ и

[1]) *Коркуновъ*, Рус. Госуд. право, т. I, 1899 г. стр. 202—203.

установленнымъ въ настоящей конституціи постановленіямъ».

Эта распространенная въ первой половинѣ 19-го вѣка въ теоріи и выраженная въ конституціонныхъ актахъ формула монархической власти и теперь еще энергично поддерживается нѣмецкими юристами для государствъ, строй которыхъ базируется на монархическихъ началахъ, притомъ даже въ отношеніи тѣхъ нѣмецкихъ монархическихъ конституцій, въ которыхъ такая идея прямо не выражена [1]).

И даже Георгъ Мейеръ, менѣе склонный, чѣмъ многіе другіе истолкователи германскаго государственнаго права, къ форсированію монархическаго принципа, ссылаясь на положительное государственное право германскихъ государствъ, писалъ о власти нѣмецкихъ монарховъ: «Монархъ—носитель государственной власти. Онъ призванъ непосредственно конституціей къ своему положенію и не заимствуетъ ни отъ какого другого органа свои права. Онъ соединяетъ въ своемъ лицѣ всю полноту государственнаго верховенства и власти. Монархъ соединяетъ въ своей особѣ совокупную государственную власть». Это основное положеніе спеціально выражено, какъ въ законахъ прежняго Германскаго Союза, при господствѣ котораго возникли конституціи нѣмецкихъ государствъ, такъ и въ большей части самихъ конституцій. Эта же идея лежитъ и въ основѣ тѣхъ конституцій, которыя не формулируютъ ее спеціально». «Однако», добавляетъ Георгъ Мейеръ, воззрѣніе на монарха, какъ держателя совокупной (gesammten) государственной власти, не означаетъ, что его власть *безграничнa*. Въ силу конституціи, онъ при

---

[1]) Какъ на одинъ изъ многихъ примѣровъ можно указать на типичное въ этомъ отношеніи опредѣленіе власти прусскаго короля, даваемое K. Freih. v Stengel въ своемъ «Das Staatsrecht d. Königreichs Preussen». Freiburg, 1894, стр. 36: Король сосредоточиваетъ въ себѣ всю совокупную полноту власти (die gesammte Teille der Staatsgewalt)... При истолкованіи прусской конституціи 31/1 1850 и ея отдѣльныхъ опредѣленій—должно исходить изъ слѣдующихъ основъ: королю прусскому принадлежитъ совокупная государственная власть по собственному праву и принадлежитъ только ему одному (und allein zu). Лишь въ осуществленіи ея (in deren Ausübung nur) онъ постольку ограниченъ, поскольку такое ограниченіе вытекаетъ изъ конституціи или позднѣйшихъ законовъ».

осуществленіи своихъ правъ ограниченъ соблюденіемъ извѣстныхъ формъ, частью содѣйствіемъ другихъ органовъ»... [1]).

Можно было бы думать, что Сперанскій, знакомый съ политическими идеями и юридическими ученіями своего времени, имѣлъ въ виду именно эту формулу монархическаго принципа, опредѣляя самодержавіе, какъ «соединеніе всѣхъ стихій державнаго права безъ всякаго участія и раздѣленія» въ особѣ монарха, и, исходя изъ такого цикла идей о монархической власти, и пытался отграничить понятіе неограниченной власти отъ самодержавія.

Монархъ—самодержавенъ, такъ какъ «въ его лицѣ», объясняетъ Сперанскій, соединяются «всѣ стихіи державнаго права во всей полнотѣ ихъ, безъ всякаго участія и раздѣленія». Другими словами, монархъ—единственный обладатель державныхъ правъ, правъ законодательства и верховнаго управленія [2]), никто не участвуетъ съ нимъ въ обладаніи этими правами и никто другой не раздѣляетъ съ нимъ этого обладанія. Это—quo ad jus, но и quo ad exercitium», въ осуществленіи власти, верховная власть русскаго монарха не встрѣчаетъ предѣловъ ни въ какой другой «правильной и законной» власти «ни внѣ, ни внутри Имперіи», поэтому она неограничена.

---

[1]) *G. Meyer*: Lehrbuch d. Deutschen Staatsrechtes, IV Aufl. 1895, § 217 и 220; тамъ же ссылка на конституціи и литературныя указанія, Одинъ же изъ нѣмецкихъ государствовѣдовъ *K. Ricker* (Die rechtiche Natur der modernen Volksvertretung) идетъ такъ далеко, что утверждаетъ даже, будто бы въ германскихъ конституціонныхъ государствахъ только монархъ одинъ—выразитель государственной воли и власти, народное же представительство не является органомъ государства и хотя имѣетъ закономъ опредѣленное вліяніе на образованіе государственной воли, но не имѣетъ участія въ государственной власти (Zeitschrift. F. Litt. und Gesch. der Staatsw. hrg. v Frankenstein, 1889. B. II, стр. 45 сл.). Критику ученій нѣмецкихъ ученыхъ о принадлежности монарху всей государственой власти см. у *Iellinek'a*: «Das Recht d. mod. Staates». B. I, 1900, стр. 505 сл., также нашу работу: Суверенитетъ: 1903 г., стр. 309 сл. и *А. С. Алексѣевъ*: Монархическій принципъ въ конституціонномъ государствѣ и «Теоретическое обоснованіе монархическаго принципа» (Юрид. Зап. Демид. Лицея. Вып. II, 1908 и B. I, 1909 г.). Воззрѣнія германскихъ ученыхъ защищаетъ А. А. Жилинъ. Отвѣтственность министровъ. 1909, стр. 42.

[2]) По Сперанскому державная власть состоитъ изъ «двухъ стихій»: 1) законодательной власти и 2) неразрывно съ ней связанной власти верховнаго правленія. *Сперанскій*: Руководство къ познанію Законовъ, § 145—149.

Но дѣло въ томъ, что Сперанскій, установивъ свое разграниченіе понятій «самодержавія» и «неограниченности», не выдерживаетъ его далѣе и въ своихъ поясненіяхъ [1]).

Такъ, онъ непосредственно вслѣдъ за указаннымъ опредѣленіемъ самодержавія добавляетъ, что «посему всѣ государи въ чистыхъ монархіяхъ могли бы именоваться самодержавными», и далѣе еще объясняетъ, что «именованіе сіе въ особенности присвояется Монархомъ Россійскимъ» потому, что власть русскихъ государей никогда ничѣмъ не была ограничена. Поэтому они правильно удержали за собой титулъ Самодержца, ибо титулъ этотъ «означаетъ не только власть верховную, но и власть отъ всякой другой власти, какъ то отъ сейма или внутренняго какого-либо установленія, независимую».

Въ болѣе раннемъ трудѣ Сперанскаго, «Введеніе къ уложенію государственныхъ законовъ» 1809 г., содержатся однако выраженія, изъ которыхъ можно было бы заключить, что Сперанскій какъ бы допускалъ и *ограниченное самодержавіе*. Именно Сперанскій, указавъ на два возможныхъ способа, которыми можетъ быть произведено преобразованіе нашего государственнаго строя, писалъ: «Первое устройство состоитъ въ томъ, чтобы облечь правленіе самодержавное всѣми, такъ сказать, внѣшними формами закона, оставивъ въ существѣ его ту же силу и то же пространство самодержавія.

Второе устройство состоитъ въ томъ, чтобы не внѣшними только формами покрыть самодержавіе, но *ограничить* его внутреннею и существенною силою

---

[1]) См. Руководство, § 97—101. При этомъ Сперанскій объясняетъ, что въ монархіи чистой обѣ стихіи власти державной принадлежатъ *во всей ихъ полнотѣ* одному лицу царствующему и принадлежатъ потомственно. Maximum, что допускаетъ чистая монархія—это совѣщательныя установленія. Тогда какъ «отличительное свойство монархіи смѣшанной состоитъ въ томъ, что въ ней, хотя всѣ стихіи державнаго права соединяются въ лицѣ царствующаго Государя, но не всѣ принадлежатъ ему *во всей ихъ полнотѣ*, а раздѣляются между имъ и государственными законодательными установленіями подъ именемъ парламентовъ или камеръ извѣстными». (Сперанскій: Руководство, § 148—155).

установленій и учредить державную власть не словами, но самымъ дѣломъ» [1]).

Резюмируя далѣе эти двѣ системы преобразованія, Сперанскій говоритъ: «Сравнивая сіи двѣ системы между собою, нѣтъ сомнѣнія, что первая изъ нихъ имѣетъ только видъ закона, а другая самое существо его; первая подъ предлогомъ единства державной власти вводитъ *совершенное самовластіе*, а другая ищетъ въ самомъ дѣлѣ *ограничить и умѣрить* его» [2]).

Если вникнуть въ эти слова Сперанскаго, нельзя не обратить вниманія, что Сперанскій не говоритъ, что при второй системѣ, рекомендуемой въ планѣ государственнаго преобразованія, самодержавіе устраняется совершенно, а лишь дѣйствительно «ограничивается» или «умѣряется»; въ противоположность этому первая система устанавливаетъ «совершенное самовластіе» [3]).

Можно, правда, возратить, что государственный дѣятель, начертывая планъ государственнаго преобразованія Россіи на конституціонныхъ началахъ, по условіямъ времени и мѣста былъ очень остороженъ въ выраженіяхъ и потому предпочелъ говорить объ «умѣреніи» или «ограниченіи» самодержавія, а не его устраненіи.

Но въ пользу того мнѣнія, что Сперанскій не отождествлялъ понятія самодержавія съ неограниченностью власти монарха, говоритъ во всякомъ случаѣ, то, что и въ Сводѣ Основныхъ Законовъ онъ отдѣлилъ эти понятія и пытался дать каждому изъ нихъ особое содержаніе въ своемъ и «Руководствѣ къ познанію законовъ».

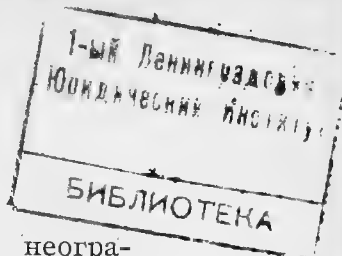
Во всякомъ случаѣ, опредѣливъ первоначально различіе самодержавія, какъ сосредоточенія верховныхъ

---

[1]) Планъ государственнаго преобразованія графа Сперанскаго. (Введеніе къ уложенію государственныхъ законовъ. Изд. «Русской Мысли». Москва, 1905 г., стр. 31 сл.).

[2]) Курсивъ нашъ. Указанныя соч. *Сперанскаго*, стр. 34).

[3]) При чемъ въ своемъ «Руководствѣ» (§ 101) Сперанскій отличалъ самовластіе отъ «права самодержавнаго». «Всякое право, а слѣдовательно и право самодержавное, постольку естъ право, поскольку оно основано на правдѣ. Тамъ, гдѣ кончается правда и начинается неправда, кончается право и начинается самовластіе».—Употребить однако этотъ терминъ «самовластіе« не постѣснялись въ Воинскомъ Уставѣ Петра I, арт. 20: «Его Величество есть самовластный монархъ»...

правъ во всей полнотѣ въ лицѣ монарха, отъ неограниченности власти, Сперанскій далъ такимъ образомъ формулу монархической власти, аналогичную съ извѣстной западно-европейской формулой монархическаго суверенитета, но не съумѣлъ такъ искусно, какъ юристы запада, использовать эту формулу для доказательства нетождественности «сосредоточенія всѣхъ стихій державнаго права» съ неограниченностью власти. Не воспользовавшись знаменитой фикціей обладанія монархомъ всей полнотой власти quo ad jus съ возможностью одновременнаго ограниченія ея quo ad exercitium, Сперанскій въ своемъ дальнѣйшемъ поясненіи самодержавія самъ же затемнилъ данное имъ разграниченіе; такимъ образомъ онъ открылъ путь для возраженій, что въ его опредѣленіи оба эти понятія совпадаютъ по содержанію [1]).

Сперанскій, какъ мы видѣли, говоритъ о самодержавіи въ смыслѣ внѣшняго верховенства лишь, когда это слово «прилагается къ государству», а въ приложеніи «къ особѣ государя» оно означаетъ, по объясненію Сперанскаго, другое, а именно «соединеніе всѣхъ стихій державнаго права во всей полнотѣ ихъ, безъ всякаго участія и раздѣленія».

Иначе разграничивалъ «самодержавіе» и «неограниченность» проф. А. Д. Градовскій.

Выраженіе «самодержавный», писалъ А. Д. Градовскій, означаетъ, что русскій Императоръ не раздѣляетъ своихъ верховныхъ правъ ни съ какимъ установленіемъ или сословіемъ въ государствѣ, и что каждый актъ его воли получаетъ обязательную силу независимо отъ согласія другого установленія» [2]).

Такимъ образомъ, въ опредѣленіи самодержавія Градовскій по существу сходится съ Сперанскимъ, хотя

---

[1]) Совершенно ошибочно, какъ это уже указано В. М. Гессеномъ (Ж. Полярная Звѣзда, 1906, № 9), ссылался Г. В. Нечаевъ на опредѣленіе Сперанскаго, утверждая, будто бы въ ст. I старыхъ Основныхъ Законовъ самодержавіе обозначаетъ внѣшнее верховенство монарха. (В. Г. Нечаевъ, Манифестъ 17 октября и форма правленія. Полярная Звѣзда, 1906, № 4, стр. 291 сл.).

[2]) *А. Д. Градовскій*: Начала русскаго государственнаго права. 1892 г., I, стр. 2.

прецизируетъ его такъ, что уже не можетъ быть рѣчи объ отождествленіи самодержавія съ указаннымъ выше пониманіемъ монархическаго суверенитета. Но выраженіе «неограниченный» онъ толкуетъ иначе, чѣмъ Сперанскій, именно въ смыслѣ отсутствія ограниченія монарха объективнымъ правомъ: «Воля императора не стѣснена извѣстными юридическими нормами, поставленными выше его власти». Этимъ признакомъ, по мнѣнію Градовскаго, неограниченная монархія отличается отъ конституціонныхъ государствъ, гдѣ конституція имѣетъ обязательную силу для всѣхъ властей въ государствѣ (въ томъ числѣ и законодательной») [1]).

По поводу этого опредѣленія неограниченности власти Н. М. Коркуновъ возражаетъ, что «и въ такомъ опредѣленіи самодержавіе и неограниченность сливаются во—едино. «Существованіе юридическихъ нормъ, поставленныхъ выше воли монарха, говоритъ онъ, возможно, конечно, только подъ условіемъ раздѣленія верховныхъ правъ между нимъ и другими установленіями».

Слѣдуетъ замѣтить, что сліяніе неограниченности и самодержавія въ опредѣленіи Градовскаго вытекаетъ уже изъ его истолкованія самодержавія, что каждый актъ воли монарха получаетъ обязательную силу, независимо отъ согласія другого установленія». Что же касается замѣчанія Коркунова, что «существованіе юридическихъ нормъ, поставленныхъ выше воли монарха возможно лишь при наличности раздѣленія властей», то, по нашему мнѣнію, оно не отличается точностью, такъ какъ здѣсь смѣшиваются одинъ изъ видовъ и одна изъ необходимыхъ гарантій правоваго ограниченія власти государственнаго органа правомъ съ самымъ принципомъ правоваго ограниченія верховной власти, то есть т. наз. объективно-правовое ограниченіе носителя верховной власти въ силу признанія юридической обязательности и для него государственныхъ законовъ, и субъективное ограниченіе носителя верховной власти путемъ распредѣленія функцій верховной власти между различными

---

[1]) *Градовскій:* назв. соч. т. I, ст. I. Также опредѣляетъ выраженіе «самодержавный» и «неограниченный» и проф. *В. В. Ивановскій:* «Русское государственное право. Т. I, вып. I, 1895 г. стр. 64.

самостоятельными органами, которое прежде всего и имѣетъ въ виду теорія раздѣленія властей.

Но распредѣленіе функцій верховной власти между различными самостоятельными органами есть наиболѣе дѣйствительная гарантія юридическаго ограниченія верховной власти, формальной связанности ея объективнымъ правомъ, но отнюдь логически не равнозначущая съ этимъ ограниченіемъ. На это указывалъ уже Бенжаменъ Констанъ [1]). И до сихъ поръ вѣдь многіе утверждаютъ, что, несмотря на подѣленіе функцій власти въ конституціонномъ государствѣ, верховная власть, какъ таковая, во всей своей цѣльности, или по крайней мѣрѣ въ законодательной функціи, не ограничена правомъ и стоитъ выше законовъ [2]).

Выдвигая указанное различіе между абсолютной монархіей и конституціонными государствами, нашъ покойный государствовѣдъ правъ въ томъ отношеніи, что дѣйствительно идейныя базы неограниченной монархіи въ отличіе отъ конституціонной и ея правовой и фактическій строй таковы, что неизбѣжно ведутъ къ отождествленію всякаго выраженія воли монарха съ закономъ и къ принципіальному возвышенію этой воли надъ законами, т. е. къ отрицанію ихъ формальной обязательности для монарха [3]). И если Сперанскій въ своемъ «Руководствѣ» утверждалъ о власти Россійскаго Самодержавца, что никакая власть правильная и законная ни внѣ, ни внутри Имперіи не можетъ положить предѣловъ его верховной власти, но «предѣлы власти, имъ самимъ постановленные извнѣ государственными договорами, внутри словомъ Императорскимъ, суть и должны быть для него непреложены и священны. Всякое

---

1) *Benjamin Constant:* Cours de politique constitutionelle e'd. Labeulaye, 1861, t. I, ch. I.

2) См. объ этихъ ученіяхъ и критику ихъ нашу работу: Ученіе о существѣ права и правовой связанности государства». 1908 г. стр. 321 сл.

3) Отсюда весьма поучительная неудача въ Россіи попытокъ провести и обосновать принципъ законности въ абсолютной монархіи какъ со стороны представителей самой государственной власти, такъ и теоретиковъ нашего дореформеннаго государственнаго права; и даже наканунѣ кореннoго государственнаго преобразованія все еще искали средствъ къ такому обезпеченію законности. Высочайшій указъ 12 декабря 1904 г. предписывалъ «принять дѣйствительныя мѣры къ охраненію полной силы законовъ важнѣйшей въ Самодержавномъ Государствѣ опоры престола»...

право, а, слѣдовательно, и право Самодержавное, потолику есть право, поскольку оно основано на правдѣ... то это было лишь благочестивымъ пожеланіемъ. Стоитъ сравнить съ этими словами то, что раньше писалъ самъ же Сперанскій въ своемъ «Введеніи къ уложенію государственныхъ Законовъ» 1809 г., когда свое выясненіе «общаго разума коренныхъ законовъ, свойственныхъ настоящему положенію Россіи»», онъ начиналъ словами: «Общій предметъ преобразованія состоитъ въ томъ, что правленіе доселѣ самодержавное постановить и учредить на непремѣнномъ законѣ» и затѣмъ доказывалъ, что это возможно лишь при второй изъ описываемыхъ имъ двухъ системъ преобразованія, при которой самодержавіе ограничено «внутреннею и существенною силою установленій и учрежденій» [1]).

Различное значеніе терминамъ «самодержавный» и «неограниченный» въ нашихъ старыхъ основныхъ законахъ придаетъ и проф. А. С. Алексѣевъ.

«Власть русскаго царя—говоритъ онъ—власть самодержавная т. е. власть самородная, не полученная извнѣ, не дарованная другой властью. Основаніемъ этой власти служитъ не какой либо юридическій актъ, не какое нибудь законоположеніе, а все историческое прошедшее русскаго народа». Истолковавъ такимъ образомъ «самодержавіе» въ смыслѣ первоначальности и неделегированности власти монарха, проф. А. С. Алексѣевъ затѣмъ объясняетъ неограниченность власти русскаго монарха въ томъ смыслѣ, что вообще верховная власть неограничена, а въ Россіи верховная власть сосредоточена въ одномъ органѣ, который поэтому обладаетъ всей полнотой верховной власти, неограниченной по существу» [2]). И если неограниченная власть монарха

---

[1]) Планъ государственнаго преобразованія графа Сперанскаго. (Введеніе къ уложенію государственныхъ законовъ 1809 г.) Изд. «Русской Мысли», 1905 г., стр. 30—35.

[2]) Напротивъ, проф. *Н. О. Куплевасскій*—(«Русское госуд. право», т. I, 1902 г. стр. 55) расчленяетъ признаки, данные проф. Алексѣевымъ въ понятіи неограниченности власти. Самодержавіе онъ понимаетъ въ томъ смыслѣ, какъ проф. Алексѣевъ неограниченность власти: «Самодержавность означаетъ, что русскій императоръ верховной власти не дѣлитъ ни съ какимъ учрежденіемъ или лицомъ»... Неограниченность же проф. Куплевасскій видитъ въ томъ, что «верховная власть Государя не подчинена никакой другой».

дѣйствуетъ не иначе (ст. 47 Осн. З.), какъ въ предѣлахъ и на основанiи законовъ имъ самимъ изданныхъ, то тутъ, говоритъ проф. Алексѣевъ, нѣтъ никакого противорѣчія утвержденію о неограниченности власти монарха, такъ какъ въ данномъ случаѣ на лицо не ограниченіе монарха другою внѣшнею юридическою властью, а самоограниченіе. «Верховная власть въ русскомъ государствѣ», заключаетъ проф. А. С. Алексѣевъ, «какъ всякая верховная власть, по самой природѣ своей неограничена, но какъ юридическая власть не можетъ дѣйствовать иначе, какъ въ предѣлахъ и на основанiи законовъ» [1]).

Но для сведенія самодержавія къ одному лишь признаку первоначальности власти нѣтъ основаній ни въ источникахъ нашихъ старыхъ основныхъ законовъ, ни въ предшествующемъ словоупотребленiи, не говоря уже о послѣдующемъ. Правда, еще Иванъ Грозный [2]) въ своихъ посланiяхъ Курбскому выдвигалъ при характеристикѣ своего самодержавія и первоначальность власти, но онъ этимъ однако не ограничился. Грозный писалъ именно: «Божiимъ изволенiемъ и прародителей и родителей своихъ благословенiемъ яко же родихомся во царствiи, тако и возрастахомъ и воцарихомся Божiемъ велѣнiемъ и родителей своихъ благословенiемъ свое взяхомъ а не чюжое восхитихомъ... Россiйское самодержавство изначала сами владѣютъ всѣми царствами, а не бояре и вельможи..., [3]) но тутъ же Грозный добавляетъ: «како же и самодержецъ наречется, аще не самъ строитъ. Имѣю нужду въ милости Божiей... наставленія

---

1) Проф. *А. С. Алексѣевъ*: Русское государственное право. Москва, 1897 г., стр. 221—224.

2) При Иванѣ III на первоначальность власти указывали при характеристикѣ вообще царской власти, но не спецiально ея «самодержавiе». Напр. въ отвѣтѣ дьяка Ѳедора Курицына послу Германскаго Императора Попшелю было заявлено отъ имени царя: «И Мы Божiею Милостiю Государи на своей землѣ изначала и поставлены самимъ Богомъ». См. *В. И. Савва*: Московскiе цари и византiйскiе василевсы. Харьковъ, 1901, стр. 273 сл.

3) На первоначальность, полную непроизводность, неделегированность царской власти отъ какой бы то ни было другой человѣческой власти указываютъ и слѣдующiе слова этого царственнаго идеолога самодержавiя польскимъ посламъ: «А мы отъ государства господари, зачавъ отъ Августа Кесаря изъ начала вѣковъ»: «Мы царь по Божiею изволенiю, а не по многомятежному человѣческому хотѣнiю». См. *Романовичъ-Словатинскiй*. Пособiе, в. I, 1872, стр. 24.

человѣческаго не требую» [1]). Эти послѣднія слова Грознаго ясно указываютъ, что не объ одной первоначальности своей власти говорилъ этотъ царственный идеологъ самодержавія, но подчеркивалъ и всю полноту власти и неограниченность самодержца.

Что касается опредѣленія проф. Алексѣевымъ понятія неограниченности власти, то поскольку уважаемый изслѣдователь нашего государственнаго права выставляетъ общее теоретическое положеніе, что верховная государственная власть вообще не можетъ быть ограничена (допускаетъ лишь самоограниченіе), и въ конституціонной монархіи такъ же неограниченна, какъ и въ монархіи абсолютной, то, оставляя здѣсь въ сторонѣ вопросъ о теоретической правильности этого утвержденія [2]), замѣтимъ лишь, что по скольку рѣчь идетъ объ абсолютномъ монархѣ, то, какъ мы уже указывали, взглядъ на неограниченность власти монарха правиленъ. И этотъ признакъ неограниченности власти явился настолько яркимъ въ характерѣ власти русскихъ монарховъ, что онъ затмилъ терминологію до основныхъ законовъ: хотя въ сводѣ нашихъ старыхъ Основныхъ Законовъ, мы видимъ сочетаніе неограниченности и самодержавія, какъ особыхъ признаковъ, но не только общее словоупотребленіе, но и оффиціальное послѣ изданія Основныхъ Законовъ сливаетъ самодержавіе съ неограниченностью и употребляетъ терминъ «самодержавный» въ смыслѣ «неограниченный».

Ссылаясь на послѣднее словоупотребленіе, на неудачныя попытки разграничить понятія «самодержавіе» и «неограниченности», на историческія данныя о значеніи термина «самодержавіе», на самые источники

---

[1]) И въ посланіи Грознаго Сигизмунду Августу Польскому: «Нашихъ великихъ государей всякое царское самодержавство, не какъ Ваше убогое королевство, ибо великимъ государямъ не указываетъ никто, а тебѣ твои панове, какъ хотятъ, такъ и укажутъ».

[2]) Критику этого ученія, какъ и теоріи юридическаго самоограниченія мы дали въ другомъ мѣстѣ. См. нашу работу: Ученіе о существѣ права и правовой связанности государства. Харьковъ, 1908 г., стр. 283—342 и «Суверенитетъ», 1903 г., стр. 370 сл.; Ср. также *Дюги*: Конституціонное право. Перев. Ященко, Краснокутскаго и Сыромятникова. 1908, стр. 64 сл.; Ср. также *Котляревскій*: Правовое государство и внѣшняя политика. 1909, стр. 33 сл.

І-ой ст. Осн. Зак., и даже на самый текстъ Основныхъ Законовъ, проф. Коркуновъ, а за нимъ и нѣкоторые изъ нашихъ новѣйшихъ юристовъ [1]), доказываютъ, что нѣтъ никакихъ основаній къ ограниченію понятій «самодержавія» и «неограниченности» въ нашемъ государственномъ правѣ.

Но эти основанія были нами разсмотрѣны выше [2]), причемъ мы пришли къ убѣжденію, что они во всякомъ случаѣ, не могутъ служить убѣдительнымъ доказательствомъ тождественности терминовъ «самодержавный» и «неограниченный» въ нашихъ Основныхъ Законахъ. Не даромъ, начиная съ самого составителя Основныхъ Законовъ, истолкователи нашего государственнаго права пытались установить особый смыслъ каждаго изъ этихъ терминовъ, закрѣпленныхъ въ законѣ. Болѣе сильнымъ доказательствомъ въ пользу отождествленія этихъ терминовъ въ основныхъ законахъ является ссылка на позднѣйшее (послѣ изданія Основныхъ Законовъ) оффиціальное словоупотребленіе, въ актахъ самого монарха, слово «самодержавіе» употреблялось въ смыслѣ неограниченности власти. Таково, напримѣръ, употребленіе термина «самодержавіе» въ тѣхъ манифестахъ, которые явились отвѣтомъ на общественныя пожеланія введенія конституціоннаго режима.

Такъ въ Манифестѣ Императора Александра III 20 апр. 1881 г. возвѣщалось: «Гласъ Божій повелѣваетъ Намъ стать бодро на дѣло правленія, съ вѣрою въ истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народнаго отъ всякихъ на нее поползновеній».

---

[1]) *Н. М. Коркуновъ:* Рус. госуд. право, т. I, 1899 г. стр. 200—204; *В. М. Гессенъ:* Самодержавіе Манифестъ 17 окт. статья въ журн. «Полярная Звѣзда», 1906 г., № 9; *Н. И. Лазаревскій:* Лекціи по рус. госуд. праву, т. I, 1908 г., стр. 123; *Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ:* Статья «Самодержавіе» въ газетѣ «Русскія Вѣдомости», 1906 г., № 40.

[2]) Въ частности и *В. М. Гессенъ*, сторонникъ мнѣнія о тождествѣ самодержавія и неограниченности, признаетъ, однако, что общепринятое слово—употребленіе самодержавія въ смыслѣ неограниченности власти не устраняетъ необходимость для юриста выяснить «истинный смыслъ» самодержавія, какъ юридическаго термина на языкѣ нашего права. См. *В. М. Гессенъ:* Самодержавіе и манифестъ 17 октября. (Полярная Звѣзда, 1906 г., № 9, стр. 623).

Въ такомъ же смыслѣ, повидимому и въ Манифестѣ нынѣ царствующаго Императора, изданномъ 18 февраля 1905 г. говорится объ «истинномъ самодержавіи». «И да подастъ Господь въ Державѣ Россійской... къ вящему укрѣпленію истиннаго Самодержавія»...

Но это лишь доказываетъ, что и у самихъ носителей верховной власти, какъ и въ народномъ словоупотребленіи утвердилось понятіе слово «самодержавный» и въ смыслѣ неограниченный и вообще употребленіе термина самодержавный предпочитали у насъ употребленію термина «неограниченный». Но всё это нисколько не устраняетъ возраженія, что въ Основныхъ Законахъ России до самой замѣны ихъ нынѣ дѣйствующими термины «самодержавный» и «неограниченный» поставлены были въ сочетаніи, недопускающемъ ихъ отождествленія.

Чтобы устранить и это весьма существенное возраженіе проф. Коркуновъ, а за нимъ и названные выше государствовѣды наши подвергаютъ соотвѣтствующему истолкованію ст. I прежнихъ Осн. Зак. въ связи со ст. 2 тѣхъ же законовъ.

Ст. 2 Основныхъ Законовъ гласила: «Та же власть верховная и самодержавная принадлежитъ Императрицѣ, когда наслѣдство престола, въ порядкѣ для сего установленномъ, дойдетъ до лица женскаго»...

Опираясь на эту статью, названные истолкователи, утверждаютъ, что разъ въ ст. I о власти Императора говорилось, что онъ есть «монархъ самодержавный и неограниченный», а во второй статьѣ о власти царствующей Императрицы говорится, что она та же «верховная и самодержавная», что и власть царствующаго Императора, то отсюда слѣдуетъ, по ихъ мнѣнію, слово «самодержавная» въ ст. 2-ой употреблено въ смыслѣ «неограниченная». Это граматическое истолкованіе далеко не убѣдительно.

Раздѣлъ Осн. Законовъ, въ которомъ помѣщены эти статьи, озаглавленъ «о существѣ верховной самодержавной власти»; опредѣляются, слѣдовательно, существо и право верховной самодержавной власти. Она и опредѣляется въ первой статьѣ для Государя Импера-

тора, какъ «неограниченная». Во второй же статьѣ говорится, что «верховная самодержавная» власть царствующей императрицы есть «та же», т. е. такая, какъ власть императора «неограниченная» [1]).

Если тутъ и можно говорить объ отождествленіи законодателемъ различныхъ терминовъ, то лишь терминовъ «верховная» и «неограниченная». Тѣмъ болѣе, что пониманіе верховенства суверенитета въ смыслѣ неограниченности весьма, къ сожалѣнію, частое явленіе.

Итакъ, указанныя выше соображенія даютъ намъ основаніе утверждать, что наши дѣйствовавшіе Основные Законы различали понятія самодержавія и неограниченности. Поскольку мы, слѣдовательно, и выясняя содержаніе этихъ понятій въ Основныхъ Законахъ, должны прежде всего имѣть въ виду терминологію самихъ Основныхъ Законовъ, а не сложившееся затѣмъ словоупотребленіе, мы не можемъ отождествлять самодержавіе и неограниченность, но должны разграничить ихъ. При опредѣленіи же и разграниченіи понятій самодержавія и неограниченности мы должны имѣть въ виду весь характеръ нашего государственнаго строя, какъ онъ былъ опредѣленъ въ Основныхъ Законахъ, и тѣ исторически образовавшіяся аттрибуты монархической власти въ Россіи, которые были охарактеризованы терминами «самодержавный и неограниченный».

Статья I Осн. Зак., опредѣляя, что «Императоръ Всероссійскій есть Монархъ Самодержавный»... и этимъ послѣднимъ терминомъ опредѣляетъ «существо Верховной Самодержавной Власти» въ томъ смыслѣ, что подчеркиваетъ верховенство монарха, монархическій суверенитетъ въ нашемъ государственномъ строѣ. Монархъ самъ держитъ власть, такъ какъ его власть первоначальна, непроизводна, и онъ одинъ является носителемъ правъ верховной власти. Государь Императоръ есть также «монархъ неограниченный», имѣетъ абсолютный суверенитетъ, такъ какъ юридически онъ не обязанъ законами, стоитъ выше закона; не воля

---

[1]) Что слова «верховная и самодержавная» не являются поясненіемъ словъ «та же», видно также изъ того, что они не отдѣляются отъ слова «та же» запятыми.

монарха опредѣляется закономъ, а сама она опредѣляетъ законъ (regis voluntas suprema lex), освобождаетъ отъ дѣйствія закона (объективно-правовая неограниченность); монархъ далѣе не ограниченъ потому, что и въ осуществленіи своихъ верховныхъ правъ (quo ad exercitium) не обусловленъ волею или согласіемъ какихъ либо другихъ органовъ государства (субъективно-правовая неограниченность).

Вопросъ о объективно-правовой неограниченности монарха въ нашемъ дореформенномъ государственномъ строѣ нуждается въ нѣкоторомъ разъясненіи.

Многіе изъ истолкователей нашего государственнаго права пытались доказывать, что въ нашемъ дореформенномъ государственномъ правѣ признанъ былъ принципъ законности, господство закона, и въ отношеніи верховной власти, не смотря на признаніе неограниченности власти монарха.

Такъ, проф. Н. М. Коркуновъ утверждалъ, что «Государь сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всю полноту верховной власти, но осуществляетъ ее согласно ст. 47 Осн. Законовъ *правомѣрно* [1]). Слѣдовательно, самодержавіе соединяется въ нашемъ государственномъ строѣ съ законностью».

«Государственное устройство, продолжаетъ тотъ же государствовѣдъ, характеризуется у насъ тѣмъ, что правомѣрность выразилась у насъ въ объективной (а не въ ограниченіи субъективными правами сословій и личности) формѣ законности» [2]).

Но удивительнѣе, что даже А. Д. Градовскій, который самъ же утверждалъ въ своихъ «Началахъ русскаго государственнаго права», что неограниченная монархія отличается отъ конституціонной тѣмъ, что «воля монарха не стѣснена извѣстными юридическими нормами, поставленными выше его власти», писалъ далѣе въ томъ же трудѣ своемъ, что «ст. 47 Осн. Зак. устанавливаетъ юридическій правомѣрный характеръ русскаго государственнаго устройства, въ отличіе отъ формъ произвольныхъ, деспотическихъ... Разъ изданный законъ приз-

---

[1]) Курсивъ нашъ.
[2]) *Н. М. Коркуновъ*: Рус. госуд. право, 1899, т. I, стр. 204 и 210.

нается основаніемъ всѣхъ дѣйствій государственной власти и ея органовъ до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ отмѣненъ равнымъ ему закономъ» [1]).

Но имѣются ли основанія къ такому утвержденію?

Дѣйствительно въ указанной ст. 47 Осн. Зак. (изд. 1892 г.) объявлялось, что Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ, отъ самодержавной власти исходящихъ»; по ст. 66 тѣхъ Основныхъ же Законовъ говорилось, что законы, за собственноручнымъ подписаніемъ Государя изданные, не могутъ быть отмѣняемы объявляемыми Высочайшими указами. Имѣлись, конечно, и статьи, требовавшія закономѣрности въ дѣйствіяхъ подчиненныхъ органовъ.

Но прежде всего значеніе всѣхъ этихъ постановленій парализовалось не только неограниченнымъ для монарха правомъ суспенсаціи отъ дѣйствія общихъ законовъ (ст. 67, 70, 71 Осн. Зак.), но даже предоставленіемъ министрамъ дѣйствовать вопреки «обыкновеннымъ правиламъ»; и не только въ силу уполномочія со стороны Государя, но, по утвердившемуся распространительному толкованію, даже въ силу послѣдующаго Высочайшаго одобренія дѣйствій министра. Наконецъ, предоставлена министрамъ обходиться и вообще безъ надлежащаго уполномочія, когда это требовали чрезвычайныя обстоятельства. Несоблюденіе общаго законнаго порядка не только не признавалось въ этомъ случаѣ превышеніемъ власти, а напротивъ, не пользованіе властью въ указанныхъ чрезвычайныхъ случаяхъ могло быть бы даже квалифицировано, какъ бездѣйствіе власти [2]).

Вся эта брешь въ законности расширялась отсутствіемъ критерія для различія закона и актовъ Верховнаго управленія въ нашемъ старомъ правѣ [3]), не говоря

---

[1]) *А. Д. Градовскій*: Назв. соч. т. I, 1892 г. стр. 1—3.

[2]) См. вып. I, изд. 1892 г. Учрежд. Мин. «Объ отвѣтственности министровъ», стр. 208—213; Улож. о наказ. стр. 340; далѣе т. I, изд. 1892 г. Общ. наказ. министр. стр. 158.

[3]) Попытка оффиціальнаго разъясненія этого критерія сдѣлана наканунѣ преобразованія нашего государственнаго строя въ Высочайше утв. 17 янв. 1905 г. Положеніи Комитета Министровъ, основанномъ на соображеніяхъ Комитета Министровъ, и въ Высочайше утв. 6 іюня 1905 г. Мнѣніи Госуд. Совѣта (См. Савичъ, Новый государ. строй Россіи. Справочная

уже о фактической невозможности удержать въ абсолютной монархіи смѣшеніе актовъ верховнаго управленія и законодательства и ростъ дискреціонной власти правительственныхъ органовъ по разнымъ исключительнымъ положеніямъ [1]).

Достойно вниманія и то, что, хотя въ Высоч. указѣ 12 декабря 1904 г. требовалось «принять рѣшительныя мѣры къ охранѣ полной силы закона—важнѣйшей въ Самодержавномъ государствѣ опоры престола» [2]), имѣлось собственно въ виду лишь обезпеченіе соблюденія законовъ со стороны подчиненныхъ мѣстъ, а не верховнаго управленія: «дабы ненарушимое и одинаковое исполненіе его (закона) почиталось первѣйшей обязанностью всѣхъ подчиненныхъ намъ властей и мѣстъ».

Въ Воинскихъ Артикулахъ Петра Великаго заключалось болѣе правильное и согласное съ дѣйствительнымъ характеромъ власти въ абсолютной монархіи опредѣленіе власти Монарха и ея отношенія къ законамъ: «Его Величество есть самовластный монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отчётъ дать не долженъ, но силу и власть имѣетъ свои государства

книга 1907 г. стр. 263 и 15). Этими актами установлено, между прочимъ, что законами должно признавать лишь Высоч. утв. мнѣніе Госуд. Совѣта и Высоч. указы за собственноручнымъ подписаніемъ. Редакторы послѣдняго изданія 1909 г. т. II, курса Коркунова «Русское государственное право» утверждаютъ въ дополненіи на стр. 41, что въ Высоч. утв. мнѣніи Госуд. Совѣта 6 іюня 1905 г. подъ законодательнымъ порядкомъ подразумѣвалось «конечно», разсмотрѣніе законопроектовъ въ Государственномъ Совѣтѣ», слѣдовательно изданіе послѣдующихъ актовъ инымъ порядкомъ было нарушеніемъ этого правила. Противъ этого слѣдуетъ возразить, что Высоч. утв. мнѣніе Госуд. Совѣта 6 іюня 1905 г. въ вступленіи своемъ содержитъ ссылку на упомянутое выше В. У. Полож. Комитета Министровъ и соотвѣтственныя соображенія Комитета Министровъ. Въ этихъ соображеніяхъ, хотя разсмотрѣніе проекта закона въ Государственномъ Совѣтѣ и устанавливается какъ общее правило, но тутъ же добавлено: «изъятіемъ изъ этого общаго порядка должны почитаться только случаи, когда законъ издается по *непосредственному изволенію* монаршему въ видѣ указа за собственноручнымъ Императорскаго Величества подписаніемъ». Слѣдовательно, монархъ могъ издавать законы и минуя разсмотрѣніе проектовъ ихъ въ Государственномъ Совѣтѣ.

[1]) Въ виду этого совершенно справедливо замѣчаетъ *Н. И. Лазаревскій*: «Лекціи по рус. госуд. праву», т. I, 1908 г. стр. 45, что ст. 47 нашихъ прежнихъ Основн. Законовъ имѣла скорѣе «деклараціонный характеръ, чѣмъ характеръ опредѣленныхъ юридическихъ нормъ».

[2]) Въ исполненіе этого указа и изданы Высочайше упомянутыя Высоч. утв. 17 янв. 1905 г. Пол. Ком. Министровъ и Высоч. утв. 6 іюня 1905 г. Мнѣніе Госуд. Совѣта.

и земли, яко христіанскій государь, *по своей волѣ* и *благомыслію* [1]) *управлять*».

Правда, проф. А. Д. Градовскій [2]), какъ и проф. Енгельманъ [3]), выдѣляли изъ всей массы Основныхъ Законовъ постановленія о вѣрѣ и преемствѣ престола, признавая по крайней мѣрѣ ихъ обязательными для русскаго императора.

Къ такому утвержденію имѣлись и основанія въ ст. 17 Осн. Зак. изд. 1892 г. «Императоръ или Императрица, престолъ наслѣдующіе, при вступленіи на оный и муропомазаніи обязуется свято наблюдать вышепостановленные законы о наслѣдіи престола», а статья 41 Осн. Зак. требовала исповѣданія Императоромъ Всероссійскимъ православной вѣры, при чёмъ по ст. 13 Осн. Зак. (о порядкѣ престолонаслѣдія) исключается отъ престолонаслѣдія лицо, занимающее другой престолъ и не отрекшееся отъ неправославной вѣры. Однако и по поводу этой обязательности слѣдуетъ сказать, что она совершенно условна въ абсолютной монархіи и къ ней можно примѣнить слова Императора Павла, относительно соблюденія членами Императорской фамиліи, изданнаго имъ Учрежденія объ Императорской фамиліи [4]), (повторено въ Осн. Зак. въ Учрежд. Импер. фамиліи). «Когда каждый изъ фамиліи въ знакъ благодарности за монаршее попеченіе, поведеніемъ своимъ совершенно желанію Монаршему соотвѣтствовать и сіи установленія истиннымъ благомъ почитать будетъ, то непремѣнное исполненіе оныхъ останется ненарушимымъ въ родѣ родовъ и на вѣчныя времена и фундаментальнымъ Россійской Имперіи Закономъ».

Юридическихъ гарантій законности верховнаго управленія абсолютная монархія не имѣетъ, идеологія же абсолютизма всегда клонилась, какъ показываетъ исторія, къ признанію главы государства стоящимъ выше закона, хотя потому уже, что одна воля его есть законъ, по извѣстному принципу «regis voluntas—suprema lex,» [5]).

---

[1]) Курсивъ нашъ.
[2]) *Градовскій:* Начала русскаго государствен. права. 1892 г. т. I, стр. 2.
[3]) *Engelmann:* Das Staatsrecht des Kaiserthums Russland. 1889 г.
[4]) Учр. Имп. Фамиліи 5 апр. 1797 г. § 71.
[5]) *В. М. Гессенъ:* Назв. соч. «Самодержавіе и Манифестъ 17 октября»

На иныхъ началахъ базируются наши новые Основные Законы, явившіеся продуктомъ другихъ условій времени и другихъ идей, но и въ нихъ опредѣленіе власти Императора, какъ «самодержавной» оставлено, а въ спеціальной части (Раздѣлѣ II) Основныхъ Законовъ въ одномъ мѣстѣ, именно въ ст. 222 Учр. о Имп. фамиліи, даже оставлено и выраженіе: «яко неограниченный Самодержецъ». Юридическое значеніе этой терминологіи дѣйствующихъ Основныхъ Законовъ 23 апрѣля 1906 г. мы попытаемся выяснить въ связи съ тѣмъ, что было сказано уже выше о юридическомъ значеніи въ нашихъ прежнихъ Основныхъ Законахъ терминовъ «самодержавный» и «неограниченный» и доказать, что терминъ «самодержавный» и въ нашихъ новыхъ Основныхъ Законахъ, какъ и въ прежнихъ, не можетъ означать ничего иного, какъ только идею своеобразнаго верховнаго положенія монарха въ государственномъ строѣ Россіи; т. е., такъ называемое начало монархическаго суверенитета, но уже безъ признанія этого суверенитета абсолютнымъ; до послѣдняго времени законодательство наше въ *Основныхъ Законахъ*, какъ мы уже говорили, различало понятіе самодержавія и неограниченности власти, новые же Основные Законы (ст. 4) опредѣляетъ существо верховной власти монарха лишь однимъ терминомъ «самодержавная». Анализъ опредѣленій дѣйствующихъ Основныхъ Законовъ подтверждаетъ, какъ мы покажемъ ниже, такое толкованіе.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

различаетъ ограниченія власти монарха формальныя, т. е., касающіяся исключительно формы волеизъявленій монарха, и матеріальныя, т. е., касающіяся содержанія такихъ волеизъявленій. Такія формальныя ограниченія В. М. Гессенъ усматриваетъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ старыхъ Осн. Законовъ, какъ то (ст. 50 Осн. Зак.) о предварительномъ разсмотрѣніи законопроектовъ въ Государственномъ Совѣтѣ. «Essentiale самодержавія» однако В. М. Гессенъ признаетъ матеріальную неограниченность власти монарха. Оставляя въ сторонѣ здѣсь вопросъ о наличности этихъ формальныхъ ограниченій монарха въ нашихъ старыхъ Основныхъ Законахъ, мы высказались объ этомъ выше, укажемъ лишь, что В. М. Гессенъ самъ же замѣчаетъ: «Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что формальное ограниченіе власти, наряду съ матеріальной неограниченностью ея, является логическимъ contradictio in adjecto. Въ самомъ дѣлѣ, какъ быть, если нарушеніе формы составляетъ содержаніе воли монарха? Опытъ доказываетъ совершенную тщетность формальнаго ограниченія самодержавной власти»...

Областное управленіе въ великомъ княжествѣ Литовскомъ до и послѣ Люблинской уніи.

Ѳ. И. Леонтовича.

III. Специальные уряды по финансовому, полицейскому, военному, городскому и волостному управленію.

(Окончаніе).

Кромѣ общихъ повѣтовыхъ урядовъ, въ литовско-русскихъ актахъ упоминается рядъ спеціальныхъ урядовъ по областному управленію финансовому, полицейскому и военному; также уряды по городскому (мѣстному) и волостному управленію. Большинство такихъ урядовъ, въ смыслѣ доходныхъ статей, имѣло общее значеніе «волостей», или «волостокъ», которыя, по установившемуся издавна обычаю, раздавались большею частію на короткіе сроки мѣстнымъ боярамъ, позже шляхтѣ, за службу, также по денежнымъ ссудамъ, дававшимся панами и земянами господарямъ на земскія нужды и пр. [1]).

---

[1]) Напр., въ 1521 г. Сигизмундъ далъ пану Юрію Радивиловичу залоговую запись на староство Городенское съ доходами съ мѣстныхъ урядовъ — городничаго, конюшаго, ключничства и лѣсничаго (Лит. Метр. Записей № 10, л. 48; Судн. дѣлъ № 3, л. 142). По росписи (1496 г.) урядовъ, данныхъ Брянскимъ боярамъ въ значеніи «волостей» во временное пользованіе (на годъ и пр.) одному послѣ другого, въ опредѣленномъ порядкѣ, къ урядамъ волостнымъ отнесены: рядничое, ловчое, конюшое, сокольничое, поѣздничое, и пр. (ibid., Запис. № 6, л. 561). Въ расходной записи Казимира зарегистрована такая раздача урядовъ: Михаилу Московичу тивунщина великая Мозырская на годъ, Ѳедку Линевскому тивунщина малая на годъ, Роману бобровщина на годъ, Головничу ловчее на годъ, Малишевичу данничое въ Каменцѣ на годъ, хоружому Луцкому Даману даньничое въ Мозыри на годъ, Лазару тивунщина малая на годъ и пр.

Къ главнымъ функціямъ областныхъ правителей относилось завѣдываніе господарскимъ *скарбомъ*. Подъ скарбомъ разумѣются, какъ вообще разнаго рода господарскіе сборы и доходы, получавшіеся съ мѣстнаго населенія [1]), такъ и самое учрежденіе, гдѣ собираются, хранятся и расходуются означенные сборы [2]). Въ актахъ рядомъ съ господарскимъ скарбомъ говорится также о скарбѣ мѣстныхъ правителей, воеводъ и старостъ. Изъ Кіевскаго привилея, наприм., видно, что въ Кіевѣ были отдѣльные скарбы—господарскій и воеводскій: «скарбу нашого воеводы нашого кіевского не надобѣ имъ стеречи» [3]). Въ Смоленскѣ также былъ скарбъ господарскій и мѣстныхъ правителей [4]). Въ Литвѣ не было особыхъ скарбовъ воеводъ и старостъ; господарскіе доходы поступали въ мѣстный скарбъ [5]). Доходы, оставшіеся неизрасходованными на мѣстныя нужды, отсылались чрезъ особыхъ посланцовъ и путныхъ слугъ въ центральный господарскій скарбъ Виленскій [6]). Въ нѣкоторыхъ актахъ «скарбъ» замѣняется «казной» [7]). Въ господарскомъ скарбѣ хранились, главнымъ образомъ,

---

(ibid. Записей № 4, л. 61 и слѣд.). Въ записной книгѣ Казимира зарегистрованы такія данины: Полтеву, Васильевичу и Ефремовичу даны каждому слуги, «ажъ не будетъ никакова жалованья людей, ани *волости*» (Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I, стр. 22). Занько даны двѣ *волостки*—поѣзьство да воски (ibid. стр. 15). Подъ волостями и волостками разумѣются здѣсь доходы съ урядовъ.

1) Такое значеніе имѣетъ «скарбъ», напр., въ листѣ вел. князя Александра, 1498 г., смоленскому намѣстнику о сдачѣ въ аренду корчемъ нѣсколькимъ мѣщанамъ смоленскимъ; при чемъ окольничему смоленскому Кошкѣ вмѣняется въ обязанность «боронить и во всемъ имъ помочью быти, ажбы *си скарбъ нашъ не понижалъ*» (Ак. Лит. Метр. № 378). Въ актахъ говорится также о «скарбѣ» въ общемъ смыслѣ частнаго имущества (ibid. № 410, 482, 623).

2) Наприм., по записной книгѣ Казимира, «панамъ», князьямъ, боярамъ и земянамъ всимъ Кіевскимъ (выдано) 150 копъ грошей *съ скарбу* на подѣлъ» (Лит. Метр. Записей № 4, л. 61). Въ 1494 г. выдана грамота людямъ Велижской волости о даваньи въ господар. скарбъ за яловицу по полкопы грошей (Ак. Лит. Метр. № 100).

3) АЗР. II, № 120.

4) Ясинскаго, Грамоты, стр. 148. Докум. Моск. Арх. I, стр. 36. О скарбѣ см. также Arch. Sang. III, № 27. Ак. Лит. Метр. № 179. Любавскаго, Областн. дѣленіе, стр. 836.

5) Любавскаго, Област. дѣленіе, стр. 836.

6) См. мою монографію—Бояре и служил. люди (Журн. Мин. Юст. 1907, стр. 218).

7) Наприм., въ Смоленскихъ актахъ господарскіе доходы обозначаются безразлично терминомъ скарбъ и казна (Док. Моск. Арх. I, стр. 36. Ясинскаго, Грамоты, 148; Любавскаго, Област. дѣленіе, стр. 836).

денежныя поступленія—дани грошовыя или пенежныя, посошина, печязи корчомныя, сборы мытные и пр. Въ скарбъ господарскій поступали также вещевые сборы—соляные и медовые, мѣха (куницы, бобры), сукно и пр. [1]). Въ реестрѣ (описи) 1510 г. предметовъ, хранившихся въ господарскомъ скарбѣ, обозначены, кромѣ того, оружіе, сбруя, разныя драгоцѣнности и другія «посполитыя рѣчи скарбныя» [2]). Повѣтовые скарбы находились въ непосредственномъ вѣдѣніи *скарбниковъ (скарбныхъ, подскарбій)*, подчинявшихся общимъ распоряженіямъ мѣстныхъ воеводъ и старостъ. Въ актахъ упоминаются повѣтовые скарбники въ воеводствахъ Виленскомъ и Трокскомъ [3]); вѣроятно, такіе же польскіе уряды существовали въ русскихъ областяхъ, кромѣ земель Смоленской и Брянской, гдѣ издавна удерживались древне-русскіе *казначеи*, завѣдывавшіе казной господарской на общемъ положеніи скарбниковъ литовскихъ областей [4]). Изъ актовъ видно, что казначеи участвовали въ радѣ областныхъ правителей на общемъ основаніи съ другими повѣтовыми урядниками [5]).

Помѣщенія, устраивавшіяся въ замкахъ и другихъ укрѣпленныхъ мѣстахъ для сбора и храненія «скарбовыхъ речей», кромѣ общаго названія «скарбъ», въ актахъ XV и слѣдующихъ вѣковъ обозначаются рядомъ другихъ терминовъ. Таковы: ключъ, комора, погребъ, склепъ, мытница и пр. Названіемъ *ключъ* обозначаются вообще закрытыя помѣщенія, или дворы, находившіеся «подъ ключемъ» [6]) для храненія «скарбныхъ речей»;

---

1) Лит. Метр. Записей № 5, л. 329; Ак. Лит. Метр. № 179; Любавскаго, Област. дѣленіе, стр. 836, 840, 841.

2) Лит. Метр. Записей № 3, л. 147.

3) См. Boniecki, Poczet, XIV; Baliński, Starożytności Polskie (2-е изд.), IV, стр. 101 (конст. 1677 г. о повѣтовыхъ урядникахъ въ Вилен. воеводствѣ). Археогр. Сборн. III, 246; Лит. Метр. Записей № 8, л. 412 (расход. книга 1506 г.—»Васку, подскарбему троцкому, даны 8 копъ изъ скарбу»).

4) О казначеяхъ см. Ак. Лит. Метр. № 271, 378, 435; Boniecki, Poczet, XIV; Любавскаго, Област. дѣленіе, стр. 281, 282, 775, 840, 864.

5) Любавскаго, Област. дѣленіе, стр. 267, 864.

6) Въ расходной книгѣ Казимира зарегистрована данина: «князю Андрею—сто бочекъ ржи зъ дворовъ, гито *подъ ключомъ*» (Лит. Метр. Записей № 4, л. 61 и сл.). Въ 1501 г. волынскому земянину Зенковичу было дано господаремъ «дворище пустое *подъ ключомъ Луцкимъ* конюшскаго подгаецкаго (Ак. Лит. Метр. № 579). Въ 1522 г. дана пану Радивиловичу господаремъ залоговая запись на державу Городенскую, съ «меды, которыя

медовыхъ, восковыхъ, соляныхъ, хлѣбныхъ (zbożowy), мѣховыхъ, мытныхъ, чоповыхъ и пр. [1]). Одинаковое значеніе съ ключами имѣли *коморы* соляныя, восковыя, мытныя, таможенныя и пр., служившія складами соли, воска, сукна и другихъ предметовъ проѣздныхъ и торговыхъ сборовъ; такія коморы учреждались при скарбахъ также въ торговыхъ мѣстахъ для сбора мытныхъ пошлинъ и для храненія ихъ до отсылки въ центральный господарскій скарбъ [2]). Затѣмъ, какъ видно изъ актовъ, при скарбовыхъ помѣщеніяхъ устраивались *подклѣты* или *погреба* (coelarii), для храненія въ нихъ въ особенности громоздкихъ вещей—медовой дани натурою, соли, воска, мѣховъ (шубъ лисьихъ и пр.), суконъ, хлѣбныхъ (zbożowych) продуктовъ и пр. [3]). Въ особыхъ замковыхъ *склепахъ* при скарбахъ и ключахъ хранились оружіе, сукна, разныя драгоцѣнности и пр. [4]). Въ актахъ конца XV в. есть, наконецъ, указанія на *под-*

прихоживали *до ключа* господарскаго» (ib. судн. дѣлъ № 3, л. 142). По актамъ XV в. нѣсколько Поднѣпрскихъ волостей по повинностямъ тянули къ *ключамъ* Виленскому и Трокскому, куда изъ волостей доставлялась медовая дань, и къ господарскому литовскому *скарбу*, куда отвозилась дань грошовая, бобровая и куничная (Любавскаго, Област. дѣленіе, стр. 13). Такъ было и позже. Въ 1500 г. было предписано господарскому посланцу собрать недоимки въ Поднѣпровскихъ волостяхъ—«дани грошевые и медовые, куницы, бобры, которые не доставлены въ господарскій *скарбъ*, а пресный медъ до *ключовъ*» и пр. (Лит. Метр. Запис. № 5, л. 329). Въ обоихъ случаяхъ скарбъ и ключъ сопоставляются точно также, какъ въ записной книгѣ Казимира сопоставляются *казна* и *погребъ* (люди, данные владыкѣ Мисайлу «въ казну и въ погребъ ничего не давали»,—Лит. Метр. Запис. № 4). Ключъ означалъ не урядъ (какъ ошибочно полагаетъ г. Любавскій), но такой же институтъ, какъ и скарбъ, казна, комора, мытница и пр. Какъ увидимъ ниже, урядъ ключниковъ обозначается въ актахъ техническимъ терминомъ «ключництво».

[1]) О *ключахъ* см. Boniecki Poczet, XIV; АЗР. II, № 75; Археогр. Сборн. 17, 28; III, 12, 16; Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I, стр. 20; Ак. Лит. Метр., № 264, 579, 701.

[2]) О *коморахъ* см. Арх. Сборн. I, 28; III, 12, 16; Ак. Лит. Метр. № 558; Стат. 1588, I, 30; Любавскаго, Обл. дѣленіе, стр. 515—517, 785.

[3]) Въ записной книгѣ Казимира отмѣчено: Владыцѣ Мисайлу даны люди,—«въ *казну* и въ *погребъ* ничого не давали» (Лит. Метр. Запис. № 4, л. 61 и сл.). Въ вырокѣ Сигизмунда I, 1509 г., говорится о путныхъ людяхъ смоленскихъ: «мають намъ служити путною службою и дани кадь меду прѣсного въ замокъ нашъ Смоленскій до *погрѣба* давати, а двѣ копы грошей по давному» (Ак. Лит.—рус. госуд. I, № 117). Въ 1380 г. Витовтъ предоставилъ Брестскому монастырю ежегодную выдачу 4-хъ тысячъ головокъ соли изъ погреба въ мѣстномъ замкѣ (Лит. Метр. Зап. № 64, л. 102). См. Любавскаго, Областн. дѣленіе, стр. 844—847.

[4]) См. реестръ «посполитыхъ речей скарбныхъ», 1510 г., хранившихся въ склепѣ господарскаго скарба въ Вильнѣ (Лит. Метр., Запис. № 3, л. 147).

коморы, *таможни* и *мытницы* въ общемъ значеніи таможенныхъ заставъ, учреждавшихся по границамъ сухопутнымъ и воднымъ, также въ торговыхъ мѣстахъ для сбора пошлинъ проѣздныхъ и торговыхъ [1]).

Непосредственное завѣдываніе скарбовыми ключами, коморами, погребами и склепами принадлежало господарскимъ *ключникамъ* (claviatores), учреждавшимся въ главныхъ городахъ, при мѣстныхъ воеводахъ и старостахъ [2]). Изъ Литовскаго Статута видно, что ключники могли избираться не только изъ шляхты и свободныхъ простолюдиновъ, но и изъ невольниковъ (челяди отчизной) и плѣнниковъ [3]). Въ центральныхъ мѣстахъ, гдѣ въ большихъ размѣрахъ скоплялись въ скарбахъ и ключахъ господарскіе доходы, ключники обыкновенно назначались господаремъ изъ мѣстной шляхты; въ меньшихъ городахъ отъ воеводъ и старостъ зависѣло избраніе ключниковъ и изъ простолюдиновъ, не только свободныхъ, но и зависимыхъ. Въ актахъ есть указаніе на предоставленіе ключнитцва другимъ урядникамъ, наприм., городничимъ и даже господарскимъ намѣстникамъ (напр. Луцкому и др.) [4]). Волости, по своимъ повинностямъ подчиненныя уряду (ключництву) ключника, составляли его повѣтъ [5]). Ключники въѣзжали въ тянувшія къ нимъ волости лишь въ экстренныхъ случаяхъ, такъ какъ дань собиралась обыкновенно

---

[1]) О мытницахъ, таможняхъ и подкоморахъ см. Археогр. Сборн. I, № 287 (писарь таможенный); III, № 18. Лит. Метр., Записей № 4, л. 148 (реестръ 1488 г., съ обозначеніемъ главныхъ мытницъ, гдѣ берется мытъ по границамъ сухимъ и водою). Лит. Метр., Запис. № 80, л. 256 (упоминается theloneator—таможникъ Брестскій).

[2]) О claviatores говорится въ фундушевой записи Витовта, 1412 г., Брестскому костелу на данину: «quatuor lapides cerae una cum quatuor millia salis, alias tolpisteij, circa claviatores nostros» etc. (Лит. Метр., Записей № 8, л. 256). Въ актахъ XV и XVI в. насчитывается до 15 ключниковъ: Брестскій, Берестейскій, Виленскій, Витебскій, Городенскій, Городецкій, Кіевскій, Ковенскій, Луцкій, Минскій, Новогродскій, Пинскій, Полоцкій, Смоленскій и Трокскій (Boniecki, Poczet, XIII).

[3]) Стат. 1529, XI, 3; Стат. 1566, XII, 2; Стат. 1588, XII, 4.

[4]) АЗР. I, 59 (актъ 1456 г.). Князь Андрей Сангушковичъ въ 1546 г. былъ одновременно ключникомъ, городничимъ и мостовничимъ Луцкимъ (Boniecki, Poczet, XIII).

[5]) Въ 1501 г. Луцкому войту Сигнатеру были пожалованы села «въ повѣтѣ ключництва Луцкого» (Лит. Метр. № 564). По залоговой записи, 1522 г., п. Радивиловичъ получилъ въ держанье староство Городенское съ «ключьничьствомъ» и другими урядами (Лит. Метр. Судн. дѣлъ № 3, л. 142). См. Любавскаго, Област. дѣленіе, 216, 846.

волостными урядниками и доставлялась ими ключникамъ [1]). Основной функцiей ключниковъ былъ сборъ, храненiе и расходованiе, по приказу господаря или мѣстныхъ воеводъ или старостъ, даней медовыхъ и другихъ сборовъ съ подвѣдомыхъ имъ волостей [2]). Сверхъ того, ключники помогали воеводамъ въ общемъ управленiи повѣтами и исполняли ихъ порученiя. Наприм., въ 1526 г. староста Луцкiй, князь Чарторыскiй, посылалъ ключника Луцкаго «увязать» пана Подолянина въ пожалованныхъ ему людей [3]). Ключники изъ мѣстной шляхты участвовали на общемъ основанiи въ радѣ мѣстныхъ правителей, также въ шляхетскихъ сеймахъ и, наконецъ, до введенiя шляхетскихъ урядовъ судныхъ, принимали участiе въ воеводскомъ и старостинскомъ судѣ [4]). При ключникахъ Виленскомъ и Трокскомъ, завѣдывавшими сложнымъ господарскимъ хозяйствомъ, состояли *подключiе* (подключники) на общемъ положенiи ихъ помощниковъ [5]).

Однимъ изъ главныхъ источниковъ господарскихъ доходовъ служилъ сборъ мытныхъ пошлинъ съ провоза и торга товаровъ, предназначавшихся для торговыхъ оборотовъ. Завѣдыванiе такими сборами и храненiе ихъ въ особыхъ «мытницахъ» лежало на обязанности *мытниковъ*, издревле извѣстныхъ во всѣхъ русскихъ земляхъ [6]). И въ собственной Литвѣ мытныя пошлины упоминаются уже при Гедиминѣ, въ актахъ первой четверти XIV в., можно полагать, что и въ Литвѣ рано появляются особые уряды, спецiально завѣдывавшiе мытными сборами [7]).

---

1) Любавскаго, Област. дѣленiе, стр. 844, 880.
2) Ibid., стр. 216—218, 844—846. Boniecki, XIII, XIV.
3) Арх. ЮЗР. I, 5.
4) Любавскаго, Област. дѣленiе, стр. 848, 864, 865, 867, 869.
5) О ключникахъ и подключiихъ см. Археогр. Сборн. I, № 195; III, 246; Ак. Лит. Метр. № 264, 301. 564, 579, 761, 847, 880; Boniecki, Poczet, XIII; АЗР. I, № 59; Arch. Sang. III, 21; IV, 387; Док. Моск. Арх. I, стр. 19; Ак. Лит. Метр. № 314, 604; Любавскаго, Област. дѣленiе, стр. 844—847, 880; Его же, Сеймъ, 399—405, 630.
6) О древне-русскихъ мытникахъ см. Н. Аристова, Промышленность древней Руси, стр. 221.
7) О литовскомъ мытѣ (cto) говорится въ грамотѣ Гедимина, 1323 г., о призывѣ нѣмецкихъ колонистовъ въ Литву, съ освобожденiемъ ихъ отъ платежа мыта и другихъ пошлинъ, сборовъ и повинностей,—angariae et perangariae (Skarbiec, № 298, 299; См. Baliński, Historia miasta Wilno, стр. 54, 64).

Завѣдываніе ими обыкновенно поручалось господарями «къ вѣрной руцѣ», довѣреннымъ лицамъ, напр., мѣстнымъ державцамъ и пр. Мытные сборы сдавались также въ аренду за условленную плату [1]. Иногда же пользованіе мытными сборами предоставлялось отдѣльнымъ лицамъ, въ возмѣщеніе долговыхъ суммъ, взятыхъ у нихъ правительствомъ на земскія нужды. Такимъ образомъ, въ 1507 г. за долгъ ковенское мыто было предоставлено на годъ войту Минскому Авраму и его товарищу Яну, съ тѣмъ, что они могутъ завѣдывать мытными сборами чрезъ своихъ слугъ; для «увязанья» въ мытъ сказанныхъ лицъ былъ посланъ господарскій дворянинъ Путята [2]. Мытники, доставлявшіе сборы цѣликомъ въ господарскій скарбъ, получали за свой трудъ «доходецъ» изъ мытныхъ пошлинъ, называвшихся обыкновенно «обѣсткою», «узвѣсткою», «обѣсчимъ», вообще вѣсчимъ, взимавшимся съ купцовъ, при объявленіи ими своихъ товаровъ, смотря по вѣсу послѣднихъ [3].

Въ актахъ мытники носятъ спеціальныя названія, по различію предметовъ, облагавшихся мытными сборами, или по различію мѣстъ ихъ взиманія. Таковы: восковичіе, соляничіе, выбирчіе, таможники, мостовничіе, рядничіе, осмники, дозорцы дорогъ и стражники перевозовъ. *Восковничіе* завѣдывали сборомъ пошлинъ съ воска, составлявшаго въ Литвѣ—Руси одну изъ главныхъ статей отпускной торговли внутренней и внѣшней. Воскъ изготовлялся на воскобойняхъ, устроявшихся «на забиваніе воску» (воски топленные или забой восковый) [4]. Подобно другимъ мытнымъ пошлинамъ, сборъ восковаго мыта ввѣрялся «къ вѣрной руцѣ» особымъ урядникамъ. Въ актахъ есть также указанія на раздачу сбора восковыхъ пошлинъ за службу, въ зна-

---

[1] Въ 1495 г. сдано мыто Минское двумъ мѣстнымъ мѣщанамъ, съ обязанностью вносить сборъ готовыми пенязьми въ скарбъ Ак. Лит. (Метр. № 179). Берестейское мыто было сдано Шаневичу «вѣчно» (пожизненно), съ обязанностью ежегодно вносить въ скарбъ по 300 коп. грошей; если мыто «полѣпшится», то и его плата повышается (Док. Моск. Арх. I, стр. 54). Въ началѣ XVI в. минское мыто было въ арендѣ у жида Михеля (Собр. грам. мин. губ. № 2).

[2] Лит. Метр., Записей № 8, л. 88.

[3] Любавскаго, Област. дѣленіе, 513.

[4] АЗР. II, № 13, 77, 173.

ченій «волостокъ» мытныхъ служилымъ людямъ [1]); обыкновенно же восковыя «пенязи» сдавались на откупъ, какъ и другія мытныя пошлины. Купцы, привозившіе воскъ ради торговыхъ оборотовъ, предъявляли его въ особыхъ коморахъ, служившихъ мѣстомъ сбора мыта съ воска; восковыя коморы устроялись обыкновенно по дорогамъ и перевозамъ, сухимъ путямъ и водою [2]). Восковичіе получали «обѣстки» въ свою пользу [3]). Значеніе такихъ же мытниковъ имѣли *соляничіе* (литов. druskius, druskiaus,—польск. składnicu или żupnicy), завѣдывавшіе сборомъ соляныхъ пошлинъ (thaloneum salis, datio et solutio salis alias solnicze). Соль принадлежала къ главнымъ предметамъ ввоза изъ «зарубежій», особенно изъ Галичины, Польши, Германіи и пр. Купцы, привозившіе соль, обязаны были предъявлять свой товаръ въ особыхъ соляныхъ *коморахъ* (depositoria salis) и *прикоморкахъ*, устроявшихся по дорогамъ, у «заставъ», на мостахъ и рѣчныхъ переправахъ, также на городскихъ и сельскихъ рынкахъ какъ для сбора соляныхъ пошлинъ, такъ и для склада и храненія пошлинъ, взимавшихся «пенязями» и натурою. О соляныхъ коморахъ и складахъ въ Кіевѣ въ лѣтописяхъ есть извѣстія уже въ XI в. [4]). Коморы съ складами (прикоморками) привозной соли упоминаются въ литовско-русскихъ актахъ съ конца XV в. во всѣхъ главныхъ торговыхъ центрахъ Литвы—Руси—въ Берестьи, Дорогичинѣ, Гонядзи и другихъ пограничныхъ пунктахъ Подляхіи, затѣмъ въ Вильно, Трокахъ, Ковно, Городнѣ, Луцкѣ и пр. [5]). Пошлины вообще брались съ вѣса товаровъ и потому они называются въ актахъ «вѣсчимъ», или «обѣсткою»; часть такихъ пошлинъ взималась соляничими въ видѣ платы за свой трудъ [6]).

---

[1]) Въ записной книгѣ Казимира, наприм., отмѣчены: Заньку даны двѣ волостки—поѣзьство да воски на годъ (Док. Моск. Арх. I, стр. 15).

[2]) АЗР. II, № 149.

[3]) О восковничихъ см. Boniecki, XIV. Любавскаго, Област. дѣленіе, стр. 515—517.

[4]) См. Аристова, Промышленность древней Руси, стр. 68, 69, 205.

[5]) Любавскаго, Област. управленіе, стр. 515 и слѣд.

[6]) О соляничихъ см. Сборн. Муханова, № 21, 41. АЗР. I, стр. 85, 95; II, № 149; Arch. Sang. III, стр. 311, 612; Любавскаго, Област. дѣленіе, стр. 515—517. См. мою монографію—Одинъ изъ вопросовъ западно-рус. старины (Варш. Унив. Изв., 1896, I, стр. 42—46.

При Сигизмундѣ I предпринята была значительная реформа въ дѣлѣ организаціи мытныхъ пошлинъ съ товаровъ, провозившихся купцами изъ зарубежья. Вмѣсто отдѣльныхъ коморъ и урядниковъ по мытамъ солянымъ, восковымъ и пр., особымъ листомъ 1520 г. были учреждены въ Подляхіи общія коморы и прикоморки для взиманія мыта съ соли и другихъ товаровъ, привозившихся въ Литву изъ западнаго зарубежья. Съ этой цѣлью учреждены были коморы по западному Бугу въ Техоновцахъ и Высокомъ, также въ Тыкочинѣ на Наревѣ, притокѣ Бобра. Къ коморамъ были приставлены особые урядники—*выбирчіе* для сбора мыта съ соли и другихъ товаровъ, привозившихся въ Литву по Бугу, Бору и Нарови. Въ нужныхъ случаяхъ, при объѣздѣ купцами коморъ, намѣстникамъ и всѣмъ обывателямъ предписывается быть «помочными» выбирчимъ при сборѣ промыта и пр. [1]). Вѣроятно, такія же мѣры были предприняты и въ другихъ порубежныхъ мѣстахъ. Подъ *таможнями* съ *таможниками* и таможеными *писарями*, упоминающимися въ актахъ XV и XVI в., можно разумѣть общія мытницы, учреждавшіяся въ порубежныхъ мѣстахъ для сбора мытныхъ пошлинъ со всѣхъ вообще товаровъ, провозившихся какъ въ Литву, такъ и въ зарубежья, для торговыхъ оборотовъ [2]). Въ актахъ упоминаются особые мытники на мѣстахъ, завѣдывавшіе сборомъ мостовыхъ пошлинъ, при провозѣ товаровъ на мостовыхъ заставахъ [3]). *Рядничіе*, исполнявшіе въ городахъ полицейскія функціи по надзору за рядами, торговыми помѣщеніями, завѣдывали также сборомъ мыта съ товаровъ иноземныхъ купцовъ при помѣщеніи ихъ въ торговыхъ рядахъ. Рядничіе удерживались отъ удѣльнаго времени въ особенности въ южно-русскихъ городахъ. Въ большихъ городахъ уряды рядничихъ, подобно другимъ мытникамъ, раздавались мѣстнымъ боярамъ въ значеніи «волостокъ», по очереди,

---

[1]) Любавскаго, Област. дѣленіе, прилож. № 32.

[2]) О таможенномъ писарѣ см. Археогр. Сборн. I, 287. О господарскомъ таможникѣ Брестскомъ упоминается въ фундушевой записи Витовта, 1412 г., Брестскому костёлу (Лит. Метр., Записей № 80, л. 256).

[3]) АЮЗР. I, № 55. Собр. древн. грамотъ г. Вильно, № 5.

на одинъ или два года. Въ актахъ есть, впрочемъ, указанія на то, что рядничіе въ меньшихъ городахъ считались урядниками мѣстныхъ правителей, которые замѣщали этотъ урядъ обыкновенно своими слугами. Какъ и другіе мытники, рядничіе получали часть «взвѣстокъ» взимавшихся съ иноземныхъ купцовъ [1]). Роль Смоленскихъ и Брянскихъ рядничихъ исполняли въ Кіевѣ *осмники*, отправлявшіе при кіевскихъ воеводахъ урядъ «осмничства»: вмѣстѣ съ полицейскими обязанностями, осмники, какъ и рядничіе, завѣдывали сборомъ торговыхъ пошлинъ [2]). Наконецъ, обязанности мытниковъ исполняли *дозоры дорогъ* и *стражники перевозовъ*, бравшіе мыто на дорожныхъ заставахъ и рѣчныхъ перевозахъ, бывшихъ въ ихъ завѣдываніи [3])

Кромѣ мытныхъ пошлинъ, господарскіе доходы слагались изъ даней, регулярно собиравшихся въ особенности въ господарскихъ волостяхъ, состоявшихъ иногда изъ однихъ данниковъ. Наприм., въ Смоленской и Берестейской земляхъ были сплошныя волости данниковъ, не раздававшихся въ особое держанье и тянувшія по суду и общему наряду къ главнымъ городамъ. Господарскіе намѣстники высылали въ такія волости для сбора даней особыхъ урядниковъ, подъ общимъ названіемъ *данничихъ*. Обыкновенно «данничое», какъ и другіе господарскіе доходы, раздавались за службу, въ видѣ «волостокъ» мѣстнымъ боярамъ и служилымъ людямъ [4]). Исключеніе представляли господарскія волости Заднѣпрскіе и Задвинскіе: со времемъ Витовта волостнымъ данникамъ было предоставлено собирать дань чрезъ своихъ старцевъ и отсылать ихъ мѣстнымъ правителямъ; позже въ означенныя волости посылались

---

[1]) О рядничихъ см. АЗР. I, №213. Памятн. дипломат. сношеній древн. Россіи, I, стр. 9 слѣд. Ясинскаго, Грамоты, стр. 148; Любавскаго, Област. дѣленіе, стр. 281, 726, 780, 785, 817.

[2]) АЗР. Р. I, № 120, 170. Сборн. Муханова, стр. 147, 148; Антоновича, О городахъ, стр. 155; Любавскаго, Област. дѣленіе, стр. 785, 812, 816.

[3]) Собраніе древн. грам. г. Вильно, № 5 и 7 (акты около 1440 и 1448 г.). Skarbiec, № 1868.

[4]) См. Любавскаго, Област. дѣленіе, стр. 181, 267, 694, 728, 848. Докум. Моск. Арх. Мин. Юст. I, стр. 19: «Сенку Ильвовичу (дано въ Смоленскѣ) данничое чорное, а ему бы служили» (Запис. книга Казимира).

писари для взысканія накопившихся недоимокъ (недополнковъ) [1]).

Наконецъ, населеніе литовско-русскихъ областей по временамъ, каждый разъ по особымъ господарскимъ, позже сеймовымъ ухваламъ, облагалось разными временными сборами-серебщиной, поголовщиной и пр., въ особенности во время посполитыхъ рушеній, также ради ремонта и охраны господарскихъ замковъ и пр. Сборъ подобныхъ даней поручался особымъ урядникамъ, подъ общимъ названіемъ *бирчихъ, (борцевъ* или *поборцевъ)*, также *поѣздничихъ*. Въ актахъ различаются бирчіе «головные земскіе», состоявшіе въ главныхъ городахъ при воеводахъ и старостахъ, и бирчіе «повѣтовые», завѣдывавшіе сборомъ дани въ отдѣльныхъ повѣтахъ [2]). При опредѣленіи поголовщины, сеймовой ухвалой 1519 г. было постановлено, что намѣстники господарскихъ дворовъ, каждый въ своемъ держаньи, избираютъ двухъ бояръ добрыхъ, которые вмѣстѣ съ мѣстнымъ бирчимъ собираютъ поголовщину, кромѣ имѣній князей, пановъ и бояръ, которые сами собираютъ поголовщину и отдаютъ ее бирчимъ. Всю собранную дань, сполна выбравши, бирчіе передаютъ земскимъ подскарбіямъ [3]). На сеймѣ 1547 г. шляхта ходатайствовала предъ господаремъ, чтобы впредь сборы на земскую оборону сдавались не въ скарбъ, а собирались, хранились и расходовались выборными отъ шляхты сборщиками, обязанными давать отчетъ шляхтѣ же (на сеймахъ). Господарь, съ «порадою» пановъ радныхъ, разрѣшилъ избра-

---

[1]) См. Любавскаго, Област. дѣленіе, стр. 728. Въ Литовской Метрикѣ, подъ 1500 г., зарегистрованъ листъ в. князя Александра намѣстникамъ, старцамъ и всѣмъ мужамъ Поднѣпровскихъ волостей (Свислоцкой, Любошанской, Бобруйской, Кричевской и др.), съ предписаніемъ объ уплатѣ недоимокъ посланному для ихъ взысканія господарскому писарю, намѣстнику Перелайскому Боговитиновичу,—дани грошевой и медовой, куницъ, бобровъ, которые не доставлены въ господарскій скарбъ, а прѣснаго меда—до господар. ключей. За пустыя земли или люди голтяйные (бездомные) недоимки «вы бы то по собѣ роскинули: на большого большей, а на меньшого меньшей, какъ здавна бывало» (Лит. Метр. Записей № 5, л. 329).

[2]) О бирчихъ вообще см. Ясинскаго, Грамоты, стр. 195 (привилеи Витебскій 1503 г. и Полоцкій 1511 г.) Археогр. Сборн. I, № 189. О бирчихъ «головныхъ земскихъ» см. Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I, стр. 161, 167, 441, 455, 457, 475. О бирчихъ или поборцахъ повѣтовыхъ—ibid., стр. 167, 203, 455, 464, 467, 470, 476, 534.

[3]) Лит Метр. Судн. дѣлъ № 2, л. 262.

ніе выборщиковъ, но со сдачей, по прежнему, сборовъ въ скарбъ и съ отчетностію предъ панами радными и подскарбіемъ [1]). Лишь съ 1565 г. сборы на земскую оборону стали поступать не въ скарбъ, а къ главнымъ бирчимъ и ими же расходовались, при чемъ было постановлено, чтобы отчеты бирчихъ по приходу и расходу сборовъ сдавались шляхтѣ на повѣтовыхъ сеймикахъ, а затѣмъ и на сеймахъ предъ всѣми сеймовыми станами [2]). Поѣздничіе, въ значеніи посланцевъ, отряжавшихся для сбора даней, упоминаются въ числѣ урядниковъ при Брянскомъ намѣстникѣ [3]). Изъ записной книги Казимира видно, что урядъ «поѣзьдства» числился въ составѣ «волостокъ», раздававшихся обыкновенно погодно мѣстнымъ служилымъ людямъ [4]). Въ росписи 1496 г. Брянцевъ, которымъ были розданы волости и волостки, отмѣчено: «Быковскому и Лопоту поѣздничое на два года; послѣ нихъ на одинъ годъ Пролыскому» и пр. [5]).

Полицейскія функціи, входившія въ кругъ обязанностей старыхъ великокняжескихъ намѣстниковъ, какъ и позднѣйшихъ воеводъ и старостъ, осуществлялись ими при посредствѣ подчиненныхъ имъ повѣтовыхъ урядниковъ. По актамъ XVI в. въ юго-западныхъ русскихъ областяхъ, вошедшихъ въ составъ литовскаго государства, такими урядниками являлись древне-русскіе *подвойскіе*. Они удержались въ особенности въ такихъ русскихъ земляхъ (Смоленской, Витебской, Полоцкой и частію Волынской), въ которыхъ старые русскіе удѣльные князья функціонировали и послѣ присоединенія ихъ удѣловъ къ Литвѣ. По Смоленскому привилею 1505 г. подвойскихъ избираетъ намѣстникъ—воевода изъ людей «добрыхъ», не «збродневъ», которые обывателямъ были бы «любы» [6]). Свой урядъ («подвой-

---

[1]) Zbior pr. lit., стр. 423. АЗР. III, стр. 7, 43.
[2]) Докум. Моск. Арх. Мин. Юст. I, стр. 167, 168, 457, 469, 482. Максимейко, Сеймъ, стр. 132, 136.
[3]) Любавскаго, Област. дѣленіе, стр. 281.
[4]) Докум. Моск. Арх. I, стр. 15.
[5]) Лит. Метр., Записей № 6, л. 561.
[6]) АЗР. I, № 213. Ясинскаго, Грамоты, стр. 142.

щанье») подвойскіе отправляютъ въ зависимости отъ воеводъ, а въ Смоленскѣ и отъ ихъ помощниковъ—окольничихъ; въ другихъ русскихъ земляхъ, гдѣ не было послѣднихъ, подвойскіе непосредственно подчинялись главнымъ областнымъ правителямъ. Въ силу своихъ полицейскихъ функцій, подвойскіе надзирали за выполненіемъ обывателями лежавшихъ на нихъ повинностей, снаряжали изъ ихъ среды проводниковъ и подводы для господарскихъ посланцовъ и гонцовъ, сгоняли мѣщанъ на разныя тяглыя работы, смотря по потребностямъ, переводили ихъ съ службы путной на тяглую и пр. Окольничимъ съ подвойскими также вмѣнялось въ обязанность слѣдить за правильностью торговыхъ оборотовъ,—чтобы они вообще не велись въ ущербъ господарскому «скарбу» [1]). Смоленскимъ подвойскимъ соотвѣтствовали кіевскіе *осмники*. Они назначались для «осмничества» мѣстными воеводами изъ своихъ слугъ и состояли въ распоряженіи воеводскихъ писарей. Чрезъ осмниковъ воеводы собирали мытные сборы; имъ же давались разныя порученія по общимъ полицейскимъ дѣламъ [2]). Къ полицейскимъ же урядникамъ относились: *мостовничіе*, *дозорцы дорогъ*, *стражники перевозовъ* и пр. Мостовничіе, дорожные дозорцы и стражники перевозовъ, взимавшіе мытныя пошлины на мостахъ, дорожныхъ заставахъ и рѣчныхъ перевозахъ, отправляли

---

[1]) Такимъ образомъ, напр., въ 1497 г. было предписано смоленскому окольничему смотрѣть за тѣмъ, чтобы арендаторы питейныхъ корчемъ торговали напитками по «ровной» мѣрѣ; кто будетъ увеличивать или уменьшать питейныя мѣры противъ установленныхъ образцовъ, того окольничій долженъ штрафовать господарскими «винами». Вмѣстѣ съ тѣмъ на окольничихъ и подвойскихъ возлагается обязанность корчемныхъ арендаторовъ «боронити и во всемъ имъ помочью быти, ажъ бы ся скарбъ нашъ не понижалъ» (См. Любавскаго, Област. дѣленіе, стр. 840). О подвойскихъ въ Смоленской землѣ см. АЗР. I, № 213. Ясинскаго, Грамоты, 139, 142; Любавскаго, стр. 839, 840. Въ Витебской землѣ—Ак. Лит. Метр. № 122. Любавскаго, стр. 248 Въ Полоцкой землѣ—АЗР. I, № 60. На Волыни—Arch. Sang. I, № 2. Подвойскіе также встрѣчаются иногда въ панскихъ имѣніяхъ въ значеніи приказчиковъ (АВК. XIV, стр. 447).

[2]) Въ 1507 г. разбиралось кор. Сигизмундомъ судное дѣло по жалобѣ кіевскаго мѣщанина Криводея на воеводскаго писаря Громыку: «осмникъ его кіевскій разграбилъ мя безвинно. Громыка повѣдилъ, што осмникъ его грабилъ (по порученію писаря) въ заставцѣ (по долгамъ) подле кіевскаго права» (Лит. Метр. Судн. дѣлъ № 2, л. 30). Объ осмникахъ см. АЗР. I, № 120, 170; Сборн. Муханова, стр. 147, 148; Грамоты вел. князей, стр. 50; Антоновичъ, О городахъ, стр. 155; Любавскаго, Област. дѣленіе, стр. 785, 812, 817.

вмѣстѣ съ тѣмъ полицейскія обязанности по «дозору» за мостами, заставами и перевозами. Мостовничие, состоявшие подъ общей «справой и дозрѣніемъ» областныхъ правителей, кромѣ обычныхъ мостовъ, въ особенности смотрѣли за мощеніемъ замковыхъ городень господарскими волостями и мѣстными землевладѣльцами; въ этомъ отношеніи литовско-русскіе мостовничие напоминаютъ собой мостниковъ Русской Правды [1]). Къ полицейскимъ урядникамъ, наконецъ, принадлежали стражники, приставлявшіеся къ разнымъ замковымъ и повѣтовымъ учрежденіямъ [2]). Таковы тюремные смотрители «*воротные*» завѣдывавшіе господарской «казнью» (тюрьмой) [3]), или тюремные *ключники* съ подчиненной имъ сторожей [4]). Таковы же надзиратели надъ сторожей замковой, учреждавшейся (наприм. въ Смоленскѣ) въ особенности для охраны мѣстнаго скарба въ тѣхъ случаяхъ, когда намѣстникъ выѣзжалъ изъ замка и пр. [5]). «Сторожа» ввѣрялась служилымъ людямъ и по другимъ дѣламъ. Напр., въ расходной книгѣ Сигизмунда I, подъ 1506 г. зарегистрована данина п. Станиславу Глѣбовичу 50 копъ «зъ бобровъ Полоцкихъ, ажъ за то маетъ мѣти съ слугами своими сторожу», затѣмъ, чтобы серебро, олово, мѣдь, свинецъ, селитру, сѣру и порохъ за границу не провозили изъ Полоцка и пр. [6]). Въ Подляшскихъ земляхъ Берестейской, Дорогицкой и въ

[1]) Собр. древ. грамотъ г. Вильно, № 5 и 7; Skarbiec, № 1868; Źródła dziejowe VI, стр. 44; Arch. Sang. IV, № 387; Ясинскаго, Грамоты, стр. 145; Boniecki, Poczet, стр. XIV, XVII, XVIII; Любавскаго, Област. дѣленіа, стр. 795, 842.

[2]) Конституціей 1677 г. къ повѣтовымъ урядникамъ отнесены стражники разныхъ названій (Baliński, Starożytności Polskie, IV, 101).

[3]) Въ 1517 г. состоялось рѣшеніе маршалковскаго суда по жалобѣ п. воротнаго Ковенскаго Кунцовича, завѣдывавшаго «казнью» господарскою въ замкѣ Ковенскомъ. Въ тюрьму былъ заключенъ за долгъ бояринъ Жибиртовичъ по требованію его кредитора Голубки. Когда срокъ тюремнаго заключенія истекъ, заключенный тяжко заболѣлъ, кредиторъ же отказывался выпустить его изъ «казни». По рѣшенію суда заключенный былъ выпущенъ на свободу (Лит. Метр. Судн. дѣлъ № 1, л. 177).

[4]) Въ 1516 г. маршалковскій судъ предписалъ пану Скиндору предать суду Остринскаго ключника тюремнаго, которому въ «нетство» отданы были убійцы Я. Зелковскаго: благодаря небрежности ключника и его сторожей, одинъ изъ убійцъ бѣжалъ изъ тюрьмы (Лит. Метр., Судн. дѣлъ № 1, л. III).

[5]) Археогр. Сборн. III, № 246 (актъ 1560 г.). Ясинскаго, Грамоты, стр. 148 (смолен. привилей 1503 г.).

[6]) Лит. Метр., Записей» № 8, л. 412.

повѣтѣ Городенскомъ, упоминается въ актахъ XVI в. урядъ *войскихъ*, учрежденный по польскимъ образцамъ [1]. Такой же урядъ земскихъ войскихъ введенъ былъ со второй четверти XVI в. въ Подоліи и Галичинѣ [2]. Въ Статутѣ 1588 г. (IV, 67) войскіе упоминаются въ ряду общихъ повѣтовыхъ урядовъ. Изъ конституціи 1677 г. видно, что въ это время во всѣхъ повѣтахъ Виленскаго воеводства, какъ и въ другихъ земляхъ литовско-русскихъ, состояли въ числѣ повѣтовыхъ урядниковъ также войскіе (wojskie) [3]. Въ литовско-русскихъ актахъ не опредѣляется съ точностію, въ чемъ именно состояла должность войскихъ, подчинявшихся областнымъ правителямъ. Въ польскихъ актахъ урядъ войскихъ (wojski) упоминается еще въ первой половинѣ XIII в. [4]. Въ латинскихъ актахъ урядъ этотъ обозначается терминомъ «tribunus», въ значеніи начальника земской стражи, завѣдывавшаго въ особенности замковой и тюремной сторожей чрезъ низшихъ полицейскихъ урядниковъ—stroża, castrense custodia terris или weżnych и пр. Въ польскихъ актахъ упоминаются земскіе войскіе или трибуны—Варшавскій, Краковскій и пр.; такіе же войскіе полагались при бискупскихъ дворахъ [5]. Можно полагать, что такое же значеніе начальниковъ земской стражи получили литовско-русскіе войскіе, введенные въ Подляхіи, Подольи и Галичинѣ одновременно съ другими польскими урядами. Имъ-то, по всей вѣроятности, подчинялись упоминающіеся въ актахъ XVI в. низшіе урядники, завѣдывавшіе замковой и тюремной «сторожей» (pro custodia castrense и cust. turris, «сторожовѣ вежи» или «вежные») [6].

---

[1] Любавскаго, Област. дѣленіе, стр. 673. Въ судныхъ актахъ 1516 и 1519 г. упоминается п. Мартинъ Заранковичъ, войскій Дорогицкій (Лит. Метр. Судн. дѣлъ, № 1, л. 118; № 3, л. 27). О войскихъ см. также Arch. Sang. IV, № 129 (актъ 1538 г.). Boniecki, Poczet, стр. XIV, XLVIII.

[2] Acta grodz. i ziemskie, II, стр. 196. Грушевскаго, Барское староство, стр. 136, 142, 148.

[3] Baliński, Starożytności Polskie (2-е изд.), IV, стр. 101.

[4] См. наприм., Rzyszczewski, Cod. II, № 21 (актъ 1239 г.). Raczyński, Cod. № 25 (актъ 1243 г.).

[5] О польскихъ войскихъ, замковой и тюремной сторожѣ см. Rzyszczewski, Cod. dipl. I, 22, 194, 206, 211, 317, 360; II 21, 741, 759, 859; III, 17, 31, 36, 40, 45, 222.

[6] По Бѣльскому привилею на сторожу въ замкѣ Бѣльскомъ снаря-

Воеводы, какъ мы знаемъ, отправляли одну изъ наиболѣе важныхъ административныхъ функцій—по организаціи земской обороны въ ввѣренныхъ имъ областяхъ. Воевода былъ одновременно главнымъ вождемъ всѣхъ боевыхъ силъ своей области и командиромъ извѣстной части областного ополченія, которую онъ велъ или выправлялъ на войну, подъ своей личной отвѣтственностію [1]). Отвѣтственность эту раздѣляли также повѣтовые, дворные и земскіе урядники—*хоружіе*, бывшіе подъ рукою», «въ послушенствѣ и справѣ» воеводъ, какъ и старостъ съ державцами господарскихъ дворовъ. Учрежденіе въ Литвѣ хоружихъ, подобно другимъ польскимъ урядамъ, какъ видно изъ актовъ, относится къ началу XV в. (главнымъ образомъ съ Витовта), времени первыхъ опытовъ польско-литовской уніи и начальной организаціи литовскаго шляхетства [2]). До второй половины XVI в. назначеніе кандидатовъ на хоружій урядъ зависѣло исключительно отъ литовскихъ господарей, которые назначали на хоружій урядъ лицъ «зацныхъ, добрыхъ, ростропныхъ, можныхъ и осѣлыхъ», принадлежавшихъ къ мѣстной служилой шляхтѣ [3]). Лишь со времени изданія Статута третьей редакціи хоружіе, въ дѣлѣ назначенія ихъ на должности, были сравнены съ другими шляхетскими урядниками. По Статуту 1588 г. кандидаты на урядъ хоружихъ избираются на элекційныхъ сеймикахъ повѣтовой шляхты; избранные шляхтой кандидаты представляются затѣмъ воеводами

жаются изъ мѣстныхъ обывателей десять стражниковъ, которые обязаны «по недѣлямъ стеречи» замокъ безъ всякой платы (Ясинскаго, Грамоты, стр. 155). Такимъ же порядкомъ снаряжались «вежные» (сторожовѣ вежи), pro custodia turris), со взысканіемъ въ ихъ пользу съ каждаго арестанта «повежнаго» (incarceratus), кромѣ тѣхъ случаевъ, когда кто посаженъ въ тюрьму по старостинскимъ артикуламъ (по уголовнымъ преступленіямъ): тогда всѣ «вины» взыскиваются въ пользу старосты (ibid., стр. 195). О сторожѣ замковой см. Любавскаго, Област. дѣленіе, стр. 796, 875.

1) Любавскаго, Област. дѣленіе, стр. 758, 799.

2) Ibid., стр. 533, 749. «Хоружіе», носители «хоруговей», знаменосцы, соотвѣтствуютъ польс. chorąży, нѣм. Fahrdrich, Fahnenträger. Лит. Стат. подъ «хоруговью» разумѣетъ боевое *знамя*, подъ которымъ «повѣтники» стояли въ «полѣ» противъ непріятеля: «хоружій и гдѣ будетъ хоруговъ держати»; хоругвы маютъ имъ (хоружимъ) даваны быти за (со) скарбу нашого подлугъ давнаго обычая»; «хоруговъ самъ хоружый въ гуфе своемъ на шиху (въ строю) и ку потребе маетъ держати». (Стат. 1566 и 1588, II, 5).

3) Стат. 1566, II, Любавскаго, Област. дѣленіе, стр. 758, 799.

или старостами на окончательное учрежденіе господаря [1]). Урядъ хоружихъ стоитъ въ тѣсной связи съ организацiей земской обороны, въ формѣ «посполитыхъ рушеній», или ополченій, вызывавшихся необходимостью въ ратной оборонѣ государства противъ наступавшаго непріятеля. Въ посполитыя рушенья наряжались, по исконному обычаю, «почты» или «роты» повѣтниковъ, т. е. шляхетскіе повѣтовые отряды, дѣйствовавшіе на «полѣ» подъ одной «хоруговью» съ хоружими, стоявшими во главѣ хоруговныхъ частей шляхетскихъ ополченій. Въ Литовской Метрикѣ зарегистрованъ, подъ 1511 г., листъ короля Сигизмунда Новгородскому воеводѣ, п. Заберезинскому, съ предписаніемъ, чтобы мѣстные бояре «служилые», тянувшіе къ господарскимъ дворамъ, ѣхали въ «поле» на службу съ хоружимъ Новгородскимъ и «всей земли Новгородской» [2]).

Находясь «въ послушенствѣ и справѣ» воеводъ, какъ главнокомандующихъ мѣстными боевыми силами, хоружіе развиваютъ всѣ свои функціи подъ главнымъ руководствомъ и контролемъ воеводъ, лично оперировавшихъ «на полѣ», во время посполитыхъ рушеній. Въ мѣстныхъ актахъ Волынскихъ упоминается «хоружій Волынской земли», который, какъ видно изъ актовъ, во время посполитыхъ рушеній обыкновенно заступалъ маршалка Волынской земли—помощника Луцкаго старосты, главнымъ образомъ по управленію мѣстными шляхтскими ополченіями [3]). Затѣмъ, въ Литовскомъ Статутѣ хоружіе «земскіе» и «дворные» отличаются отъ «хоружихъ повѣтовыхъ» [4]). Подъ первыми, какъ видно изъ приведеннаго выше листа 1511 г., разумѣются такіе же общеземскіе хоружіе, какъ и хоружіе Волынской или Новгородской земель: хоружіе земскіе были собственно помощниками мѣстныхъ воеводъ и старостъ, стоявшихъ во главѣ крупныхъ земель—областей,—по управленію ополченіями всей области воеводы и старосты могли замѣняться состоявшими при

---

[1]) Стат. 1588, II, 5.
[2]) Лит. Метр., Судн. дѣлъ № 2, л. 83.
[3]) Любавскаго, Обл. дѣленіе, стр. 798, 855.
[4]) Стат. 1566 и 1588, II. 5.

нихъ земскими хоружими. Хоружіе «повѣтовые» стояли во главѣ «почтъ» отдѣльныхъ «повѣтниковъ», т. е. служилой шляхты, снаряжавшейся на службу по своимъ повѣтамъ, подъ хоруговью мѣстныхъ хоружихъ, избиравшихся шляхтой изъ своей собственной среды. Наконецъ, хоружими «дворными» назывались начальники ратныхъ «почтъ», снаряжавшихся изъ состава служилыхъ людей и вообще тяглаго населенія господарскихъ маетностей, тянувшаго по своимъ повинностямъ къ мѣстнымъ господарскимъ дворамъ съ сидѣвшими въ нихъ державцами. Дворные хоружіе были собственно помощниками послѣднихъ по управленію ополченіями подвѣдомственныхъ имъ господарскихъ дворовъ и волостей.

По своимъ функціямъ хоружіе, во время посполитыхъ рушеній, имѣли значеніе начальниковъ отдѣльныхъ «почтъ» служилыхъ людей, обязанныхъ являться на службу по «ухвамъ» господарскимъ, позже сеймовымъ. Въ кругъ обязанностей хоружихъ входила регистрація («пописъ«), какъ самихъ служилыхъ людей — «повѣтниковъ», призывавшихся земской ухвалой въ данное время къ участію въ посполитомъ рушеньи, такъ и ихъ имѣній и состава населенія, облагавшагося серебщиной и другими временными налогами на нужды по организаціи посполитыхъ рушеній; самый сборъ такихъ налоговъ производился хоружими, руководившимися въ этомъ отношеніи земскими ухвалами о взиманіи серебщинъ и другихъ налоговъ [1]). По полученіи ухвалы о посполитомъ рушеньи, хоружіе обязаны были извѣщать о томъ мѣстную шляхту и созывать ее въ «поле» на опредѣленное мѣсто, откуда затѣмъ производилось «тягненье» ратныхъ «почтъ» подъ начальство каштеляна, а затѣмъ главнаго воеводы. «На «полѣ», въ дѣйствіяхъ противъ непріятеля, почты повѣтниковъ должны всегда стоять подъ хоруговью своего хоружаго, быть въ его «послушенствѣ» [2]). Хоружіе вообще обяаны слѣдить за исправностью и полнотой военной службы повѣтниковъ [3]), также

---

1) АЗР. II, № 17, 161. Любавскаго, Област. дѣленіе, стр. 534, 798, 854.
2) Стат. 1566 и 1588, II, 5, 6.
3) Любавскаго, Област. дѣленіе, стр. 749.

принимать заявленія отдѣльныхъ повѣтниковъ о неявкѣ на службу по болѣзни и другимъ законнымъ причинамъ, о чемъ хоружіе затѣмъ сообщаютъ гетману; хоружіе, безъ вѣдома воеводы, не могутъ никого отпускать со службы и пр. [1]). Хоружіе подлежали удаленію съ уряда, иногда вмѣстѣ съ конфискаціей ихъ маетностей, при урядовыхъ злоупотребленіяхъ и неисполненіи ими своихъ обязанностей, напр., въ случаѣ самовольнаго отпуска служилыхъ людей со службы, также въ случаѣ утайки повѣтниковъ, неявившихся на службу и пр. [2]). Въ актахъ есть указанія на такіе случаи, когда хоружіе, при неисправномъ исполненіи своихъ обязанностей, отставлялись самими областными правителями, съ замѣной ихъ другими лицами «до воли господарской» [3]).— Хоружіе, за свою службу, обыкновенно получали содержаніе съ дававшихся имъ на время господарскихъ «волостокъ», пользовались также доходами при сборѣ серебщины или же просто получали на время службы денежныя выдачи иаъ мѣстнаго господарскаго скарба [4]).

Непосредственное завѣдываніе «ротами», или «почтами» драбовъ, жолнеровъ и вообще «людей служебныхъ» въ замкѣ или на «полѣ», во время посполитыхъ рушеній, какъ видно изъ Литовскаго Статута и другихъ актовъ, принадлежало *ротмистрамъ* и ихъ «*товарищамъ*» [5]). Въ актахъ находимъ указанія на назначеніе ротмистровъ, какъ и хоружихъ, господарями или, при небытности ихъ въ княжествѣ, панамъ раднымъ [6]). Замковые ротмистры находятся по Статуту подъ «владзою и справою» областныхъ правителей, а «на

---

1) Стат. 1529, II, 5, 10. Стат. 1566, II, 11, 18; Стат. 1588, II, 11, 17.

2) Стат. 1529, II, 10; Стат. 1566, II, 18; Стат. 1588, II, 5, 17.

3) Любавскаго, Област. дѣленіе стр. 534.

4) Ibid., стр. 798. Въ расходной книгѣ Казимира, подъ 1488 г., отмѣчена, напр., такая данина: «хоружому Луцкому Даману 15 копъ грошей зъ мыта въ Луцку. Дмитру хоружому Володимерскому—8 копъ гр.» и пр. (Лит. Метр. Записей № 4, л. 61).

5) О коронныхъ «rotmistrzach» см. наприм. Raczyński, Код. diplom., № 201.

6) Въ Литов. Метрикѣ зарегистровано, подъ 1524 г., посланіе кор. Сигизмунда Литовской радѣ: «И тяжъ слышали, что тамъ (въ Кіев. замкѣ) ротмистръ простый чоловѣкъ, а ну потребѣ ничего не есть пожиточонъ, и в. м. ротмистра надъ служебными казали бы годнійшого установити, кого бы ея в. м. (панамъ раднымъ) видѣло». Лит. Метр. Записей № 7, л. 463).

полѣ», во время посполитыхъ рушеній, подчиняются на общемъ положеніи главнокомандующимъ воеводамъ и хоружимъ. Въ свою очередь, ротмистры распоряжаются службой подчиненныхъ имъ драбовъ и другихъ служебныхъ людей, судятъ и наказываютъ ихъ въ случаѣ какихъ либо служебныхъ провинностей съ ихъ стороны [1]).

Общее завѣдываніе господарскими замками и городами-укрѣпленіями, вмѣстѣ съ охраной и обороной населенія, входило въ компетенцію областныхъ правителей—воеводъ, каштеляновъ, старостъ и намѣстниковъ—державцевъ. Помощниками ихъ по городовому управленію являлись *городничіе*, существовавшіе лишь въ центральныхъ замкахъ и городахъ, какъ главныхъ базисахъ земской обороны областей [2]). Литовско-русскіе городничіе унаслѣдованы еще отъ древней Руси, которая, какъ видно изъ Русской Правды, имѣла особыхъ «городниковъ», получавшихъ свои «оуроци» [3]). Изъ актовъ видно, что городничіе вообще назначались на уряды литовскими господарями изъ мѣстной служилой шляхты [4]). Городничимъ ввѣрялось завѣдываніе строительной, хозяйственной и оборонительной администраціей городскихъ укрѣпленій. Городничіе обязаны были вести надзоръ за работами по устройству и ремонту замковъ и городовыхъ укрѣпленій, путемъ привлеченія къ «городовому дѣлу» тяглаго населенія волостей, тянувшихъ по повинностямъ къ замкамъ и городамъ,— смотрѣли за исправнымъ содержаніемъ укрѣпленій и за

---

1) О ротмистрахъ, ротахъ и почтахъ см. Литов. Стат. 1566, II, 24, 26. Стат. 1588, II, 10, 22—24. Ак. Лит. Метр. № 641, 736. Въ Литов. Метрикѣ находится, подъ 1518 г., судный вырокъ господаря объ убійствѣ семи «служебныхъ господарскихъ» роты пана Пилецкаго людьми князя Мстиславскаго (Лит. Метр. Судн. дѣлъ № 3, л. 24.

2) Впрочемъ, и въ центральныхъ замкахъ и городахъ не вездѣ существовали городничіе. Ихъ, напр., долго не было въ Полоцкѣ. Въ 1460 г. король Казимиръ писалъ Полоцкому намѣстнику, что полочане обвиняютъ его въ томъ, что онъ привлекаетъ полочанъ къ городовому дѣлу и назначаетъ отъ себя особаго городничаго, котораго на дѣлѣ издавна не бывало въ Полоцкѣ. Господарь приказалъ не давать полочанамъ городничаго, а къ городовому дѣлу привлекать волости Задвинскія и Полоцкія (Док. Моск. Арх. I, стр. 14). Городничіе въ Полоцкѣ появляются впервые при в. князѣ Александрѣ (АЗР. I, № 64. Skarbiec, № 2034—грамота 1490 г.).

3) Рус. Правда, Карамзина, стр. 108.

4) Любавскаго, Област. дѣленіе, стр. 758; Его же, Сеймъ, стр. 499—501.

снабженіемъ ихъ всѣмъ необходимымъ, какъ для ихъ содержанія въ порядкѣ, такъ и для «кормовъ» драбовъ и другихъ служилыхъ людей, отправлявшихъ въ замкахъ сторожевую службу. Съ этою цѣлью городничіе обязаны были выѣзжать по временамъ въ волости или посылать въ нихъ своихъ слугъ для сбора «дяколъ» (хлѣба, овса и пр.), корчемныхъ пенязей и другихъ господарскихъ доходовъ съ волостей, тянувшихъ къ замкамъ и городамъ [1]) Въ виду тягловой зависимости господарскихъ волостей отъ городовъ, тяглое населеніе такихъ волостей въ актахъ иногда называется людьми «городскими» [2]). Городничіе, принадлежавшіе къ мѣстной служилой шляхтѣ, принимали участіе въ судѣ и радѣ областныхъ правителей, какъ и въ съѣздахъ повѣтовой шляхты по земскимъ дѣламъ [3]). Въ непосредственномъ вѣдѣніи городничихъ находились *дворяне* и *слуги городовые* (*городцкіе*) и *замковые*, или же просто служебники и слуги, исполнявшіе разныя ихъ порученія по завѣдыванію городовымъ дѣломъ. Такимъ образомъ, по работамъ при устройствѣ замковыхъ городень, вежъ, остроговъ и пр., какъ видно изъ описи Луцкаго замка 1552 г., вели ближайшій надзоръ особые «*атаманы теселъскіе*» и пр. [4]). Дворяне и слуги городовые посылались городничими также въ волости для сбора дякла и пр., или же для сторожи съ послами, ѣздившими въ другіе города «по земскимъ речамъ» [5]). Наконецъ, въ

[1]) Въ 1495 г. бояре Жижморской волости жаловались господарю на Трокскаго городничаго, который привлекалъ ихъ къ необязательнымъ для нихъ тяглымъ повинностямъ: городничій «правилъ» на нихъ дякла, заставлялъ ихъ сѣно косить къ Старымъ Трокамъ, выгонялъ бояръ въ заставу къ Трокамъ «до скарбу нашого» (для сторожи) и пр. Господарь приказалъ городничему не привлекать бояръ ни къ какимъ тяглымъ повинностямъ (Лит. Метр. Запис. № 5, л. 26).

[2]) АЗР. II, № 61. Любавскаго, Област. дѣленіе, стр. 356.

[3]) Любавскаго, Обл. дѣленіе, стр. 865—867. Его же, Сеймъ, стр. 154—159. Изъ акта 1474 г. видно, что на съѣздѣ земянъ Луцкихъ принималъ участіе Луцкій городничій, князь Путята (Лит. Метр. Записей № 25, л. 265).

[4]) Арх. ЮЗР. ч. VI, т. стр. 170. Такъ назывались слуги, приставлявшіеся для надзора за городовыми плотниками (теслями или дойлидами), устроявшими деревянные остроги, вежи и пр.

[5]) АЗР. I, № 175. О городничихъ и городовыхъ слугахъ см. АЗР. I, № 64; II, 71; Skarbiec, № 2034. Арх. ЮЗР. ч. VI, т. I, № 2; ч. VII, т. I, 148, 350 и пр. Arch. Sang. IV, № 387; Źródła dziejowe, VI, стр. 44. Археогр. Сборн. I, № 31, 175; III, 37, 64, 73 и пр. Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I, стр. 14, 20, 150. Ак. Лит.-рус. госуд. I, 87, 228. Ак. Лит. Метр. № 12, 32,

зависимости отъ областныхъ правителей, вмѣстѣ съ городничими, находились *мостовничіе*, напоминавшіе собой «мостьниковъ» Русской Правды. Они смотрѣли за ремонтомъ и исправнымъ содержаніемъ мостовыхъ городень и вообще мостовъ при замкахъ, устраивавшихся мѣстными землевладѣльцами и тяглымъ населеніемъ господарскихъ волостей [1]).

Перейдемъ теперь къ обзору актовыхъ данныхъ по вопросу объ административныхъ органахъ по управленію литовско-русскихъ городскихъ и сельскихъ общинъ въ господарскихъ маетностяхъ.

По вопросу объ общей администраціи литовско-русскихъ *городовъ* до преобразованія ихъ въ привиллегированныя мѣщанскія общины—«мѣста» и «мѣстечки», жившія по нѣмецкому (магдебургскому, хельмскому или шродскому) праву, мало сохранилось извѣстій въ источникахъ. Дѣло въ томъ, что первоначально вездѣ на Руси, въ обѣихъ ея половинахъ—восточной и западной, жизнь городская и сельская текла однимъ, общеземскимъ русломъ, безъ всякихъ существенныхъ разграниченій между мѣщанскимъ городомъ и крестьянской деревней. Въ восточной и западной Руси въ старину въ одинаковой мѣрѣ жили по городамъ и селамъ и бояре и люди купеческіе, и ремесленники, и смерды—рольники; здѣсь и тамъ все свободное населеніе земли—волости могло составлять изъ себя земскія вѣча и избирать своихъ князей и другихъ нарядниковъ, подчинялось суду и наряду общихъ для горожанъ и сельчанъ мѣстныхъ правителей и наконецъ отправляли одинаковыя земскія повинности на общемъ основаніи вѣчевыхъ «разрубовъ» и «розметовъ». Все различіе города отъ

---

146 и пр. Boniecki, Poczet, стр. IX, XIII, XIV. С. А. Бершадскаго, Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ (Кіев. Старина, 1888, № 9, стр. 79—84). Любавскаго, Област. дѣленіе, 89, 96, 254, 347, 474, 808 и пр. Его же, Сеймъ, стр. 154, 221, 399, 499, 579, 582. Моя монографія, Бояре и служилые люди въ литов. государствѣ (Жур. Мин. Юст. 1907, іюнь, стр. 215).

[1]) О мостовничихъ см. АЗР. I, № 203. АЮЗР. I, № 55. Arch. Sang. IV, № 387. Boniecki, Poczet rodów, стр. XVII, XVIII. Любавскаго, Област. дѣленіе, стр. 795, 842.

села выражалось въ роли города въ дѣлѣ земской обороны и наряда: городъ являлся центральнымъ пунктомъ земской охраны, убѣжищемъ для горожанъ и сельчанъ въ осадную пору, какъ и средоточіемъ общей земской администраціи. Въ своей землѣ—волости городъ занималъ «командующее» положеніе; по суду, наряду и повинностямъ къ городу тянуло все населеніе приписанныхъ къ нему волостныхъ округовъ [1]). Отсюда понятно, почему въ старыхъ литовско-русскихъ актахъ мало сохранилось извѣстій объ особыхъ городскихъ урядахъ, которые бы болѣе или менѣе рѣзко отличались отъ урядовъ волостныхъ или сельскихъ: при административномъ единствѣ въ старину городскихъ и сельскихъ общинъ, администрація городская немногимъ отличалась отъ волостной,—въ городѣ и волости, собственно говоря, функціонировали одни и тѣ же административные органы. Лишь въ одной сферѣ торгово-промышленныхъ оборотовъ, по существу самаго дѣла преобладавшихъ въ экономическомъ быту городскихъ общинъ, могли имѣть мѣсто спеціально—городскіе уряды. По старымъ литовско-русскимъ актамъ къ такимъ урядамъ относятся органы, завѣдывавшіе общимъ надзоромъ за мѣстами торговыхъ оборотовъ, вмѣстѣ съ сборомъ съ купцовъ торговыхъ пошлинъ. Въ кіевскихъ актахъ второй половины XV в. упоминается урядъ *осмниковъ*, завѣдывавшихъ торговыми «рядами» и собиравшихъ пошлины съ купцовъ, которые «на ряду сѣдятъ», особенно съ «новотныхъ» людей, которые хотятъ «сѣсти на ряду» для торга своими товарами [2]). Въ Смоленскѣ, Брянскѣ, Черниговѣ и другихъ южно-русскихъ городахъ функціи кіевскихъ осмниковъ по надзору за торговыми рядами отправляли *рядничіе*, взимавшіе въ торговыхъ рядахъ «взвѣстку» съ купцовъ, въ особенности съ москвичей, тверичей и «иныхъ купцовъ-чужеземцевъ» [3]). Изъ актовъ видно, что урядъ рядничихъ, подобно другимъ «волост-

[1]) См. мою моногр.—Къ исторіи администр. строя литов. государства, 1899, стр. 3, 4.

[2]) Любавскаго, Област. дѣленіе, стр. 505, 683, 785.

[3]) АЗР. I, № 213. Ясинскаго, Грамоты, 148. Памят. диплом. сношеній древн. Россіи I, стр. 9 и слѣд. (рядничіе въ Кіевѣ, Черниговѣ и другихъ южно-русскихъ городахъ). Любавскаго, 281, 786, 817.

камъ», раздавался мѣстнымъ служилымъ людямъ «колеею», поочереди, на годъ или два [1]). Къ такимъ же городскимъ урядникамъ относятся *мѣрчіе*, наблюдавшіе за торговыми мѣрами, въ особенности практиковавшимися при продажѣ корчемныхъ пичей, со взиманіемъ при этомъ «корчемныхъ пенязей», составлявшихъ одну изъ главныхъ статей господарскихъ доходовъ [2]). Затѣмъ, въ актахъ упоминаются другіе городскіе уряды; но они ничѣмъ существеннымъ не отличались отъ аналогическихъ же урядовъ, функціонировавшихъ въ господарскихъ волостяхъ. Таковы *тіуны* (тивуны), упоминающіеся въ актахъ начала XVI в., въ значеніи урядниковъ, сидѣвшихъ въ городахъ и пригородахъ земель Полоцкой и Кіевской; можно полагать, что въ болѣе древнее время тіуны могли функціонировать и въ другихъ западно-русскихъ городахъ. Изъ Полоцкаго привилея 1511 г. видно, что городскими тіунами не могутъ быть слуги воеводъ, и что тіуны обязаны давать опредѣленный взносъ изъ своихъ доходовъ «на господарскій дворъ», т. е. собственно мѣстнымъ областнымъ правителямъ. Тіуны городскіе, какъ и волостные, одинаково избирались мѣстными обывателями и отправляли «по старой пошлинѣ» судебную функцію по дѣламъ собственно городскихъ обывателей (не-шляхты), безъ вмѣшательства областныхъ правителей въ функціи тивуновъ. Кромѣ привилея Полоцкой земли о городскихъ тіунахъ находимъ указанія также въ кіевскихъ актахъ начала XVI в. [3]). Таковы же городскіе *старосты* и *старцы*, существовавшіе въ старину въ разныхъ русскихъ областяхъ. Въ западно-русскихъ актахъ XV и XVI в. старосты упоминаются въ одной Смоленской землѣ; въ другихъ литовско-русскихъ областяхъ старцы удерживались въ значеніи урядниковъ не только волостныхъ,

---

[1]) Въ росписи Брянскихъ бояръ, 1496 г., которымъ были розданы волости, значится: «Енушу а Тегини Печогинымъ рѣдничое на два годы послѣ Жинева. Бунаку и Левши рѣдничое на два годы послѣ Енуша и Тегини» (Лит. Метр. Запис. № 6, л. 561). См. также Любавскаго, Област. дѣленіе, стр. 281.

[2]) Докум. Моск. Арх. I, стр. 152, 153, 491.

[3]) АЗР. II, № 3. Skarbiec, № 2349; Ясинскаго, Грамоты, стр. 141, 143; Бѣляева, Исторія Полоцка, стр. 401—403.

но и городскихъ [1]). Таковы же городскіе *сотники* и *сорочники* Городенскіе, подчинявшіеся мѣстному городничему, или городскіе *десятники* Мстиславскіе; такіе же точно урядники, какъ увидимъ ниже, функціонировали въ отдѣльныхъ волостяхъ [2]). Въ актахъ, наконецъ, есть указанія на волостные уряды, которые въ тоже время были и городскими. Таковы, напр., волостные «*атаманы*» въ Кіевской землѣ, которые въ дѣлѣ надзора за повинностями, были представителями не только крестьянъ, но и мѣщанъ; *соцкіе* въ Торопцѣ тоже вѣдали волостныхъ людей и мѣщанъ Торопецкихъ; *старцы* въ волостяхъ Поднѣпровскихъ также были урядниками крестьянскими и мѣщанскими [3]).

На иныхъ основаніяхъ установился административной строй литовско-русскихъ городовъ со времени рецепціи въ нихъ *нѣмецкаго городового права* (Stadtrecht), съ кореннымъ преобразованіемъ всего ихъ внутренняго строя, какъ и отношеній ихъ къ государству. Въ литовско-русскихъ городахъ дѣйствовало по преимуществу магдебургское право, а изрѣдка и его разновидности— право хельмское, или хельминское (jus Culmense города Хелма, въ польской Пруссіи) и шродское (jus Sredense, v. Novi Fori—города Шрода, Neumarkt, въ пол. Силезіи [4]). Въ городахъ Галичины магдебургское право вводилось еще при старыхъ русскихъ князьяхъ. Юрій, послѣдній Галицкій князь, въ 1339 г. далъ г. Саноку привилей на магдебургское право. Историки не безъ основанія полагаютъ, что и въ Львовѣ еще при рускихъ князьяхъ было введено магдебургское право; при-

---

1) Любавскаго, Област. дѣленіе, 267, 498, 732, 856. Объ участіи Смолен. старостъ въ радѣ мѣстныхъ правителей см. ibid. стр. 868.

2) О мстислав. десятникахъ см. АВК. XIII, № 1. Городенскіе сотникъ и сорочникъ упоминаются въ грамотѣ 1512 г. кор. Сигизмунда (Лит. Метр. Записей № 9, л. 92). Въ судномъ дѣлѣ 1514 г. упоминается десятникъ, состоявшій на посылкахъ при намѣстникѣ Ейшишскомъ (ibid. Судн. дѣлъ, № 1, л. 74).

3) Любавскаго, Област. дѣленіе, стр. 497, 498.

4) Право хелмское было введено въ нѣкоторыхъ городахъ Подляхіи (Клещеле, Кробове, Нарва), Литвы (Мѣдники, Ворніовъ) и Волыни (Дорогобужъ, Красиловъ). См. АЗР. II, № 123. Skerbiec, № 2307. Арх. ЮЗР. III, № 149, 178. Лит. Метр. Запис. № 9, л. 85 (привилей 1514 г. на хелм. право г. Нарвѣ). Baliński, Staroż. Polskie, IV, 421. Iaroszewicz, Obraz Litwy, II, 87. Право Шродское было пожаловано въ 1424 г. городу Соколу въ Дорогич. повѣтѣ (Лит. Метр. Записей № 25, л. 265).

вилей, данный Львову въ 1356 г., былъ только подтвержденіемъ стараго привилея [1]). Въ концѣ XIV в. (съ 1387 г.), вслѣдъ за первымъ опытомъ уніи Литвы съ Польшей, магдебургское право вводится въ Вильнѣ, Трокахъ, Меречи, Ковно, Брестѣ Литовскомъ и Гродно, гдѣ въ это время уже образовались торгово-промышленныя, польскія и частью нѣмецкія колоніи; ради интересовъ послѣднихъ первоначально и вводилось нѣмецкое право въ упомянутыхъ городахъ. Самымъ раннимъ и при томъ сплошнымъ гнѣздомъ польскихъ магдебургій нужно считать Подляхію, ставшую подвергаться сильной полонизаціи еще въ пору зависимости западной ея половины отъ мазовецкихъ князей; уже тогда магдебургіи заводились во всѣхъ главныхъ городахъ Подляхіи. Такія же сплошныя гнѣзда польскихъ магдебургій появляются въ теченіе XV и первой половины XVI в. въ другихъ окраинахъ русскихъ, прилегавшихъ къ Польшѣ,— Подоліи и Волыни (въ особенности западной). Во внутреннихъ областяхъ литовскаго государства магдебургіи до позднѣйшаго времени или вовсе не заводятся, или же развиваются весьма туго, спорадически, далеко не такими сплошными гнѣздами, какъ это было въ сосѣднихъ съ Польшей областяхъ — Подляхіи, Волыніи и Подоліи. До Люблинской уніи главный районъ рецепціи магдебургскаго права совпадаетъ съ первоначальнымъ райономъ развитія полонизаціи въ Литвѣ,—въ юго-западной окраинѣ литовскаго государства, непосредственно прилегавшей къ польскимъ областямъ. Затѣмъ, чѣмъ далѣе отъ этой окраины подвигаемся къ восточнымъ рубежамъ литовскаго государства, тѣмъ рѣже и рѣже встрѣчаются на Руси польскія магдебургіи. Въ старой Сѣверщинѣ ихъ вовсе не было; магдебургіи появляются здѣсь въ началѣ XVII в., послѣ вторичнаго присоединенія лѣвобережной Украйны къ Речи Посполитой. Лишь послѣ Люблинской уніи нѣмецкое право начинаетъ болѣе усиленно вводиться за рубежемъ первоначальной, сплошной его рецепціи, напр., въ Кіевщинѣ, вошедшей въ составъ польскихъ провинцій, и пр.

---

[1]) См. Ѳ. В. Тарановскаго, Источники Магдеб. права, стр. 17, 18.

Магдебургіи построялись въ Литвѣ-Руси по общему шаблону польскихъ образцовъ, т. е., съ выдѣленіемъ городовъ изъ общаго земскаго строя, съ предоставленіемъ городскимъ общинамъ независимой администраціи и вообще jus ducale по повинностямъ, суду и управленію, но вмѣстѣ съ тѣмъ внѣ всякаго реальнаго участія «мѣстъ» въ жизни своей области и цѣлаго государства. Въ 60-хъ годахъ XVI в. лишь одни виленскіе мѣщане пользовались въ этомъ отношеніи особымъ положеніемъ. Такъ, на сеймѣ 1564 г., учрежденномъ по вопросу о польско-литовской уніи, участвовали виленскіе бурмистръ и проконсулъ [1]). Въ 1568 г. виленскимъ мѣщанамъ вообще было предоставлено посылать на вальные сеймы двухъ или трехъ своихъ представителей, но съ правомъ голоса только по дѣламъ, касавшимся мѣста Вильны [2]). Магдебургіи, имѣвшія общее значеніе stati in statu, монополизировали главные административные центры Литвы-Руси, гдѣ по мѣстнымъ условіямъ по преимуществу сосредоточивалась торгово-промышленная дѣятельность страны. Сохранилось, затѣмъ, много актовъ, изъ коихъ видно, что магдебургское право вводилось также въ владѣльческихъ мѣстечкахъ, но не иначе, какъ каждый разъ съ разрѣшенія государя [3]). Бытъ «мѣщанъ» замковыхъ и жившихъ въ владѣльческихъ мѣстечкахъ, въ существѣ дѣла, немногимъ отличался отъ быта мѣщанъ привиллегированныхъ магдебургій: послѣднія заводили свои филіальныя колоніи вездѣ, гдѣ было «мѣщанство», въ владѣльческихъ мѣстечкахъ и замковыхъ городахъ. Затѣмъ и русское мѣщанство, удержавшее за собой мѣстами самостоятельное положеніе, устраивало весь свой внутренній обиходъ не иначе, какъ по тѣмъ же образцамъ и пріемамъ мѣщанства привиллегированныхъ городовъ, усвоивало и свыкалось съ административными порядками старшихъ магдебургій [4]).

[1]) Vol. leg. II, 646.

[2]) Любавскаго, Сеймъ, стр. 659, 814.

[3]) См. АЮЗР. I, 85. Арх. ЮЗР. ч. V, т. I, № 8, 11, 25, 26, 28, 115, 163, 202; ч. VI, т. I, № 12, 144. Ак. Лит. Метр. № 85. Vol. leg. VII, 85, 759, 778; VIII, 209, 671. Baliński, Staroż. Polska, II, стр. 1423. В. А. Незабитовскаго, Собраніе сочиненій, стр. 348 и слѣд.

[4]) О нѣмецкомъ правѣ польскихъ и литовско-русскихъ городовъ см. *P. Kuszewiez,* Prawa Chelmińskiego xiąg pięcioro, 1623 (втор. изд.—Lus

Изъ Литовскаго Статута, наприм., видно, что войты и лавники, главные органы самоуправленія привиллегированныхъ мѣстъ, жившихъ по магдебургскому праву, во второй половинѣ XVI в., встрѣчались также въ мѣстечкахъ «меньшихъ», вовсе не знавшихъ магдебургскаго права и тѣмъ не менѣе по своимъ внутреннимъ дѣламъ управлявшихся такими же мѣщанскими урядами, какъ и привиллегированныя магдебургіи [1]). Очевидно, уряды эти, смѣнившіе древне-русскихъ старцевъ и старостъ, прививались въ мѣстечкахъ подъ прямымъ воздѣйствіемъ польско-литовскихъ магдебургій.

Литовско-русскія магдебургіи состояли подъ управленіемъ такихъ же административно-судебныхъ учрежденій, какъ послужившія для нихъ образцомъ польскія магдебургіи. По общимъ началамъ, развитымъ въ источникахъ магдебургскаго права, мѣщанскіе уряды могли замѣщаться кандидатами изъ мѣщанъ и другихъ общественныхъ классовъ. По Литовскому Статуту мѣщанскіе уряды могутъ занимать, кромѣ лицъ свободныхъ мѣщанскихъ профессій, также люди зависимые и даже шляхтичи, не терявшіе чрезъ это своихъ шляхетскихъ правъ,

---

Colmense, 1697). *A. Medrzecki,* Zbiór praw, dowodów i uwag, z treści tychże winikających, dla objaśnienia zaszytów, stanowi miejskiemu ex juribus municipalibus służących, 1790. *I. W. Bandtkie-Stężyński,* Wywód historyczny praw miejskich w Polsce (Zbiór rozpraw o przedmiotach prawa polskiego, 1812). Его же, Wywód hist. praw pruskich, mianowicie prawa Chelminskiego (Ius Culmense, 1814). Его же, Prawo Magdeburskie (Hist. prawa pol. 1830). *Tad. Czacki,* Rozprawa o prawie Chelminskiem (Pomniki Wiszniewskiego, 1837; вт. изд.—Dzieła Tad. Czackiego, 1845, III). Его же, O prawie magdeburskiem (Dzieła, I). *Moraczewski,* Magdeburskie prawo (Starożytności Polskie 1842—1852). *Baliński* и *Lipiński,* Magdeb. prawo (Sraroż. Polska, 1843—1846). *R. Röpell,* Ueber die Verbreitung des Magdeburger-Stadtrechts im Gebiete des alten poln. Rechts ostwärts des Weichsell. 1857. *М. Ф. Владимірскаго-Буданова,* Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ (Жур. Мин. Нар. Просв. 1868, № 8—12; отдѣльно, 1868). Его же, Замѣтка о магдеб. правѣ (Кіев. Унив. Изв. 1874, № 3). *А. Ѳ. Кистяковскаго,* О нѣмец. правѣ (Очеркъ истор. свѣдѣній о сводѣ законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи, 1878). *В. Н. Незабитовскаго,* Собраніе сочиненій, 1884. *В. Антоновича,* Магдеб. право западно-рус. городовъ (Монографіи, I, 1885). *И. Теличенко,* Очеркъ кодификаціи малорос. права, 1888. *Dr. L. Dargem,* O żrodtach przepisów karznych w dzietach Groickiega (Rozprawy Akad. Umiejętn. 1888, XXII). Его же, O żrodtach prawa miast polskich (ibid. 1891, XXIV). Его же, O żrodtach «Porządtku» Bart. Groickiego (ibid. XXV). *Д. Багалей,* Магдеб. право въ лѣвобережной Малороссіи (Жур. Мин. Нар. Просв. 1892, мартъ). *A. Halban,* Zur geschichte des deutschen Rechts in Podolen, Wolhynien u. des Ukraina, 1896. *Ѳ. В. Тарановскаго,* Обзоръ памятниковъ магдеб. права запад.-рус. городовъ литов. эпохи (Варш. Унив. Изв. 1897; отдѣльно—1897).

[1]) Стат. 1588, XII, 6.

разъ они не «бавились» торгомъ или ремесломъ [1]). Лишь сеймовая конституція 1633 г. подвела шляхтичей, участвовавшихъ въ должностныхъ функціяхъ мѣщанскихъ магистратуръ, подъ одну категорію съ шляхтой—торгашами и шинкарями [2]).

Во главѣ литовско-русскихъ магдебургій, какъ и польскихъ, стояли *войты* (advocati). Урядъ войтовскій (войтовство, advocatia) отправляли по преимуществу лица различныхъ мѣщанскихъ профессій—мытники, кравцы и пр. [3]). Кандидаты на урядъ войтовства первоначально назначались литовскими господарями, обыкновенно вмѣстѣ съ выдачей данному «мѣсту» привилея на магдебургское право [4]), при чемъ урядъ предоставлялся иногда только «до воли господарской» избранному господаремъ кандидату [5]); иногда же въ привилеяхъ на магдебургское право находится общее положеніе: «войтовство тамъ уставляемъ вѣчно» [6]). Въ послѣднемъ случаѣ рѣчь идетъ собственно объ учрежденіи «наслѣдственнаго» войтовства (advocatia perpetua или haereditatia), предоставлявшагося «perpetue et in aevum» данному лицу и его законнымъ наслѣдникамъ, съ правомъ «держать и завѣдать вѣчно и непорушно» войтовскій урядъ,—воленъ онъ и его наслѣдники «то отдати, продати, ку своему вжиточному и лѣпшему обернути, какъ самъ налепѣй разумѣючи» (commutandum, donandum, obligandum et in suos usus convertendum etc.) [7]). При этомъ, въ при-

---

[1]) Стат. 1566, XII, 2; Стат. 1588, XII, 4, 6.

[2]) Vol. leg. III, 806.

[3]) Въ 1503 г. войтовство Минское было предоставлено мытнику Ивану Новокрещеному (Ак. Лит. Метр. № 651). Въ слѣдующемъ году войтомъ Порозовскимъ былъ назначенъ кравецъ Турчинъ (ibid. № 697) и пр.

[4]) Такимъ образомъ, вслѣдъ за выдачей (16 окт. 1501 г.) мѣсту Мельнику привилея на магдебургское право (Ак. Лит. Метр. № 605), король Александръ выдалъ 20 окт. 1501 г.; Николаю Рыхлику особый привилей на войтовство въ сказанномъ мѣстѣ (ibid. № 606).

[5]) Первоначально войтовство Минское было предоставлено Ивану Новокрещенному «до воли господарской», позже пожизненно и, наконецъ, на общемъ положеніи войтовства наслѣдственнаго (Ак. Лит. Метр. № 651).

[6]) Такова, наприм., оговорка въ привилеѣ 1503 г. мѣстечку Высокому въ Дорогицкомъ повѣтѣ (Ак. Лит. Метр. № 642).

[7]) На такихъ основаніяхъ Витовтъ, въ 1428 г., предоставилъ Станиславу Дзядку войтовство Дорогицкое (А. Л. М. № 2); въ 1501 г. дано войтовство Мельницкое Николаю Рыхлику и его наслѣдникамъ въ качествѣ «advocatia perpetua» или «haereditatia» (ibid. № 605 и 606),—въ 1503 г. Ивану Новокрещеному войтовство Минское (ib. № 651), въ 1505 г. дворянину Болотовичу войтовства Забѣльское и Ялвѣзское (ibid. № 704) и пр.

вилеяхъ на наслѣдственное войтовство иногда оговаривается, что если бы въ данномъ мѣстѣ магдебургское право было «зламано», то «однако его не маемъ съ того войтовства рушити»,—войтъ по прежнему пользуется судными пошлинами и другими доходами, слѣдовавшими ему съ войтовства [1]). Въ актахъ, затѣмъ, есть указанія на нерѣдкіе случаи, когда войты, сидѣвшіе на наслѣдственныхъ войтовствахъ, пользовались своимъ правомъ отчужденія ихъ другимъ лицамъ, однако не иначе, какъ съ вѣдома и разрѣшенія господаря, обыкновенно каждый разъ выдававшаго новымъ пріобрѣтателямъ привилей на войтовство [2]). Наконецъ, по актамъ, одному лицу иногда жаловались два войтовства не только пожизненныя, но и наслѣдственныя. Наприм., въ 1497 г. Ѳедоръ Лудовъ былъ назначенъ войтомъ одновременно въ двухъ мѣстахъ—Владимірѣ и Литовижѣ [3]), какъ и Манушко владѣлъ двумя наслѣдственными войтовствами—Забѣльскимъ и Ялвезскимъ, проданными имъ въ 1505 г. Болотовичу [4]). Позже наслѣдственныя войтовства, по большей части, выкупаются самими мѣщанскими общинами; съ этихъ поръ войтовства замѣщаются, какъ и другіе мѣщанскіе уряды, исключительно путемъ выборовъ на общихъ сходахъ, собиравшихся въ привиллегированныхъ магдебургіяхъ для избранія урядниковъ и по другимъ мѣстнымъ дѣламъ [5]). Кромѣ опредѣленной части судныхъ пошлинъ (пересуда и пр.), полагавшихся по общему правилу на

---

[1]) Подобной оговоркой обусловливается, напр., данина Минскаго войтовства Смоленскому мытнику, Ивану Новокрещеному: «а естли быхлго право Майтбарское въ мѣстѣ Менскомъ зламали, и мы однако его не маемъ съ того войтовства рушити, и тотъ его третій грошъ съ судовъ маетъ ему таки намѣстникъ Менскій выдавати, и тежъ тыхъ всихъ платовъ его и доходовъ, которымъ есмо къ войтовству придали, не маемъ въ него отнимати» (Ак. Лит. Метр. № 651).

[2]) Таковъ, наприм., случай продажи дворянину Болотовичу войтовствъ Забѣльскаго и Ялвезскаго, данныхъ Манушко «на вѣчность». По челобитью Болотовича, въ 1505 г. выданъ Болотовичу новый привилей на упомянутыя войтовства «вѣчно и непорушно», ему и его наслѣдникамъ,—«воленъ онъ то отдати, продати» и пр., съ придачей ему млина, части сосѣдняго лѣса и земель (Ак. Лит. Метр. № 704).

[3]) АЗР. I, № 121.

[4]) Данныя по этому вопросы собраны въ изслѣдованіи проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ. 1868.

[5]) См. Ак. Лит. Метр. № 2, 651, 697 и пр.

содержаніе мѣщанскихъ урядниковъ, войты, при пожаловании войтовствъ, получали на свое содержаніе разные «придатки», наприм., доходы съ воскобоенъ и другихъ городскихъ угодій—мельницъ, ставовъ, земель, корчомъ и пр. [1]). Войты «справуютъ» мѣстомъ не иначе, какъ при обязательномъ участіи рады въ рѣшеніи всѣхъ главныхъ мѣстныхъ дѣлъ. Имъ ввѣряется общій надзоръ за хозяйствомъ и вообще благоустройствомъ мѣстъ, подлежавшихъ ихъ войтовству [2]).

Пока существовали войты, отправлявшіе наслѣдственныя войтовства и вообще мало зависѣвшіе отъ своихъ «мѣстъ», литовско-русскіе города, какъ и польскіе, пользовались далеко неполнымъ самоуправленіемъ. Послѣднее достигаетъ надлежащаго развитія лишь съ тѣхъ поръ, какъ мѣста и мѣстечки, жившіе по магдебургскому праву, получили право управляться своими собственными войтами, избиравшимися, подобно другимъ мѣщанскимъ урядникамъ, на общихъ мѣстскихъ сходахъ изъ среды самихъ же мѣщанъ. Съ этихъ поръ главнымъ «врядомъ мѣстскимъ», въ значеніи основнаго органа самоуправленія привиллегированныхъ магдебургій, является *рада (ратушъ* или *ратуша*, съ XVIII в. *магистратъ)*, состоявшая, кромѣ войта, изъ ряда мѣщанскихъ урядниковъ—лентвойта, бурмистровъ, радцевъ, проконсуловъ и лавниковъ [3]).

Лентвойты упоминаются въ актахъ XVI в. въ общемъ значеніи намѣстниковъ въ особенности наслѣдственныхъ войтовъ въ крупныхъ магдебургіяхъ, или же войтовъ, одновременно отправлявшихъ войтовство въ двухъ меньшихъ магдебургіяхъ. Въ актахъ не находимъ точныхъ указаній на порядокъ избранія лент-

---

[1]) См. Ак. Лит. Метр. № 2, 651, 697 и пр.

[2]) О компетенціи войтовъ см. Porzaden Гроицкаго ч. I, арт. 8, 10. Specul. Saxon. Щербича, lib. II, art. 41; lib. III, 13. Его же Jus Municip. art. II.

[3]) О радѣ (consilium) см. Porzaden Гроицкаго, ч. I, арт. 4—6. Jus. Municip. Щербича, арт. 19, 43, 44. Въ литовско-русскихъ актахъ рада называется ратушъ или ратуша, съ XVIII в. магистратъ. См. Арх. Сборн. I, № 108 (ратуша). Истор.-юридич. матеріалы, извлеч. изъ акт. книгъ губ. Витеб. и Могилев. VII, стр. 369 (рада); VIII, 232. Док. Моск. Арх. I, стр. 231, 236 (ратушъ). Арх. ЮЗР. ч. V, т. I, № 73 (актъ 1704 г.—магистратъ). Ак. Лит. Метр. № 22 (врядъ мѣстскій), 45 (тоже), 419, 443, 536, 651.

войтовъ; по всей вѣроятности, ихъ избирали сами же войты, подобно старостамъ или воеводамъ, избиравшимъ своихъ намѣстниковъ изъ подходящихъ служилыхъ людей. Въ составѣ членовъ мѣщанскихъ ратушъ лентвойты обозначаются въ актахъ послѣ предсѣдательствовавшихъ войтовъ [1]).

Бурмистры обозначаютъ вообще урядниковъ, завѣдывавшихъ въ магдебургіяхъ полиціей и хозяйственными дѣлами магдебургіи. Въ актахъ, трактующихъ о судебныхъ сессіяхъ ратушъ, бурмистры обыкновенно обозначаются предъ главными членами ратушъ—радцами, или райцами [2]). Въ пору полнаго развитія самоуправленія магдебургій бурмистры, подобно войту и другимъ мѣщанскимъ урядникамъ, избирались иа общихъ мѣщанскихъ сходахъ. Изъ судныхъ вароковъ XVII в. видно, что дѣла меньшей важности разбирались въ судебныхъ сессіяхъ, состоявшихъ иногда изъ однихъ бурмистровъ и радцевъ [3]).

Основной контингентъ членовъ мѣщанскихъ радъ или ратушъ составляли *радцы* (рядцы, райцы) или *consules*. Съ первыхъ же поръ учрежденія въ Литвѣ—Руси магдебургій радцы получили значеніе главныхъ ихъ представителей, принимавшихъ участіе въ управленіи мѣщанскими дѣлами. По исконному обычаю, «радцы не маютъ накупныя (т. е. служащими по найму, за плату) быти, выменяя, кого они собѣ зъ войтомъ оберутъ, радцы маютъ быти тамъ у нихъ установлены» [4]). По исконному обычаю, записанному въ польскихъ источникахъ магдебургскаго права и въ литовско-русскихъ актахъ XV и слѣдующихъ вѣковъ, радцы ежегодно избираются на общихъ сходахъ мѣстными войтами и всей гминой (communitas) въ опредѣленномъ численномъ

---

[1]) О лентвойтахъ см. истор.-юрид. матеріалы, извлеч. изъ акт. книгъ Витеб. и Могилев., VIII, стр. 369; VIII, 232.

[2]) О бурмистрахъ см. АВК. VI, № 65. Arch. Sang. IV, стр. 24, 25. Истор.—юрид. матеріалы изъ акт. книгъ Витеб. и Могилев. VIII, стр. 232. Ак. Лит. Метр. № 22, 45, 99 и пр. Лит. Стат. 1588, XII, 6.

[3]) Это видно, напр., изъ вырока 1637 г. «бурмистро-радецкаго» суда по дѣлу объ уплатѣ незначительнаго долга жиду Якубовичу мѣщанами Филипповичами (АВК. VI, № 65).

[4]) Положеніе это формулировано въ привилеѣ 1503 г. мѣсту Высокому (въ Дорошу повѣтѣ) на магдеб. право (Ак. Лит. Метр. № 642).

составѣ, смотря по значенію и составу самихъ магдебургій [1]). Такимъ образомъ, въ Мельникѣ ежегодно избираются четыре радцы, въ Бѣльскѣ пять [2]), въ старшихъ же магдебургіяхъ (напр. Дорогичинѣ) ежегодно избираются шестнадцать радцевъ и пр. [3]). Избраніе радцевъ принадлежало мѣстнымъ войтамъ и всему составу мѣщанской гмины, причемъ въ магдебургіяхъ съ наслѣдственными войтовствами, при выборахъ радцевъ, преобладали войты. Такъ, по актамъ 1495 и 1501 г. въ Бѣльскѣ мѣстный войтъ избираетъ трехъ радцевъ; выборъ остальныхъ двухъ радцевъ принадлежалъ самой гминѣ [4]). Въ старшихъ магдебургіяхъ съ выборными войтами половину радцевъ избиралъ войтъ, другую половину—гмина, причемъ въ радцы избирались мѣщане—католики и православные въ равномъ составѣ [5]). Послѣ выборовъ новые радцы съ войтомъ, по обычаю, принимали отъ старыхъ радцевъ «личбу» (отчетъ) въ особенности по хозяйственному управленію мѣста [6]).

Изъ отдѣльныхъ привилеевъ на магдебургское право видно, что, по обычаю, установившемуся въ польскихъ и литовскихъ магдебургіяхъ, радцы, при участіи войта, избирали изъ среды себя *проконсуловъ* (praeconsules), ради общаго наблюденія за порядкомъ въ мѣстѣ, какъ и за законностью распоряженій и мѣропріятій мѣщанскихъ урядовъ [7]).

Кромѣ радцевъ, на общихъ сходахъ мѣщанъ избирались также *лавники* (нѣм. шеффены) присяжные судьи,

---

[1]) См. Porządek Гроицкаго, ч. I, арт. 4. Jus. Munic. Щербича, арт. 44. Skarbiec, № 2091, 2141. Wiszniewski, Pomniki, IV, стр. 87, 103. АВК. VI, № 65. Ак. Лит. Метр. № 371; 605, 699.

[2]) Ак. Лит. Метр. № 605. Skarbiec, № 2091, 2141.

[3]) Ак. Лит. Метр. № 371 (привилей 1498 г.).

[4]) Skarbiec, № 2091, 2141.

[5]) Ак. Лит. Метр. № 371 (привилей 1498 г.).

[6]) Skarbiec, № 2141 (актъ 1501 г.).

[7]) По привилею 1498 г. Дрогичину на магдеб. право, послѣ избранія радцевъ, «hi tandem consules (радцы) eligent inter se singulis annis simul cum advocato *duos praeconsules*, unum de ritu nostro (изъ католиковъ) et alium ruthenorum, quorum manibus simul cum advocato communitas simul gubernabitur omnia vero reliqua iuxta decretum Maydeburgense plenarie observent» (Ак. Лит. Метр. № 371). Въ привилеѣ мѣсту Мельнику 1501 г. говорится, что радцы вмѣстѣ съ проконсуломъ «omnibus iustitiam ministrare debebunt, et ordinem oppidi; circumspicem» (ibid. № 605). См. также ibid. № 669.

участвовавшіе въ судебныхъ сессіяхъ мѣщанскихъ радъ [1]). Какъ замѣчено выше, менѣе важныя дѣла разрѣшались бурмистро-радецкимъ судомъ безъ участія лавниковъ [2]). Изъ актовъ видно, что въ нѣкоторыхъ магдебургіяхъ изъ присуда мѣщанскихъ радцевъ съ лавниками исключались такъ называемые старостинскіе артикулы. Въ привилеѣ вел. князя Александра мѣсту Волковыйскому на магдебургское право говорится, что дѣла о кгвалтѣ, пожогѣ, разбоѣ и «всильствѣ», не подлежатъ мѣщанскому суду,—судъ по указаннымъ дѣламъ господарь беретъ на себя и своихъ урядниковъ [3]). Впрочемъ, по другимъ актамъ (напр. привилеямъ мѣсту Мельнику, Литовижу, Дрогичину и др.) мѣщанскій присудъ распространялся на всѣ гражданскія и уголовныя дѣла мѣщанъ, «tam magnis, quam parvis», безъ всякихъ изъятій [4]). Мѣщанскій судъ, въ полномъ составѣ мѣстскихъ урядниковъ, радцевъ и лавниковъ называвшійся «судомъ гайнымъ» (или гаеннымъ) [5]), велся совершенно независимо отъ вмѣшательства общеземскихъ учрежденій. Въ привилеяхъ на магдебургское право находимъ вездѣ общую формулу, гарантирующую полную самостоятельность мѣщанскихъ урядовъ, внѣ всякой зависимости отъ господарскихъ намѣстниковъ и другихъ мѣстныхъ урядниковъ [6]).

Въ актахъ, наконецъ, находимъ указанія на общіе *«сходы»* (громады, поспольства) мѣщанскихъ общинъ (communitas, гминъ), собиравшихся также для разсмот-

---

1) Истор.—юрид. матеріалы, извлеч. изъ акт. книгъ Витеб. и Могилев., VIII, стр. 232. Ак. Лит. Метр. № 22, 45 и пр.; Стат. 1566, XII, 2; Стат. 1588, XII, 6.

2) АВК. VI, № 65.

3) АЗР. II, № 13.

4) Ак. Лит. Метр. № 371, 589, 605, 699.

5) Истор.—юрид. матеріалы изъ акт. книгъ Витеб. и Могилев. VII, стр. 369. Ак. Лит. Метр. № 45.

6) Такова, напр. формула привилея 1503 г. мѣстечку Высокому въ Дорогиц. повѣтѣ: «Тежъ намѣстнику Дорогицкому непадобе двора своего въ ихъ мѣстѣ будовати, а ихъ самому не судити, ани радити, и винъ иныхъ и пошлинъ своихъ не маетъ на нихъ брати, нижли войтъ и радцы и мѣщане маютъ ся въ томъ мѣстѣ справовати и радити подлугъ того права своего Майтбарскаго по тому, какъ и по инымъ мѣстомъ нашимъ, которымъ же предкове наши и мы права Майтбарскія подавали; и которыи люди въ томъ мѣстѣ мешкаютъ, тыи вси маютъ того ихъ права послушны быти; войтъ и радцы маютъ ихъ судити и рядити и винныхъ подлугъ ихъ вины и заслуги карати, а намѣстники наши не маютъ ся въ тое ихъ право ни въ вошто вступати» (Ак. Лит. Метр. № 642).

рѣнія и рѣшенія важнѣйшихъ дѣлъ, касавшихся общихъ интересовъ всей мѣщанской общины [1]).

Кромѣ старшихъ урядниковъ, заправлявшихъ дѣлами привиллегированныхъ магдебургій, въ актахъ находимъ также указанія на низшихъ мѣщанскихъ урядниковъ, состоявшихъ при войтахъ и мѣщанскихъ ратушахъ. Таковы: писари (notarii civitates), подвойскіе (praecones, судебные приставы), слуги и служебники мѣстскіе [2]).

Въ ряду главныхъ результатовъ рецепціи магдебургскаго права и усвоенія литовско-русскими городами административныхъ учрежденій польскихъ магдебургій, является организація торгово-промышленнаго строя литовско-русскихъ городовъ по общему типу средневѣковыхъ «*братствъ*» (fraternitates)—ремесленныхъ цеховъ и купеческихъ гильдій, монополизировавшихъ главныя отрасли торгово-промышленной жизни литовско-русскихъ мѣстъ и мѣстечекъ, жившихъ по магдебургскому праву [3]).

Организація магдебургій по началамъ автономіи и самоуправленія, съ подчиненіемъ магдебургій лишь одному присуду господарей, держалась въ Польшѣ и Литвѣ до Люблинской уніи, когда вмѣстѣ съ экспропріаціей шляхтой всѣхъ прерогативъ господарской власти, магдебургіи, волей—неволей, должны были подчиниться «можновладству» державной шляхты, съ значительнымъ ограниченіемъ старой системы самоуправленія магдебургій. Съ Люблинской уніи старшія магдебургіи, существовавшія въ господарскихъ маетностяхъ, сдѣлались «добрами Речи Посполитой», т. е., шляхты въ полномъ ея составѣ, другія же вошли въ составъ земскихъ маетностей отдѣльныхъ землевладѣльцевъ шляхтичей. «Тѣ и другія одинаково потеряли значеніе общинъ, стояв-

---

[1]) См. Арх. ЮЗР. V, т. I, стр. 147, 150, 163, 239, 285, 453, 471, 525. Skarbiec, № 2091, 2141. Wiszniewski, Pomniki, IV, стр. 87, 103. Проф. М. Ф. Владимірскаго Буданова, Населеніе, стр. 104, 108.

[2]) Стат. 1588, XII, 6. Parząden Гроицкаго. ч. I, арт. 14, 34, 40. Specul. Saxon. Щербича, lib. III, art. 56, 60.

[3]) О цехахъ и гильдіяхъ см. АЮЗР. I, № 68. Ак. Лит. Метр. № 204. Porządek Гроицкаго, ч. I, арт. 31, 32. Jus Municip. Щербича, арт. 44; Стат. 1566, XII, 3; Стат. 1588, XII, 5. Владимірскаго Буданова, Нѣмец. право въ Польшѣ и Литвѣ. 1868. И. Спрогиса, О цеховомъ устройствѣ и управленіи западно-русскихъ городовъ. (Предисл. къ АВК. 1878, IX). Его-же Цеховые уставы зап.-рус. городовъ (ibid. 1879. X).

шихъ внѣ всякаго вліянія какихъ либо посредствующихъ властей и зависѣвшихъ единственно и непосредственно отъ господаря: магдебургіи Речи Посполитой, по различію маетностей экономическихъ или столовыхъ, королевскихъ и духовныхъ, подчинялись экономической администраціи, старостамъ и владѣльцамъ духовныхъ бенефицій; земскія поступили во власть частныхъ вотчинниковъ» [1]). Такъ стоялъ вопросъ о литовско-русскихъ магдебургіяхъ до 1776 г., когда особой сеймовой конституціей всѣ магдебургіи въ Литвѣ, кромѣ важнѣйшихъ городовъ, были уничтожены; съ этихъ поръ литовско-русскіе города и мѣстечки стали подчиняться общеземскимъ административнымъ порядкамъ [2]). Замѣтимъ, наконецъ, что конечнымъ результатомъ четырехъ вѣковой практики магдебургскаго права, основаннаго на полномъ отчужденіи магдебургій отъ остальнаго земства и на дѣлѣ всегда шедшаго въ разрѣзъ съ интересами русской народной жизни, оказались разложеніе и экономическій упадокъ городскихъ общинъ, подавленіе въ нихъ всякой общественной самодѣятельности, развитіе экономической эксплуатаціи городовъ польскими (позже и еврейскими) колоніями, заправлявшими всѣми городскими дѣлами, съ полнымъ иногда попраніемъ всего національно-русскаго и православнаго [3]).

Перейдемъ теперь къ обзору актовыхъ данныхъ по вопросу о *волостномъ управленіи* въ литовско-русскомъ государствѣ. Волостями по актамъ назывались въ господарскихъ маетностяхъ административные округи, состоявшіе изъ сельскихъ поселеній и представлявшіе собой въ служебно-тягловомъ отношеніи територіальныя единицы, управлявшіяся тивунами и другими волостными урядниками. Волостями назывались иногда

---

1) См. В. А. Незабитовскаго, Собраніе сочиненій, стр. 345. Антоновича, Изслѣдованіе о городахъ. (Арх. ЮЗР. ч. V, т. I, стр. 54 и сл.). М. Ф. Владимірскаго—Буданова, Нѣмец. право въ Польшѣ и Литвѣ, стр. 269, 270.

2) Vol. leg. VIII, 928, 939.

3) Указанные результаты рецепціи въ Литвѣ-Руси магдебургскаго права правдиво намѣчены въ цитированномъ выше изслѣдованіи о нѣмецкомъ правѣ проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова.

также части волостныхъ округовъ, административно-объединенныя подъ властью низшихъ сельскихъ урядниковъ—приставовъ, десятниковъ и пр. Въ актахъ находимъ, такимъ образомъ, указанія на «волостки» въ волостяхъ [1]). Кромѣ того, по актамъ волость иногда обозначаетъ части селъ. Наприм., въ записяхъ Казимира зарегистрована такая данина: «пану Ивашку Монивидовичу (дана) волость у Богдановичохъ селѣ: Ходоръ Олексичъ, Родивонъ, Олихверецъ, Климъ, Симонъ» и др. [2]).

Административными центрами волостей въ имѣніяхъ литовскихъ господарей, какъ видно изъ актовъ, служили *дворы* и *дворцы* «княжіе», «королевьи» или большею частію «господарскіе» [3]). Дворы господарскіе, подъ которыми въ актахъ иногда разумѣются цѣлыя господарскія маетности, раньше всего появляются въ западныхъ областяхъ литовскаго государства, сосѣднихъ съ Польшей, въ особенности въ Подляхіи, гдѣ дворы господарскіе, устроявшіеся вообще по польскимъ образцамъ, могли возникать еще въ 30-хъ годахъ XIII в., когда Дорогичская земля была захвачена мазовецкими князьями. Паны и земяне польскіе, рано ставшіе обзаводиться маетностями въ Подляхіи, устраивали въ нихъ, по своимъ роднымъ, польскимъ образцамъ, дворы (zagrody) и фольварки, съ обычнымъ въ Польшѣ волочнымъ хозяйствомъ. Изъ устава Бѣльской земли 1501 г. видно, что уже при Витовтѣ сдѣлался обычнымъ въ этомъ краѣ перенесенный изъ Польши порядокъ распредѣленія земель на волоки,—порядокъ, обоснованный на существованіи въ маетностяхъ панскихъ дворовъ съ фольварочной системой сельскаго хозяйства [4]). Тому же Витовту въ актахъ приписывается устройство дворовъ и фольвар-

---

[1]) Такъ, въ 1501 г. королю Александру билъ челомъ окольничій Смоленскій Борисъ Семеновичъ о данинѣ ему «волостки людей Вилькомирской волости на имя Рокгово» (Любавскаго, Областное дѣленіе, стр. 72,—изъ Литов. Метрики).

[2]) Ibid. стр. 72. О значеніи волостей въ смыслѣ цѣлыхъ земель, также урядовъ, служившихъ источникомъ извѣстныхъ доходовъ (конюшее, городничое и пр.) см. выше.

[3]) См. мою моногр.—Къ исторіи администр. строя литов. государства, стр. 51.

[4]) АЗР. I, № 189, п. 19, стр. 225.

ковъ въ господарскихъ имѣніяхъ Черной Руси и другихъ сѣверо-западныхъ областей литовскаго государства [1]), также въ Жмудьской землѣ. При учрежденіи уряда Жмудьскаго старосты (въ 1413 г.) ему предоставлено было управленіе волостями, изъ какихъ въ то время состояла Жмудь, за исключеніемъ четырехъ волостей (Вилькіи, Велены, Ясвойны и Кгерстомона), взятыхъ съ людьми и землями Витовтомъ въ свою непосредственную «моцъ и подаванье» и приписанныхъ къ устроеннымъ въ нихъ тогда же господарскимъ дворамъ [2]). Въ уставной грамотѣ Жмудьской земли 1492 г. король Александръ обязывается не устраивать въ Жмуди новыхъ господарскихъ дворовъ, кромѣ дворовъ старыхъ, устроенныхъ при Витовтѣ [3]). «Витовтовы» дворы съ «прислухавшими» къ нимъ волостями считались господарскими до позднѣйшаго времени. При Сигизмундѣ I значительно расширенъ былъ территоріальный составъ старыхъ господарскихъ дворовъ,—въ 1527 г. къ нимъ были «привлащены» 14-ть волостей, бывшихъ до того времени въ непосредственномъ «подаваньи и держаньи» старосты,—волости эти взяты «къ рукамъ господарскимъ», съ правомъ «подаванья ихъ въ держанье по своей волѣ» [4]). Въ собственной Литвѣ, во всѣхъ господарскихъ маетностяхъ, въ концѣ XIV и началѣ XV в. началось также выдѣленіе земель и волостей въ непосредственную «моцъ и подаванье» литовскихъ господарей, съ устройствомъ въ такихъ волостяхъ особыхъ господарскихъ дворовъ и дворцовъ —фольварковъ, безъ ограниченій, какія находимъ въ Жмудьскихъ уставахъ касательно учрежденія новыхъ господарскихъ дворовъ. Дворы устраивались не только лично самими господарями (какъ это было при Витовтѣ), но и ихъ областными урядниками [5]). Въ XV в. устройство въ господарскихъ имѣніяхъ особыхъ дворовъ и фольварковъ

---

[1]) Ак. Лит. Метр. 332.

[2]) См. Baliński, Starożytna Polska (2-е изд.), IV, стр. 404.

[3]) АЗР. I, № 103.

[4]) АЮЗР. I, № 86. См. также Жмудьскіе уставы 1529 г. (АЗР. II, № 160) и 1574 г. (ibid. II, № 59, п. 25).

[5]) См. мою моногр.—Къ исторіи администр. строя литов. государства, стр. 59.

сдѣлалось въ большинствѣ литовско-русскихъ областей на столько всеобщей и необходимой принадлежностью господарскихъ экономій, что къ концу этого вѣка и въ началѣ слѣдующаго является уже потребность въ составленіи дворныхъ инвентарей [1]). Господарскіе дворы не вездѣ имѣли одинаковое значеніе. Въ южно-русскихъ земляхъ (кіевской, волынской и подольской), при окраинномъ ихъ положеніи, господарское хозяйство въ XVI в. (особенно въ первой его половинѣ, когда почти не прерывались татарскіе набѣги на южную Русь) не могло достигнуть такого развитія, какъ это было въ собственной Литвѣ. Дворы господарскіе, существовавшіе въ южнорусскихъ областяхъ, имѣли въ большинствѣ значеніе не столько сельскихъ фольварковъ, сколько дворовъ городскихъ при замкахъ—укрѣпленіяхъ [2]).

Составъ господарскихъ дворовъ, административныя и хозяйственныя ихъ функціи довольно точно опредѣляются, кромѣ инвентарей по каждому двору въ отдѣльности, также въ старыхъ уставахъ господарскихъ дворовъ и волостей [3]). Въ старое время подъ именемъ дворовъ и дворцовъ разумѣлись не только собственно «усадьбы», съ разными хозяйственными учрежденіями, но и, главнымъ образомъ, цѣлыя маетности,—господарскій дворъ, имѣніе или экономія, по актамъ XVI в., были вполнѣ тождественныя понятія [4]). Господарскіе дворы, какъ административные и хозяйственные центры волостей, существовали попреимуществу въ городахъ и замкахъ или же въ центрахъ, приписанныхъ къ замкамъ господарскихъ волостей, но всегда обособленно отъ крестьянскихъ поселеній. Господарскіе дворы въ городахъ и волостяхъ--это тѣ же старые «княжіе дворы», какіе существовали еще въ эпоху Русской Правды, не только въ мѣстахъ личной резиденціи князей, но и вездѣ, гдѣ

---

[1]) Ibid стр. 60, 61.

[2]) Любавскаго, Област. дѣленіе, 364.

[3]) Таковы уставы волостей и дворовъ Жмудьскихъ—1527, 1529, 1530, 1574 г. (АЗР. II, № 59, 149 и 160), дворовъ Виленскихъ и Трокскихъ 1529 и 1542 г. (ibid. II, № 159; Арх. ЮЗР. ч. VI, т. I, стр. 11 и слѣд.) и вообще уставы объ управленіи господарскихъ экономій, 1557 и 1558 г. (АЗР. III, № 19).

[4]) Актовыя данныя по этому вопросу указаны въ моей монографіи.— Къ исторіи администр. строя литов. государства, стр. 64—66.

только сидѣли княжіе мужи—намѣстники, волостели, тіуны и пр. Съ введеніемъ фольварочнаго (волочнаго) хозяйства въ имѣніяхъ литовскихъ господарей, къ старымъ княжимъ дворамъ «прилучались» *дворцы—фольварки*, заводившіеся вездѣ, гдѣ выдѣлялась «дворная» пашня отъ крестьянской и существовало отдѣльное господарское хозяйство [1]. Что касается существованія господарскихъ дворовъ въ селахъ, то всѣ указанія актовъ XV и XVI в. по этому вопросу даютъ лишь одинъ отрицательный отвѣтъ [2]. Все дѣло въ томъ, что строгое обособленіе господарскихъ дворовъ и фольварковъ отъ «прислухавшихъ» къ нимъ селъ и мѣстечекъ являлось неизбѣжнымъ результатомъ средневѣковой, нѣмецкой системы сельскаго хозяйства, къ XIV в. прочно установившейся вездѣ въ польскихъ земляхъ, а съ конца того же вѣка ставшей прививаться и въ литовско-русскомъ государствѣ. Волочное (или фольварочное) хозяйство основано на земельномъ кадастрѣ, съ выдѣленіемъ земли дворной, бывшей въ непосредственной эксплоатаціи дворной администраціи, отъ земли собственно крестьянской, волостной. По инвентарямъ и другимъ актамъ дворная земля обыкновенно отмѣривалась въ отдѣльные «обрубы», располагалась обособленно отъ крестьянскихъ усадьбъ и земель, кругомъ и по близости панскихъ дворовъ и фольварковъ, устроявшихся среди дворной пашни. За рубежами послѣдней кадастрировались, затѣмъ, крестьянскіе земельные участки (волоки), съ устройствомъ среди нихъ крестьянскихъ поселеній, обособлено отъ панскихъ дворовъ и дворной пашни [3]. Волочная система характеризуется именно полнымъ обособленіемъ панскаго двора и дворныхъ земель отъ крестьянскаго села съ приписанными къ нему крестьянскими землями. Панскіе дворы въ селахъ начинаютъ упоминаться въ актахъ не раньше XVII в. [4], когда дворная челядь, жившая раньше въ господарскихъ дворахъ, съ разростаніемъ

---

[1] См. мою моногр.—Къ исторіи админ. строя, стр. 67, 68.

[2] Замѣчаніе по поводу заключенія г. Любавскаго о существованіи господар. дворовъ въ селахъ въ XV и XVI в. изложено мной въ цитированной выше монографіи, стр. 71—74.

[3] См. напр. АВК., XIV, стр. 281 и сл. АЗР. III, № 19, п. 23, 24, 36.

[4] Арх. ЮЗР. ч. VI, т. I, стр. 488,—прилож. стр. 6.

численнаго ея состава, выселяется въ такія же «селидбы» при панскихъ дворахъ, какъ и поселенія собственно крестьянскія. Экономіи господарскія слагались нерѣдко изъ цѣлаго ряда «панскихъ» дворовъ, каждый съ своими особыми фольварками и сложными волостями [1]). Дворы «панскіе» означали собственно «усадьбу», съ дворнымъ «будованьемъ» для жилья волостныхъ урядниковъ [2]). Отъ нихъ отличались дворы «пашеньи», дворцы-фольварки, собственно фермы, съ сосредоточеннымъ въ нихъ хозяйственнымъ «будованьемъ», складами хозяйственныхъ припасовъ, гумномъ (стодолой), оборой (скотнымъ дворомъ) и пр. [3]).

Личный составъ такихъ дворовъ въ господарскихъ имѣніяхъ опредѣлялся болѣе или менѣе сложными размѣрами хозяйства въ имѣніяхъ, также спеціальнымъ, административно-хозяйственнымъ назначеніемъ самихъ дворовъ. Въ большихъ экономіяхъ требовался сложный персоналъ дворныхъ урядниковъ, съ большимъ составомъ рабочихъ силъ (дворной челяди), бывшихъ въ распоряженіи дворнаго уряда. Въ дворахъ незначительныхъ имѣній функціонировалъ вообще несложный составъ администраціи и рабочихъ силъ, постоянно жившихъ въ дворахъ. Дворы панскіе, служившіе главными административными центрами господарскихъ волостей, по своему личному составу, отличались отъ пашенныхъ дворовъ—фольварковъ. Въ панскихъ дворахъ господарскихъ имѣній жили главные правители—господаревы намѣстники, позже старосты и державцы. Тутъ же, при главныхъ правителяхъ, находились ихъ помощники по хозяйственному управленію дворовъ, древне-русскіе тивуны, позже вообще «врядники державцыны», или державцы, замѣнившіе старыхъ тивуновъ. Къ дворнымъ же урядникамъ относились старцы, заказники, ключники, десятники, сотники, сорочники, приставы и другіе собственно крестьянскіе урядники, вѣдавшіе отдѣльныя

---

[1]) Skarbiec, № 2279; Арх. Сб. № 78; АВК. XIV, 199, 227 и пр. Любавскаго, Област. дѣленіе, стр. 139; прилож. № 1, 5, 7.

[2]) Археогр. Сборн. I, № 19, 20; Ак. Лит. Метр. № 410.

[3]) АВК. XIV, 77, 185, 373; АЗР. II, № 19. п. 23—25. О панскихъ дворахъ и фольваркахъ въ господар. имѣніяхъ см. мою моногр.—Къ исторіи администр. строя, стр. 48—104.

части господарскихъ волостей—сотни, сорока, приставничества и пр. [1]). Въ дворахъ—фольваркахъ главнымъ урядомъ считалась «служба гуменная» (надзоръ за фольварочнымъ хозяйствомъ, въ особенности за гумномъ), отправлявшаяся гуменниками; послѣдніе, по уставу 1529 г., относятся также къ дворнымъ урядникамъ [2]).

Въ господарскихъ экономіяхъ отдѣльныя волости изстари находились въ управленіи *тивуновъ* (литов. tivunas, civon, пол. villicus, wtodarz), по актамъ достатутоваго времени, встрѣчавшихся во всѣхъ литовско-русскихъ областяхъ. Изслѣдователи не безъ основанія полагаютъ, что прототипомъ литовскихъ тивуновъ были древне-русскіе тіуны сельскіе или ратайные, упоминающіеся еще въ Русской Правдѣ,—съ присоединеніемъ къ Литвѣ сосѣднихъ русскихъ областей, тивунскій урядъ послѣднихъ преемственно усвоенъ былъ и въ собственно литовскихъ областяхъ [3]). Изъ областныхъ привилеевъ и другихъ актовъ XVI в. земель Смоленской, Кіевской, Полоцкой и пр. видно, что тивунскіе уряды были въ «подаваніи» литовскихъ господарей, предоставлявшихъ управленіе волостями мѣстнымъ боярамъ—шляхтѣ «комуся будетъ годити» [4]). Такое же право «подаванья» волостей господарями первоначально, какъ замѣчено выше, практиковалось и въ Жмудьской землѣ, кромѣ части волостей, бывшихъ въ «подаваньи» Жмудьскаго старосты [5]). Отмѣна господарскаго и старостинскаго «подаванья» волостей принадлежитъ Жмудьскому привилею 1492 г., по которому «жадныхъ иншыхъ тивуновъ не мамы имъ давати, одно тыхъ,

---

[1]) Skarbiec, № 2279; АЗР. II, № 19, 75, 159 (п. 21). Археогр. Сборн. I, № 19. Любавскаго, Област. дѣленіе, 420—424. Стат. 1566, XII, 2. Стат. 1588, XII, 4.

[2]) АЗР. II, № 159, п. 21; III, № 19, п. 25.

[3]) См. Любавскаго, Област. дѣленіе, 721, 722. Литовско-русскимъ тивунамъ соотвѣтствуетъ польскій *włosarz* wlodarius, villicus или rector villarum. См. Rzyszczewski Cod. diplom. I. стр. 29, 116; II. 163, 200, 201, 641; III, 75, 396. Raczyński, Cod., 177. Раковецкаго, Рус. Правда, I, 99. Мацѣевскаго, Hist. prawod. Słowian. II, 61, 63. Чацкаго, Dzieła, 268 (въ Подольи—villicus alias civon).

[4]) Ясинскаго, Грамоты, 116 (смолен. привилей 1505 г.) и 117 кіевск.) привил. 1507 и 1529 г.). АЗР. I, № 175 (Полоц. актъ 1499 г.) и пр.

[5]) См. Baliński, Starożytna Polska, IV, 404. Любавскаго, Област. правленіе, 204.

которыхъ бы они себѣ обрали, альбо хотѣли обрати (съ) своихъ повѣтовъ, обо которыхъ бы у насъ просили» [1]). Тоже правило дословно воспроизводится въ Жмудьскомъ привилеѣ 1507 г. [2]). Старое право «подаванья» господарей и старостъ съ этихъ поръ ограничивалось лишь однимъ утвержденіемъ въ должностяхъ кандидатовъ, избранныхъ самимъ населеніемъ [3]). Изъ актовъ, далѣе, видно, что урядъ «тивунства» предоставлялся обыкновенно на неопредѣленное время «до воли господарской», или пожизненно, «до живота», или, какъ и другіе уряды, поочереди, по годамъ, «колею» [4]). Въ актахъ конца XV и начала XVI в. находимъ также указанія на «подаванье» господарями тивунскаго уряда одному лицу одновременно въ нѣсколькихъ волостяхъ [5]). Тивуны, въ общемъ порядкѣ областного управленія, являлись помощниками воеводъ и старостъ, какъ высшей судебно-административной инстанціи, преимущественно по дѣламъ господарскаго хозяйства въ волостяхъ, бывшихъ въ управленіи тивуновъ. Такимъ образомъ, главная обязанность тивуновъ состояла въ завѣдываніи сборомъ господарскихъ доходовъ и въ надзорѣ за отправленіемъ волостнымъ населеніемъ господарскихъ и мѣстныхъ повинностей, при чемъ, какъ видно изъ Полоцкаго привилея 1511 г., тивуны распоряжаются въ своихъ волостяхъ самостоятельно, безъ вмѣшательства

---

[1]) По латинской редакціи того же привилея, «item nullos alios civonos cis dabimus, solummodo quos ipsi eligerint, vel eligent des districtibus suis et quos a nobis petant» (Ясинскаго, Грамоты, 119).

[2]) АЗР. I, № 103. Ак. Лит. Метр. № 775.

[3]) Ясинскаго, Грамоты, 119. Baliński, Staroż. Polska, IV, 403. Любавскаго, Област. дѣленіе, 293.

[4]) Любавскаго, Област. дѣленіе, 293. Въ записной книгѣ Казимира отмѣчена данина тивунщинъ: Михаилу Маскевичу (дана) тивунщина великая Мозырская на годъ, Ѳедку Линевскому малая на годъ,—Лазару въ Мозыры тивунщина малая на годъ» и пр. (Лит. Метр. Запис. № 4, л. 61 и сл.). Такія же данины встрѣчаются въ расходныхъ книгахъ начала XVI в.: «князю Володку Ивановичу тивунштина Любашская на годъ послѣ первыхъ... тивунщина Речицкая, Чечерская и Горвольская (одному лицу) на сюю осень» (ibid. Записей № 8, л. 412).

[5]) Такъ, въ 1490 г. панъ Михаилъ Кибороловичъ былъ тивуномъ Переломскимъ и Ожскимъ (Ак. Лит. Метр. № 67); въ 1494 г. Михно Ивановичъ занималъ тивунскіе уряды Трокскій и Высокодворскій, а въ 1504 г.—уряды Трокскій и Езденскій (ibid. № 128, 140, 867). Въ предыдущемъ примѣчаніи отмѣчена данина одному лицу «на осень» сразу трехъ тивунскихъ урядовъ—Речицкаго, Чечерскаго и Горвольскаго (Лит. Метр. Запис. № 8, л. 412).

воеводъ и воеводскихъ слугъ [1]). «По старой пошлинѣ» тивуны являются главными судьями по всѣмъ дѣламъ волостного населенія [2]); по Литовскому Статуту, тивуны, какъ и замѣнившіе ихъ позже державцы, не имѣли права судить шляхты—бояръ, подлежавшихъ юрисдикціи мѣстныхъ воеводъ, маршалковъ и старостъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда сами бояре «по доброй воли» обратятся къ тивунскому суду [3]). По старой же пошлинѣ, тивуны участвовали въ радѣ и судѣ мѣстныхъ воеводъ и старостъ; какъ видно изъ актовъ, Жмудьскіе старосты вообще не могли производить суда «безъ пановъ тивуновъ» [4]). Тивунскіе доходы (тивунщина), ради полученія которыхъ волости по старому обычаю раздавались мѣстнымъ боярамъ погодно, «колеею», состояли изъ судныхъ пошлинъ, также части господарскихъ доходовъ (напр., дякль и пр.), выдѣлявшихся по обычаю въ пользу тивуновъ, и изъ другихъ доходныхъ статей, взимавшихся тивунами съ волостного населенія [5]).

Ко времени изданія Литовскаго Статута 1529 г. господарскіе тивуны въ литовско-русскихъ волостяхъ были переименованы въ господарскихъ *державцевъ*, въ параллель съ польскими tenutarii, но безъ особыхъ перемѣнъ въ функціяхъ по управленію волостями [6]). Лишь

---

[1]) «Съ тивуномъ воеводскимъ слугамъ не ѣздити по волости Полоцкой» (Ясинскаго, Грамоты, 143). Объ обязанностяхъ тивуновъ по надзору за господарскимъ хозяйствомъ см. Любавскаго, Област. дѣленіе, 71, 721, 725.

[2]) Ясинскаго, Грамоты, 141.

[3]) «Нижли они сами естли бъ зволили передъ ними по доброй воли стати а расправити, то будетъ ихъ волно разсудити» (Лит. Стат. 1529, VI, 33).

[4]) АЗР. II, № 221. Ясинскаго, Грамоты, 119. Любавскаго, Област. дѣленіе, 865, 867.

[5]) Изъ грамоты Витовта (конца XIV в.). Борисовцамъ о сборѣ «тивунщины» видно, что уже въ это время точно регламентировались тивунскіе доходы (АЮЗР. I, № 4). Въ отчетѣ господарскаго писаря Яцковича о сборѣ податей и пошлинъ въ Задвинскихъ волостяхъ, въ 1496 г., говорится о «тивунщинѣ», какъ объ обычномъ доходѣ тивуновъ, взимавшемся ими съ волостного населенія (Лит. Метр. Записей № 6, л. 559). Изъ суднаго дѣла 1514 г. видно, что Мойшогольскіе волостные люди Жерновники обязались по суду, согласно съ старой пошлиной, давать мѣстному тивуну два раза въ годъ его тивунщину—«поклонъ великоденный и о Божье нарожене», по два гроши съ каждаго (Лит. Метр. Судн. дѣлъ, № 1, л. 89). Въ Жмуди тивуны первоначально взимали «посулы» (euxemia) со всякихъ господарскихъ данинъ, что Жмудьскимъ привилеемъ 1492 г. было впредь запрещено (Ясинскаго, Грамоты, 146).

[6]) Стат. 1529, VI, 33. Любавскаго, Област. дѣленіе, стр. 293. Панъ Добко, тивунъ Виленскій, управлявшій волостями Виленскаго повѣта, упо-

въ одной Жмуди старые тивуны оставались на прежнемъ положеніи до конца XVI в., когда тивуны и здѣсь были замѣнены державцами [1]). Впрочемъ, изъ конституціи 1677 г. видно, что въ нѣкоторыхъ волостяхъ Виленскаго повѣта удерживались еще въ XVII в. тивуны на старомъ положеніи [2]).

Тивуны, управлявшіе крупными волостями, иногда разбросанными въ нѣсколькихъ мѣстахъ, имѣли особыхъ помощниковъ—*подтивуновъ* или *намѣстниковъ*, избиравшихся тивунами изъ своихъ слугъ и волостныхъ людей. Волостные державцы также имѣли своихъ намѣстниковъ (понамѣстниковъ), называвшихся также тивунами, избиравшимися обыкновенно изъ слугъ державцевъ. Намѣстники замѣняли тивуновъ и державцевъ во время ихъ отсутствія и вообще помогали имъ по управленію волостями. Имъ поручался, напр., разборъ на мѣстѣ жалобъ между крестьянами о землѣ и пр. [3]).

Кромѣ тивуновъ и державцевъ съ ихъ намѣстниками, въ актахъ упоминается цѣлый рядъ собственно крестьянскихъ или сельскихъ урядниковъ, завѣдывавшихъ въ мелкихъ волостныхъ округахъ или отдѣльныхъ сельскихъ поселеніяхъ различными отраслями господарскаго хозяйства. Таковы древне-русскіе *старцы*,—сельскіе старшины въ Поднѣпровскихъ и Задвинскихъ волостяхъ, также въ сосѣднихъ съ ними русскихъ и литовскихъ земляхъ—Могилевской, Смоленской и Полоцкой; старцы мѣстами встрѣчались также въ волостяхъ виленскихъ, трокскихъ и частію кіевскихъ. Избраніе старцевъ на «старченье», какъ видно изъ актовъ, принадлежало въ старое время

минается еще въ одномъ судномъ дѣлѣ 1528 г. (Лит. Метр. Судн. дѣлъ л. 100). «Устава на волоки» въ литов. областяхъ знаетъ лишь однихъ намѣстниковъ—державцевъ (АЗР. II, № 19).

[1]) АЗР. II, № 75, 159, 160; III, № 59. Ясинскаго, Грамоты, 119. Любавскаго, 420—424. Впрочемъ, изъ актовъ конца XV и начала XVI в. видно, что тивуны нѣкоторыхъ волостей въ Жмуди, бывшихъ «въ подаваньи» господарей (Вилькейской, Веленской, Скерстомонской, Ясвонской и Шовельской), уже въ это время назывались «намѣстниками—державцами» (АЗР. I, № 169; II, 50, 78, 164. АЮЗР. I, № 37. Любавскаго, Област. дѣленіе, 206—208).

[2]) Baliński, Starożytna Polska (2-е изд.), IV, стр. 101.

[3]) О подтивунахъ и намѣстникахъ волостныхъ державцевъ см. АЗР. I, № 190, 204, II, № 70, 159, 160. Археогр. Сборн. III, 246. Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I, стр. 4, 10, 20. Ак. Лит. Метр., № 697. Любавскаго, Област. дѣленіе, стр. 663—665.

тивунамъ, позже волостнымъ державцамъ. Старцы «меты метывали по людямъ», т. е. раскладывали и собирали дани и другіе сборы «на волостныя потребы»; они же собирали господарскія дани и разные другіе платежи съ крестьянскаго населенія. Имъ же принадлежалъ общій надзоръ за исполненіемъ крестьянами лежавшихъ на нихъ повинностей; они «выгоняли» крестьянъ на тяглыя работы, напр., волочить на господаря озеро, строить тивунскій дворъ и пр. Старцы же являлись на судѣ въ качествѣ волостныхъ и сельскихъ представителей, вели, напр., иски по поводу кривдъ и «новынъ», вводившихся старшими урядниками и т. п. Наконецъ, старцы, какъ замѣчено выше, по дѣламъ тягловымъ судили не только крестьянъ, но и мѣщанъ, подлежавшихъ совмѣстно съ первыми разнымъ общественнымъ повинностямъ [1]).

Въ волостяхъ кіевскихъ и подольскихъ функціи древне-русскихъ старцевъ отправляли въ старое время *атаманы* (ватаманы). О подольскихъ атаманахъ говорится въ мѣстныхъ источникахъ еще въ пору татарской зависимости Подольской земли. По лѣтописному извѣстію, литовскіе князья Коріатовичи «осѣли» въ 60-хъ годахъ XV в. въ Подольской землѣ, на положеніи удѣльныхъ князей, въ силу «пріязни съ атаманами» подольской земли, по соглашенію и при содѣйствіи подолянъ, стремившихся, при помощи литовскихъ князей, освободиться отъ татарской зависимости [2]). Изъ источниковъ видно, что атаманы были установлены въ Кіевщинѣ и Подольи еще татарами для завѣдыванія сборомъ ордынской дани, слѣдовавшей съ мѣстнаго населенія [3]). Въ волостяхъ Барскаго староства (въ Подольи) сельскіе старшины назывались «ватаманами» еще въ актахъ XVI в. [4]). По кіевскимъ люстраціямъ атаманы, въ ка-

---

[1]) *О старцахъ* см. АЗР. I, № 82, 174, 217; II, № 75, 159; III, 19 АЮЗР. I, № 73. Бѣлорус. Архивъ, № 1. Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I, стр. 75, 116, 130, 132, 133, 469. Ак. Лит. Метр. № 11, 74, 180, 323, 332, 725. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, Формы крестьянскаго землевладѣнія въ лит.-рус. государствѣ XVI в. (Кіев. Сборн. 1892, стр. 38 и сл.). Любавскаго, Област. дѣленіе, стр. 435—437, 498, 701, 726, 728.

[2]) См. мои Очерки исторіи лит.-рус. права. Образованіе территоріи, стр. 354.

[3]) Stadnicki, Synowie Gedymina I, стр. 121.

[4]) См. Грушевскаго, Барское староство, стр. 258, 300.

чествѣ сельскихъ старшинъ, избирались изъ крестьянъ для ближайшаго завѣдыванія сельско-хозяйственными дѣлами; вмѣстѣ съ тѣмъ они отправляли также сельскія повинности,—«на войну и въ ловы хоживали», платили подымщину, а со временъ князя Семена Олельковича ходили съ другими тяглыми людьми на толоку, косили сѣно и отправляли другія повинности [1]). При королѣ Сигизмундѣ атамановъ встрѣчаемъ въ Черкасахъ, какъ представителей не только крестьянъ, но и мѣщанъ, которые несли многія повинности сообща съ волостными людьми [2]).

Въ волостяхъ Виленской, Трокской и Жмудьской земель сельскіе старшины назывались вообще *приставами*. Одни изъ нихъ завѣдывали частями волостей, такъ назыв., «приставництствами», и назывались вообще приставами «волостными». Ихъ помощниками по отдѣльнымъ селамъ были приставы «посельскіе», завѣдывавшіе «десятництвами» и потому иногда называвшіеся также «десятниками». По уставу 1529 г. господарскихъ дворовъ въ волостяхъ Виленскаго и Трокскаго воеводствъ приставы избирались державцами изъ крестьянъ «лѣпшихъ службъ» [3]); въ волостяхъ Жмудьскихъ сельскихъ приставовъ избирали старосты изъ «годныхъ» господарскихъ подданныхъ; приставы платили старостѣ, при избраніи, опредѣленный обычаемъ «доходъ» [4]). Приставы отправляли въ своихъ волостяхъ и селахъ тѣ же функціи, какъ и старцы въ русскихъ волостяхъ, напр., вели надзоръ за тяглыми работами волостныхъ людей, выгоняли ихъ въ «заставу» къ замкамъ или для охраны господарскаго «скарба», на кошеніе сѣна и пр.; они же собирали съ крестьянъ дякла и другіе сборы деньгами и натурою и пр. Подобно другимъ волостнымъ урядникамъ, приставы получали извѣстные доходы—судныя пошлины и разныя «подачки» съ подвѣдомственныхъ имъ волостныхъ людей. По Литовскому Статуту 1529 г. за убійство и

---

1) Арх. ЮЗР. ч. VII, т. II, № 1, ср. также ibid. ч. I, т. VI, № 5.

2) Любавскаго, Област. дѣленіе, стр. 431, 432. О южно-рус. «watamanach» см. Dzieta Tad. Czackiago I, стр. 268. Арх. ЮЗР. ч. VI, т. I, стр. 250. Arch. Sang. IV, 471, 479. Владимірскаго-Буданова, Населеніе, стр. 44.

3) АЗР. II, № 159.

4) Ibid. II, № 149.

обиды приставовъ полагаются такія же повышенныя пени (головщины и навезки), какъ и за другихъ волостныхъ урядниковъ [1]).

Въ Смоленской землѣ волостные старшины извѣстны были подъ общимъ названіемъ *приказниковъ*, избиравшихся, подобно литовскихъ приставамъ, областными правителями изъ волостныхъ слугъ (наприм., слугъ панцырныхъ), также вольныхъ крестьянъ, изрѣдка и изъ мѣстныхъ бояръ, по нѣкоторымъ повинностямъ примыкавшихъ къ волостнымъ людямъ. Смоленскіе приказники отправляли тѣже функціи, какъ и приставы — волостные старшины въ собственной Литвѣ [2]). Волости смоленскія, особенно располагавшіяся въ лѣсныхъ мѣстностяхъ, назывались иногда «путями»; соотвѣтственно съ этимъ и «*путники*» встрѣчаются въ актахъ въ общемъ значеніи волостныхъ приказниковъ, управлявшихъ смоленскими путями [3]).

Въ литовско-русскихъ земляхъ сельскія поселенія въ тягловомъ отношеніи сводились въ отдѣльные округи— сотни, сорока и десятки (десятницства), управлявшіеся сельскими старшинами, подъ названіемъ *сотниковъ* (или *сотскихъ), сорочниковъ* и *десятниковъ*. Подъ этими названіями сельскіе урядники въ ихъ совокупности больше всего упоминаются въ актахъ Черной Руси (еще до княженія Мендовга) и Бѣлоруссіи; въ актахъ Кіевской и Сѣверской земель встрѣчаются сотники и десятники, въ собственной Литвѣ сорочники и десятники. Въ актахъ Барскаго староства (въ Подоліи) изрѣдка упоминаются десятники [4]). Такіе же сельскіе урядники, повидимому, существовали въ старое время и въ Галичинѣ; въ актахъ позднѣйшаго времени, когда Галичина входила въ составъ польскихъ провинцій, изрѣдка упоминаются сотскіе, очевидно удержавшіеся въ Галичинѣ

---

[1]) АЗР. II, № 87, 149. 159, 160. Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I, стр. 102, 105. Ак. Лит. Метр. № 253, 262, 293, 746; Стат. 1529, XI, 3. Любавскаго, Област. дѣленіе, 424, 428, 725.

[2]) АЮЗР. I, № 73. Ак. Лит. Метр., № 118, 152, 200, 205, 344. Любавскаго, Област. дѣленіе, стр. 433.

[3]) О смоленскихъ путяхъ и путникахъ см. АЗР. I, № 55. Ак. Лит. Метр. 102, 113, 403, 460, 529, 623, 659. Любавскаго, Област. дѣленіе, 270—276, 434.

[4]) См. Грушевскаго, Барск. староство, стр. 258.

еще отъ эпохи политической ея самобытности [1]). Общимъ названіемъ всѣхъ этихъ урядниковъ, повидимому, было *заказники* [2]). Какъ видно изъ актовъ, сотники и другіе сельскіе урядники вѣдали въ своихъ участкахъ волостныхъ людей по суду [3]) и повинностямъ [4]), какъ и сами были на разныхъ посылкахъ волостныхъ державцевъ и проч. [5]).

Особые урядники завѣдывали господарскими дворами—станами, бывшими въ связи съ путной службой—дорожной сторожей и стаціями, путевыми кормами и подводной повинностью. Путевые станы принадлежатъ къ изстариннымъ обще-русскимъ учрежденіямъ: становища, станы, становые дворы, съ татарской эпохи ямы, существовали во всѣхъ древне-русскихъ земляхъ, ради тѣхъ же цѣлей, что и путевые станы въ литовскомъ государствѣ [6]). По литовско-русскимъ актамъ станы во всѣхъ литовско-русскихъ областяхъ имѣли значеніе путевыхъ дворовъ или хуторовъ, устроявшихся на большихъ «гостинцахъ» и земскихъ дорогахъ на случай проѣзда господаря, пословъ и другихъ «ѣздоковъ», какъ и ради потребностей ратныхъ, напр., поставки на путяхъ подводъ подъ ратные снаряды, посылавшіеся въ украинные замки или дѣйствующую армію и пр. Къ госпо-

---

1) АЮЗР. I, стр. 3; II, 101, 103

2) См. Ак. Лит. Метр. № 21 (листъ 1468 г.). АЗР. II, № 159, п. 21 (уставъ 1529 г.).

3) Указаніе на судебную функцію всѣхъ сельскихъ «заказниковъ» находимъ въ листѣ 1468 г. (Ак. Лит. Метр. № 21).

4) Въ жалованной грамотѣ в. кн. Александра 1499 г. дворянину Колонтаеву на выслугу его брата въ Брянскомъ повѣтѣ—данника Любощанскаго съ землей и данью, между прочимъ, говорится: «въ того человѣка *сотникомъ* не надобе ся вступати и ни розметовъ на нихъ не метати. Нижели коли мы сами, господарь, будемъ въ Брянску, або пославе наши, тогды и на того его человѣка маютъ розметы покладать, какъ и на иныхъ нашихъ людей» (Лит. Метр. Записей, № 5, л, 82).

5) Въ судномъ дѣлѣ 1514 г. упоминается десятникъ Ейшишской волости, который находился въ распоряженіи мѣстнаго намѣстника, былъ у него на «посылкахъ» и пр. (Лит. Метр. судн. дѣлъ № 1, л. 74). *О сотняхъ, сотникахъ* и *сотскихъ* см. АЗР. I, № 178; II, 87. Ак. Лит. Метр. № 471, 511. Любавскаго, Област. дѣленіе, 426—428, 431, 489, 493, 498, 725—727.—О *сорока* и *сорочникахъ*—АЗР. II, № 87, 159. Ак. Лит. Метр. № 288, 332, 518. Любавскаго, 132, 424—428, 725, 727. О *десяткахъ* и *десятникахъ*—АЗР. I, № 60. АВК. XVI, 79. Ак. Лит. Метр. № 167, 236, 246, 360, 496, 675, 694. Любавскаго,—329, 354, 398, 425—435, 459, 725, 726.

6) Пол. собр. лѣтоп. I, 25, 32, 110; II, 20; IV, 124. Ак. Ист. I, 70. Ак. Арх. Экс. I, 94.

дарскимъ дворамъ путнымъ тянули службой нерѣдко цѣлые поселки и спеціально приписывались люди путные и служебные на положеніи проводниковъ, путевой «сторожи» ѣздоковъ; люди тяглые поставляли на станы подводы и стацыи (кормы). Подъ «станами» разумѣлись, поэтому, не только путные дворы, но и совокупность тѣхъ поселковъ, какіе приписывались къ путнымъ дворамъ. Эти-то станы съ ихъ волостями находились въ завѣдываніи особыхъ становыхъ урядниковъ—*десятниковъ* и ихъ помощниковъ (поплечниковъ) *становничихъ*, по всему видно, избиравшихся изъ состава волостныхъ же людей, тянувшихъ къ путевымъ станамъ [1]).

Кромѣ угодій «пашенныхъ», бывшихъ въ общемъ завѣдываніи старцевъ, приставовъ и другихъ сельскихъ урядниковъ, въ экономіяхъ господарскихъ, въ особенности эксплоатировавшихся въ сѣверныхъ областяхъ литовскаго государства, существовалъ рядъ лѣсныхъ и другихъ угодій по бортничеству, коневодству, охотѣ звѣриной и пр. Спеціальное завѣдываніе всѣми такими угодьями, по исконной пошлинѣ, ввѣрялось сельскимъ урядамъ, въ особенности по хозяйству лѣсному и бортному, также по коневодству и ловецкимъ промысламъ (мысливству) разныхъ категорій.

Ради охраны лѣсныхъ угодій отъ самовольныхъ порубокъ, какъ и вообще въ видахъ правильнаго пользованія лѣсными угодьями и входами (бортными, ловецкими и др.), въ лѣсныхъ областяхъ государства рано организуются особые *лѣсные уряды*, съ лѣсной «сторожей», составлявшей особую службу крестьянъ. Съ XVI в. издаются особыя «ухвалы» и другіе акты, регулировавшіе, по стародавней пошлинѣ, лѣсную сторожу въ господарскихъ волостяхъ, изобиловавшихъ пущами и лѣсами. Такова господарская «ухвала» 1512 г.

---

[1]) О путевыхъ станахъ, десятникахъ и становничихъ см. Skarbiec, № 2270. АЗР. № 164; III, № 157. АВК. XVI, № 79 (стр. 2, 550). Памят. Кіев. Ком. II, отд. 2, стр. 219. Ясинскаго, Грамоты, стр. 145. Ак. Лит. Метр. № 338, 471, 518, 753. Стат. 1529, I, 26. Стат. 1566, I, 30. Стат. 1588, I, 35. Любавскій, (Обл. дѣленіе, 435) относитъ станы къ обычнымъ округамъ, составлявшимъ отдѣльныя части волостей, въ родѣ Московскихъ волостныхъ становъ. Заключеніе Любавскаго разобрано мной въ монографіи—Къ исторіи администр. строя литов. государства, стр. 84—92, 94, 95.

о лѣсничемъ урядѣ въ королевскихъ экономіямъ [1]), господарскій листъ 1522 г. о «входахъ» въ пущи, лѣса и рѣчныя угодья [2]), также рядъ инструкцій и другихъ актовъ, опредѣлявшихъ функціи лѣсныхъ урядниковъ,— *гаевниковъ* (mellis) и *лѣсничихъ* [3]). Общее управленіе лѣснымъ хозяйствомъ въ господарскихъ экономіяхъ входило въ компетенцію главныхъ урядниковъ (старостъ и др.) областей, на территоріи которыхъ располагались лѣсныя угодья, при ближайшемъ завѣдываніи и надзорѣ за господарскими пущами и лѣсами со стороны особо назначенныхъ для того урядниковъ— гаевниковъ и лѣсничихъ. Главные гаевники (наприм. Бирштанскій, Дорогицкій, Каменецкій и др.) завѣдывали лѣснымъ хозяйствомъ цѣлой области; другіе гаевники и лѣсничіе приставлялись къ отдѣльнымъ пущамъ и дворамъ съ особымъ лѣснымъ хозяйствомъ [4]). Гаевники съ лѣсничими, по актамъ, обязаны были «пущу нашу всю завѣдати, и сторожу добрую мѣти, абы звѣру нашому шкоды не было; а отъ кого бы намъ шкода была, того намъ маетъ объявити» и пр. [5]). Эта-то сторожа и составляла на мѣстѣ «особую» службу крестьянъ, избиравшихся въ гаевники и лѣсничіе и получавшихъ на «lesnictwo» свободные отъ общаго тягла «обрубы» земель на общемъ положеніи съ другими сельскими урядниками [6]). Функція «бору пильновать» лежала также на мѣстныхъ *бортникахъ*, жившихъ у своихъ или дворныхъ бортей [7]). Ухвала о лѣсничемъ урядѣ 1512 г. возлагаетъ лѣсную сторожу, кромѣ того, на *осочниковъ*, которые, вмѣстѣ съ своей ловецкой службой, стерегли господарскія пущи отъ шкодъ и по

---

1) Skarbiec, № 2234.

2) Ibid., № 2286.

3) Акты эти, извлеченные изъ Литовской Метрики, приводятся въ извлеченіи въ сочиненіи Любавскаго, Област. дѣленіе, 699—672. См. также «Ординація корол. пущъ въ лѣсничествахъ вел. княж. литовскаго», составл. въ 1641 г. (1871).

4) См. Любавскаго, 669. О гаевникахъ въ господар. экономіяхъ см. АЗР. II, № 64. О лѣсничихъ при отдѣльныхъ дворахъ и пущахъ см. Археогр. Сборн. I, стр. 16; АВК. XIV, 590, 591.

5) Любавскаго, 669.

6) АВК. IV, 599. Археогр. Сборн. I, 16, 18.

7) Арх. ЮЗР. ч. VI, т. I, 205. Археогр. Сборн. I, 18.

лѣсной сторожѣ подчинялись мѣстнымъ лѣсничимъ [1]). По позднѣйшимъ волочнымъ уставамъ и инвентарямъ, осочники являются мѣстными *полѣсовщиками*, которые стерегутъ господарскія пущи, чтобы никто не жегъ въ нихъ смолы, не билъ звѣрей и пр. [2]).

Бортное хозяйство въ господарскихъ экономіяхъ также велось подъ надзоромъ особыхъ лѣсныхъ урядниковъ, отправлявшихъ бортницкую службу («бортницство») [3]). *Бортники* и *подлазники*, завѣдывавшіе господарскими бортями, «бору пильнуютъ», «завѣдаютъ дерево бортное», «пчелы на бору» и пр. [4]). Бортниками назначались сельчане, не связанные другими тяглыми службами [5]). По акту 1533 г., бортныя деревья, «лежавшія впустѣ», берутся мѣстнымъ урядомъ въ непосредственную эксплоатацію, съ выборомъ для того сельчанъ, завѣдывавшихъ «подлаживанье» бортей на господаря и вообще смотрѣвшихъ за бортными лѣсами и бортнымъ пчеловодствомъ въ господарскихъ экономіяхъ [6]).

Къ дворнымъ урядамъ въ господарскихъ маетностяхъ относились «*будовничіе*», избиравшіеся для надзора за господарскими «будами», или «купами»—мѣстами выдѣлки въ пущахъ «будниками» подѣлочнаго лѣса (ванчоса, гонта и пр.), также угля, смолы (въ лѣсныхъ смолярняхъ) и пр. [7]).

Однородный съ бортниками урядъ составляли *садовничіе* (hortulani), завѣдывавшіе дворными (или панскими) садами и садбищами въ господарскихъ экономіяхъ, съ обработывавшими ихъ садовниками, иногда также съ садовыми пчельниками (пасѣками) [8]).

---

1) Skarbiec, № 2234.

2) АЗР. II, № 149. Док. Моск. Арх. I, стр. 48, 155, 459, 493. Ак. Лит. Метр. № 75, 188. Ясинскаго, Грамоты, 183. Арх. ЮЗР. ч. VI, т. I, предисл., стр. 109. По констит. 1677 г. къ дворнымъ урядникамъ относячся «*деревничіе*»—полѣсовщики (Baliński, Staroż. Polska, 2-е изд., VI, 101).

3) АВК. XIV, 130, 132, 169, 224.

4) АЗР. I, № 14. Памятн. II, 14, 140 и пр.

5) АВК. XIV, 475.

6) Любавскаго, Област. дѣленіе, прилож. № 51. См. также Арх. ЮЗР. ч. VI, т. I, 267; ч. VII, т. II, стр. 1 и сл. АВК., XIV, 130, 224 и пр.

7) О будовничихъ въ Виленскомъ повѣтѣ см. Baliński Starożytna Polska, 2-е изд., IV, 101. О будахъ лѣсныхъ и будникахъ разныхъ категорій см. мою моногр.—Сел. ремесленники въ лит.-рус. государствѣ (Варш. Унив. Изв. 1898).

8) О садовничихъ и садовыхъ пчельникахъ см. АВК. XIV, 639. АЗР.

Въ господарскихъ экономіяхъ, обладавшихъ обширными луговыми и вообще пастбищными угодьями, учреждались особые уряды, завѣдывавшіе мѣстными конскими заводами и стадами конскими и «животинными» (рогатаго скота и пр.) [1]). Таковы дворные *конюшіе* (agazo, magistri agazonam) и ихъ помощники—*подконюшіе* (подконіе, subagaro), состоявшіе при мѣстныхъ господарскихъ дворахъ и бывшіе подъ общимъ управленіемъ областныхъ правителей—старостъ, державцевъ и др. Въ отдѣльныхъ волостяхъ, въ которыхъ имѣлись господарскіе конскіе заводы и стада, учреждались *конюшскіе приставы* и *сотники* для непосредственнаго завѣдыванія крестьянами, отправлявшими на мѣстѣ «особыя» службы по уходу и сторожѣ за господарскими стадами. Общій надзоръ за дворными конюшнями, «оборами», и «стайнями» (на фольваркахъ), существовавшими въ господарскихъ экономіяхъ, велся «*старшими стаенными*», или *двофными маштылерами* [2]). Конюшій урядъ («конюшіе»), какъ одна изъ доходныхъ статей, давался, на ряду съ другими «волостями», служилымъ боярамъ [3]). Волостные уряды конюшскихъ приставовъ и сотниковъ обыкновенно раздавались областными правителями мѣстнымъ крестьянамъ [4]). Главной функціей конюшскихъ урядниковъ было завѣдываніе господарскими конскими заводами, стадами, конюшнями, и стайнями въ господарскихъ экономіяхъ [5]). Имъ же принадлежалъ нарядъ волостныхъ

№ 189. См. мою моногр. Сельскіе промышленники въ лит.-рус, государствѣ (Варш. Унив. Изв. 1897).

[1]) По Смоленскому привилею 1505 г. конюшіе получали доходъ съ «конскаго и животиннаго» стада (Ясинскаго, 145).

[2]) О конюшихъ и другихъ урядникахъ по господарскому коневодству и скотоводству см. АЗР. I, № 213; II, № 54, 159; III, № 19. АЮЗР, I, № 36. АВК. XIV, стр. 22, 492; XVII, стр. 11, 182, 233, 389, 409. Археогр. Сборн. III № 22. Ясинскаго, Грамоты, 145. Ак. Лит. Метр. № 20, 26, 29, 67, 81, 105, 342, 359, 473. Любавскаго, Област. дѣленіе, 327, 657, 662, 669, 817, 842—844, 864. Моя моногр.—Сел. промышленники въ лит.-рус. государствѣ (Варш. Унив. Изв. 1897).

[3]) Напр., боярину Витебскому Ивашковичу «данъ врядъ конюшое витебское на два года со всимъ по тому, какъ и первшіи конюшіи тотъ врадъ держивали» (Любавскаго, Обл. дѣленіе, 842,—изъ Лит. Метр.). Въ 1522 г. п. Радныковичу дано староство Городенское съ «волостью—конюшое»—(Лит. Метр. Судн. дѣлъ № 3, л. 142). По росписи урядовъ, данныхъ въ 1496 г. Брянцамъ, «врадъ конюшое» раздавался имъ въ держанье на годъ (ibid.) Запис. № 6, л. 561).

[4]) АВК. XVII, стр. 11, 182. Лит. Метр. Запис. № 5, л. 99.

[5]) АЗР. I, № 213. Любавскаго, 327, 842—844.

людей на тяглыя работы по устройству конюшенныхъ стаень, конюшенъ и пр. [1]). Конюшіе и старшіе стаенные чинили судъ и управу по дѣламъ подчиненныхъ имъ конюховъ, въѣзжали въ волости для раздачи конюхамъ земель по господарскимъ данинамъ также для сбора господарскихъ и своихъ доходовъ [2]). Изъ актовъ видно, что конюшіе принимали участіе въ радѣ областныхъ правителей [3]). Наконецъ, въ актахъ находимъ указанія на доходы, получавшіеся конюшими и другими стадными урядниками. По Смоленскому привилею 1505 г. конюшіе получали, по старому обычаю, съ конскаго и животиннаго стада куницу по 20 грошей на лѣто и пр. [4]). Кромѣ того, отдѣльнымъ урядникамъ выдавались изъ господарскаго скарба разныя данины—земли съ людьми, часть медовой дани, воскъ, мѣха, хлѣбъ и пр. [5]).

Эксплоатація разнообразныхъ лововъ въ экономіяхъ господарскихъ, въ особенности сѣверныхъ лѣсныхъ областяхъ, въ свою очередь, вызывала организацію новаго ряда «особныхъ» волостныхъ урядовъ, завѣдывавшихъ ловами и отправлявшими ихъ людьми ловецкими. Ловы господарскіе, какъ и другія хозяйственныя угодья въ господарскихъ экономіяхъ, находились въ общемъ завѣдываніи мѣстныхъ правителей—намѣстниковъ, позже воеводъ, старостъ и державцевъ, съ подчиненными имъ особыми дворными урядниками, подъ общимъ именемъ *ловчихъ*, приставлявшихся къ мѣстнымъ ловамъ звѣринымъ и пташнымъ [6]). Въ актахъ

---

[1]) Въ 1539 г. господарскіе конюхи Городенскіе жаловались на судѣ на сотника конюшскаго Станчика: «ижъ онъ женетъ насъ на работу у лѣсъ день въ день дерево рубити на будованье конюшень королевскихъ, которое дерево и драницы, нашу работу, собѣ бралъ и домъ збудовалъ» АВК. XVII, II).

[2]) АЗР. I, № 213. Любавскаго, 842.

[3]) Любавскаго, 843, 864.

[4]) Ясинскаго, Грамоты, 145.

[5]) По расходной книгѣ Казимира, наприм., «Яну, подконюшому Виленскому, (даны) три человѣки—конюшки; Моклоковичу—Савино селцо и конюшое; Дорошковичу, подконему, шуба лисья; подконему Петру два камня воска; подконюшому Петру вшатецъ меду; конюху Дюдили десять бочекъ ржи»; «подконюшому Васку два вози соли» и пр. (Лит. Метр. Записей № 4, л. 1 и сл.).

[6]) Ловчіе, спеціально завѣдывавшіе господарскими ловами, упоминаются въ собственной Литвѣ, также въ Кривичскихъ земляхъ, въ Подляхіи, Брянской, Кіевской земляхъ и пр. (См. АВК. XVII, стр. 36, 61. Арх. ЮЗР. ч. VII, т. II, стр. 7. Любавскаго, 181, 281, 350, 770, 848, 849).

различаются ловчіе *старшіе* (magister venatorum, venator major или generalis) и ихъ помощники—ловчіе *меньшіе* (venator minor, subvenator), которые сообща завѣдывали господарской охотой [1]). Кромѣ того, областные правители (напр. воеводы Смоленскій, Витебскій и Полоцкій) имѣли своихъ собственныхъ ловчихъ, отличавшихся отъ ловчихъ «господарскихъ земскихъ» [2]). Уряды ловчихъ, какъ и другихъ урядниковъ, раздавались господарями мѣстнымъ боярамъ въ извѣстной очереди, по годамъ, «колеею» [3]). Въ областяхъ, гдѣ располагались значительныя лѣсныя пущи и вообще ловецкія угодья въ господарскихъ экономіяхъ, по распоряженію областныхъ правителей, устроялись особые ловецкіе дворы, станы, стайни и околы въ пущахъ, «потребные къ ловамъ»; дворы эти предназначались на пріѣздъ господаря и ловчихъ, какъ и вообще ради эксплоатаціи мѣстныхъ угодій охотничихъ [4]). На «облавы» (оступы), устраивавшіяся въ угодьяхъ главныхъ ловецкихъ дворовъ въ господарскихъ имѣніяхъ (наприм., въ пущѣ Бѣльской, въ сѣверной Подляхіи), пріѣзжали господари лично или господарскіе ловчіе, останавливались въ мѣстныхъ ловецкихъ дворахъ и отсюда ѣздили въ пущу для ловли лѣсныхъ звѣрей, сгонявшихся во время облавъ въ мѣстахъ королевской охоты. Облавами распоряжались господарскіе ловчіе; они «справовали» общіе ловы не только назначенными для того ловцами, но и вообще людьми волостными, приписанными къ ловецкимъ дворамъ и станамъ и сгонявшимися на облавы до ихъ окончанія и выѣзда господарскихъ ловчихъ [5]). Господарскіе ловчіе завѣдывали охотою и въ другихъ ея

---

[1]) Любавскаго, стр. 847.

[2]) АЗР. I, № 213. Любавскаго, 770.

[3]) По расходной книгѣ Казимира, «Головничу — ловчее на годъ» и пр. (Лит. Метр. Запис. № 4, л. 61). Подъ 1496 г. въ Лит. Метрикѣ зарегистрованъ реестръ Брянскихъ служилыхъ людей, получившихъ «волости»: «Борису а Тимоѳею—ловчее на два годы, послѣ Ѳедка Богданова а послѣ Венилава; Семену Александрову съ сыномъ ловчее на два годы, послѣ Бориса а Тимоѳея» (ibid. Зап. № 6, л. 561).

[4]) См. Стат. 1529, I, 26. Археогр. Сборн. I, л. 17, 20. АЗР. I, № 204; II, 164. Ясинскаго, Грамоты, стр. 143. См. мою статью—Панскій дворъ въ лит.-рус. государствѣ (Варш. Унив. Изв. 1895, V, стр. 33, 34).

[5]) Археогр. Сборн. I, № 17. АЗР. I, № 204; II, № 164. Арх. ЮЗР. ч. VI, т. I, стр. 86, 95, 97, 589, 596.

видахъ, имѣли подъ рукой осочниковъ, псарцовъ и ловцовъ, съ которыми выслѣживали и били звѣря и пр. [1]). Подобно другимъ повѣтовымъ урядникамъ, земскіе ловчіе участвовали въ судѣ и радѣ мѣстныхъ правителей (воеводъ и пр.) [2]).

Ловы «пташные», составлявшіе отдѣльныя службы сокольниковъ и пташниковъ (шатерниковъ), находились (въ особенности въ Витебскѣ и Новогродкѣ) въ завѣдываніи господарскихъ *сокольничихъ* (falconarii)—обычныхъ дворныхъ урядниковъ въ господарскихъ экономіяхъ, существовавшихъ въ старое время въ Литвѣ—Руси, Польшѣ и другихъ славянскихъ земляхъ [3]). Урядъ сокольничихъ раздавался мѣстнымъ боярамъ на одинаковыхъ основаніяхъ съ ловчими [4]).

Завѣдываніе въ господарскихъ имѣніяхъ бобровыми гонами и приписанными къ нимъ крестьянами—бобровниками входило въ компетенцію особыхъ дворныхъ урядниковъ—*бобровничихъ*, состоявшихъ въ отдѣльныхъ областяхъ при мѣстныхъ господарскихъ дворахъ, гдѣ только въ ряду хозяйственныхъ угодій числился значительный составъ бобровыхъ гоновъ [5]). Подобно ловчимъ и сокольничимъ, бобровничіе назначались обыкновенно на опредѣленное время [6]). Бобровничіе встрѣчаются въ волостяхъ Полоцкихъ, Витебскихъ, Берестейскихъ и пр. въ общемъ значеніи урядниковъ, руководившихъ бить-

---

[1]) Изъ одного суднаго дѣла 1516 г. видно, что ловчіе господарскіе давали «росказанья» осочникамъ касательно ихъ службы—«сочити звѣрь на господаря, какъ и передъ тымъ здавна бывало» и пр. (Лит. Метр. Судн. дѣлъ № 1, л. 121). По донесенію кор. Казимиру, Старосты Луцкаго Ходкевича о съемѣ землевладѣльцевъ, сосѣднихъ съ господарской пущей Свинюской съ приказомъ имъ не въѣзжать въ нее,—«мы приказали господарскимъ ловчимъ Свинюскийъ завѣдать ловами и землями въ дубровѣ» и пр. ibid. Запис. № 5, л. 265).

[2]) Любавскаго, 865.

[3]) См. Boniecki, Poczet, XXVI, 770, 848. Czacki, O litew. i pol. prawach II, стр. 243. Koigt., Codex diplom, № 29, стр. 28. Rzyszczewski, Cod. II, 22, 34; III, 40, 52, 66 и пр. Нарушевича, Hist. IV, 245.

[4]) Въ реестрѣ 1496 г. Брянскихъ бояръ и ихъ данинъ значится: «Васку Мясоѣдову и Андрею Вколову и Ивану Рябому и Васку Пролыскому (дано) соколничое на четыре годы (каждому по году) послѣ Ждана Колонтаева» (Лит. Метр. Записей № 6, л. 561).

[5]) См. Любавскаго, стр, 181, 248, 669—672, 849, 869.

[6]) Наприм., въ расходной книгѣ Казимира зарегистрована данина: «Роману (дана) бобровщина на годъ» въ Мозырской волости (Лит. Метр. Запис. № 4, л. 61).

емъ бобровъ на господаря и завѣдывавшихъ службой бобровниковъ [1]).

Наконецъ, завѣдываніе рыбными ловами въ господарскихъ рѣкахъ и озерахъ принадлежало особымъ урядникамъ—*неводничимъ* и *езовничимъ*, упоминающимся въ актахъ Витебскихъ, Полоцкихъ и Городенскихъ [2]). Въ Городенскихъ волостяхъ, кромѣ того, извѣстны были рыболовные *сотники*, подчиненные неводничимъ, по видимому, въ значеніи сельскихъ урядниковъ, избиравшихся изъ крестьянъ для надзора за службой рыболововъ [3]).

На иныхъ основаніяхъ установилась волостная администрація въ сосѣднихъ съ Польшей литовскихъ областяхъ, въ которыхъ рано вводится польское право, вмѣстѣ съ основанными на немъ административными порядками. Какъ извѣстно, подъ именемъ нѣмецкаго права, рецепировавшагося въ Польшѣ, разумѣлось не одно право городовое (Stadtrecht), но и сельское (Hofrecht), дѣйствовавшее въ сельскихъ общинахъ, которыя, какъ говорилось въ актахъ, переносились съ польскаго на нѣмецкое право. Въ Польшѣ нѣмецкое право вводилось въ селахъ одновременно съ городами (съ XIII в.) сначала для нѣмецкихъ колонистовъ, а затѣмъ стало распространяться и на туземное сельское населеніе. Къ XV в. нѣмецкое право въ Польшѣ уже совершенно вытѣснило въ селахъ, какъ и въ городахъ, старое ихъ славянское устройство. Льготы, пріобрѣтавшіяся землевладѣльцами путемъ введенія въ ихъ имѣніяхъ сельскаго нѣмецкаго права, слагались, во 1-хъ, изъ jus ducale, т. е. суммы княжескихъ правъ на подати, повинности, регаліи и права судебной и административной власти, и во 2-хъ, распредѣленія земельныхъ угодій маетности на равномѣрные участки по нѣмецкой волочной системѣ, съ выдѣленіемъ дворной «пашни» подъ фольварочную за-

---

1) Любавскаго, стр. 670, 849, 850.

2) Изъ одного суднаго дѣла, 1497 г., видно, что езовничіе державцевъ Витебскихъ «леживали на ѣзахъ»—завѣдывали забивкой езовъ (заколъ, загорожи изъ кольевъ поперекъ рѣкъ и озеръ, съ «воротами», заставлявшимися рыболовными сѣтями), кошеньемъ «лукъ», прирѣчныхъ луговъ и пр. (Лит. Метр. Запис. № 5, л. 64).

3) О неводничихъ и езовничихъ см. Любавскаго, стр. 350, 770, 771, 817. Док. Моск. Арх. I, стр. 131. Арх. ЮЗР. ч. VII, т. I, 619—621. О сотникахъ АВК. XVII, 1, 2, 14, 242, 310.

пашку самого землевладѣльца и съ надѣломъ крестьянамъ въ «вѣчное» владѣніе остальныхъ земельныхъ участковъ, съ поселеніемъ на нихъ самихъ крестьянъ, вмѣстѣ съ подчиненіемъ ихъ власти сельскихъ войтовъ и солтысовъ по общему административному типу нѣмецкихъ сельскихъ общинъ [1]). Jus ducale и волочная система, въ конечномъ результатѣ, должны были привести и дѣйствительно привели къ выдѣленію сельскаго населенія изъ общаго земскаго строя въ обособленныя и независимыя отъ государственной власти «державы» землевладѣльцевъ, вмѣстѣ съ экспропріацией ими свободнаго крестьянскаго землевладѣнія и съ установленіемъ надъ зависимымъ сельскимъ населеніемъ владѣльческаго «вѣчнаго права», въ строгихъ формахъ glebae adscriptio, вскорѣ превратившагося въ Польшѣ въ личное крѣпостничество всего зависимаго хлопства [2]).

На изложенныхъ основаніяхъ рецепировались отдѣльные институты сельскаго нѣмецкаго права и въ литовскихъ областяхъ, въ особенности въ Подляхіи, прилегавшей къ Польшѣ, первоначально съ подчиненіемъ этому праву польскихъ и нѣмецкихъ колонистовъ, а затѣмъ позже и русскаго населенія. Въ другихъ областяхъ русскихъ и литовскихъ, по всему видно, нѣмецкое сельское право, въ полномъ составѣ всѣхъ его институтовъ, практиковалось исключительно въ «мѣщанскихъ» селахъ, приписанныхъ къ городскимъ магдебургіямъ (господарскимъ и частновладѣльческимъ), а также въ селахъ, бывшихъ (до Люблинской уніи) во владѣніи отдѣльныхъ землевладѣльцевъ—мѣщанъ, подсудныхъ магдебургскому праву [3]). Дѣло въ томъ, что и безъ формальной рецеп-

---

[1]) О волостныхъ войтахъ и soltisach (sculte ti) по магдебургскому праву см. Porzadеn Гроицкаго ч. II, арт. 10. Jus Municip. Щербича, арт. 47. Rzyszczewski, Cod. I, 29 (актъ 1223 г.—о magistrii villarum селъ, жившихъ по магдеб. праву).

[2]) См. Владимірскаго-Буданова, Нѣмец. право въ Польшѣ и Литвѣ (Жур. Мин. Нар. Просв. 1868, ч. 139, стр. 535, 540—542).

[3]) О мѣщанскомъ землевладѣніи и селахъ мѣщанъ встрѣчаемъ указанія въ актахъ вплоть до Люблинской уніи. Дѣло въ томъ, что съ земскаго привилея 1447 г. за мѣщанами въ Литвѣ—Руси признавались такія же поземельныя права, какъ и за шляхтой (Zbior pr. lit., стр. 31. п. VII). Магдебургіи и отдѣльные мѣщане владѣли и раньше на общемъ земскомъ правѣ не толяко городской землей, но и цѣлыми селами съ землями пашными. бортными и пр. Въ 1408 г. Витовтъ предоставилъ Бресту Литовскому

ціи сельскаго нѣмецкаго права достигались литовско-русскими землевладѣльцами (господаремъ, панами и вообще поземельной шляхтой) всѣ права, какія въ Польшѣ пріобрѣтались землевладѣльцами путемъ рецепціи сельскаго нѣмецкаго права въ ихъ загродахъ и маетностяхъ. Земскіе шляхетскіе привилеи (1413, 1432, 1447 и др. годовъ) [1]) предоставляютъ литовскимъ и русскимъ землевладѣльцамъ вотчинныя и судебно-административныя права, въ такомъ же объемѣ juris ducali, какія были признаны Кошицкимъ привилеемъ 1374 г. и послѣдующими актами за польскими землевладѣльцами въ отношеніи къ крестьянскимъ податямъ и повинностямъ, панской юрисдикціи и пр. [2]). Точно также волочная система крестьянскаго хозяйства и землевладѣнія могла вводиться безъ формальной рецепціи нѣмецкаго права. Витовтъ призывалъ и «осаживалъ» кметей въ Подляхіи на волокахъ, уже существовавшихъ въ его время въ господарскихъ волостяхъ,—не видно, чтобы такая осада кметей непремѣнно сопровождалась рецепціей нѣмецкаго права [3]). Въ Литвѣ вводится, такимъ образомъ, устройство крестьянскаго быта по польско-нѣмецкимъ образцамъ, но, по всему видно, безъ повсемѣстной рецепціи сельскаго нѣмецкаго права въ полномъ составѣ всѣхъ его институтовъ. Какъ замѣчено выше, нѣмецкое право дѣйствовало въ Подляшскихъ волостяхъ и селахъ, также въ селахъ, приписанныхъ къ городскимъ магдебургіямъ въ другихъ литовскихъ и русскихъ областяхъ.

магдебургское право, съ пожалованьемъ городу деревни Козловиче, земли которой мѣщане обязались раздѣлить на участки (Лит. Метр. Записей № 61, л. 102; см. также Arch. Sang. I. № 50, III, 152, 163 и пр.). Такъ было до Люблинской уніи, когда магдебургіи вошли въ общій составъ господарскихъ и панскихъ экономій; къ этимъ экономіямъ отошли и старыя мѣщанскія села и фольварки съ землями (см. Владимірскаго-Буданова, Нѣмец. право въ Польшѣ и Литвѣ, стр. 269, Незабитовскаго, Собраніе сочиненій. стр. 345 и сл.).

[1]) См. привилей 1413 и 1447 г. (Zbior. pr. lit., стр. 1, 28. Привилей 1432 г. (Варш. Унив. Изв. 1893, III, 23) и пр.

[2]) См. напр. Vol. leg. I, стр. 56 (кошицкій привилей).

[3]) АЗР. I, № 189. Въ грамотѣ Витовта, данной въ 1429 г. Станис. Дзядку на войтовство въ Дорогичинѣ, говорится о волокахъ, на какія были уже въ то время раздѣлены городскія земли (Ак. Лит. Метр. № 2); между тѣмъ, магдеб. право введено было въ Дорогичинѣ лишь въ 1498 г. (Baliński, Staroż. Polska, III, 406. Ак. Лит. Метр. № 371).

Въ господарскихъ имѣніяхъ Подляхіи тивуны и другіе волостные урядники, вмѣстѣ съ помѣрой земель на волоки и съ введеніемъ въ волостяхъ сельскаго нѣмецкаго хозяйства, замѣнялись польско-нѣмецкими урядниками,—*войтами* и ихъ помощниками сельскими *лавниками* и *солтысами* [1]). Король Казимиръ, напр., далъ земянину Кунацкому войтовство въ селѣ Головчичахъ Мельницкаго повѣта «до его живота», съ тремя волоками: въ 1514 г. Сигизмундъ подтвердилъ ему же это войтовство на «вѣчность» [2]). Точно также король Александръ далъ писарю воеводы Трокскаго Еску Ивановичу войтовство «на вѣчность» въ Бѣльскомъ повѣтѣ на нѣсколькихъ жеребьяхъ Кошелевскихъ и другихъ, съ тѣмъ, чтобы войтъ размѣрилъ жеребьи на волоки, осадилъ ихъ прихожими людьми, которые должны господарю «службу служить и дачки давать по тому, какъ и по инымъ мѣстамъ тамошнимъ люди зъ волокъ службу служатъ и подати даютъ»; людей вѣдаетъ судомъ и управою войтъ, которому дается каждая десятая волока изъ вымѣренныхъ имъ, также третій грошъ съ судебныхъ штрафовъ и доходовъ съ мельницы. Войтъ владѣетъ всѣми доходами на общемъ земскомъ правѣ, которое онъ можетъ передавать по наслѣдству и отчуждать «по доброй волѣ»; державцы Бѣльскіе не должны вступаться въ подначальныхъ войту людей, ихъ земли, платы и пожитки. Войтъ, такимъ образомъ, замѣнялъ собой не только сельскихъ сотниковъ и десятниковъ, но и самаго державцу [3]). На такихъ же основаніяхъ Сигизмундъ пожаловалъ въ 1525 г. земянину Хибовскому войтовства въ селѣ Шпакахъ Мельницкаго повѣта, въ 1528 г. другому земянину войтовство въ с. Краковѣ Бѣльскаго повѣта и пр. [4]). Изъ актовъ XV и слѣдующихъ вѣковъ видно, что, кромѣ войтовъ, въ селахъ, жившихъ по нѣмецкому праву, дѣйствовали помощники войтовъ—сельскіе *солтысы* на такихъ же общихъ осно-

---

[1]) См., наприм., актъ 1536 г. о сельскихъ урядахъ польско-нѣмецкаго типа въ Райгородской экономіи въ Подляхіи (Археогр. Сборн. I, № 19). См. также ibid. III, № 111. АВК. VIII, 328; XIV, 168, 207, 214, 220, 243 и пр.

[2]) См. Любавскаго, Област. дѣленіе, стр. 430.

[3]) Ibid., стр. 430, 431.

[4]) Ibid., стр. 431.

ваніяхъ, какъ и въ польскихъ селахъ [1]). Кромѣ того, въ актахъ упоминаются сельскіе *лавники*. По уставу, наприм., Могилевскихъ волостей 1594 г. лавники сельскіе, избиравшіеся самими крестьянами (въ небольшихъ селахъ по одному, въ большихъ по два), обязаны «оглядывать шкоды между поддаными въ испашахъ и иныхъ школахъ». Лавники сами не судятъ, но даютъ вряду по шкодамъ «посвѣтченье» или «сознанье». Вообще лавники обязаны «всякого порядку въ селѣ догледать»; чрезъ нихъ же войтъ «заказываетъ подданымъ работы абы се нихто невѣдомостью не вымовлялъ» [2]). Кромѣ магдебургскаго права, въ господарскихъ селахъ, какъ и въ городахъ, дѣйствовало шродское право. Въ 1424 г. Витовтъ далъ грамоту пану Николаю Депенскому на держанье г. Сокола съ приписанными къ нему селами Купятинъ и Роговъ въ Дорогичскомъ повѣтѣ, съ предоставленіемъ державцѣ суда и наряда въ нихъ по тродскому праву и съ освобожденіемъ мѣщанъ и сельчанъ отъ всѣхъ господарскихъ податей и повинностей. Судъ надъ мѣщанами отправляется войтомъ, жившимъ въ городѣ; сельчане судятся сельскими солтысами, а во второй инстанціи—державцемъ, подсуднымъ въ свою очередь великому князю [3]).

Въ заключеніе изложимъ небольшую замѣтку объ административномъ строѣ волостей въ имѣніяхъ частновладѣльческихъ. Въ имѣніяхъ княжескихъ, панскихъ и шляхетскихъ упоминаются въ инвентаряхъ и другихъ актахъ такіе же панскіе дворы и дворцы—фольварки, какъ и въ экономіяхъ господарскихъ. Кромѣ самихъ владѣльцевъ, жившихъ въ панскихъ дворахъ, отдѣльными волостями и селами въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ управляли тѣже самые урядники, что и въ господарскихъ

---

1) О салтысахъ см. *L. L.*, O sołtysach w Polsce (Bibliot. Warsz. 1843. *Maroński,* O sołtysach (журн. Znicz, 1843). О крестьянахъ юго-западной Россіи въ XVI в. и въ особенности о ратушныхъ крестьянахъ (предисл. къ АВК. 1872, т. VI).

2) Археогр. Сборн. I, 192. О сельскихъ лавникахъ, въ общемъ значеніи полицейскихъ урядниковъ, говорится также въ люстраціи Кременецкаго замка 1563 г. (Арх. ЮЗР. ч. VII, т. II, стр. 116). Литовскій Статутъ относитъ сельскихъ лавниковъ къ общимъ волостнымъ урядамъ, функціонировавшимъ въ господарскихъ экономіяхъ (Стат. 1566, XII, 2. Стат. 1588, XII, 4).

3) Лит. Метр. Запис. № 25, л. 265.

экономіяхъ. По инвентарямъ XV и слѣдующихъ вѣковъ къ владѣльческимъ урядникамъ относятся: *тивуны*, *намѣстники* и ихъ *слуги*, также *старцы*, *справцы*, *дозорцы*, *приказники*, *ключники*, *посланцы*, *подвойскіе*, *надсмотрщики* и др. Урядники и слуги жили при владѣльцахъ въ панскихъ дворахъ или въ отдѣльныхъ дворцахъ—фольваркахъ [1]). Въ южно-русскихъ инвентаряхъ панскихъ имѣній упоминаются также *атаманы* и *asawuly* (послѣдніе по инвентарямъ XVIII в.) въ общемъ значеніи крестьянскихъ старостъ, стоявшихъ во главѣ селъ въ имѣніяхъ панскихъ [2]). Затѣмъ, сторожу панскихъ пущъ и лѣсовъ вели, какъ и въ господарскихъ экономіяхъ, *лѣсничіе* (gaiowiny, stroży, liesny, сторожи гаю) [3]); извѣстны были также панскіе *ловчіе*, завѣдывавшіе охотничьими облавами и пр. [4]). Въ шляхетскихъ маетностяхъ искони практиковалась въ особенности соколиная охота. По замѣчанію изслѣдователей литовской старины, право «полеванья» съ соколами и сокольничими означало въ старину такой же признакъ и аттрибутъ шляхетскаго достоинства, какъ и ношеніе сабли [5]).

Изъ мѣстныхъ актовъ XV в. видно, что уже въ это время въ шляхетскихъ маетностяхъ, какъ и въ господарскихъ экономіяхъ, мѣстечки и села иногда переводились на нѣмецкое право, съ введеніемъ въ нихъ польско-нѣмецкихъ административныхъ органовъ—*войтовъ*, *солтысовъ* и лавниковъ. Такъ, изъ одной грамоты 1409 г. видно, что владѣльческое село Бациковичи въ Подляхіи состояло въ управленіи по магдебургскому

---

[1]) АВК. XIII, 368; XIV, 223, 266, 447. АЗР. I, № 61; II, 17. Памят. Кіев. Ком. I, 2, стр. 8—14. III, 48, 57. Археогр. Сборн. I, № 20, 46. АВК., XIV, стр. 77, 157, 257, 354, 447. Антоновича, Грамоты, стр. 125. Стат. 1529, VI, 4, 6; XIII, 15. Стат. 1566, XIV, 5 и пр. См. Любавскаго, Област. дѣленіе, стр. 115, 123, 136, 192, 283, 357, 816. Въ Лит. Статутѣ 1529 г. (VIII, 25) упоминаются также, кромѣ панскихъ урядниковъ, *шафары*, по видимому, въ значеніи особыхъ повѣренныхъ, принимавшихъ отъ лица пановъ участіе въ ихъ судебныхъ дѣлахъ. Въ Статутѣ второй и третьей редакціи шафары не упоминаются; ихъ замѣняютъ *«умоцованные прокураторы»*. (Стат. 1566, IV, 31—37. Стат. 1588, IV, 56—61).

[2]) Арх. ЮЗР. ч. VI, т. I, стр. 250; т. II, 185. Arch. Sang. IV, 471, 479.

[3]) АВК. XIV, 218, 256, 266, 472; XVII, 56, 117. Арх. ЮЗР. ч. VI, т. I, 110, 472, 483.

[4]) Археогр. Сборн. III, № 26. АВК, XIV, 208.

[5]) См. Чацкаго, O lit. i pol. prawach, II, стр. 243.

праву; послѣднему подчинялось все туземное населеніе [1]).

Въ нѣкоторыхъ южно-русскихъ селахъ дѣйствовало такъ назыв. «*волоское право*». Въ 1424 г. вел. князь Свидригайло далъ Драгосиновичу село Косово въ волости Снятинской: «а тое село первореченное имѣетъ намъ давати подлугъ права Волоского ты-то доходы» и пр. [2]). Здѣсь несомнѣнно рѣчь идетъ о рецепціи особаго права, по какому жили въ старой Галичинѣ (въ Санокскомъ округѣ) въ горныхъ мѣстахъ, пограничныхъ съ Венгріей, такъ назыв. «волоскія осады». Осады эти образовались въ западной Галиціи впервые въ половинѣ XIV в. изъ угорскихъ выходцевъ, получившихъ право судиться своими старшинами—*князьями* (kniasz) по ихъ національному праву—jus valachicum. Позже мѣстнымъ землевладѣльцамъ нерѣдко предоставлялось заводить у себя сельскія поселенія на томъ же волоскомъ правѣ [3]).

---

[1]) Лит. Метр. Судн. дѣлъ № 3, л. 21. О войтахъ, лавникахъ и друг. урядникахъ въ панскихъ имѣніяхъ см. АВК. XIV, стр. 169, 224, 220, 294.

[2]) АЮЗР. I, № 15.

[3]) Akta grodz. i ziem. VII, № 11 (грам. 1377 г.). Жерсла до історіи Украіни—Руси, I, 1895. О галиц. влахахъ см. Vol. leg. II, 603, 664, 982 и пр. О волоскихъ осадахъ см. *A. hr. Stadnicki,* O wsiach tak zwanych Wotoskich na pótnocznym stoku Karpat. 1848. Его же, O kniaztwach we wsiach wotoskich z poglądem na wojtowstwa we wsiach, na magdeburskiem prawie osadzonych. 1853. *X. L. Lubomirski.* Pótnoczno—wschodnie Wotoskie osady (Warsz. Bibliot. 1855, IV). См. также замѣчанія о волоскомъ правѣ *Е. Калужняцкаго,*—въ Denkschriftеu д. к. Акад. Wien. 1880, Вд. XXX, и *А. Прохаски,*—въ Przewodnik naukowy, 1889.

Главнѣйшіе моменты въ исторіи имперскаго финансоваго хозяйства въ Германіи.

А. Р. Свирщевскаго.

(Окончаніе).

VI.

Сущность предложенія Франкенштейна заключалась въ томъ, чтобы изъ поступленій отъ таможенныхъ пошлинъ и табачнаго налога въ пользу имперіи шла ежегодно только опредѣленная сумма въ 130 милл. мар., (т. е. приблизительно въ размѣрѣ прежняго дохода отъ этихъ источниковъ), а все превышеніе надъ этой суммой распредѣлялось между отдѣльными государствами по тому же масштабу, который примѣнялся къ матрикулярнымъ взносамъ, т. е. по количеству населенія. Такъ какъ, благодаря ожидаемымъ высокимъ новымъ доходамъ, представлялась опасность исчезновенія матрикулярныхъ взносовъ изъ бюджета, то этимъ предложеніемъ имѣлось въ виду искусственно сократить имперскіе доходы, вызвать въ имперскомъ хозяйствѣ искусственный дефицитъ [1]). Для большинства въ рейхстагѣ предложеніе Франкенштейна, оставляя въ прежнемъ видѣ конституціонную гарантію въ матрикулярныхъ взносахъ [2]), ко-

---

[1]) *Günther*, Richtlinien einer Reichsfinanzreform, Ann. d. deut. R. 1909. № 2, s. 84—5. Подробности о реформѣ таможеннаго тарифа см. у *Фридмана*, Современные косвенные налоги на потребленіе. Т. I. Спб. 1908, стр. 61—68.

[2]) Вопросъ о значеніи матр. взносовъ и клаузулы Ф., какъ конституціонной гарантіи очень спорень. Большинство рейхстага всегда рѣшало его въ положительную сторону. «Посредствомъ предложенія Франкенштейна, говорилъ въ 1879 г. въ рейхстагѣ Виндгорстъ, во-первыхъ, упрочивается федералистическій характеръ союзной конституціи и во-вторыхъ—въ отношеніи права разрѣшенія доходовъ удерживается то, заключающееся въ

торые дѣлались при такомъ условіи неизбѣжными, представлялось особенно выгоднымъ потому, что оно создавало еще такъ называемую *федеративную гарантію*, такъ какъ обезпечивало за отдѣльными государствами постоянное участіе въ таможенномъ и табачномъ сборахъ, при чемъ въ пользу этихъ государствъ долженъ былъ идти въ сущности почти весь тотъ избытокъ имперскихъ дохо-

---

разрѣшеніи матрикулярныхъ право разрѣшенія, которое оказалось до сихъ поръ достаточно сильнымъ, чтобы поддерживать авторитетъ рейхстага». Напротивъ Ласкеръ тогда же утверждалъ, что «предложеніе Франкенштейна не даетъ рейхстагу никакихъ конституціонныхъ гарантій». «Въ дѣйствительности значеніе этихъ мѣръ (клаузулы Франкенштейна и матр. взносовъ), говоритъ Speck, въ бюджетно-правовомъ отношеніи очень невелико; разрѣшеніе матр. взносовъ имѣетъ чисто формальный характеръ, такъ какъ по ст. 70 конституціи разница между расходами и доходами *должна быть* покрыта матр. взносами. Въ плохія времена, когда помимо перечисленій матр. взносы союзныхъ государствъ дѣйствительно необходимы для сбалансированія имперскаго бюджета, правительствамъ (Landesregierungen), предполагая ихъ соглашенія, нельзя было бы отклоненіемъ матрикулярнаго обложенія въ рейхстагѣ воспрепятствовать выполнить свою конституціонную обязанность, и, наоборотъ, въ хорошіе годы, когда перечисленія превосходятъ матрикулярные взносы, уже самимъ бюджетнымъ закономъ будетъ опредѣлена та сумма, которую имперія должна удержать изъ отчисленій въ качествѣ матр. взносовъ (S. 125—129). Шпекъ въ подтвержденіе своего мнѣнія ссылается на Seydel'я (Reichsverf. S. 390 ff.), Laband'a (Staatsrecht IV, S. 477 Anm. 2, и др. Кöппе считаетъ конституціонную конструкцію матр. взносовъ, какъ права разрѣшенія доходовъ, чистой *фикціей*. «Разница между общей суммой расходовъ и доходовъ, говоритъ онъ, должна по конституціи покрываться матрикулярными взносами. Способъ покрытія этой разницы не представляется спорнымъ, размѣръ ея также, потому что она опредѣляется простымъ сопоставленіемъ доходовъ и расходовъ. Рейхстагъ и правительство такимъ образомъ просто должны выполнить конституціонную обязанность установленіемъ ариѳметическимъ путемъ получающейся суммы матр. взносовъ. Если они не хотятъ этого, то они должны въ законодательномъ порядкѣ ввести новые налоги или повысить оклады существующихъ налоговъ или иначе сдѣлать ихъ болѣе доходными». Такъ какъ и юридически и фактически нѣтъ другаго пути для покрытія дефицита въ бюджетѣ, какъ матрик. взносы, то этотъ принудительный выходъ *(Zwangsausweg)* есть все, что угодно, иное, но не право разрѣшенія доходовъ. Если рейхстагъ при наступленіи дефицита въ обыкновенномъ бюджетѣ не позаботится о его покрытіи, то онъ нарушитъ конституцію. Точно также нарушитъ онъ ее, если установитъ матр. взносы выше дефицита, такъ какъ по ст. 70 отдѣльныя государства не *должны* платить больше. Такимъ образомъ онъ не можетъ (оставляя въ сторонѣ повышеніе налоговаго покрытія) ни избрать другого пути, ни установить матр. взносы ни на пфеннигъ выше или ниже, чѣмъ требуетъ размѣръ дефицита. Дѣйствительно, изумительное право разрѣшенія налоговъ!» (*H. Köppe*, Am Vorabend der neuen Reichsfinanzreform. Lpz. 1908, s. 32—33). Скептически на конституціонное значеніе матр. взносовъ смотрѣлъ и Бисмаркъ, утверждавшій, что сила парламента по отношенію къ конституціонному правительству обезпечивается *правомъ разрѣшенія расходовъ*, и что по отношенію къ правительству, не вѣрному конституціи, такъ же мало существуетъ гарантій, какъ по отношенію къ парламенту, который въ своихъ рѣшеніяхъ пожелалъ бы не заботиться о дальнѣйшемъ существованіи имперіи или государства.

довъ, который достигался финансовой и таможенной реформой [1]).

Извѣстную роль для сторонниковъ этой федеративной гарантіи могло имѣть и то соображеніе, что перечисленія въ пользу союзныхъ государствъ части доходовъ отъ имперскаго обложенія, доставляя имъ средства для покрытія матрикулярныхъ взносовъ, въ то же время могли служить извѣстнымъ вознагражденіемъ за лишеніе ихъ въ пользу имперіи важнѣйшаго источника государственныхъ доходовъ—косвеннаго обложенія [2]).

Эти соображенія объ интересахъ союзныхъ государствъ, склонявшія къ принятію предложенія Франкенштейна, взяли верхъ въ рейхстагѣ надъ интересами имперіи. «Не финансово-политическія соображенія были такимъ образомъ мотивомъ для введенія этой системы, а федералистическій рейхстагъ желалъ этимъ противопоставить надежную плотину централистическимъ стремленіямъ имперскаго правительства» [3]).

Старое унитарно-либеральное большинство рейхстага, которому уже раньше были нанесены тяжкіе удары, при обсужденіи финансовой реформы совершенно распалось, и на его мѣсто выступило новое клерикально консервативное большинство, отличавшееся ясно выраженными партикуляристическими стремленіями. Оно то, преслѣдуя чисто политическія цѣли и въ силу инерціи, можетъ быть, чрезмѣрно удалившись въ сторону, противоположную прежнему направленію, тяготѣвшему къ усиленію и дальнѣйшему развитію имперской идеи, и обезпечило принятіе клаузулы Франкенштейна [4]).

«Клаузулой Франкенштейна, говоритъ Кӧппе, хотѣли достигнуть сразу двухъ результатовъ: во 1-хъ, оттѣс-

---

1) «Künstliche Unterernährung sollte das Reich schwächlich machen, das war der Sinn der «foderativen Garantie». *Köppe,* Am Vörabend d. neuen Reichsfinanzreform, s. 38.

2) При этомъ конечно упускалось изъ виду противоположное соображеніе, приводящееся нерѣдко въ пользу желательности удержанія матрик. взносовъ, именно, что послѣдніе, почерпаясь изъ финансовъ союзныхъ государствъ, основанныхъ на прямыхъ налогахъ, даютъ возможность имперіи участвовать въ доходахъ отъ прямаго обложенія гражданъ и, т. обр., до извѣстной степени исправляютъ односторонность покоящейся на косвенномъ обложеніи имперской финансовой системы.

3) *Speck,* l. c. s. 128.

4) *Köppe,* l. c. s. 41—2.

нить сдѣлавшійся преобладающимъ имперскій интересъ въ пользу интересовъ отдѣльныхъ государствъ, при чемъ послѣдніе должны были выступить на первый планъ и стать предметомъ особыхъ заботъ; во 2-хъ, создать достаточныя средства для растущихъ имперскихъ потребностей, не увеличивая однако этихъ средствъ на столько, чтобы ихъ оставалось «про запасъ» и тѣмъ поощрялось новое увеличеніе расходовъ. Посредствомъ клаузулы Франкенштейна думали однимъ махомъ убить этихъ двухъ мухъ, при чемъ союзный характеръ имперіи не только сохранялъ свое выраженіе въ матрикулярныхъ взносахъ, но еще сильнѣе и рѣзче выражался отчисленіемъ получающихся избытковъ въ доходахъ въ пользу отдѣльныхъ государствъ, а съ другой стороны, хотя имперіи и доставлялись средства для расходовъ, но такимъ образомъ, что эта обезпеченность обусловливалась зависимостью имперіи отъ отдѣльныхъ государствъ, такъ какъ имперія необходимую для своего существованія добавку къ собственнымъ средствамъ получала изъ рукъ отдѣльныхъ государствъ, своихъ благодѣтелей, какъ ихъ «нахлѣбникъ», хотя имъ самимъ это благодѣяніе ничего не стоило, ибо средства для него они извлекали изъ доходовъ самого нахлѣбника» [1]).

VII.

Вся послѣдующая исторія германскихъ финансовъ протекала въ тѣсной связи съ дальнѣйшей судьбой clausula Frankenstein.

Первые три года послѣ финансовой реформы 1879 г. выгодные результаты ея для союзныхъ государствъ обнаруживались весьма слабо; правда, ихъ поступленія отъ перечисленій (Ueberweisungen) быстро увеличивались, но матрикулярные взносы все еще превышали сумму послѣднихъ, и государствамъ приходилось доплачивать имперіи изъ собственныхъ средствъ. Съ каждымъ годомъ, однако, размѣры этихъ непокрытыхъ перечисле-

---

[1]) Ibidem, S. 43.

ніями матрикулярныхъ платежей все болѣе уменьшались, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

	Матр. взносы.	Перечисленія.	Непокрытые матр. взносы.
	(тысячи	марокъ)	
1879/80 г.	72.076,6	8.022,1	64.054,5
1880/81 г.	64.146,8	38.243,1	25.903,7
1881/82 г.	85.203,9	68.023,6	17.180,3
1882/83 г.	84.827,3	83.456,1	1.371,2

Только съ установленіемъ въ 1881 г. биржеваго налога и лоттерейнаго штемпельнаго сбора, весь доходъ отъ которыхъ былъ предназначенъ на перечисленія въ пользу союзныхъ государствъ, доля послѣднихъ въ имперскихъ доходахъ на столько повысилась, что за полнымъ покрытіемъ матрикулярныхъ взносовъ стала доставлять союзнымъ государствамъ значительныя средства, которыя потомъ въ теченіе ряда лѣтъ возрастали вслѣдствіе постояннаго увеличенія имперскаго обложенія.

Какъ и въ первый періодъ исторіи германской финансовой системы, въ годы, слѣдовавшіе за реформой 1879 г., повышенія налоговъ, новые налоги и еще болѣе новые податные проэкты сыпались какъ изъ рога изобилія. Въ томъ же 1881 году были предложены рейхстагу: повышеніе налога на пиво, обложеніе квитанцій, чековъ и пр., введеніе военнаго налога; въ 1882 г.— табачная монополія [1]), въ 1886 г. питейная монополія и повышеніе налога на спиртъ [2]), въ 1892 г. повышеніе налога на пиво [3]), въ 1893 г. налогъ на вино; всѣ эти предложенія были отвергнуты рейхстагомъ. Но рядомъ съ отклоняемыми предложеніями было и не мало такихъ, которыя принимались и создавали новые источники доходовъ, въ значительной мѣрѣ поглощавшихся союзными государствами, для которыхъ имперія, по выраженію Гротевольда, сдѣлалась теперь «дойной коровой».

---

[1]) См. исторію этого проекта у *М. Фридмана*, Современные косвенные налоги на потребленіе. Т. I. Спб. 1908, стр. 125—156.

[2]) Ibidem, стр. 317—406.

[3]) Ibidem, стр. 539—541.

Подъ вліяніемъ политически вліятельныхъ земледѣльческихъ классовъ таможенное покровительство все расло, и тарифныя новеллы 1881, 1885 и 1887 г., эти «этапы въ побѣдоносномъ завоевательномъ походѣ аграріевъ на карманы побѣдителей» [1]), принесли съ собой значительное повышеніе таможенныхъ ставокъ, особенно на сельско-хозяйственные продукты, и соотвѣтствующее увеличеніе перечисляемыхъ доходовъ. Въ 1885 г. былъ измѣненъ и повышенъ биржевой налогъ, въ которомъ между прочимъ постоянный штемпель былъ замѣненъ пропорціональнымъ, процентнымъ сборомъ. Въ 1887 г. была произведена реформа обложенія спирта, установившая единую общую систему налога для всей страны (хотя и съ рядомъ спеціальныхъ постановленій для южно-германскихъ государствъ) и сразу болѣе чѣмъ утроившая поступленіе дохода отъ этого источника [2]) (въ десятилѣтіе 1877—87 г. онъ колебался между 35,3 и 39,7 милліонами марокъ, въ 1888/9 г. онъ равнялся уже 99,7 милл. м., въ 1890—93 г.г.—въ среднемъ около 119 милл. м.). Принципъ Франкенштейновской клаузулы былъ примѣненъ и къ этой важной въ исторіи германскаго косвеннаго обложенія реформѣ: за имперіей оставленъ былъ только налогъ на заторы и сырые матеріалы, приносившій 18—19 милл. марокъ (благодаря чему имперія потерпѣла сокращеніе въ своемъ доходѣ отъ обложенія спирта на 17—20 милл. м., т. е. вдвое), а львиная доля дохода отъ реформированнаго обложенія—отъ налога на потребленіе (Verbrauchsabgabe und Zuschlag)—отъ 80 до 103,4 милл. мар. поступила въ перечисленія въ пользу союзныхъ государствъ. Болѣе важное значеніе для собственнаго имперскаго хозяйства имѣли преобразованія сахарнаго налога въ 1887 и 1891 г. [3]), которыя сдѣлали изъ этого, раньше постепенно таявшаго подъ вліяніемъ растущихъ вывозныхъ премій, источника дохода одну изъ доходнѣйшихъ статей имперскаго бюджета [4]).

---

[1] *Grotewold*, l. c. S. 60.

[2]) Подробности проведенія и значеніе этой реформы см. у *Фридмана*, стр. 413—442.

[3]) См. *Фридманъ*, стр. 232 и слѣд.

[4]) Съ 70,7 милл. мар. въ 1881/2 г. доходъ отъ сахарнаго налога упалъ до 15 и 15,3 милл. мар. въ 1886/7 и 1887/8 гг. Послѣ реформированія

Съ реформированіемъ и повышеніемъ обложенія и введеніемъ новыхъ налоговъ доходы имперіи стали быстро возрастать, причемъ, хотя поступленія налоговаго характера и получали все болѣе преобладающее значеніе въ имперскомъ бюджетѣ, но и остальные, частно правовые доходы немного отставали отъ нихъ въ ростѣ, какъ это видно, напр., изъ слѣдующаго сопоставленія общей суммы ординарныхъ доходовъ и налоговыхъ поступленій въ началѣ и концѣ разсматриваемаго періода:

	Всего ординарныхъ доходовъ [1]).	Поступленій отъ налоговъ.	0/0
	(въ тысячахъ марокъ).		
1879/80	501.794,8	282.134,5	56,2
1880/81	518.227,9	296.201,6	57,1
1898	1.360.566,3	847.284,7	62,3
1899	1.407.445,8	852.323,2	60,6 [2])

За двадцать лѣтъ сумма имперскихъ налоговъ увеличилась въ 3 раза, сумма всѣхъ ординарныхъ доходовъ (безъ матрик. взносовъ) въ 2,8 раза, сумма же обыкновенныхъ расходовъ (безъ перечисленій) только съ небольшимъ въ 2 раза [3]). Такимъ образомъ, казалось бы, финансовое положеніе имперіи упрочилось, и развитіе ея потребностей могло опираться уже исключительно на собственныя силы. Въ дѣйствительности, благодаря Франкенштейновской клаузулѣ и распространенію ея принципа на рядъ новыхъ налоговъ, связанность имперскихъ финансовъ и ихъ зависимость отъ союзныхъ государствъ непрерывно возрастала.

Указанный выше ростъ имперскихъ доходовъ отъ налоговъ въ сущности былъ совершенно фиктивнымъ, такъ какъ съ каждымъ годомъ все большая и большая

обложенія доходъ повысился до 52 милл. мар. въ 1889/90 г., 74,5 м. м. въ 1893/4 г., 123,5 въ 1900 г. и т. д.

[1]) За вычетомъ матрикулярныхъ взносовъ.

[2]) Такимъ образомъ частно-правовые источники дохода (почта, телеграфъ, жел. дороги, банкъ, капиталы и пр) доставлявшіе въ 1879—80 г. 43,8% всѣхъ ордин. доходовъ, и въ концѣ періода приносили еще 37,7 и 39,4%.

[3]) Съ 688,7 м. м. въ 1879—80 г. до 1395,3 м. м. въ 1899 г.

часть ихъ перечислялась въ пользу союзныхъ государствъ. Какъ видно изъ приводимой ниже таблицы, эти перечисленія съ 85,5 милл. м. въ 1883/4 г. увеличилось до 467,6 милл. въ 1898 г. Процентное отношеніе ихъ къ общей суммѣ имперскихъ поступленій отъ обложенія за

Годъ.	Сумма поступленій отъ налоговъ [1]).	Перечисленія [2]).	%	Перевѣсъ перечисленій надъ матр. взносами (+) или наоборотъ (—) [2]).
	Въ тысячахъ марокъ.			
1883/84	355.051,5	85.503,3	24,1	+ 11.548,0
1884/85	375.019,4	105.027,3	28,0	+ 40.987,1
1885/86	368.945,1	115.792,3	31,4	+ 13,014,4
1886/87	388.299,4	137.056,7	35,3	+ 17.878,5
1887/88	417.288,8	176.324,0	42,3	+ 5.387,3
1888/89	507.384,9	277.801,2	54,7	+ 70.021,0
1889/90	629.366,0	355.033,9	56,4	+ 139.766,8
1890/91	660.608,0	378.914,5	57,4	+ 77.812,3
1891/92	675.025,6	383.377,3	56,8	+ 66.878,0
1892/93	651.306,8	358.925,1	55,1	+ 42.623,3
1893/94	638.283,3	338.758,8	53,1	— 30.277,8
1894/95	691.000,9	382.859,6	55,4	— 2.573,7
1895/96	726.383,6	400.126,0	55,1	+ 17.388,8
1896/97	790.252,8	414.567,9	52,5	+ 15.193,4
1897/98	792.479,7	433.114,7	54,6	+ 13.215,8
1898/99	847.284,7	467,586,3	55,2	+ 12.727,5

то же время съ 24,1% повысилось очень быстро къ— 1890/91 г. уже до 57,5 % и лишь промышленный кризисъ, сокративъ поступленія отъ тамож. пошлинъ, нѣсколько понизилъ этотъ процентъ, до 52,5—55,5, въ послѣдующіе годы. Вслѣдствіе этого доля имперіи въ доходѣ отъ налоговъ сравнительно сокращалась, и потому собственные ея доходы росли гораздо медленнѣе, чѣмъ перечисленія союзнымъ государствамъ: въ 1883/4 г.

---

[1]) Таможенныхъ пошлинъ, налоговъ на потребленіе и штемпельныхъ сборовъ. Составлено по вѣдомостямъ, помѣщеннымъ въ Denkschriftenband etc., Th. I, s. 44—48.

[2]) Заимствовано у *Speck*, l. c. S. 209 (Anhang VI).

имперіи оставались отъ налоговъ 275,5 милл. мар., въ 1898 г.—379,7 мил., т. е. ея собственный налоговой доходъ выросъ всего только на 110 милл. мар. или на 40,1%, тогда какъ полученія союзныхъ государствъ изъ имперскаго хозяйства увеличились на 382 милл. мар., т. е. на 447%. Такое сокращеніе роста собственныхъ доходовъ въ пользу союзныхъ государствъ естественно должно было выразиться на другой сторонѣ увеличеніемъ требованій къ нимъ со стороны имперіи для сбалансированія доходовъ съ расходами: параллельно съ перечисленіями росли поэтому и матрикулярные взносы (73.955,3 тыс. мар. въ 1883/4 г.—454.858,8 тыс. мар. въ 1898 г.).

Однако почти непрерывно (за исключеніемъ 1893/4 и 1894/5 г.г.) до конца столѣтія перечисленія союзнымъ государствамъ были выше ихъ матрикулярныхъ платежей (см. таб. на стр. 425); за 16 лѣтъ эти превышенія въ пользу союзныхъ государствъ составили значительную сумму—болѣе полумилліарда марокъ [1]). Казалось, осуществляется идея Бисмарка о томъ, что имперія, благодаря предоставленнымъ ей источникамъ государственныхъ доходовъ, должна быть щедрой благодѣтельницей союзныхъ государствъ: богатыя имперскія дотаціи изъ году въ годъ плыли въ ихъ кассы

Но эта внѣшняя блестящая картина скрывала за собой въ дѣйствительности далеко нежелательныя явленія какъ въ области имперскаго хозяйства, такъ и въ финансахъ союзныхъ государствъ. Чрезвычайныя колебанія въ размѣрахъ превышенія перечисленій надъ матрикулярными платежами дѣлали выгоду отъ этого новаго источника доходовъ для отдѣльныхъ государствъ весьма проблематичной. «Получаемыя въ большомъ размѣрѣ суммы, говоритъ Кöппе, расходовались частью на пониженіе налоговъ, частью на воспринятіе новыхъ и расширеніе прежнихъ культурныхъ задачъ, при чемъ возможность попятнаго движенія исключалась. Такъ Пруссія

[1]) 544.442,3 тыс. мар.; если вычесть превышенія матрикулярныхъ взносовъ надъ перечисленіями въ 1893—4 и 1894—5 г., то получится сумма въ 511,6 милл.

на основаніи Франкенштейновской клаузулы сократила на 36 милл. м. прямые государственные налоги. Въ общемъ отдѣльныя государства, въ надеждѣ на прочность излишковъ перечисленій сократили съ 1879 по 1890 г. свое обложеніе болѣе, чѣмъ на 454 милл. мар. При составленіи бюджета не было уже яснаго представленія о финансовомъ положеніи, потому что никто не зналъ навѣрно, прійдется ли и сколько получить отъ имперіи или наоборотъ заплатить ей. Особенно затруднительно было это для государствъ съ многолѣтними бюджетами. При этомъ матрикулярные взносы должны были вноситься ежемѣсячно praenumerando, перечисленія же уплачивались postnumerando» [1]).

Нельзя было даже съ приблизительной точностью опредѣлить впередъ ни высоты предстоящихъ матрикулярныхъ взносовъ, зависѣвшей отъ измѣненій въ размѣрахъ имперскихъ расходовъ, ни суммы перечисленій, колебавшихся въ зависимости отъ поступленія налоговъ. Колебанія этихъ двухъ статей часто увеличивались еще вслѣдствіе дополнительныхъ бюджетовъ (Nachtragsetäts), а также вслѣдствіе того, что дѣйствительный размѣръ превышеній нерѣдко значительно отличался отъ предварительныхъ предположеній росписи [2]). Справедливо говоритъ Лабандъ, что «Франкенштейновская клаузула поставила финансовое хозяйство имперіи и государства въ тѣснѣйшую связь и сдѣлала отдѣльныя государства всецѣло зависимыми отъ имперіи, при чемъ, смотря по результату имперскаго хозяйства, отдѣльныя государства ставятся въ затрудненіе то наплывомъ перечисленій, то требованіемъ приплатъ по матрикулярнымъ взносамъ» [3]). Значеніе этого замѣчанія достаточно иллюстрируется двумя—тремя цифрами: въ 1887/8 г. у союзныхъ го-

---

1) Am Vorabend d. neuen Reichsfinanzreform, S. 38—39.
2) *Speck*, l. c. S. 130.
3) *Laband, P.* Die Wandlungen der deutschen Reichsverfassung. Dresd. 1895, S. 31. *Schäffle* (Steuern, II, S. 520): «Die Länder zwicken das Reich durch Üeberweisungen, das Reich hingegen die Länder durch Matrikularbeiträge, die beiderlei Finanzbereiche zerren sich, genieren sich und stören einander auf unleidliche Weise, beide befinden sich gegeneinander in der Lage der siamesischen Zwillingsverwachsung». Цитир. у *Speck'a*, ibidem.

сударствъ осталось только 5,4 милл, перечисленій, черезъ два года они получили уже почти 139,8 милл., а еще черезъ три года имъ пришлось доплачивать въ пользу имперіи 30 милл. мар. [1]). Помимо полной неувѣренности въ бюджетныхъ предположеніяхъ, такія колебанія оказывались очень тяжелыми для союзныхъ государствъ и потому, что въ годы обильныхъ перечисленій естественно создавался соблазнъ къ усиленію расходовъ на мѣстныя нужды за счетъ этихъ дотацій съ имперіи, а съ сокращеніемъ послѣднихъ приходилось напрягать платежныя силы страны или отказываться отъ удовлетворенія потребностей, къ которому населеніе уже привыкло.

Само собой разумѣется, что всѣ эти неудобства достигали наивысшаго размѣра при непокрытыхъ матрикулярныхъ взносахъ и, какъ только обнаруживалась необходимость платежа послѣднихъ, такъ тотчасъ же начинались жалобы со стороны союзныхъ государствъ и указанія на необходимость полнаго обособленія ихъ финансоваго хозяйства отъ имперскаго.

Не менѣе вредно отражалась созданная клаузулой Франкенштейна система и на имперскихъ финансахъ. Подъ внѣшнимъ блескомъ скрывалось ихъ худосочіе. Потребности имперіи быстро росли: расходы на вооруженную силу увеличились съ 364,9 милл. м. въ 187/980 г.

---

[1]) Относительно Саксоніи, напр., *Georgi,* говоритъ, что избытки перечисленій надъ матрик. платежами оказались очень опаснымъ подаркомъ, «такъ какъ такія колебанія, какъ паденіе съ 11.236.000 мар. до 882.000 мар., потомъ снова подъемъ до 3.225.000 мар. и новое паденіе до 139.000 мар. не могутъ находиться въ соотвѣтствіи съ нормальнымъ развитіемъ бюджета въ такой странѣ, какъ Саксонія. На нихъ можно смотрѣть только какъ на чрезвычайные доходы, но не такова идея, лежащая въ основѣ перечисленій и потому представляется большая опасность, что на высокихъ перечисленіяхъ будутъ основываться высокіе постоянные расходы или что въ надеждѣ на нихъ будутъ сокращаться регулярные доходы». То же говоритъ *Buchenberger:* «Если для страны величиной въ Баденъ въ теченіе короткаго времени колебанія въ результатахъ счетовъ съ Имперіей могутъ достигать двухъ и болѣе милліоновъ марокъ вверхъ и внизъ, то и для неспеціалиста ясно, что всякая предусмотрительная разсчетливость въ финансовой политикѣ отдѣльныхъ государствъ дѣлается невозможной и что положеніе этихъ государствъ предоставляется просто игрѣ случая. Въ періодъ перечисленій между 1885 и 1892 г. во многихъ государствахъ возникли тяжелыя затрудненія только вслѣдствіе того, что правительства и сословія поддались вполнѣ понятному искушенію основать свои постоянные расходы на политикѣ перечисленій, при чемъ съ пониженіемъ или полнымъ прекращеніемъ послѣднихъ эти расходы сразу оказались лишенными покрытія». *Gerloff,* S. 19 и сл.

до 716,9 въ 1898 г., на почту и телеграфъ съ 124,9 до 311,3 милл., на пенсіонный фондъ и министерство внутреннихъ дѣлъ съ 23,2 милл. до 103,5 милл., на жел. дороги съ 28,6 до 58,9 милл. Съ 1890/1 г. въ росписи появился чрезвычайный бюджетъ (отчасти за счетъ прежнихъ единовременныхъ расходовъ), поглотившій до конца разсматриваемаго періода 1230,8 милл. мар. Между тѣмъ ростъ собственныхъ доходовъ имперіи, вслѣдствіе огромныхъ перечисленій отдѣльнымъ государствамъ, шелъ гораздо болѣе медленнымъ темпомъ, и, не смотря на большіе матрикулярные платежи, ежегодно обнаруживался недостатокъ въ средствахъ для сведенія баланса, и приходилось прибѣгать къ займамъ. Вслѣдствіе этого разсматриваемый періодъ германскихъ финансовъ характеризуется колоссальнымъ ростомъ имперскаго долга, развивавшагося рядомъ съ богатыми дотаціями имперіи въ пользу союзныхъ государствъ [1]). Имперскій долгъ выросъ съ 72,2 милл. мар. въ 1878 г. до 2.298 милл. къ

---

[1]) Слѣдующая таблица содержитъ сопоставленіе данныхъ о дефицитѣ въ росписяхъ съ ростомъ имперской задолженности.

Годъ.	Недостатокъ доходовъ сравнительно съ расходами.	Государств. долгъ.	Годъ.	Недостатокъ доходовъ сравнительно съ расходами.	Государств. долгъ.
	Въ милліонахъ марокъ.			Въ милліонахъ марокъ.	
1879	— 91,2	138,9	1890	— 267,1	1.118,0
1880	— 110,6	218,1	1891	— 124,2	1.317,8
1881	— 70,7	267,8	1892	— 150,1	1.686,0
1882	— 61,1	319,2	1893	— 120,2	1.740,8
1883	— 75,9	348,9	1894	— 116,1	1.915,7
1884	— 88,3	373,1	1895	— 58,2	2.081,2
1885	— 79,6	410,0	1896	+ 12,3	2.125,3
1886	— 97,9	440,0	1897	— 49,7	2.141,2
1887	— 190,8	486,2	1898	— 29,9	2.182,2
1888	— 211,1	721,0	1899	— 37,3	2.298,0
1889	— 141,9	883,8			
			Итого за 21 г.	— 2.159,6	+ 2.225,8

Приведенныя цифры заимствованы изъ *Denhschrift etc.* S. 26 (первый столбецъ) и *Beusch, P.* Die Reichsfinanzen und die Steuerreform, 1909, S. 33 (второй столбецъ).

1899 г. [1]). Конечно въ этомъ явленіи виновата не только система перечисленій (безъ которой въ рукахъ имперіи осталось бы за это время болѣе полумилліарда марокъ, т. е. всего около $^1/_4$ той суммы, на которую выросъ госуд. долгъ), но и упорное нежеланіе рейхстага дать имперіи новыя средства. Раньше уже было приведено указаніе Шанца, что если бы своевременно былъ установленъ новый податной источникъ на скромную сумму въ 70 милл. мар., то не было бы совсѣмъ имперскаго долга, что̀ на однихъ только расходахъ по долгу дало бы сбереженія для имперіи до настоящаго времени въ $1^1/_2$ милліарда мар. Установленіе, напр., въ 1882 г. проэктировавшейся Бисмаркомъ табачной монополіи дало бы въ общемъ лишній доходъ въ 2—3 милліарда [2]). При сравнительно (съ Англіей, Франціей, даже Австріей) низкомъ размѣрѣ прямого и косвеннаго обложенія, незначительное повышеніе его могло бы составить прочное основаніе для имперскихъ финансовъ; къ несчастію для послѣднихъ нѣмцы, какъ выражается проф. В. Лотцъ,

---

[1]) Изъ суммъ, вырученныхъ имперскими займами, было израсходовано по 1899 годъ:

на войско	1502	милл. мар.
— флотъ	346	» »
— почтово-телеграфное управленіе	76	» »
— желѣзныя дороги	117	» »
— монетное дѣло	46	» »
— Сѣверный морской каналъ	105	» »
— объединеніе таможенной области	52	» »

т. е. 1850 милл. мар. на непроизводительныя и только 400 милл. мар. на производительныя цѣли! «Выгода, которую принесла система перечисленій отдѣльнымъ государствамъ, говоритъ Кестнеръ, не находится ни въ какомъ соотвѣтствіи съ тѣмъ вредомъ, который понесла чрезъ нее Имперія. Если даже знаменитый окружной домъ (Kreishaus) въ Тельтовѣ выстроенный на средства отъ этихъ перечисленій, и не представляетъ собой общаго явленія (хотя по оффиціальной статистикѣ, приводимой Gerloff'омъ стр. 20, въ періодъ съ 1886/7 по 1890/91 г. въ прусскихъ округахъ было выстроено не менѣе 72, куплено и перестроено 58 окружныхъ домовъ на провинціальныя дотаціи, основанныя на перечисленіяхъ. А. С.), тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что на эти деньги производились расходы, въ которыхъ вовсе не было абсолютной нужды». *Kestner,* l. c. S. 419. Получая обильныя дотаціи отъ государства, мѣстное самоуправленіе смотрѣло на нихъ такъ же, какъ и само государство на перечисленія—какъ на выигрышъ въ лоттерею и тратило ихъ, помимо постройки домовъ, на такія напр. нужды, какъ на «возведенія памятниковъ императору», «на императорскія маневры», «на устройство празднества въ присутствіи его величества императора» и на другія чрезвычайныя, далеко не соотвѣтствующія намѣреніямъ закона цѣли. *Gerloff,* S. 20—21.

[2]) Die Reichsfinanzreform. Ein Führer. Bd. I. Berl. 1901, s. 121.

свой патріотизмъ выражаютъ преимущественно въ отклоненіи податного бремени [1]).

VIII.

Недостатки системы, установленной Франкенштейновской клаузулой и распространеніемъ ея на новые имперскіе доходы, не могли не выясниться довольно скоро съ достаточной полнотой и для имперіи, и для союзныхъ государствъ. Признаніе ихъ имперскимъ правительствомъ нашло себѣ выраженіе въ тронной рѣчи 16 ноября 1893 года. «Финансовое управленіе имперіи, говорилось въ ней между прочимъ, до сихъ поръ еще не вылилось въ окончательный строй въ смыслѣ имперской конституціи. Финансовая система имперіи должна быть построена такимъ образомъ, чтобы, за устраненіемъ теперешнихъ колебаній, требованія ея къ отдѣльнымъ государствамъ были поставлены въ опредѣленное отношеніе къ перечисленіямъ и чтобы отдѣльнымъ государствамъ была обезпечено на болѣе или менѣе продолжительное, напередъ опредѣленное, время установленное закономъ участіе въ собственныхъ доходахъ имперіи. Такой порядокъ осуществитъ, согласно федеративному характеру государственной системы, спокойное взаимодѣйствіе имперіи и союзныхъ государствъ и, безъ умаленія правъ рейхстага, въ высокой степени будетъ споспѣшествовать финансовому управленію». Согласно заявленію тронной рѣчи, въ рейхстагъ былъ внесенъ проэктъ преобразованія финансового строя имперіи и, для изысканія необходимыхъ къ тому средствъ, проэкты объ обложеніи табака и вина и повышенія штемпельныхъ сборовъ. Въ объяснительной запискѣ указывалось, что Франк. клаузула совершенно не достигла своей цѣли, что необходимо провести полное раздѣленіе финансовъ имперіи и отдѣльныхъ государствъ, что имперія должна обладать достаточными средствами и сама нести отвѣт-

1) *Linschmann, H.* Die Reichsfinanzreform von. 1906. Stuttg. S. 40. «Möglichst wenige und niedrige Steuern, говоритъ Кёппе, das ist die Quintessenz der vulgären Denkweise .. «Nur deise Steuer nicht», ist bisher noch immer die Antwort auf jede Steuer gewesen». Am Vorabend, S. 19.

ственность за свои потребности и расходы; въ запискѣ опредѣленно признавалось также, что весь рискъ колебаній въ доходахъ и потребностяхъ имперіи въ дѣйствительности падаетъ на отдѣльныя государства и что задуманное закономъ Франкенштейна благодѣяніе для нихъ на самомъ дѣлѣ оказалось плохой услугой; связанность финансовъ отдѣльныхъ государствъ съ имперскими, созданная конституціей и тогда неизбѣжная, благодаря этому закону сдѣлалась еще сложнѣе, и вслѣдствіе этого планомѣрное, бережливое хозяйство сдѣлалось для государствъ невозможнымъ [1]). Не рѣшаясь, по тактическимъ соображеніямъ, на попытку отмѣны Франк. клаузулы, какъ не имѣвшую никакихъ шансовъ на успѣхъ, правительство предлагало установить опредѣленное отношеніе между перечисленіями и матрикулярными платежами, которое могло бы устранить дурныя послѣдствія существующей системы.

По этому проэкту въ теченіе пяти предстоящихъ лѣтъ (съ 1895 по 1900 г.) матрикулярные взносы должны были вноситься въ бюджетъ въ размѣрѣ, который по крайней мѣрѣ на 40 милл. марокъ долженъ былъ оставаться ниже общей суммы перечисленій. Въ случаѣ болѣе высокой разницы между тѣми и другими, излишняя сумма перечисленій должна оставаться въ пользу имперіи, въ противномъ случаѣ недостатокъ долженъ былъ покрываться прежде всего изъ особаго фонда, на образованіе котораго предназначались возможные остатки отъ предыдущихъ лѣтъ. Въ случаѣ его недостаточности предполагалось возможнымъ установленіе особыхъ надбавокъ къ идущимъ въ пользу имперіи штемпельнымъ сборамъ и налогамъ на потребленіе. Запасный фондъ («Spartopf», какъ его прозвали въ рейхстагѣ) не долженъ былъ превышать 40 милл. мар.; дальнѣйшіе избытки доходовъ должны были идти на погашеніе долговъ.

Такъ какъ въ 1893 г. уже ясно было видно, что вслѣдствіе роста имперскихъ расходовъ и особенно во-

---

[1]) *Speck*, l. c. S. 136; и сл. *Köppe*, l. c. S. 49, и слѣд.

енныхъ [1]) имперія не въ силахъ будетъ при существующихъ источникахъ дохода дотировать союзныя государства ежегодно въ крупной суммѣ 40 милл. р., и что потому необходимо значительно увеличить имперскія поступленія, то правительствомъ было предложено—повышеніе имперскихъ штемпельныхъ сборовъ и распространеніе налога на квитанціи, чеки и пр., повышеніе табачнаго налога посредствомъ введенія обложенія фабриката и установленіе имперскаго налога на вино; въ общей суммѣ эти податныя нововведенія должны были дать до 100 милл. мар. новаго дохода.

Предложенія правительства клонились, какъ видно изъ мотивовъ къ нимъ, къ раздѣленію финансовъ имперіи и союзныхъ государствъ, къ устраненію колебаній въ матрикулярныхъ взносахъ и перечисленіяхъ и къ закрѣпленію за государствами, въ видѣ превышеній послѣднихъ надъ первыми, опредѣленнаго размѣра имперской дотаціи. Такимъ образомъ всѣми выгодами отъ проведенія этого проэкта должны были воспользоваться прежде всего союзныя государства; напротивъ имперія утрачивала свое установленное конституціей право на пособія съ ихъ стороны въ случаяхъ дефицита, и матрикулярные платежи фактически теряли всякое значеніе въ качествѣ средства осуществленія рейхстагомъ своего права разрѣшенія налоговъ. Въ замѣнъ этого «подвижного фактора» въ сбалансированіи бюджета въ проэктируемой системѣ выступало распоряженіе запаснымъ фондомъ и установленіе надбавокъ къ косвеннымъ налогамъ.

Въ рейхстагѣ проектъ встрѣтилъ множество возраженій, направленныхъ и противъ общаго плана проекта и противъ отдѣльныхъ предлагаемыхъ имъ налоговъ. Особенно настаивали прежде всего на конституціонной важности сохраненія матрик. взносовъ [2]) и невозмож-

---

[1]) Военные расходы вслѣдствіе усиленія состава войска должны были увеличиться на 54 милл. м. Вмѣстѣ съ тѣмъ ожидалось значительное пониженіе доходовъ отъ таможенныхъ пошлинъ, вслѣдствіе таможенныхъ договоровъ, заключенныхъ Каприви въ 1892 году.

[2]) Говорились все тѣ же старыя рѣчи, напр. *Lieber:* «Die Zentrumspartei betrachtet die Matrikularbeiträge als eine unentbehrliche Gewährleistung des föderativen Charakters des Reichs und sie betrachtet weiter die Matrikularbeiträge als das wichtigste Bewilligungsrecht des Reichstags in Bezug auf die Einnahmen des Reichs».

ности замѣнить ихъ надбавками къ косвеннымъ налогамъ. Такія каждый годъ измѣняющіяся надбавки должны вносить постоянное безпокойство и смуту въ хозяйственную жизнь; ежегодно въ рейхстагѣ должна повторяться ожесточенная борьба изъ за того, какія именно отрасли промышленности надо обложить; затрудненія, вытекающія отсюда для хозяйственной жизни страны, окажутся еще болѣе значительными и опасными, чѣмъ тѣ, которыя создаются существующей системой перечисленій. Самая идея признавалась несоотвѣтствующей понятію «подвижного налога». Такими были напр. предложенные ф. Беннигсеномъ въ 1879 г. тамож. пошлина на кофе и соляной налогъ, относительно которыхъ рейхстагъ, предполагалось, будетъ ежегодно устанавливать размѣръ всѣхъ поступленій; въ опредѣленіи же рейхстагомъ только однѣхъ надбавокъ къ постояннымъ налоговымъ ставкамъ не усматривали даже и слѣда права разрѣшенія налоговъ [1]). Замѣна матр. взносовъ повышеніемъ косвенныхъ налоговъ для многихъ, особенно для радикальныхъ партій, представлялась еще и потому недопустимой, что масса населенія и безъ того достаточно несетъ этихъ налоговъ, несоотвѣтственно тяжело падающихъ на бѣднѣйшіе классы. Указывалось на плохое экономическое положеніе страны, совершенно не допускавшее возможности усиленія бремени косвеннаго обложенія. Проектируемой системѣ ставилась въ упрекъ ея «автоматичность» [2]); цифра въ 40 милл. марокъ выставлялась, какъ совершенно произвольная, столь же ошибочная (только въ противоположную сторону), какъ 130 милл. мар. Франкенштейновской клаузулы, и иду-

---

[1]) *Köppe,* Die Reicsfinanzreform, S. 54.

[2]) «Ferner wurde der Entwurf, говоритъ Köppe, mit dem Schlagwort der Bezeichnung als «Automat» abfällig kritisiert, insofern er statt der gewollten organischen Abgrenzung und Ausgestaltung der Reichsfinanzen eine rein automatische Regelung schaffe, die dem «bischen Budgetrecht» des Reichstags den Spielraum nehme und an Stelle der vereinten Mitarbeit der Regierungen und des Reichstags bei der Abschätzung und Würdigung der Einnahmeverhältnisse und damit auch der mit ihnen in Wechselbeziehung verknüpften Ausgabenverhältnisse ein Uhrwerk setze, das von selbst abschnurre» (S. 53). Со стороны радикаловъ, прибавляетъ Köppe, эта «vereinte Mitarbeit» состояла въ сущности въ постоянномъ отклоненіи всѣхъ вносимыхъ правительствомъ предложеній, которыя повысили бы доходы или расходы.

шая въ разрѣзъ съ интересами союзныхъ государствъ. Резервный фондъ—это «воскрешеніе финансоваго искусства феодальнаго періода» обрекался на хроническую пустоту, такъ какъ не было никакой надежды на остатки при постоянно растущей потребности въ деньгахъ.

Оживленный споръ завязался о роли косвенныхъ налоговъ въ имперскомъ бюджетѣ. Графъ Позадовскій старался цифровыми данными опровергнуть утвержденіе оппозиціи, что повышеніе косвеннаго обложенія съ 1879 г. пало исключительно на бѣднѣйшіе классы населенія. Размѣръ этого повышенія онъ опредѣлялъ въ 367 милл. мар., т. е. въ 7,34 марки на душу населенія, при чемъ на долю рабочихъ классовъ изъ этой суммы по его разсчету приходилось только 200 милл. мар. Но этой суммѣ онъ противопоставлялъ 20 милл. мар. пониженія таможенныхъ пошлинъ вслѣдствіе торговыхъ договоровъ [1]), 147 милл. расходовъ, вызванныхъ соціально-политическимъ законодательствомъ и идущихъ въ пользу этихъ классовъ, 29²/₃ милл. пониженія въ прямыхъ налогахъ и происшедшее въ 1879 г. повышеніе заработной платы—и въ результатѣ приходилъ къ выводу, что этими суммами болѣе чѣмъ уравнивается увеличеніе косвеннаго обложенія. Министръ финансовъ Микель въ свою очередь доказывалъ, что бремя прямыхъ налоговъ, по крайней мѣрѣ въ Пруссіи, шло впередъ въ своемъ развитіи въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ и развитіе косвеннаго обложенія въ имперіи. Ф. Штуммъ шелъ далѣе и доказывалъ, что въ Пруссіи вовсе нѣтъ неравномѣрнаго переобремененія низшихъ классовъ косвенными налогами, а наблюдается противоположное явленіе. Подъ вліяніемъ этихъ же споровъ былъ вовлеченъ въ дебатированіе и вопросъ о прямыхъ имперскихъ налогахъ, которые для радикальныхъ партій представлялись наиболѣе справедливымъ средствомъ разрѣшенія вопроса [2]).

---

[1]) Все пониженіе предполагалось въ 36 милл. мар., изъ нихъ на 29 милл. предметовъ массоваго потребленія.

[2]) Köppe, l. c. S. 58, 54. Тогда же были высказаны и важнѣйшія соображенія противъ прямыхъ налоговъ въ податной системѣ. Имперскій

Противъ каждаго изъ предложенныхъ налоговъ приводилось также множество возраженій. Реформа табачнаго налога должна была повредить интересамъ фабрикантовъ и рабочихъ [1]); относительно налога на вино возникли несогласія въ средѣ самихъ правительствъ, не говоря уже о практическихъ трудностяхъ осуществленія такого налога, налогъ на квитанціи представлялся слишкомъ обременительнымъ для торговли и обращенія и т. д. Въ результатѣ рейхстагъ принялъ только повышеніе имперскихъ штемпельныхъ биржевого и лоттерейнаго налога. Всѣ остальныя предложенія правительства были отклонены.

На слѣдующій годъ правительство повторило свою попытку въ значительно измѣненномъ видѣ: по новому проэкту матрикулярные платежи и перечисленія должны были балансироваться; табачный налогъ на фабрикатъ получалъ иные оклады. Оба предложенія были отвергнуты.

Послѣ этихъ неудачъ правительство на долгое время отказывается отъ предложеній широкихъ реформъ. Для ближайшихъ лѣтъ является характернымъ, что по инiціативѣ самого рейхстага рядомъ спеціальныхъ законовъ, имперское хозяйство начинаетъ постепенно освобождаться отъ путъ Франкенштейновской клаузулы. Въ 1896 году бюджетная коммиссія присоединила къ бюджетному закону предложеніе, по которому половина суммы, на которую перечисленія превышаютъ матрикулярные взносы, должна идти на погашеніе имперскаго долга. Такъ какъ правительство заявило, что оно не можетъ принять измѣненія существующихъ законовъ въ связи съ бюджетнымъ закономъ, то предложеніе было

подоходный налогъ обозначалъ бы для отдѣльныхъ государствъ утрату ихъ права финансоваго верховенства, одного изъ важнѣйшихъ, оставшихся у нихъ, правъ суверенитета. Послѣ передачи имперіи косвеннаго обложенія у нихъ была бы отнята теперь и значительная часть прямой налоговой силы ихъ подданныхъ, и гдѣ бы они стали искать средствъ для покрытія собственныхъ расходовъ? Надбавки въ пользу имперіи къ прямымъ государственнымъ налогамъ невозможны до тѣхъ поръ, пока послѣдніе не будутъ повсюду совершенно согласованы между собой. Микель обращалъ вниманіе также и на то, что при оцѣнкѣ прямыхъ налоговъ не слѣдуетъ забывать ихъ стѣснительность для плательщиковъ и относительную малодоходность. Ibidem, S. 55.

[1]) Подробности преній см. *Köppe*, l. c. S. 55—60; *Фридманъ*, l. c. 159—171.

проведено въ видѣ особаго закона, получившаго по имени своего инициатора названіе (какъ и послѣдующіе однородные законы о погашеніи долга) lex Lieber. Этотъ законъ впервые пробилъ брешь въ Франкенштейновской клаузулѣ [1]). За нимъ послѣдовали однородные законы о погашеніи имперскаго долга въ 1897, 1898, 1899 и 1900 г., при чемъ на эту цѣль назначалось уже $^3/_4$ превышенія перечисленій надъ матрикулярными взносами; кромѣ того сумма, которая должна была оставаться въ имперской кассѣ изъ доходовъ отъ таможенныхъ пошлинъ и табачнаго налога и которая закономъ Франкенштейна была опредѣлена въ 130 милл. мар., теперь была повышена въ цѣляхъ сокращенія имперскаго долга въ 1896 г. до 143 милл., въ 1897 г.—180 милл., 1898 г. до 167,5 милл. м. и въ 1899 г. до 172,4 милл. м. Кромѣ того въ законахъ 1897—1900 гг. содержалось еще постановленіе, что, если въ послѣдующемъ (zweitfolgenden) отчетномъ году матрикулярные взносы превысятъ перечисленія, то это превышеніе не должно взиматься на ту сумму, на какую въ предшествующемъ (vorvorigen) году оказались въ наличности средства для погашенія долга.

Благодаря этимъ мѣрамъ, было достигнуто довольно значительное погашеніе имперскаго долга на сумму въ 143 милл. марокъ, и весьма сокращены размѣры колебаній между матрикулярными взносами и перечисленіями. Нельзя однако не согласиться съ Герлофомъ, что главная суть этихъ leges Lieber вовсе не въ погашеніи государственнаго долга, что принципіальное значеніе ихъ заключается въ признаніи со стороны рейхстага невозможности долѣе ограничивать себя рамками Франкенштейновской клаузулы и въ сокращеніи размѣра дотацій имперіи союзнымъ государствамъ. Для имперіи это обозначало сохраненіе въ своихъ рукахъ большаго количества доходовъ, что обусловило за годы дѣйствія leges Lieber меньшую необходимость обращаться къ займамъ. Въ то время, какъ въ предшествовавшее

---

[1]) *Gerloff W.* Matrikularbeiträge etc. S. 14—15; *Speck*, l. c. S. 138—139; Köppe, l S. 64—65.

десятилѣтіе средній ежегодный недостатокъ имперскихъ доходовъ сравнительно съ расходами равнялся 147,8 милл. мар., теперь онъ сократился до 39 милл. (1897—99 гг.), а въ 1896 г. былъ даже избытокъ въ 12,3 милл. [1]).

IX.

Дальнѣйшее существованіе leges Lieber натолкнулось на давно уже подготовлявшееся ходомъ событій, и тѣмъ не менѣе оказавшееся неожиданнымъ препятствіе—исчезновеніе съ 1899 г. превышеній въ перечисленіяхъ надъ матрикулярными взносами. Этимъ измѣненіемъ въ соотношеніи между тѣми и другими открывается *третій* періодъ исторіи германскаго финансоваго хозяйства, характеризующійся постоянными непокрытыми матрикулярными взносами, возрастающимъ недовольствомъ союзныхъ государствъ на свою финансовую зависимость отъ имперіи, и напряженными усиліями правительства къ реформированію финансоваго строя.

За хозяйственнымъ подъемомъ, наблюдавшимся въ Германіи съ средины 90-хъ годовъ до конца прошлаго столѣтія, послѣдовало съ начала новаго вѣка угнетенное состояніе, вызванное экономическимъ кризисомъ, который не могъ не отразиться неблагопріятно и на состояніи имперскихъ финансовъ. Поступленія отъ налоговъ почти перестали повышаться, а иногда обнаруживали даже пониженіе (въ 1901 г. они дали 901,2 милл. мар., въ 1902—909 милл., въ 1903—906,4 милл.). Между тѣмъ имперскія потребности продолжали безостановочно развиваться; въ сессію 1898/1900 года между прочимъ прошелъ извѣстный законъ о флотѣ, которымъ было положено начало политики усиленнаго развитія германскихъ морскихъ силъ и открывалось широкое поприще для расходованія имперскихъ средствъ. Такъ какъ наибольшую выгоду изъ увеличенія флота, пріобрѣтенія колоній и усиленія средствъ для проведенія міровой политики должны были, предполагалось, извлечь

---

[1]) См. выше таблицу въ примѣчаніи.

владѣющіе, зажиточные классы, то и для покрытія вызванныхъ этимъ планомъ расходовъ были избраны по возможности соотвѣтствующіе налоги. Именно закономъ 4 іюля 1900 г. были повышены (биржевой и лоттерейный сборъ) и расширены (посредствомъ установленія сборовъ съ коносаментовъ и съ горнозаводскихъ куксъ) имперскіе штемпельные налоги; затѣмъ были увеличены фискальныя таможенныя пошлины на пиво, ликеры, спиртъ и пѣнистыя вина. Вмѣстѣ съ тѣмъ особымъ параграфомъ закона о флотѣ было постановлено, чтобы новые расходы на флотъ, превосходящіе на извѣстную сумму доходъ отъ имперскихъ штемпельныхъ налоговъ, никоимъ образомъ не могли быть покрываемы косвенными, падающими на потребленіе массъ, налогами. Въ качествѣ новаго источника доходовъ рейхстагъ указалъ также правительству на возможность обложенія сахарина и пѣнистыхъ винъ внутренняго производства. Обложеніе сахарина оказалось невыполнимымъ, и вмѣсто него было установлено запрещеніе этого продукта; налогъ же на пѣнистыя вина (Schaum Weinsteuer) прошелъ въ 1902 году. Въ этомъ же году былъ проведенъ крайній въ смыслѣ аграрнаго покровительства новый таможенный тарифъ, съ чрезмѣрно вздутыми ставками на хлѣба, скотъ, мясо и муку; тарифъ этотъ въ качествѣ автономнаго долженъ былъ служить основаніемъ для заключенія торговыхъ договоровъ съ сосѣдними странами, при которыхъ приходилось ограничиваться установленными въ тарифѣ же минимальными пошлинами и допускать другія облегченія, хотя всетаки ставки оставались значительно выше прежнихъ; напротивъ собственно финансовыя пошлины не были повышены, а нѣкоторыя, какъ на чай и какао, даже значительно понижены, такъ какъ удешевленіемъ цѣны этихъ продуктовъ разсчитывали поднять вмѣстѣ съ нимъ и потребленіе сахара, одинаково важное какъ въ финансовомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи.

Какъ оригинальную особенность новаго тарифа надо отмѣтить постановленіе, извѣстное подъ названіемъ clausula или lex Trimborn, по которому превы-

шеніе (разсчитанное на душу населенія) поступленій отъ пошлинъ съ хлѣба, скота, мяса и муки отъ средняго дохода этихъ пошлинъ за періодъ 1898—1903 г. перечисляется въ особый фондъ для проведенія страхованія вдовъ и сиротъ рабочихъ. Эти спеціальные законы—придатки закона о флотѣ и новаго таможеннаго тарифа—представляютъ собой любопытное, хотя и уродливое, явленіе—возвращеніе къ стариннымъ цѣлевымъ налогамъ; рейхстагъ, не умѣя или не желая противостоять требованіямъ новыхъ расходовъ, на будущее время связываетъ себѣ руки въ дальнѣйшемъ установленіи налоговъ и употребленіи доходовъ отъ нихъ. Нельзя, конечно, не согласиться съ тѣми, кто считаетъ такую политику совершенно неправильной и наивной; невозможно выхватывать одну опредѣленную статью дохода и пріурочивать ее къ извѣстнымъ расходамъ, какъ и наоборотъ, отдѣльные расходы связывать съ опредѣленными источниками дохода; это стѣсняетъ, прежде всего, всякую попытку реформъ и съ этой точки зрѣнія можетъ причинять ущербъ именно тѣмъ соціально-политическимъ задачамъ, которыя преслѣдуются подобными постановленіями [1]). Новый тарифъ, обѣщавшій значительное увеличеніе доходовъ, хотя ускользавшихъ большею частью изъ общаго имперскаго бюджета, благодаря клаузуламъ Франкенштейна и Триборна, вступилъ въ дѣйствіе съ 1 марта 1906 года.

Новые налоги принесли увеличеніе доходовъ, совершенно несоотвѣтствовавшее возрастанію имперскихъ расходовъ, и разница между суммами доходнаго и расходнаго бюджета выростала до колоссальныхъ размѣровъ.

---

[1]) См. *Günther,* l. c. S. 87, также v. *Stengel,* Deutsche Revue, Nov. 1908.

Годъ.	Расходы [1]) (безъ перечисленій).	Доходы [1]) (безъ матр. взносовъ).	Превышеніе [1]) доходовъ надъ расходами (+) или наоборотъ (—).	Госуд. [2]) долгъ.
	Миллiоны	марокъ.		
1899	1.026,6	976,2	— 50,4	2.298,6
1900	1.083,4	977,2	— 106,2	2.395,6
1901	1.147,5	986,8	— 160,7	2.813,5
1902	1.174,0	1.035,8	— 138,2	2.813,5
1903	1.208,3	1.059,2	— 149,1	3.103,5
1904	1.193,8	1.087,3	— 106,5	3.203,5
1905	1.280,2	1.225,2	— 55,0	3.543,5
1906	1.387,0	1.260,7	— 126,3	3.803,5
1907	1.614,2	1.385,1	— 229,1	4.003,5
			— 1.121,5	+ 1.704,9

Столь крупные недостатки въ доходахъ естественно не могли вполнѣ показываться матрикулярными взносами и по необходимости вели къ заключенію займовъ, на которые охотно соглашался рейхстагъ. «Такая готовность рейхстага, говоритъ Гротевольдъ, едва ли была конституціонной, такъ какъ конституція въ ст. 73 гласитъ, что заключеніе займа должно слѣдовать въ случаѣ чрезвычайной потребности. Этой же чрезвычайной потребности однако вовсе нѣтъ, если дѣло идетъ о покрытіи обыкновенныхъ расходовъ. Подобная финансовая политика заслуживаетъ прямо названія южно-американской» [3]). Несомнѣнно, что въ первое время развитія имперскаго долга на средства, добытыя путемъ займовъ, производили расходы, для которыхъ единственнымъ принципіально допустимымъ источникомъ покрытія должны были бы быть текущіе доходы [4]). Но именно

---

[1]) См. *Denkschriftenband* etc. I, S. 26 и 27.
[2]) *Speck*, l. c. Anhang.
[3]) *Grotewold*, l. c. S. 66—7.
[4]) «Въ главной части своей займы имперіи заключались для текущихъ расходовъ, хотя бы они отчасти и стояли въ чрезвычайномъ бюджетѣ и этимъ обезпечивали видимость раціональной финансовой политики». По своему же настоящему характеру они были займами для устраненія дефицита (Zuschussanleihen). (Die Finanzreform, I, S. 141). «Худшій видъ займовъ, говоритъ *H. Köppe*, это займы для покрытія дефицита въ

никакихъ опредѣленныхъ принциповъ въ раздѣленіи средствъ покрытія въ имперскомъ хозяйствѣ и не держались, и только впервые въ 1901 г. путемъ соглашенія правительства съ рейхстагомъ были выработаны извѣстныя правила на этотъ счетъ по отношенію къ расходамъ на войско, флотъ, желѣзныя дороги, почты и телеграфъ [1]). Съ этого времени употребленіе займовъ уже болѣе правильное, но за то и дѣйствительные поводы къ нимъ участились: уже въ 1901 г. главнымъ образомъ для цѣлей флота понадобилось на 316 милл. мар. новыхъ займовъ, затѣмъ военныя—восточно-азіатская и южно-африканская экспедиціи потребовали 717 милл. мар. и т. д.

Непрестанное увеличеніе долговъ имѣло два тяжелыхъ послѣдствія для имперскаго хозяйства: одно заключалось въ ежегодно растущихъ расходахъ на уплату процентовъ, другое—давленіе на курсъ послѣдующихъ

обыкновенномъ бюджетѣ, потому что они противорѣчатъ элементарнѣйшимъ требованіямъ разумнаго веденія хозяйства. Имперія же сдѣлала ихъ обычными и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественно возвѣщала свою финансовую нужду, при чемъ случай чрезвычайной потребности усматривался на лицо при невозможности покрыть потребность находящимися въ распоряженіи средствами.

[1]) Именно, принципіально должны относиться по этимъ правиламъ на счетъ займовъ:

1) Въ области управленія имперскимъ войскомъ—расходы на сооруженіе крѣпостей и расходы на пополненіе (Vervollständigung) германской желѣзно-дорожной сѣти въ интересахъ защиты страны.

2) Въ области управленія имперскимъ флотомъ—расходы, предназначенные на дальнѣйшее развитіе морскихъ силъ; при постройкѣ судовъ однако 6% строительной стоимости флота покрывается изъ обыкновенныхъ доходовъ.

3) Въ области желѣзнодорожнаго управленія—расходы на такія сооруженія, которые должны открыть желѣзной дорогѣ ранѣе недоступное ей обращеніе, а также расходы на необычайно дорогія приспособленія и сооруженія, включеніе которыхъ въ обыкновенный бюджетъ могло бы на много лѣтъ чрезвычайно повредить финансовымъ результатамъ управленія.

4) Въ области почтоваго и телеграфнаго управленія расходы на пріобрѣтеніе телеграфовъ, кабелей и проведеніе подводныхъ и подземныхъ телеграфныхъ линій, послѣднихъ лишь постольку, поскольку въ этомъ заинтересованы другія телеграфныя управленія, или имѣютъ значеніе военные интересы или должны быть проложены подъ землей проводы городского телефона. Съ 1902 г. сюда присоединяются еще расходы на такія телефонныя сооруженія, которыя преимущественно имѣютъ въ виду будущее, обладаютъ прочнымъ значеніемъ и доставляютъ достаточный процентъ дохода, поскольку они по своему виду и объему выходятъ изъ рамокъ простого регулярнаго развитія телефоннаго дѣла. Впослѣдствіи эти начала получили дальнѣйшее развитіе и выражены были съ большей полнотой въ 1907 г. *Denkschriftenband*, etc. I, S. 29.

новыхъ займовъ. «Низкій курсъ германскихъ займовъ велъ въ результатѣ къ тому, что при каждомъ новомъ займѣ имперія фактически получаетъ гораздо меньше, чѣмъ она обязуется номинально выплатить. Чистая выручка капитала оказывается постоянно на значительныя суммы ниже номинальной долговой суммы. Важнѣе однако реальный размѣръ процента; чѣмъ онъ выше, тѣмъ больше расходы для имперіи. Реальный же размѣръ процента съ 1903 г. постоянно падалъ; тогда онъ составлялъ 3,283%, 1904—3,484%, 1906—3,522%, 1908—4,067%... Постоянный выпускъ новыхъ займовъ безъ одновременнаго погашенія стараго запаса самымъ неблагопріятнымъ образомъ вліяетъ на курсъ займовъ— особенно тогда, если государство оказывается вынужденнымъ прибѣгать къ болѣе высокому размѣру процента, какъ это недавно было въ Германіи съ выпускомъ 4%-хъ долговыхъ обязательствъ» [1]).

Указанныя выше крупныя ежегодныя недохватки въ имперскихъ доходахъ помимо займовъ должны были вести и къ требованію огромныхъ матрикулярныхъ взносовъ, которые наконецъ оказались выше перечисленій, несмотря на колоссальные, выше чѣмъ полумилліардные размѣры, достигнутые послѣдними.

Годъ.	Сумма поступленій отъ налоговъ.	Перечисленія.	%	Перевѣсъ перечисленій надъ матр. взносами (+) или наоборотъ (—).
	Въ тысячахъ кронъ.			
1899	852.323,2	476.874,6	55,9	— 13.079,3
1900	886.876,8	508.472,8	57,5	— 19.189,6
1901	901.173,6	555.707,4	61,6	— 15.225,6
1902	908.959,3	556.235,0	61,2	— 24.404,8
1903	906.372,2	541.540,0	59,6	— 24.316,2
1904	928.390,5	195.927,0	21,1	— 23.723,0
1905	1.065.344	189.058,7	17,7	— 24.191,3
1906	1.074.686,9	205.924,0	19,2	— 24.242,1
1907	1.226.532,5	202.361,2	16,5	— 88.637,0
б. 1908	1.258.032,6	195.736,3	15,5	— 150.291,7

[1]) *Kestner*, l. c. S. 423—4.

Какъ видно изъ этой таблицы, доля союзныхъ государствъ въ имперскихъ налогахъ все повышалась (этому способствовало и то, что послѣднія повышенія налоговъ—тамож. пошлинъ, биржеваго, лотерейнаго сборовъ и установленіе сбора съ коносаментовъ—касалось перечисляемыхъ налоговъ) и достигло небывалаго размѣра 61,6%. Но это не помѣшало имперіи потребовать отъ союзныхъ государствъ столько, что уже въ 1899 г. имъ пришлось приплатить 13 милл. м. сверхъ перечисленій, въ 1900 г.—19,2, въ 1902 г. уже 24,4 м. Въ результатѣ прежде всего пришлось отказаться отъ осуществленія послѣдняго lex Lieber; затѣмъ финансовое состояніе союзныхъ государствъ, которое и при системѣ излишковъ въ перечисленіяхъ, страдало многими недостатками, теперь очутилось въ совершенно невыносимомъ положеніи, жалобы на которое раздавались единодушно во всѣхъ ландтагахъ при обсужденіи бюджетовъ.

Дѣйствительно серьезно и глубоко затронутые неожиданнымъ переходомъ отъ годовъ изобилія къ годамъ недостатка интересы союзныхъ государствъ побудили, наконецъ, правительство выйти изъ своего пассивнаго отношенія и сдѣлать новую попытку упорядоченія финансовой системы имперіи. Новый государственный секретарь баронъ ф. Штенгель, баварецъ по происхожденію, не столько имѣлъ въ виду при этомъ усиленіе имперскихъ доходовъ, сколько улучшеніе положенія союзныхъ государствъ въ ихъ отношеніи къ имперіи. Выработанный имъ проектъ «касательно измѣненія финансовой системы имперіи» былъ внесенъ въ 1903 г. во вновь избранный въ этомъ году рейхстагъ. Чтобы не осложнять реформы и не затруднять ея проведенія, въ проектѣ не содержалось никакихъ податныхъ предложеній. Къ проекту была приложена подробная объяснительная записка, въ которой правительство старалось выяснить существующіе недостатки и доказать желательность предлагаемыхъ измѣненій. Въ ней отчетливо рисуется позиція, занимаемая правительствомъ въ отношеніи къ союзнымъ государствамъ и сохраняемая имъ и въ послѣдующее время.

X.

Въ своемъ проэктѣ правительство опять возвращалось къ основной мысли предложеній 1893/94 и 1894/95 гг. и ставило цѣлью, съ одной стороны, по возможности удовлетворить требованія союзныхъ государствъ относительно болѣе раціональнаго устройства ихъ финансовыхъ отношеній къ имперіи, съ другой стороны противодѣйствовать опасному возрастанію имперскаго долга посредствомъ мѣръ, которыя имѣли бы постоянный характеръ и должны были бы сопровождаться болѣе успѣшными послѣдствіями, чѣмъ спеціальные законы. Отъ прежнихъ попытокъ реформы, однако, настоящій проэктъ отличался, по мнѣнію правительства, тѣмъ, что «онъ стремится захватить несомнѣнно существующее зло у самого его корня и тамъ исцѣлить его, тогда какъ тѣ проэкты ставили своей задачей только уничтожить вредныя послѣдствія болѣе глубоко лежащихъ причинъ». Другое отличіе новаго проэкта отъ прежнихъ заключалось въ томъ, что онъ не сопровождался предложеніями новыхъ налоговъ; правительство считало болѣе цѣлесообразнымъ раньше выждать, чтобы выяснилось, на сколько увеличеніе поступленій вслѣдствіе измѣненія таможеннаго тарифа 25 дек. 1902 г. будетъ способствовать возстановленію равновѣсія между доходами и расходами въ имперскомъ бюджетѣ. Существующія недостатки имперской финансовой системы правительство объясняло, помимо общаго неблагопріятнаго экономическаго состоянія, распространяющагося далеко за предѣлы Германіи, главнымъ образомъ, двумя причинами: во 1-хъ, тѣми размѣрами, которые постепенно приняла Франк. клаузула, первоначально ограниченная весьма узкими предѣлами, и во 2-хъ тѣмъ употребленіемъ, которое дано было предусмотрѣннымъ ст. 70,1 конституціи «остаткамъ отъ предшествующихъ лѣтъ».

Франкенштейновская клаузула, первоначально раздѣлявшая доходъ отъ тамож. пошлинъ и табачнаго акциза на двѣ части: 130 милл. м. въ пользу имперіи и 40 милл. перечисленій въ пользу союзныхъ государствъ, впослѣдствіи была распространена на обложеніе спирта и на

штемпельные сборы. Благодаря естественному развитію таможенныхъ доходовъ и вслѣдствіе позднѣйшаго повышенія отдѣльныхъ тарифныхъ ставокъ, особенно на сельско-хоз продукты, затѣмъ вслѣдствіе включенія налога на спиртъ (Verbrauchsabgabe) и штемпельныхъ сборовъ въ число Ueberweisungssteuern, послѣдніе съ теченіемъ времени достигли такихъ размѣровъ, которыхъ нельзя было ожидать при установленіи клаузулы Франкенштейна. Съ 38,2 милл. м. въ 1880/81 г. они выросли до 542 м. м. въ 1903 г.; на 1904 г. они предполагаются въ 553,9 м. м. Если оставить въ сторонѣ временныя, хотя иногда и весьма значительныя колебанія, то обнаружится, что и матрикулярные взносы въ общемъ испытали такое же повышеніе, при чемъ за послѣдніе 5 лѣтъ (съ 1899 г), они ежегодно значительно превышали отчисленія. Такъ какъ имперія въ настоящее время, при возрастающихъ потребностяхъ и увеличивающейся задолженности, не можетъ не нуждаться въ перечисляемыхъ налогахъ для своего собственнаго хозяйства и потому вынуждена удерживать ихъ за собой въ формѣ матрикулярныхъ взносовъ, то въ результатѣ оказывается, что совершенно безцѣльно и безполезно, съ каждымъ годомъ все въ большемъ размѣрѣ цѣлыя сотни милліоновъ марокъ передаются взадъ и впередъ между имперіей и союзными государствами, хотя по большей части только по книгамъ. Такой порядокъ вещей не только безцѣленъ, но и прямо вреденъ для благоустройства финансоваго хозяйства имперіи и союзныхъ государствъ. Не говоря уже о чрезвычайно высокихъ и все еще возрастающихъ суммахъ, въ которыхъ союзныя государства должны уплачивать впередъ имперіи свои матрикулярные взносы, эта система ведетъ къ трудно оправдываемому увеличенію отвѣтственности союзныхъ государствъ за недополученія въ перечисляемыхъ налогахъ и ко все большему затемненію самого имперскаго бюджета, тогда какъ ясность и наглядность бюджета является основой предусмотрительнаго и бережливаго хозяйства. Отсутствіе этой основы создаетъ опасность или возрастающей задолженности имперіи или переобремененія союзныхъ государствъ матрикулярными взносами, или обоихъ этихъ

послѣдствій вмѣстѣ. Къ этому присоединяется еще то, что, благодаря теперешнему объему клаузулы Франкенштейна, имперія не обладаетъ необходимой свободой дѣйствій въ бюджетномъ опредѣленіи своихъ важнѣйшихъ доходовъ.

Правительство не находило, однако, необходимымъ полное уничтоженіе клаузулы и считало достаточнымъ ограничиться отмѣной ея относительно тѣхъ налоговъ, которые, какъ показалъ опытъ, подвергаются наибольшимъ колебаніямъ—т. е. таможенныя пошлины, табачный и штемпельные налоги. Налогъ на спиртъ можетъ безъ всякой опасности оставаться перечисляемымъ налогомъ; онъ имѣетъ то преимущество, что его доходъ обыкновенно подвергается незначительнымъ отклоненіямъ (особенно сравнительно съ бюджетными предположеніями). Сумма питейнаго налога на потребленіе составляетъ свыше 100 милл. марокъ, т. е. слишкомъ въ два съ половиной раза больше тѣхъ 40 милл. мар., которые первоначально при введеніи клаузулы Франкенштейна считались вполнѣ достаточными въ качествѣ подвижнаго фактора въ имперскомъ бюджетѣ для обезпеченія права рейхстага на разрѣшеніе доходовъ. Оставить нетронутымъ обложеніе спирта при реформѣ клаузулы важно еще и потому, что всякія измѣненія его и безъ того затрудняются особыми правами, предоставленными южногерманскимъ государствамъ.

По ст. 70 (п. 1) конституціи на покрытіе общихъ (обыкновенныхъ) расходовъ прежде всего идутъ «остатки» (Überschüsse) отъ прошлаго года. На основаніи исторіи этого постановленія правительство утверждало, что подъ этими «остатками» конституція разумѣетъ только превышеніе «собственныхъ имперскихъ доходовъ» надъ расходами, а никакъ не матрикулярные взносы, взимаемые свыше надобности, такъ какъ послѣдніе должны расписываться канцлеромъ только субсидіарно «до размѣровъ установленной бюджетомъ суммы». Въ дѣйствительности однако такого различія не дѣлалось, и всякіе остатки отъ предшествовавшихъ лѣтъ, независимо отъ ихъ происхожденія, заносились въ бюджетъ слѣдующаго года, какъ обыкновенный доходъ. Этотъ порядокъ удер-

жался и при введенiи клаузулы Франкенштейна, хотя и врядъ ли такiе остатки отъ собственныхъ доходовъ могли бы образоваться при томъ значительномъ сокращенiи послѣднихъ, которое было вызвано отчисленiями въ пользу союзныхъ государствъ. Союзныя государства, однако, не заявляли своего протеста противъ уже установившагося порядка. Только когда въ 1901 г. при обсужденiи законопроекта о погашенiи долга на 1901 г. изъ рейхстага была сдѣлана попытка привлечь къ уменьшенiю имперскаго долга, кромѣ случайныхъ превышенiй въ отчисляемыхъ налогахъ, также и «остатки въ собственномъ хозяйствѣ имперiи», то противъ такого порядка было сдѣлано возраженiе со стола союзнаго совѣта со ссылкой на ст. 70 конституцiи и съ указанiемъ, что подобные «остатки» въ дѣйствительности представляютъ собой матрикулярные взносы, взятые сверхъ надобности, на послѣдующее возвращенiе которыхъ союзныя государства имѣютъ обезпеченное конституцiей право. Въ результатѣ законъ погашенiя на 1901 г. не прошелъ, хотя, впрочемъ, за недостаткомъ излишковъ онъ и безъ того фактически остался бы безъ примѣненiя. Напротивъ два года спустя, въ законѣ 25 марта 1903 г., по соглашенiю съ союзными правительствами, которыя на этотъ разъ отступились отъ своего принципiальнаго протеста, было включено постановленiе, по которому на погашенiе дополнительнаго займа (Zuschussanleihe) должны были употребляться также и излишки, имѣющiе образоваться въ 1903 г. въ собственномъ хозяйствѣ имперiи. Эти прецеденты побуждаютъ разсмотрѣть вопросъ о томъ, не представляется ли желательнымъ на будущее время принципiально вновь урегулировать это дѣло. Предшествующая практика относительно «излишковъ» во всякомъ случаѣ неосновательна. Источники имперскихъ обыкновенныхъ доходовъ въ огромной части своей весьма непостояннаго свойства, и уже отсюда возникаютъ для рацiональнаго веденiя имперскаго хозяйства весьма значительныя трудности. Эти колебанiя, однако, еще увеличатся и трудности обострятся, если въ бюджетѣ будутъ примѣняться еще въ качествѣ обыкновеннаго средства покрытiя измѣнчивые

и только случайные излишки прежнихъ лѣтъ. Временами, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, такіе излишки могутъ достигать значительной величины. Если затѣмъ на мѣсто остатковъ придется имѣть дѣло съ дефицитами прошлыхъ лѣтъ, то уже только отсюда для сбалансированія бюджета могутъ возникнуть очень серьезныя затрудненія. Если же вслѣдствіе стеченія неблагопріятныхъ обстоятельствъ сюда присоединится еще уменьшеніе поступленій отъ обыкновенныхъ источниковъ дохода, то положеніе имперскаго хозяйства окажется еще болѣе опаснымъ. Эти колебанія въ дѣйствительности простирались отъ 30,6 м. м. излишковъ до 48,4 дефицита. При осуществленіи предположеннаго ограниченія клаузулы Франкенштейна однимъ питейнымъ налогомъ, эти колебанія, благодаря присоединенію измѣняющихся доходовъ отъ пошлинъ и штемпельнаго сбора, еще увеличатся. Но никакое хозяйство, основывающее обыкновенные расходы на чисто случайныхъ колеблющихся доходахъ, не можетъ выдержать продолжительное время. Поэтому представляется крайне настоятельнымъ измѣнить п. 1 ст. 70 конституціи и, по образцу другихъ конституцій, отнести возможные излишки отъ предшествующихъ лѣтъ къ чрезвычайному бюджету, гдѣ они могли бы примѣняться (если конечно бюджетный законъ не дастъ имъ иного назначенія) на уменьшеніе потребности въ займѣ или на погашеніе долговъ. Для обезпеченія дѣйствительнаго примѣненія новаго постановленія и съ точки зрѣнія конституціи, ст. 70 должна быть измѣнена въ томъ смыслѣ, что союзныя государства лишь постольку имѣютъ право на возвращеніе излишне уплаченныхъ матрикулярныхъ взносовъ, поскольку они средства для этого почерпнули въ собственномъ своемъ хозяйствѣ, а не въ видѣ отчисленій. Иначе союзные государства могли бы предъявлять притязанія и на возвращеніе покрытыхъ отчисленіями матрикулярныхъ взносовъ, если бы послѣдніе превысили потребности имперіи, и въ такомъ случаѣ эти излишки вообще уже никогда не оставались бы въ распоряженіи собственнаго хозяйства имперіи.

Матрикулярные взносы сначала были только субсидiарнымъ источникомъ дохода, крайнимъ средствомъ, которымъ должны были пользоваться только въ томъ случаѣ, если собственныхъ доходовъ имперiи не хватило для покрытiя имперскихъ расходовъ. При послѣдующемъ введенiи клаузулы Франкенштейна исходили изъ того, что удерживаемые въ качествѣ подвижнаго фактора въ имперскомъ бюджетѣ матрикулярные взносы будутъ устанавливаться въ предѣлахъ отчисленiй, предоставляемыхъ союзнымъ государствамъ. Такъ дѣйствительно и было за небольшими исключенiями въ теченiе длиннаго ряда лѣтъ. Только съ 1899 г. началось ежегодное обремененiе союзныхъ государствъ непокрытыми матрикулярными взносами, составившее (съ присоединенiемъ взносовъ, причитающихся по смѣтѣ 1904 г.) въ цѣломъ сумму въ 120 милл. мар. На эту же сумму сократились средства, которыми располагаютъ союзныя государства для выполненiя важныхъ внутреннихъ культурныхъ задачъ. Представляется также несомнѣннымъ, что въ собственныхъ интересахъ имперiи такое обремененiе отдѣльныхъ государствъ нежелательно. Конституцiонное право облагать союзныя государства матрикулярными взносами, по проекту, принципiально должно быть сохранено за имперiей. Но при здоровой, сознательно преслѣдующей свои цѣли финансовой политикѣ пользоваться этимъ правомъ должно только въ видѣ исключенiя и при условiи возможно бережливаго отношенiя къ бюджетамъ отдѣльныхъ государствъ. Союзныя государства тѣмъ болѣе въ правѣ ожидать обѣщанiя въ этомъ смыслѣ отъ предлагаемаго законопроекта, что вмѣстѣ съ предположеннымъ ограниченiемъ клаузулы Франкенштейна онъ отнимаетъ у нихъ принадлежащее имъ теперь по закону право и надежду получить возмѣщенiе понесенныхъ ими за послѣднiе годы потерь въ будущихъ излишкахъ отчисленiй.

Правительственный проэктъ послѣ продолжительныхъ пренiй былъ принятъ рейхстагомъ съ весьма значительными измѣненiями [1]).

[1]) Gesetz, betr. Änderungen un Finanzwesen des Reichs. Vom. 14 Mai 1904. RGB. № 22, Nr. 4041, S. 169.

Клаузула Франкенштейна была отмѣнена только относительно таможенныхъ пошлинъ и табачнаго налога; предположенiе проэкта отмѣны ея относительно имперскихъ штемпельныхъ сборовъ не было принято; напротивъ, она была распространена также на питейные налоги съ заторовъ и сырыхъ матерiаловъ. Размѣръ отчисленiй въ суммѣ 100 милл. мар., которые давалъ питейный налогъ на потребленiе и которые обусловливали бы матрикулярные взносы въ соотвѣтствующей суммѣ, казался рейхстагу слишкомъ малымъ; хотѣлось сохранить матрикулярные взносы въ качествѣ подвижнаго фактора по крайней мѣрѣ въ суммѣ до 200 милл. мар. [1]). Въ бюджетѣ на 1905 г. отчисленiя въ пользу союзныхъ государствъ были опредѣлены въ 189 милл. м. и имъ противопоставлялось $268^1/_2$ м. м. матрикулярныхъ взносовъ. Если принять въ соображенiе, что за предшествовавшее пятилѣтiе отчисленiя колебались между 528—581 милл. мар., то нельзя не признать, что новый законъ, получившiй по имени своего инициатора названiе lex Stengel, внесъ значительное улучшенiе въ формальную сторону имперскаго бюджета и сократилъ размѣры безцѣльныхъ перечисленiй между хозяйствами имперiи и союзныхъ государствъ. Въ зависимости отъ сокращенiя размѣровъ отчисленiй союзнымъ государствамъ должны были сократиться и матрикулярные взносы, такъ какъ «союзныя государства теперь, записывая на одной сторонѣ меньше поступленiй отъ имперiи, меньше, съ другой стороны, должны и платить меньше» [2]).

Затѣмъ рейхстагъ отклонилъ важное предложенiе проэкта о томъ, чтобы сумма матрикулярныхъ взносовъ въ бюджетѣ не превышала средняго размѣра полученныхъ союзными государствами за предшествовавшее пятилѣтiе отчисленiй. Какъ и въ 1894 и 1895 гг. рейхстагъ не согласился на такое ограниченiе закономъ матрикулярныхъ взносовъ, не желая потерпѣть умаленiя

---

[1]) Grotewold, l. c. S. 82.
[2]) Gerloff, l. c. S. 17.

своего вліянія на бюджетъ вслѣдствіе сокращенія права разрѣшенія доходовъ [1]).

Рейхстагъ отклонилъ также предложеніе проэкта отмѣнить § 2 закона 28 марта 1903 г., по которому на погашеніе заключеннаго въ 1903 г. дефицитнаго займа (Zuschussanleihe) въ 72 милл. мар., по скольку на него не хватитъ излишка дѣйствительныхъ поступленій тамож. пошлинъ и перечисляемыхъ налоговъ надъ бюджетными предположеніями въ 1902 и 1903 отчетныхъ годахъ и превышенія доходовъ надъ расходами, которое могло образоваться въ собственномъ имперскомъ хозяйствѣ въ 1903 г., должны быть употреблены также тѣ превышенія перечисленій надъ матрикулярными взносами, которыя получатся въ 1904 и слѣдующихъ годахъ. «Хотя и временная мѣра, этотъ законъ, говоритъ Speck, все таки былъ единственнымъ законодательнымъ опредѣленіемъ, которое предписывало принудительное погашеніе долга и въ этомъ отношеніи сопровождалось и фактическимъ успѣхомъ [2]).

Статья 70-ая имперской конституціи получила въ новомъ законѣ новую редакцію, но также въ измѣненномъ сравнительно съ проэктомъ Штенгеля видѣ.

Въ этой новой редакціи ст. 70-я конституціи гласитъ слѣдующее:

«Для удовлетворенія всѣхъ общихъ обыкновенныхъ расходовъ служатъ, прежде всего, общіе доходы, получающіеся отъ таможенныхъ пошлинъ и общихъ налоговъ, отъ желѣзнодорожнаго, почтоваго и телеграфнаго дѣла, а также и отъ остальныхъ отраслей управленія. По скольку расходы не будутъ покрыты этими доходами, они должны быть удовлетворены взносами отдѣльныхъ союзныхъ государствъ пропорціонально своему населенію, которые расписываются имперскимъ канцлеромъ въ размѣрѣ своей установленной бюджетомъ суммы. По скольку эти взносы не найдутъ себѣ покрытія въ отчисленіяхъ, они по заключеніи года должны возвращаться союзнымъ государствамъ въ такомъ размѣрѣ,

---

1) *H. Speck.* l. c. S. 144.
2) Ibidem.

въ какомъ остальныя поступленія имперіи превысятъ ея потребность. Могущіе оказаться отъ предшествующихъ лѣтъ остатки, если имъ не дано бюджетнымъ закономъ другого назначенія, употребляются на покрытіе общихъ чрезвычайныхъ расходовъ».

Такимъ образомъ изъ конституціи оказались вычеркнутыми слова старой редакціи—«пока не будутъ введены имперскіе налоги»; точно также и изъ проэкта Штенгеля выброшены соотвѣтствующія слова: «пока необходимыя средства покрытія не будутъ созданы другимъ путемъ, особенно посредствомъ введенія дальнѣйшихъ имперскихъ налоговъ». Это измѣненіе имѣетъ то значеніе, что, благодаря ему, матрикулярные взносы утратили свой временный, провизорный характеръ и превратились въ обыкновенное, окончательно установленное конституціоннымъ закономъ средство для сбалансированія бюджета, т. е. и «формально стали тѣмъ, чѣмъ уже давно они были фактически» [1]. Вмѣстѣ съ тѣмъ были въ извѣстномъ смыслѣ санкціонированы и отчисленія въ пользу союзныхъ государствъ, внесенныя новой редакціей ст. 70-й въ текстъ конституціи. Наконецъ согласно проэкту Штенгеля остатки отъ предшествующихъ лѣтъ переведены изъ обыкновенныхъ въ составъ чрезвычайныхъ доходовъ.

Таковы были мѣропріятія, установленныя «малой финансовой реформой», какъ прозвали нѣмцы lex Stengel 1904 г.

XI.

Реформа Ф. Штенгеля внесла только нѣкоторое формальное улучшеніе, въ смыслѣ упрощенія, въ имперское хозяйство, но она не создала (и не задавалась этимъ) новыхъ источниковъ дохода для имперіи. А между тѣмъ ея потребности все расли и расли и нужда въ этихъ источникахъ выяснялась съ каждымъ годомъ все настоятельнѣй. И уже осенью 1905 г. въ рейхстагъ былъ внесенъ проектъ новыхъ налоговъ [2].

---

[1] Gerloff, S. 16; Speck, S. 145.

[2] «Frhr. v. Stengel im Herbst 1905 gleich ein ganzes Steuerbukett präsentierte—ein Bukett, dessen Rosen sind freilich durch einen auffalenden Reichtum an Dornen auszeichneten». Grotewold, S. 83.

Финансовое положеніе Германіи къ концу 1905 г. рисовалось правительствомъ въ объяснительной запискѣ къ проекту въ слѣдующихъ чертахъ. Дефициты въ имперскомъ хозяйствѣ достигли съ 1903 г. такихъ размѣровъ, что требовать немедленнаго полнаго ихъ покрытія отъ союзныхъ государствъ невозможно, иначе эти финансовыя притязанія имперіи поведутъ, особенно для наиболѣе слабыхъ изъ нихъ въ хозяйственномъ отношеніи, къ разстройству ихъ собственныхъ финансовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ финансовой самостоятельности. Поэтому подъ давленіемъ обстоятельствъ законодательныя учрежденія на 1903 г. прибѣгли къ займу (Zuschussanleihe) съ обязательствомъ послѣдующей уплаты его изъ возможныхъ излишковъ въ перечисленіяхъ, а на 1904 и 1905 г. къ отсрочкамъ матрикулярныхъ взносовъ подъ условіемъ выплаты ихъ по истеченіи срока отсрочки. Съ точки зрѣнія заглядывающей въ глубь будущаго финансовой и хозяйственной политики, оба средства никуда не годятся. Поэтому изысканіе новыхъ источниковъ дохода для имперіи представляется неизбѣжною и неотлагательною необходимостью. Въ ближайшіе годы имперіи предстоитъ осуществить цѣлый рядъ важныхъ задачъ, для проведенія которыхъ у нея нѣтъ средствъ. Эти задачи частью финансоваго, частью экономическаго и соціально-политическаго характера, частью относятся къ военной области. Изъ первыхъ наиболѣе важными являются устраненія постоянныхъ дефицитовъ въ собственномъ хозяйствѣ имперіи (на это потребно отъ 80 до 90 милл. мар. въ годъ), органическое погашеніе имперскихъ долговъ (по меньшей мѣрѣ на 21,260 милл.), дальнѣйшее облегченіе имперскаго инвалиднаго фонда (на 10,9 м.); къ числу вторыхъ проектъ относилъ такія задачи, какъ урегулированіе военной пенсіонной системы, повышеніе окладовъ натуральнаго довольствія, улучшеніе квартирныхъ прибавокъ для низшихъ служащихъ и т. п. (всего на сумму немного болѣе 26 мил. м.), и, наконецъ, въ военной области правительство указывало на необходимость осуществленія установленнаго уже закономъ усиленія

мирнаго состава войскъ и двухлѣтняго срока службы (30 милл. мар.) и усиленія военной морской силы имперіи ($76^1/_4$ мил. м.).

Общую сумму потребныхъ новыхъ средствъ правительство опредѣляло въ 245—255 милл. мар., изъ которыхъ около $^1/_{10}$ должно было составить повышеніе таможенныхъ доходовъ [1]), а остальныя предстояло покрыть новыми налогами. Такъ какъ вліяніе новыхъ принимаемыхъ на себя имперіей задачъ должно, по мнѣнію правительства, быть благотворнымъ для всѣхъ подданныхъ, то и къ несенію новаго податнаго бремени должны быть привлечены какъ имущіе классы, такъ и вся масса германскаго народа. При сколько нибудь рѣшительной финансовой реформѣ нельзя поэтому обойтись безъ привлеченія предметовъ массоваго потребленія (въ Германіи особенно пива и табаку), а также захватывающаго широкіе круги обмѣна и обращенія. Тѣмъ не менѣе правительство ставило своей задачей по возможности щадить болѣе слабыхъ экономически потребителей сравнительно съ болѣе зажиточными плательщиками, а также менѣе платежеспособныхъ промышленниковъ сравнительно съ ихъ болѣе сильными конкурентами. Разсмотрѣвъ послѣдовательно предлагавшіеся раньше налоги—подоходный или поимущественый, военный, обложеніе ренты жел. дорогъ и реформированіе питейнаго налога, правительство признало ихъ въ данный моментъ неосуществимыми и въ свою очередь выработало проекты: увеличенія налоговъ на 1) пиво и 2) табакъ, 3) введеніе налога на папиросы, 4) расширеніе штемпельныхъ сборовъ посредствомъ распространенія ихъ на другіе виды накладныхъ, кромѣ уже обложенныхъ, установленія сбора съ пассажирскихъ жел.-дорожныхъ и пароходныхъ билетовъ, съ разрѣшительныхъ свидѣтельствъ на механическія средства передвиженія (Kraft-

---

[1]) Всего ожидалось повышенія на 70—80 милл., но по закону Тримборна $^2/_3$ ихъ должны были пойти на цѣли страхованія. «Wir haben hier also, говоритъ Гротевольдъ, ein Schauspiel, welches das Herz jedes irgendwie mit finanzwirtschaftlichem Verstandniss begabten Mannes mit heller Freude erfüllen wird, nämlich dass das deutsche Volk jährlich 50 Mill. Steuern bezahlen muss, bloss weil es dem Zentrum gefallen hat, aus rein agitatorischen Gründen eine gleichhohe Summe festzulegen», l. c. S. 90.

fahrzeuge) и съ росписокъ [1]). Затѣмъ для дальнѣйшаго увеличенія средствъ имперіи союзныя правительства предлагали 5) установить для всей имперіи однообразную систему наслѣдственнаго налога съ участіемъ имперской казны въ доходахъ отъ него. Общее увеличеніе доходовъ имперіи отъ предлагаемыхъ податныхъ нововведеній проектъ ожидалъ въ размѣрѣ 230 милл. марокъ.

«Букетъ налоговъ», какъ любятъ выражаться нѣмцы, былъ связанъ общей лентой—проэктомъ устройства имперскаго хозяйства и погашенія имперскаго долга. «Пять податныхъ проэктовъ составляетъ одно (einheitliche) предложеніе союзныхъ правительствъ. Это надо понимать не въ томъ смыслѣ, что дѣло идетъ о принятіи или отверженіи ихъ en bloc. Союзныя правительства разсчитываютъ на компетентное сотрудничество рейхстага; они разсмотрятъ объективно всякое предложеніе измѣненій и охотно дадутъ ходъ всякому улуч-

---

[1]) Для выясненія дѣйствительнаго обремененія населенія Германіи налогами въ это время могутъ служить слѣдующія данныя, приводимыя Г. Линшманомъ. Въ Германіи сумма косвенныхъ налоговъ на душу составляла 18 мар., тогда какъ въ Австріи—29, Венгріи—19, Франціи—48, Англіи—48, Италіи—20, и только въ Россіи 17 м. Прямыхъ налоговъ платилось въ Германіи 7,7 мар. на душу населенія, въ Австріи—9,45, Венгріи—9,89, Италіи—12,49, Франціи—12,38, Англіи—19,65 и только въ Россіи 2,26 мар. Косвенные налоги однако вообще гораздо тяжелѣе падали на бѣдные классы: по даннымъ Неймана для хозяйствъ съ доходами ниже 800 м. они составляли 4,43%, отъ 800 до 1200—3,6%, отъ 1200 до 2000—2,65%, отъ 4 до 10 тыс.—1,52% и свыше 10 тыс. 1,09%. Такъ какъ прямые налоги въ общей суммѣ своей были въ три раза ниже косвенныхъ, то ясно, что податныя системы отдѣльныхъ государствъ не могли доставить достаточнаго эквивалента для уравновѣшенія несправедливаго обремененія плательщиковъ косвенными налогами Имперіи. Но послѣднее отчасти облегчалось болѣе высокой заработной платой, вызываемой переложеніемъ этихъ налоговъ (особенно отмѣчалъ это v. Mayr), а также и абсолютно низкимъ сравнительно размѣромъ обложенія. Сравнивая Англію съ Германіей Ад. Вагнеръ указываетъ, что тамъ тамож. пошлины составляютъ 17,7 мар. на душу, т. е. на 8 мар. больше чѣмъ въ Германіи, что обложеніе табаку даетъ 13,59 мил. ф. ст или 6,5 мар. на человѣка, почти въ 6 разъ больше чѣмъ въ Германіи, обложеніе сахара—3 марки на чел., т. е. почти на 1 марку больше, что спиртъ даетъ въ Англіи почти вчетверо больше, пиво приноситъ 13 милл. ф. ст., 6 мар. на душу (въ 8 разъ больше чѣмъ въ Сѣверной Германіи; всѣ три спиртныхъ напитка вмѣстѣ даютъ въ Англіи 24,2 марки на душу, въ Сѣв. Германіи только 4,6 марки). Также гораздо большія суммы косвенныхъ налоговъ уплачивались во Франціи и Австріи. «Мы можемъ поэтому, заключаетъ Ад. Вагнеръ, прекрасно платить *больше* налоговъ, если это нужно, и при томъ *всякаго* рода; особенно могутъ быть сильнѣе обложены *напитки и табакъ*». Linschman, H. Die Reichsfinanzreform von 1906. Ein Rückblick auf ihre Geschichte. Stutg. 1906, S. 25—29.

шенію. Но въ то же время союзныя правительства держатся мнѣнія, что на этотъ разъ должна быть продѣлана вся работа (dass diesmal ganze Arbeit gemacht werden muss). Они поэтому не могли бы согласиться, чтобы рейхстагъ, напр., принялъ проэкты о штемпельныхъ сборахъ и наслѣдственномъ налогѣ и отклонилъ остальные проэкты. Ибо и тѣ задачи, для проведенія которыхъ имперія нуждается въ новыхъ доходахъ, также въ извѣстномъ смыслѣ образуютъ единство. Согласіе, напр., рейхстага на народно-хозяйственныя и соціально-политическія задачи и отклоненіе расходовъ на усиленіе военныхъ силъ имперіи на морѣ или на устраненіе постояннаго дефицита въ имперскомъ бюджетѣ не могло бы быть принято союзными правительствами».

Предложенія правительства относительно устройства имперскаго финансоваго хозяйства выражались въ рядѣ мѣръ для упорядоченія финансовыхъ отношеній между имперіей и союзными государствами и мотивировались слѣдующимъ образомъ.

Финансовая зависисимость союзныхъ государствъ отъ имперіи не только для болѣе слабыхъ изъ нихъ угрожаетъ полнымъ разстройствомъ собственныхъ финансовъ, но и для сравнительно сильнымъ сдѣлалась за послѣдніе годы невыносимой. Высота, которой достигли непокрытые матр платежи, а также ихъ постоянныя колебанія, въ которыхъ только та общая черта, что они обнаруживаютъ почти неизмѣнную тенденцію къ повышенію, дѣлаютъ для каждаго союзнаго государства, будетъ ли оно болѣе сильнымъ или слабымъ въ финансовомъ отношеніи, невозможнымъ веденія благоустроеннаго собственнаго финансоваго хозяйства. Нѣкоторыя союзныя государства вынуждены изготовлять проекты своихъ бюджетовъ для представленія ландтагу ранѣе, чѣмъ проектъ имперскаго бюджета дастъ возможность освѣдомиться о размѣрѣ непокрытыхъ матр. платежей на слѣдующій годъ. Нѣкоторыя государства имѣютъ двухъ или трехлѣтніе бюджетные періоды. Нѣтъ надобности въ дальнѣйшихъ доказательствахъ того, что уже по этой причинѣ такая безпорядочная финансовая зависимость отъ имперіи не

может продолжаться далѣе. Для оздоровленія этихъ взаимныхъ отношеній проектъ предлагалъ установить закономъ высшій предѣлъ для матрик. взносовъ въ 40 пфен. на душу населенія союзныхъ государствъ (т. е. всего около 24 милл. м. [1]) и этимъ путемъ устранить прежнія колебанія. Превышеніе надъ этой суммой до конца года не должно взиматься на тотъ случай, что, какъ нерѣдко бывало, оно можетъ уравновѣситься бо́льшимъ поступленіемъ перечисленій или сокращеніемъ имперскихъ расходовъ; въ противномъ случаѣ оно должно присчитываться къ обыкновеннымъ доходамъ въ бюджетѣ второго слѣдующаго (zweitfolgend) года и покрывается въ ихъ составѣ. Для осуществленія этой цѣли предназначалось участіе имперіи въ доходахъ отъ наслѣдственнаго налога, въ размѣрѣ до $^2/_3$ его поступленій. Этотъ налогъ долженъ былъ представлять собой подвижный источникъ дохода, и размѣръ участія въ немъ имперіи предполагалось устанавливать ежегодно бюджетнымъ закономъ. Эта мѣра должна была возмѣстить рейхстагу то, что онъ терялъ на ограниченіи своей свободы въ установленіи размѣра матрикулярныхъ взносовъ, причемъ предѣлы для его права разрѣшенія доходовъ устанавливались такимъ образомъ въ суммѣ 72 милл. марокъ (48 милл. отъ наслѣдственнаго налога и 24 милл. матр. взносовъ). Съ государственно-правовой точки зрѣнія предложенный наслѣдственный налогъ квалифицировался какъ налогъ отдѣльныхъ государствъ, вводимый имперскимъ закономъ; взиманіе его должно было оставаться исключительно въ рукахъ государствъ; въ ихъ кассы полностью должны были поступать и доходы отъ налога; и только въ случаѣ нужды, какъ «улучшенные» (veredelte) матр. взносы—сообразно со степенью зажиточности населенія отдѣльныхъ государствъ они могли передаваться въ имперскую кассу [2]).

---

[1]) Эта цифра соотвѣтствовала тому размѣру матрик. взносовъ, который рейхстагъ признавалъ за послѣдніе годы выносимыми для союзныхъ государствъ. Кромѣ того, благодаря разсчету на душу населенія, естественный приростъ послѣдняго долженъ былъ сопровождаться и увеличеніемъ общей суммы матр. платежей.

[2]) Никоимъ образомъ, однако, какъ они опредѣленно высказывали, союзныя правительства не имѣли въ виду принципіально уклониться отъ возложенной на нихъ конституціей обязанности своего участія въ матрик.

Итакъ въ четвертый разъ правительство внесло въ рейхстагъ предложеніе объ урегулированіи матрикулярныхъ взносовъ, при чемъ каждый разъ, какъ правильно указывалъ въ коммиссіи прусскій министръ финансовъ, притязанія союзныхъ государствъ дѣлались все болѣе скромными. Первоначально при такъ называемой финансовой реформѣ Микеля 1894 г. матрикулярные взносы должны были на 40 милл. м. быть ниже перечисленій въ пользу союзныхъ государствъ, реформа Посадовскаго въ 1895 г. имѣла въ виду уравнять матрик. взносы съ перечисленіями, малой финансовой реформой Штенгеля предполагалось, что матрикулярные взносы въ каждомъ данномъ году не должны превосходить средней суммы (за предшествовавшее пятилѣтіе) перечисленій, и теперь союзныя правительства соглашались закрѣпить за своими государствами обязанность постоянной жертвы въ пользу имперіи въ видѣ 24 милл. м. матрикулярныхъ платежей и еще до 48 милл. дохода отъ наслѣдственнаго налога. Однако и новое предложеніе ожидалъ все тотъ же неблагопріятный пріемъ, какъ увидимъ ниже.

Что касается погашенія государственнаго долга, что правительство признавало необходимымъ перейти отъ системы свободнаго погашенія, которое не представляетъ никакихъ гарантій относительно постоянства погашенія и напротивъ, какъ показываетъ опытъ Англіи и Франціи, ведетъ постепенно къ сокращенію и даже совершенному прекращенію погашенія, къ принудительной системѣ, къ установленію напередъ опредѣленнаго минимальнаго размѣра для постояннаго погашенія. Необходимыя средства для этого должны быть въ ординарномъ бюджетѣ и именно въ собственныхъ доходахъ имперіи. Погашеніе имперскаго долга на счетъ повышенныхъ непокрытыхъ матрик. платежей недопустимо; оно вело бы къ ограниченію или прекращенію погашенія

платежахъ; напротивъ, они соглашались, что въ случаѣ войны или какого-либо другаго обстоятельства, угрожающаго основамъ имперіи, опредѣленіе, содержащееся въ § 3 проекта реформъ, должно оставаться безъ примѣненія; они требовали только, чтобы считались съ ихъ финансовой платежной способностью и необходимостью порядка въ ихъ собственныхъ финансахъ въ обычное время.

собственныхъ долговъ союзными государствами или даже заставило бы ихъ прибѣгать къ новымъ займамъ ради имперіи. Минимальный размѣръ погашенія опредѣлялся въ $^{3}/_{5}{}^{0}/_{0}$ общей суммы долга.

Предложенія правительства потерпѣли въ рейхстагѣ различную судьбу. Отдѣльные цвѣтки изъ поднесеннаго рейхстагу податнаго букета, какъ измѣненіе табачнаго налога и установленіе сбора съ росписокъ (Quittungssteuer) были совсѣмъ выброшены, на ихъ мѣсто были вставлены два новыхъ—сборъ съ тантьемъ и повышеніе почтоваго тарифа; остальные податные проэкты подверглись большимъ или меньшимъ измѣненіямъ. Урегулированіе матрик. взносовъ встрѣтило упорное сопротивленіе со стороны центра и свободомыслящихъ, увидѣвшихъ въ немъ потрясеніе федеративныхъ основъ имперіи и нарушеніе бюджетныхъ правъ рейхстага. Тщетно секретарь казначейства увѣрялъ рейхстагъ во время общихъ дебатовъ (уже въ третій разъ) «aufs bestimmteste und nachdrucklichste» [1]), что проэктъ имѣетъ въ виду, по примѣру бюджетныхъ законовъ 1904 и 1095 г., лишь доставить облегченіе союзнымъ государствамъ при уплатѣ ими матр. взносовъ, какое обыкновенно всякій порядочный кредиторъ предоставляетъ своему должнику, и что это никоимъ образомъ не обозначаетъ потрясенія федеративныхъ основъ имперіи, что, напротивъ способствуютъ унитаризму тѣ, кто стремится облагать отдѣльныя государства неоплатными матрик. взносами и тѣмъ подготовляетъ ихъ финансовый крахъ [2]). Рейхстагъ не склонился ни предъ какими убѣжденіями и вмѣсто ограниченія размѣра матрик. взносовъ постановилъ, что сумма непокрытыхъ матрик. взносовъ, превышающая 40 пф. съ души, отсрочивается и взимается лишь

1) Linschmann, l. c. S. 167.

2) Въ дѣйствительности гораздо болѣе важный шагъ въ направленіи къ унитаризму былъ совершенъ рейхстагомъ въ принятіи предложенія правительства о наслѣдственномъ налогѣ. Этимъ актомъ имперія вмѣшалась въ законодательную область союзныхъ государствъ и установила для нихъ налогъ безъ согласія ихъ законодат. учрежденій. Съ установленіемъ этого налога финансовыя отношенія между имперіей и союзными государствами еще болѣе усложнились, такъ какъ кромѣ налоговъ, перечислявшихся изъ имперской кассы въ кассы послѣднихъ, возникъ еще налогъ, двѣ трети дохода отъ котораго перечисляются въ обратномъ направленіи, т. е. изъ кассъ союзныхъ государствъ въ кассу имперіи.

въ томъ случаѣ, если и по отчетамъ обнаружится надобность въ ней. Уплата отсроченной суммы производится (во вниманіе къ интересамъ государствъ съ двухлѣтнимъ бюджетомъ) въ третій слѣдующій за отчетнымъ годъ. Поступленія отъ наслѣдственнаго налога въ пользу имперіи, которыя по проэкту должны были представлять собою провизорные облагороженные матрик. взносы, рѣшено было закрѣпить за имперіей въ постоянномъ размѣрѣ $^{2}/_{3}$ общей суммы валового дохода. Предложеніе объ установленіи обязательной системы погашенія имперскаго долга было принято рейхстагомъ, но начало погашенія отнесено къ 1908 г. [1]).

Такимъ образомъ результаты сравнительно широко задуманной реформы оказались, послѣ соотвѣтствующей обработки ея въ рейхстагѣ, довольно ничтожными. Важнѣйшимъ изъ нихъ было довольно большое повышеніе собственныхъ доходовъ имперіи, но, какъ показываетъ нижеслѣдующая таблица, это повышеніе въ дѣйствительности едва на половину могло покрыть предстоящее увеличеніе расходовъ. Проектированные правительствомъ на 230 милл. мар. налоги были урѣзаны рейхстагомъ до 180 милл., а въ дѣйствительности они дали всего только 112 милл. мар. Вслѣдствіе этого всѣ расходы, на которые не хватало собственныхъ средствъ имперіи, опять приходилось относить на счетъ непокрытыхъ матрик. взносовъ, а такъ какъ большую часть послѣднихъ надо было, согласно новому закону, отсрочивать на три года, то въ дѣйствительности на счетъ краткосрочныхъ займовъ. Ненормальность положенія имперскаго финансоваго хозяйства оставалась все та же: рейхстагъ утверждалъ расходы и слѣдовательно находилъ ихъ неизбѣжными, но не давалъ имперіи собственныхъ средствъ для ихъ покрытія, а заставлялъ расплачиваться союзныя государства, которыя естественно возмущались этимъ. «Въ имперіи должно быть

1) О реформѣ 1906 г. кромѣ вышеуказанной книги Linschmann'a, см. также: Schanz, G. Die Reichsfinanzreform въ Finanz-Archiv, Bd. 23; Jäger, E. Die Reichsfinanzreform von 1906 und ihre neuen Steuern. M. Glabach; Katzenstein, L. Die Reichfinanzreform (Annalen d. D. Reichs 1906, № 3); Bernstein, E. Die neuen Reichsteuern, wie sie wurden und was sie bedeuten. Berl. 1906, и др.

[1])	Ожидавшійся доходъ.		Дѣйствительный доходъ въ 1907 г.
	по проекту.	по закону.	
	Милліоны марокъ.		
Налогъ на пиво . .	67	29	22,4
Налогъ на табакъ (съ тамож. пошлиной .	28	—	—
Налогъ на папиросы (съ там. пошлиной)	15	14	16,5
Накладныя	41	14	15,7
Пассажирскіе билеты	12	50	19,2
Налогъ на автомобили	3	3	1,6
Сборъ съ росписокъ .	16	—	—
Налогъ на тантьемы .	—	10	4,1
Повышеніе почтовой платы	—	12	5—6
Наслѣдствен. налогъ .	48	48	26,3
Сумма . .	230	180	110,8—111,8

установлено погашеніе долговъ, говорилъ, напр., баварскій министръ финансовъ фонъ-Пфаффъ въ палатѣ депутатовъ 16 окт. 1907 г., это правильно; но средства для этого не должны добываться въ такой формѣ, которая лишаетъ союзныя государства возможности выполнять для себя подобную же задачу; въ имперіи должно быть улучшено положеніе служащихъ; это то же правильно, но пріобрѣтеніе средствъ для этого не можетъ и не должно отнимать у союзныхъ государствъ возможности взяться за не менѣе настоятельную и для нихъ задачу улучшенія положенія своихъ служащихъ» [2]). Постановленіе объ обязательномъ погашеніи имперскаго долга принципіально было, конечно, очень важнымъ, но дѣйствительное значеніе его свелось къ нулю, въ

[1]) Заимствовано изъ Denkschriftenband, I, S. 27.
[2]) См. Speck, l. c. 113—4.

виду невозможности погашать за счетъ увеличенія отсрачиваемыхъ матр. взносовъ, и въ § 4 бюджетнаго закона 1908 г. уже постановлялось, что сумма, назначенная на погашеніе имперскаго долга, не должна расходоваться по стольку, по скольку въ отчетѣ за 1908 г. непокрытые матрик. платежи превысятъ 40 пф. на душу.

Затруднительное положеніе снова заставило и правительство и партіи, какъ и предъ реформой 1906 г., заняться поисками новыхъ налоговъ. «Нѣкоторое время, говоритъ Шпекъ, какое-либо соглашеніе казалось почти невозможнымъ, потому что правая сторона рейхстага не хотѣла и слышать о проектахъ лѣвой стороны и обратно, и если случайно обѣ части по какому-либо вопросу были одного мнѣнія, то напр. относительно «облагороженія» матрик. взносовъ, то тотчасъ одно или другое изъ союзныхъ правительствъ заявляло, что проектъ для него непріемлемъ» [1]).

Уже въ 1908 г. правительство выработало новый проектъ реформы и внесло его въ союзный совѣтъ. Онъ слагался изъ трехъ проектовъ: 1) о питейной монополіи; 2) объ измѣненіи табачнаго налога и 3) объ измѣненіи порядка взиманія матрикул. платежей, которые предполагалось распредѣлять по хозяйственной платежности отдѣльныхъ государствъ, раздѣленныхъ на четыре класса: 1-й классъ: Пруссія, 2-й классъ: Баварія, Саксонія и Ганзейскіе города; 3-й классъ—остальныя среднія государства и 4-й классъ—малыя государства; при этомъ предполагалось размѣръ неотсрачиваемыхъ матр. взносовъ повысить съ 40 пф. до 1 марки на душу.

Скоро однако эти проекты были взяты министерствомъ финансовъ обратно и вслѣдствіе перемѣны въ лицѣ руководителя германскими финансами вся реформа была отсрочена до сессіи 1908/9 года.

Оглядывая ретроспективнымъ взоромъ главнѣйшіе моменты въ послѣдовательномъ развитіи германскаго имперскаго хозяйства, нельзя не согласиться съ Фогелемъ и Ройтцшемъ, что «все это время жили такъ ска-

---

[1]) Speck, l. c. 165—6.

зать, со дня на день (aus der Hand in den Mund). Дѣлались попытки найти разумные источники для покрытія растущихъ потребностей, но всѣ эти попытки имѣли въ себѣ что-то неопредѣленное, непостоянное, колеблющееся. Вообще ограничивались стремленіемъ считаться съ неизбѣжнымъ въ данный моментъ, и хотя хорошо сознавали, что необходимо хоть разъ позаботиться о коренномъ переустройствѣ финансоваго хозяйства о томъ, чтобы поставить имперію въ финансовомъ отношеніи на собственныя ноги—не шли дальше болѣе или менѣе ничтожныхъ попытокъ. Кромѣ таможенной и финансовой реформы 1879 г., которая тоже была значительно ограничена въ своемъ благотворномъ вліяніи—ни одна изъ этихъ попытокъ не повела къ сколько-нибудь рѣшительному результату. Но даже и послѣдствія реформы 1879 г. съ болѣе широкой точки зрѣнія надо назвать довольно проблематичными, такъ какъ она принесла съ собой—такъ и тянетъ сказать: къ несчастью – такое пріятное улучшеніе, что наступило долголѣтнее успокоеніе, пока наконецъ въ началѣ нашего столѣтія обстоятельства не обострились до такой степени, что подъ гнетомъ финансоваго раззоренія волей неволей пришлось рискнуть на болѣе рѣшительный шагъ. Но и здѣсь опять выступаютъ нерѣшительныя мѣры, мѣры предназначенныя къ тому, чтобы удовлетворить нужду момента, а не вырвать зло съ корнемъ и разъ навсегда создать прочное положеніе» [1]). Наконецъ дошли почти до краха: превышеніе расходовъ надъ доходами за 9 лѣтъ (1900—1909) достигло 9 милліардовъ. Курсъ имперскихъ займовъ, вслѣдствіе постояннаго роста ихъ, потерпѣлъ небывалое паденіе; отсроченные матрикулярные платежи грозили затянуть мертвую петлю. на финансахъ союзныхъ государствъ. Финансовая реформа 1909 года покажетъ, какія энергическія усилія понадобилось употребить, чтобы, хотя наспѣхъ и, вѣроятно, на непродолжительное время, выйти изъ критическаго положенія, созданнаго предшествующей тридцатилѣтней исторіей.

---

[1]) Vogel, H. u. Roitzsch, E. Reichsfinanzreform und Industrie. Leipziger Monatsschrift für Textil-Industrie 1909.

Значеніе Ф. Ф. Мартенса въ наукѣ частнаго международнаго права [1]).

Т. М. Яблочкова.

Для того, что бы выяснить значеніе Ф. Мартенса въ области частнаго международнаго права, надо дать себѣ отчетъ въ тѣхъ господствующихъ направленіяхъ, которыя установились въ наукѣ частнаго международнаго права въ теченіе послѣдняго столѣтія.

Задача науки частнаго международнаго права—найти единообразное рѣшеніе конфликтовъ законовъ различныхъ государствъ,—такое рѣшеніе, которое вдохновлялось бы одной какой либо высшей идеей.

И вотъ, старая традиціонная теорія [«голландская школа»], воспринятая теперь на англо—американской почвѣ и насчитывающая видныхъ представителей во всѣхъ странахъ и въ XX вѣкѣ [напр. Comte de Vareilles—Sommières, Дайси, и др.], этой высшей идеей выставляетъ *идею суверенитета*, т. е. характеръ, свойство власти, въ силу котораго она является высшей, независимой правовой властью на данной территоріи. Изъ этой идеи голландской школой выводится то заключеніе, что законодательная сфера государства охватываетъ всѣ лица, вещи и акты, находящіеся на территоріи государства. И обратно: законы каждаго государства безсильны за предѣлами территоріи. Они не имѣютъ внутренней обязательной силы по отношенію къ иностранному законодателю.

Конечно, послѣдовательное проведеніе принципа строгой территоріальности привело бы къ правовой войнѣ.

[1]) Докладъ, прочитанный въ засѣданіи Ярославскаго Юридическаго Общества 28 ноября 1909 г., посвященномъ памяти Ф. Мартенса.

Это заставляетъ голландскую школу пойти на уступки. Она учитъ, что суверенная власть, руководствуясь своими интересами или потребностями иностранцевъ, можетъ отказаться отъ принципа территоріальности и «mutua comitate» прійти на помощь другому государству. Въ этомъ случаѣ примѣненіе иностраннаго закона основывается на положительномъ авторитетѣ туземнаго законодателя, который воленъ рецепировать, воленъ и не рецепировать иноземное право.

«L'hospitalité onéreuse n'est pas un devoir de justice»— говоритъ *comte de Vareilles—Sommières*. Это «обременительное гостепріимство» основывается на международной вѣжливости, куртуазности, на томъ, что́ въ наукѣ международнаго права называется «comitas gentium».

Таково ученіе голландской школы.

Жизнь не замедлила обличить несостоятельность этого правовоззрѣнія. На практикѣ примѣненіе принципа территоріальности неминуемо ведетъ къ торжеству интереса и эгоистическаго произвола государства. Эта доктрина, поэтому, не даетъ намъ *объективнаго* масштаба при разрѣшеніи конфликтовъ законовъ различныхъ государствъ: она отражаетъ лишь субъективныя воззрѣнія даннаго народа на свои международныя обязанности; эти же воззрѣнія руководимы и измѣряемы всегда исключительно собственнымъ интересомъ народа.

Возможна и другая концепція частнаго международнаго права. Она имѣетъ своимъ родоначальникомъ— *Savigny*. Онъ проложилъ новое русло, по которому направляются и доселѣ господствующія теченія въ наукѣ частнаго международнаго права. Онъ первый высказалъ ясно ту идею, что всѣ народы связаны *правомъ международнаго общенія*, и это право не можетъ допустить, что бы положеніе иностранцевъ всецѣло зависѣло отъ «куртуазности», т. е., въ сущности говоря,—отъ произвола территоріальнаго законодателя. На этотъ произволъ не имѣетъ права ни одно государство, ибо каждое изъ нихъ есть только особый органъ всего человѣчества. Поэтому, внутреннее основаніе для примѣненія чужеземнаго права лежитъ не въ *милости* и *любезности* (comitas), а въ требованіи *справедливости*, которое каж-

дое государство *должно* исполнять въ силу лежащей на немъ обязанности отправлять правосудіе.

Мы видимъ, что «обременительное гостепріимство» обращается въ устахъ *Savigny* въ разумное стѣсненіе своего произвола, во имя общаго, а, слѣдовательно, и собственнаго блага.

Какъ же должны разрѣшаться конфликты законовъ, съ т. з. этого правовоззрѣнія?

Школа международнаго общенія ставитъ опредѣленіе компетентнаго территоріальнаго закона въ зависимость отъ изученія сущности каждаго отдѣльнаго юридическаго отношенія. Каждое юридическое отношеніе регулируется тѣмъ закономъ [туземнымъ или иностраннымъ], который наиболѣе отвѣчаетъ особенной природѣ конкретнаго правоотношенія. Судья долженъ выяснить «корень правоотношенія» [Sitz des Rechtsverhältnisses] и, руководствуясь *«природой вещей»* [Natur der Sache],— найти подходящій законъ.

Съ понятіемъ «природы вещей» оперируютъ западноевропейскіе юристы послѣ *Savigny* [Баръ, Ассеръ, Деспанье, Цительманъ и др.]. Однако, ни авторъ этой теоріи, ни его послѣдователи не остались вполнѣ вѣрными великой идеѣ международнаго общенія.

Съ одной стороны, всѣ авторы дѣлаютъ слишкомъ большія уступки территоріальному принципу [въ тѣхъ, именно, случаяхъ, когда затрагивается «публичный порядокъ»], а, съ другой стороны, идея международнаго общенія отождествляется ими съ метафизическимъ принципомъ «природы вещей», построеннымъ на началахъ естественнаго права.

Что такое «природа вещей» и «справедливость»? Эти понятія принимаются законодателями разныхъ странъ разно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, идея международнаго общенія не созидается и не укрѣпляется, какъ идея общаго блага, а распыляется въ субъективныхъ воззрѣніяхъ и эгоистическихъ цѣляхъ территоріальныхъ законодателей. Въ случаѣ согласія этихъ цѣлей отдѣльныхъ государствъ, конфликта законовъ не наступаетъ,—въ случаѣ же конфликта этихъ цѣлей, методъ *Savigny* безсиленъ дать

единообразное рѣшеніе конфликтамъ законовъ, руководимое однимъ *объективнымъ* масштабомъ.

Изъ всей массы направленій, установившихся въ современной наукѣ, я счелъ нужнымъ выдвинуть лишь двѣ указанныя мною концепціи. Эти доктрины отражаютъ два діаметрально противоположныя правовоззрѣнія: одно исходитъ отъ идеи *суверенитета*, другое исходитъ отъ идеи *международнаго общенія*. Метафизическіе принципы «природы вещей» и «естественной справедливости», однако, затемняютъ на практикѣ чистоту идеи международнаго общенія.

Какую же позицію занимаетъ къ той и другой доктринѣ *Ф. Мартенсъ?*

Что бы понять ученое міросозерцаніе Мартенса, не достаточно углубляться въ изученіе его ученыхъ трудовъ,—надо прослѣдить его дѣятельность въ жизни, въ качествѣ крупнаго международнаго дѣятеля.

Всякій разъ, какъ Голландское правительство разсылало свою программу конференцій по разработкѣ вопросовъ частнаго междунар. права, русское правительство назначало при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ совѣщанія изъ представителей разныхъ вѣдомствъ для разсмотрѣнія этой программы; предсѣдателемъ этихъ совѣщаній всегда былъ Мартенсъ. Заключенія этихъ совѣщаній клались въ основу инструкцій, преподаваемыхъ русскимъ правительствомъ делегатамъ на конференціяхъ. Однимъ изъ этихъ делегатовъ неизмѣнно посылался самъ же Мартенсъ, который, такимъ образомъ, могъ непосредственно вліять на отношенія русскаго законодателя къ вырабатываемымъ на конференціяхъ соглашеніямъ.

Такъ, Мартенсъ былъ делегатомъ на Гаагскихъ конференціяхъ въ 1893 г. [12—27 сент.], 1894 г. [25 іюня—13 іюля], 1900 г. [29 мая—18 іюня], и 1904 г. [16 мая—7 іюня]. На этихъ конференціяхъ Мартенсъ неизмѣнно выбирался однимъ изъ вицъ—президентовъ конференціи.

I.

Итакъ, обратимся сначала къ ученымъ трудамъ Мартенса. Его profession de foi мы вычитываемъ изъ слѣ-

дующихъ мѣстъ его труда: *Современное международное право цивилизованныхъ народовъ*, томъ II, стр. 300—303. «Вся область международнаго управленія имѣетъ своимъ базисомъ международное общеніе государствъ».... «Международное общеніе есть единственно вѣрное и положительное основаніе, на которомъ можетъ развиваться международное частное право, и исходя изъ него, только и могутъ быть разрѣшены запутанные и сложные вопросы о примѣненіи законовъ различныхъ государствъ. Становясь на точку зрѣнія исключительнаго суверенитета государствъ, мы должны были бы отказаться отъ выхода изъ лабиринта противорѣчій, порождаемыхъ столкновеніями законодательствъ; строгое проведеніе ея на практикѣ парализовало бы развитіе сношеній и частныхъ оборотовъ между подданными различныхъ государствъ».

Мѣткими штрихами авторъ нарисовываетъ намъ картину международной жизни, изъ которой изгнана идея общенія (стр. 300—301) и приходитъ къ такому выводу: «Общій результатъ безусловнаго проведенія начала суверенитета выразится въ полнѣйшемъ безправіи и анархіи въ области международныхъ отношеній, что, разумѣется, не можетъ быть согласно ни съ интересами государствъ, ни съ интересами ихъ подданныхъ».

Изъ идеи международнаго общенія Мартенсъ выводитъ слѣдующія основныя положенія:... «въ области международныхъ частныхъ отношеній всякое право, возникшее на основаніи законовъ одного какого либо государства или охраняемое ими, должно быть признано правомъ на территоріи всего международнаго общенія, со стороны судовъ всѣхъ вообще цивилизованныхъ государствъ. Признаніе это есть *юридическая обязанность* каждаго субъекта международнаго права, вытекающая изъ разумнаго назначенія судебной власти въ государствѣ, и не можетъ быть разсматриваемо, какъ дѣло вѣжливости (comitas) или снисхожденія (courtoisie)»...... «Судъ не выйдетъ изъ границъ принадлежащей ему власти, если будетъ придерживаться въ отправленіи правосудія принциповъ международнаго частнаго права, ибо *международное частное право есть дѣйствующее право*

каждаго цивилизованнаго государства» (стр. 302)... «Въ этомъ смыслѣ международное частное право есть органическая часть территоріальнаго гражданскаго права страны, и примѣненіе судомъ, въ конкретномъ случаѣ, иностранныхъ законовъ не будетъ съ его стороны превышеніемъ власти, но только строгимъ исполненіемъ своихъ обязанностей» (стр. 303).

Такъ выражается verbis expressis самъ Мартенсъ. Какъ видимъ, по его ученію, частное международное право не есть право производное, получающее авторитетъ, въ силу особаго акта рецепціи, а есть составная часть туземнаго законодательства, черпающая свою силу въ самой себѣ. Туземное законодательство не стоитъ *надъ* международнымъ правомъ; международное право есть само туземное законодательство.

Въ какомъ же отношеніи стоитъ въ трудахъ Мартенса идея *международнаго общенія* къ идеѣ *суверенитета?*

Безспорно, что базой своихъ построеній Мартенсъ кладетъ «международное общеніе». Однако, внимательное чтеніе труда Мартенса показываетъ, что авторъ въ основу своей системы клалъ начало международнаго общенія не непосредственно, а черезъ идею суверенитета.

Такъ, критикуя территоріальный принципъ, господствующій въ англо-американской юридической литературѣ, Мартенсъ выражается такъ:.... «эта теорія представляетъ смѣшеніе двухъ совершенно различныхъ понятій: независимости законодательной власти съ справедливымъ осуществленіемъ этой власти. Каждое государство должно быть самостоятельно въ предѣлахъ своей территоріи, но отсюда не слѣдуетъ, что бы оно имѣло право пользоваться своею самостоятельностью для нарушенія законныхъ интересовъ и правъ частныхъ лицъ, пріобрѣтенныхъ на чужой территоріи». (стр. 294—295). Затѣмъ ниже, въ началѣ главы «Основныя начала международнаго частнаго права» (стр. 301) Мартенсъ прямо объявляетъ себя приверженцемъ писателей 16 и 17 столѣтій, у коихъ проглядываетъ мысль о международномъ общеніи, и приводитъ отрывокъ изъ сочиненія стараго французскаго юриста *Boullenois*: «je me représentais les différentes lois qui règnent parmi les nations comme des

maîtres et des souverains dont je ne devrais pas blesser l'autorité; mais aussi je considérais le monde entier comme une grande république où il fallait mettre la paix et la bonne intelligence» [1]).

Какъ видимъ изъ этихъ отрывковъ, Мартенсъ исходитъ изъ идеи суверенитета. Международное общеніе онъ разсматриваетъ, какъ факторъ, который долженъ смягчать суровости исключительнаго и односторонняго проведенія принципа *суверенитета*.

Иначе говоря, международное общеніе есть «справедливое осуществленіи суверенитета»?

Въ чемъ же полагалъ Мартенсъ *справедливость* при «осуществленіи суверенитета»?

Уже изъ вышеприведенныхъ отрывковъ явствуетъ, что Мартенсъ справедливость кладетъ въ охранѣ пріобрѣтенныхъ правъ. Эта идея особенно отчетливо выясняется при обсужденіи имъ жгучаго вопроса о существѣ «публичнаго порядка». «Публичный порядокъ» есть понятіе, которымъ оперируетъ каждый международникъ. Но, что такое—*«публичный порядокъ»?*—Это есть вопросъ, который д. с. п. разъединяетъ ученый міръ на массу лагерей, школъ и направленій. И вотъ, Мартенсъ въ этомъ вопросѣ даетъ слѣдующія руководящія начала. «Судъ не можетъ признать законнымъ и охранять таковое право, которое прямо объявляется незаконнымъ и безнравственнымъ туземными законами. Такъ, напр., ни въ одномъ цивилизованномъ государствѣ не будетъ принятъ отъ иностранца искъ, требующій признанія даннаго человѣка рабомъ. Не найдетъ охраны въ цивилизованныхъ государствахъ неограниченная власть родителей надъ дѣтьми, двоеженство и т. п. Но отсюда никакъ не слѣдуетъ выводить заключенія, что судъ можетъ отрицать самый фактъ или актъ юридическій, законно установившійся на иностранной территоріи и тамъ осуществляемый. Юридическія послѣдствія такого

---

[1]) «Я представлялъ себѣ различные законы, которые управляютъ народами, какъ полновластные суверены, авторитетъ коихъ я не долженъ оскорблять; но въ тоже время я разсматривалъ всю вселенную, какъ одно большое государство, въ которомъ надо было установить миръ и доброе согласіе».

факта судья не можетъ совершенно игнорировать, даже если онъ возникъ въ нецивилизованной странѣ. Онъ долженъ признавать законными дѣтей отъ полигамическаго брака, заключеннаго въ странѣ, въ которой допускается многоженство. Законно разведенные въ своемъ отечествѣ супруги не будутъ почитаться продолжающими состоять въ бракѣ въ странѣ, гдѣ разводъ не дозволяется и пр. Только тѣ юридическія послѣдствія отношенія, законно существующаго за границей, не будутъ имѣть силы въ странѣ, которыя прямо запрещаются мѣстными законами, какъ напр. рабовладѣніе, право жизни и смерти надъ дѣтьми и т. д.» (стр 305).

Такимъ образомъ, по ученію Мартенса, территоріальный правопорядокъ не можетъ непосредственно реализировать правоотношеніе, отвергаемое туземнымъ закономъ; но государство не должно отрицать *послѣдствій*, вытекающихъ изъ непризнаваемаго имъ иностраннаго института, разъ юридическое отношеніе законно возникло и установилось на иностранной территоріи, и разъ эти послѣдствія не коллидируютъ съ туземными законами.

Вотъ, въ этой охранѣ благопріобрѣтенныхъ правъ и усматривалъ Мартенсъ справедливость международнаго общенія.

Принципъ международнаго общенія Мартенсъ строитъ на строго *юридическихъ* основахъ и отбрасываетъ все что связано съ цѣлями политики, утилитаризма, взаимности и прочими шаткими началами.

Его взглядъ на отношеніе идеи международнаго общенія къ идеѣ «взаимности» выясняется между прочимъ изъ его ученія объ обязательной силѣ рѣшеній иностранныхъ судовъ. Послѣдній вопросъ контроверзенъ въ теоретической литературѣ и въ законодательной практикѣ разныхъ странъ онъ разрѣшается далеко не одинаково. Нашъ У. Г. С. (ст. 1273—1281) содержитъ нормы касательно «исполненія рѣшеній судебныхъ мѣстъ иностранныхъ государствъ», но они изложены такъ неясно, что д. с. п, даютъ пищу для полемики между русскими процессуалистами, и, такимъ образомъ, спор-

ный съ теоретической точки зрѣнія вопросъ осложняется на русской почвѣ дебатами на почвѣ толкованія положительнаго закона [1]).

Мартенсъ разрѣшаетъ этотъ споръ съ т. з. идеи международнаго общенія. Судебное рѣшеніе—говоритъ онъ—есть спеціальный законъ по отношенію къ конкретному юридическому факту или дѣйствію. «На этомъ основаніи признаніе судебнаго рѣшенія въ силѣ титула, основывающаго права, гдѣ бы ни состоялось рѣшеніе, есть настолько юридическая обязанность каждаго цивилизованнаго государства, насколько является такою обязанностью признаніе вообще иностранныхъ законовъ и актовъ, на нихъ основанныхъ, напр. брака, купли—продажи и т. п. Отрицать эту обязанность равносильно отрицанію международнаго частнаго права» (стр. 369). Мартенсъ ратуетъ и за исполненіе рѣшеній даже судовъ тѣхъ государствъ, съ коими Россія никакихъ трактатовъ о взаимности и не заключала. Правда, русскій судья, слѣпо приводящій въ исполненіе иностранное рѣшеніе, можетъ не встрѣтить той же услужливости на территоріи соотвѣтствующаго иностраннаго государства. На это указывалось нерѣдко и суд. практикой и въ научной литературѣ. Это возраженіе Мартенсъ устраняетъ слѣдующимъ соображеніемъ:... «можно ли, съ юридической точки зрѣнія, принять взаимность масштабомъ для признанія и исполненія рѣшенія иностраннаго суда? Взаимность—принципъ политическій, а не юридическій. Отсутствіе взаимности не можетъ уничтожить права, существующаго на основаніи судебнаго рѣшенія» (стр. 374).

Тѣ же самыя соображенія заставляютъ Мартенса отстаивать полную равноправность въ дѣлѣ судебной защиты иностранца и туземца. «Государства—члены международнаго общенія—должны обезпечить не только признаніе законно—пріобрѣтенныхъ правъ, но равнымъ образомъ охранять ихъ судомъ. Право иска должно быть одинаковое для туземныхъ подданныхъ и иностранцевъ, помимо даже особеннаго международнаго соглашенія» (стр. 362).

---

[1]) См. *Martens.* De l'exécution des jugements étrangers en Russie. Journal de droit intern. t. V (1878).

Характерно то, что Мартенсъ въ своемъ трудѣ «*Современное международное право цивилизованныхъ народовъ*» (изд. 3, 1896 г.) съ примѣрнымъ хладнокровіемъ излагаетъ не только общія теоретическія положенія, но даже заключенія конференцій и положительныя постановленія Гаагскихъ конвенцій, въ коихъ соотвѣтствующіе трактуемые имъ вопросы были предметомъ жаркихъ споровъ—нигдѣ фигура *ученаго* не застилается фигурой *политика!*

Всю свою систему международнаго права онъ послѣдовательно, строго логично строитъ на идеѣ международнаго общенія [въ вышеуказанномъ нами смыслѣ], отбрасывая «природу вещей», «корень правоотношенія» и прочія ходячія въ наукѣ частнаго международнаго права метафизическія понятія.

Такъ какъ Мартенсъ великъ не только, какъ ученый, но и какъ международный общественный дѣятель, то интересно сопоставить его теоретически—логическія разсужденія съ тѣми примѣненіями, которыя самъ Мартенсъ дѣлалъ изъ нихъ на практикѣ. Лишь это сопоставленіе способно пролить полный свѣтъ на ученое міросозерцаніе Мартенса.

II.

Я возьму для иллюстраціи два боевыхъ вопроса частнаго международнаго права: 1) вопросъ о правѣ наслѣдованія и 2) вопросъ о формѣ брака.

Опредѣленіе нормы коллизіи при *наслѣдованіи* иностранца, умершаго заграницей и оставившаго движимое и недвижимое имущество въ разныхъ странахъ, въ высшей степени затруднительно. Законъ какого государства долженъ опредѣлить кругъ наслѣдниковъ и ихъ права? Традиціонная доктрина проводила такое различеніе: право наслѣдованія въ имуществѣ, находящемся на иностранной территоріи, опредѣляется различными законами, смотря по тому, что составляетъ наслѣдство: къ наслѣдству въ недвижимости примѣняется lex rei sitae; къ движимости—законъ мѣстожительства наслѣдодателя (lex domicilii).

Недостатокъ такой конструкціи заключается въ опредѣленіи наслѣдства не однимъ какимъ либо закономъ, но законами разныхъ государствъ, при чемъ самое наслѣдованіе ставится въ зависимость отъ чисто случайнаго факта—мѣстонахожденія наслѣдодателя и его имущества, и съ другой стороны, создаются непреодолимыя затрудненія кредиторамъ наслѣдодателя при осуществленіи ихъ правъ на наслѣдственное имущество.

Эти неудобства побуждаютъ новѣйшую доктрину, къ которой примыкаетъ и Мартенсъ, подчинить все наслѣдственное право *одному* закону—національному закону наслѣдодателя. Мартенсъ такъ оправдываетъ этотъ принципъ: «если принять опредѣленіе римскаго права, что «hereditas est successio in universum jus, quod defunctus habuit», то все наслѣдство должно быть разсматриваемо, какъ одно цѣлое, опредѣляемое однимъ закономъ. Такимъ закономъ долженъ быть *законъ національный наслѣдодателя*, ибо наслѣдованіе есть часть семейнаго права и, слѣдовательно, подчиняется національному закону семьи. Поэтому, гдѣ бы ни умеръ иностранецъ и гдѣ бы онъ ни имѣлъ движимую или недвижимую собственность, повсюду долженъ получить примѣненіе и къ движимымъ, и недвижимымъ имуществамъ, составляющимъ наслѣдство, національный законъ наслѣдодателя» (стр. 336).

Когда Мартенсъ писалъ эти строки, уже состоялись двѣ первыя Гаагскія конференціи 1893 и 1894 г.г., на коихъ огромное большинство делегатовъ европейскихъ государствъ высказалось за подчиненіе всего наслѣдства національному закону наслѣдодателя.

Приводя сюда относящіяся постановленія «заключительнаго протокола», Мартенсъ выражается такъ: «таковы постановленія Гаагскихъ конференцій, которыя, безъ сомнѣнія, довольно удачно выражаютъ правосознаніе цивилизованныхъ народовъ» (стр. 342). А выше (на стр. 338), излагая соотвѣтствующія постановленія русскихъ положительныхъ законовъ, которыя не согласуются съ ученіемъ новѣйшей доктрины, Мартенсъ называетъ ихъ «драконовскими правилами».

Въ духѣ тѣхъ же либеральныхъ идей разрѣшаетъ Мартенсъ и вопросъ о *формальныхъ условіяхъ* заключенія брака. «Относительно формъ совершенія брачнаго союза дѣйствуетъ обычное правило, что онѣ опредѣляются законами мѣста совершенія брака (locus regit actum). Это правило должно быть толкуемо самымъ послѣдовательнымъ образомъ. Всякій бракъ, какой бы національности ни были бракосочетающіеся, почитается законнымъ, если совершенъ согласно законамъ страны, въ которой происходило вѣнчаніе» (стр. 318).... «Согласно съ указаннымъ общимъ правиломъ даже гражданскіе браки, законнымъ образомъ установленные въ странѣ, обязательны для иностранцевъ, бракосочетающихся на ея территоріи, хотя бы послѣдніе были подданные государствъ, въ которыхъ такіе браки не разрѣшаются» (стр. 319).

Такъ выражается Мартенсъ, какъ теоретикъ. Посмотримъ теперь на Мартенса, какъ на международнаго общественнаго дѣятеля.

На 3-ей Гаагской Конференціи [сессія 29 мая—18 іюня, 1900 г.] Мартенсъ вмѣстѣ съ Гуссаковскимъ, въ качествѣ русскихъ делегатовъ, принимали участіе въ тѣхъ совѣщаніяхъ, на которыхъ разрабатывались вопросы семейнаго права. Единодушное мнѣніе делегатовъ всѣхъ представленныхъ государствъ клонилось къ рѣшенію дебатируемаго вопроса о *формальныхъ условіяхъ брака* въ смыслѣ правила locus regit actum [1]).

Противъ такого оборота преній выступили русскіе делегаты [Гуссаковскій—въ комиссіи, Мартенсъ—въ общемъ собраніи]. Они указывали на то, что по русскому законодательству бракъ есть не гражданскій договоръ, а—таинство. Гражданская форма брака иностранцевъ въ Россіи противна публичному порядку. Точно также браки русскихъ подданныхъ, заключаемые заграницей въ гражданской формѣ, ничтожны съ точки зрѣнія русскаго закона. Вотъ почему, делегаты предлагали слѣдующее измѣненіе въ п. 2, ст. 5 Проекта

---

[1]) Эта конференція привела къ подписанію *Конвенціи 12 іюня 1902 г.*, статья 5-ая коей устанавливаетъ locus regit actum, какъ основной принципъ формальной стороны брака.

Конвенціи: «браки, заключенные заграницей, если обѣ или одна изъ сторонъ—подданные страны, законодательство коей требуетъ религіозную форму брака, не будутъ считаться дѣйствительными, развѣ только, независимо отъ соблюденія предписаній мѣстнаго закона, они не будутъ совершены компетентнымъ служителемъ Церкви». Кромѣ того, делегаты поставляли на видъ, что число браковъ, заключаемыхъ русскими заграницей, незначительно, а число браковъ иностранцевъ, живущихъ въ Россіи, огромно; посему проектированная конвенція—въ интересахъ лишь иностранныхъ державъ: вѣдь, теперь иностранцы, вынужденные слѣдовать въ Россіи русскому закону, подвергаются опасности, что ихъ бракъ будетъ ничтоженъ съ точки зрѣнія ихъ національнаго законодательства. Соглашаясь, однако, измѣнить свое законодательство и не примѣнять его къ иностранцамъ, русское правительство можетъ сдѣлать эту уступку лишь подъ условіемъ взаимности, т. е, подъ тѣмъ условіемъ, что бы повсюду отъ русскихъ требовалась религіозная форма совершенія брака: «примѣненіе національнаго закона иностранцевъ могло бы быть допущено въ нашей странѣ лишь въ томъ случаѣ, если бы наше законодательство, требующее отъ своихъ подданныхъ религіозной формы брака, было уважено во всѣхъ договаривающихся государствахъ».

На это предложеніе Конференція не пошла. Она сдѣлала въ ущербъ цѣльности Проекта Конвенціи рядъ существенныхъ уступокъ религіозному браку, но онѣ Мартенса не удовлетворили. На пленарномъ Собраніи Конференціи Мартенсъ заявилъ, что «Россія считаетъ свои интересы нарушенными и воздержится принимать участіе въ составленіи проекта Конвенціи о бракѣ».

Мы не можемъ укорять Конференцію въ неуступчивости. Нельзя не согласиться съ парижскимъ профессоромъ и делегатомъ Франціи *Lainé*, что русскіе делегаты дѣлали лишь мнимую уступку: ее никто и не просилъ. Вѣдь, принимая принципомъ правило «locus regit actum», всѣ государства признаютъ дѣйствительность брака, заключеннаго въ религіозной формѣ въ Россіи, такъ же, какъ если бы онъ былъ заключенъ въ гражданской

формѣ. Россія, поэтому, предлагаетъ то, чего отъ нея не просили, что бы получить то, чего ей не даютъ [1]). Ошибка русскихъ делегатовъ заключалась еще въ томъ, что они усматривали въ вопросѣ о формѣ брака взаимность, подобную той, которая существуетъ въ области личнаго статута, т. е. обмѣнъ національныхъ законовъ; они упустили изъ виду, что здѣсь рѣчь идетъ не о личномъ статутѣ, а о формѣ брака, а на этой почвѣ, взаимность заключается въ обмѣнѣ мѣстныхъ законовъ, т. е. въ послѣдовательномъ проведеніи правила locus regit actum!

Во всякомъ случаѣ, это выступленіе Мартенса интересуетъ насъ сейчасъ, какъ фактъ, характерный для его личности. Какъ теоретикъ, Мартенсъ—убѣжденнѣйшій адептъ принципа locus regit actum,—какъ политикъ, Мартенсъ готовъ смотрѣть на право черезъ призму «публичнаго порядка», который не можетъ быть нарушенъ никакими международными соглашеніями.

На 4-ой Гаагской конференціи [сессія 16 мая—7 іюня 1904 г.] Мартенсъ снова [на этотъ разъ съ г. Веревкинымъ], въ качествѣ русскаго делегата, принимаетъ участіе въ совѣщаніяхъ по разработкѣ *наслѣдственнаго права*. На этой конференціи окончательно принимается положеніе, выработанное еще на конференціи 1900 года: «наслѣдованіе подчиняется національному закону умершаго, какова бы ни была природа (движимая или недвижимая) имущества, и въ какой странѣ оно ни находилось бы».

По воззрѣнію конференціи различная трактовка движимости и недвижимости была бы санкціей замѣшательства въ международномъ оборотѣ, да и не соотвѣтствовала бы современной научной доктринѣ, которая разсматриваетъ право наслѣдованія, какъ jus universum.

Противъ такого разрѣшенія конфликта законовъ выступаетъ съ большой дозой темперамента Мартенсъ.

---

[1]) *A. Lainé*. La Conférence diplomatique de la Haye. Journal de droit int. privé, 1901, № 1, стр. 28. Въ противовѣсъ этой статьѣ, см. статью *Гуссаковскаго*, «Третья гаагская Конференція по вопросамъ частнаго международнаго права» Ж. М. Ю. 1900, № 10. Въ этой тенденціозно написанной статьѣ авторъ пытается (по моему мнѣнію неудачно) оправдать претензіи русскихъ делегатовъ на 3-й Гаагской Конференціи.

«Иностранцы, владѣющіе въ Россіи домами и обширными помѣстіями—говоритъ онъ [сессія 1900 г.; его аргументы повторяетъ въ сессіи 1904 г. Веревкинъ]—насчитываются сотнями тысячъ, тогда какъ русскіе, владѣющіе недвижимостями заграницей, въ Европѣ, быть можетъ насчитываются нѣсколькими сотнями. Такимъ образомъ, не будетъ взаимности въ обмѣнѣ національныхъ законовъ. А между тѣмъ взаимность образуетъ базу всѣхъ международныхъ отношеній».

На это разсужденіе отвѣчаетъ съ большимъ остроуміемъ проф. Lainé [1]). «Идея взаимности не есть единственная идея, коей вдохновляется частное международное право»... «Кромѣ того, эти ариѳметическія выкладки ничего не доказываютъ, если проникнуться той мыслью, что въ каждой странѣ власть, примѣняя иностранные законы, не дѣлаетъ другимъ государствамъ уступки, въ видахъ заслужить и съ ихъ стороны подобную же любезность, а заботится исключительно о томъ, что бы организовать какъ можно лучше правосудіе посредствомъ различныхъ законовъ для лицъ той или другой національности, которыя обращаются къ туземному суду. Государство, которое стало бы на эту точку зрѣнія, почувствовало бы тѣмъ бóльшій долгъ уважать чужіе законы, когда это умѣстно, чѣмъ болѣе многочисленъ классъ иностранцевъ, живущихъ на его территоріи. Итакъ, намъ важно знать лишь одно: справедливо ли, что бы въ каждой странѣ наслѣдованіе иностранцевъ было бы управляемо ихъ національнымъ закономъ. Мартенсъ этого не отрицаетъ, ибо онъ предлагаетъ примѣнить этотъ принципъ къ наслѣдственному движимому имуществу, вопреки дѣйствующему русскому закону, хотя теоретически онъ предпочиталъ бы дать тоже рѣшеніе и для недвижимыхъ имуществъ; для этихъ послѣднихъ теорія, по его мнѣнію, должна уступить передъ требованіями непреложнаго публичнаго порядка.

«Если бы громадная страна, каковой является Россія говоритъ онъ—согласилась на единство наслѣдованія

---

[1]) *Lainé*. La Conférence de La Haye. Journal de droit int. privé. 1906; № 1, стр. 12.

подъ господствомъ національнаго закона умершаго, иностранные законы примѣнялись бы къ недвижимости, которой владѣютъ множество иностранцевъ, образующихъ въ нѣкоторыхъ районахъ цѣлыя колоніи; вѣдь, теперь уже говорятъ о «русской Бельгіи»! Но это привело бы къ законному и мирному завоеванію территоріи Имперіи въ силу иностраннаго права. Подчиненіе иностранному закону такихъ значительныхъ территорій привело бы къ нарушенію публичнаго и соціальнаго порядка во многихъ мѣстностяхъ и, въ извѣстной мѣрѣ, къ отказу отъ своего суверенитета».

Это—продолжаетъ *Lainé* (o. c. 13—14)—суть практическія соображенія; но предложенная норма должна быть отвергнута лишь въ томъ случаѣ, если она погрѣшаетъ противъ принципа. Вѣдь, важно знать внутреннюю природу наслѣдственныхъ законовъ въ томъ или другомъ государствѣ: суть ли они законы, регулирующіе семейныя отношенія на презумпціи личныхъ симпатій умершаго, или же они суть законы, регулирующіе земельную собственность. Послѣдніе законы не могутъ уступить передъ иностранными законами, такъ какъ въ силу принципа частнаго международнаго права все что касается режима земельной собственности носитъ абсолютно территоріальный характеръ. Если же наслѣдственные законы суть законы личные, т. е. въ основѣ своей имѣютъ права состоянія, семейныя права,—то нѣтъ резона не дать мѣста иностраннымъ законамъ (status personalis).

Съ этими соображеніями делегатъ Мартенсъ не согласился, и Россія къ заключеніямъ Конференціи не примкнула.

Конечно, какъ делегатъ, Мартенсъ былъ связанъ въ широкой мѣрѣ инструкціями своего правительства, и тѣ идеи, что онъ высказывалъ на Конференціяхъ носятъ нерѣдко ясные слѣды пыли петербургскихъ канцелярій.

Но постольку, поскольку въ столкновеніяхъ заявленій Мартенса съ ученіями западно - европейскихъ корифеевъ науки, мы все же можемъ усмотрѣть извѣстную дозу выраженія Мартенсомъ его личныхъ убѣж-

деній, мы констатируемъ, что Мартенсъ не удержался на чистой идеѣ *международнаго общенія*, какъ подчиненія всѣхъ одному принципу, основанному на началахъ справедливости и науки права.

Онъ выводитъ идею международнаго общенія изъ понятія ограниченности государственнаго суверенитета. А потому въ своей практической дѣятельности, въ качествѣ международнаго дѣятеля, онъ находитъ возможнымъ согласовать идею международнаго общенія съ соображеніями утилитаризма и политики права.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, оперируя съ шаткимъ понятіемъ «взаимности» и удерживая въ широкой мѣрѣ категорію законовъ «публичнаго порядка», онъ возвращается въ общемъ и цѣломъ къ теоріи *Savigny*, съ которой и долженъ дѣлить упреки въ своей невыдержанности и субъективизмѣ.

Не поставимъ это въ минусъ незабвенной памяти великаго ученаго Мартенса!

Мартенсу выпала трудная задача совмѣщать въ одномъ лицѣ и *ученаго* и *дипломата*. Въ этомъ—и трагедія его жизни и оправданіе невыдержанности его теоріи!

Заслуга Мартенса этимъ не умаляется,—она, наоборотъ, возвеличивается! На своемъ «*международномъ правѣ цивилизованныхъ народовъ*» Мартенсъ воспиталъ цѣлые ряды поколѣній въ духѣ утонченной справедливости, къ которой, какъ къ конечной цѣли, долженъ стремиться всякій и туземный и международный правопорядокъ и каковой, какъ путеводной звѣздой, все же долженъ руководиться всякій юристъ въ сознаніи своего долга передъ правомъ международнаго общенія.

Вотъ почему, идеи Мартенса не умрутъ, какъ не умретъ и память о горячемъ патріотѣ, всегда стоявшемъ на стражѣ интересовъ своего отечества!

Къ вопросу о юридическомъ значенiи такъ называемыхъ тарифныхъ договоровъ.

С. Є. Сабинина.

Въ общественной жизни З. Европы и Америки, въ борьбѣ между представителями труда и капитала, все болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ значенія попытки регулировать условія труда путемъ соглашеній между предпринимателями и рабочими. Первоначально соглашенія эти являлись результатами стачки, какъ бы перемиріемъ среди экономической войны, впослѣдствіи стали заключаться независимо отъ стачекъ; цѣль этихъ соглашеній: установить общія условія труда для даннаго предпріятія или для предпріятій извѣстной категоріи, условія, долженствующія соблюдаться при заключеніи отдѣльныхъ рабочихъ договоровъ. Къ числу такихъ условій относятся прежде всего тѣ, которыя включаются въ рабочіе договоры, напр. условія, опредѣляющія основанія расцѣнки труда, способы вознагражденія, количество рабочихъ часовъ, порядокъ работъ и т. д.; кромѣ того, сюда входятъ нѣкоторыя общія условія труда, въ рабочіе договоры не включаемыя, каковы принятіе мѣръ, обезпечивающихъ безопасность предпріятій для жизни и здоровья рабочихъ, ограниченіе доступа къ работѣ лицъ съ уменьшенной работоспособностью: малолѣтнихъ, женщинъ, ограниченіе пріема учениковъ. Такъ какъ установленіе всѣхъ этихъ общихъ условій труда является средствомъ обезпеченія мирнаго характера отношеній между работодателями и рабочими по крайней мѣрѣ на ближайшее время, то въ тарифные договоры входитъ—явно или молчаливо—соглашеніе не нарушать этихъ мирныхъ отношеній, пока сохраняетъ силу та-

рифный договоръ, и включаются постановленія о срокѣ дѣйствія тарифныхъ договоровъ и вообще постановленія о предѣлахъ дѣйствія и примѣненіи тарифнаго договора, причемъ нѣкоторыя изъ такихъ постановленій имѣютъ временное значеніе, опредѣляя, напр., условія возобновленія работъ.

Каково бы ни было содержаніе отдѣльныхъ тарифныхъ договоровъ, всѣ они стремятся проявить свое дѣйствіе въ трояком направленіи: 1) въ осуществленіи нормъ, устанавливаемыхъ съ цѣлью регулировать общія условія труда; 2) въ исполненіи обязательствъ, принимаемыхъ на себя контрагентами тарифнаго договора и 3) въ регулированіи, въ соотвѣтственномъ направленіи, дѣйствій лицъ, входящихъ въ составъ тѣхъ организацій, которыя заключаютъ тарифный договоръ.

Такъ какъ регулированіе заработной платы болѣе всего останавливало на себѣ вниманіе обѣихъ сторонъ при заключеніи разсматриваемыхъ соглашеній, то они a fortiori получили въ Германіи названіе тарифныхъ договоровъ, названіе, не смотря на узость содержанія, болѣе точное, чѣмъ терминъ «коллективный договоръ», принятый во Франціи, такъ какъ коллективность, будучи необходимымъ признакомъ тарифнаго договора, свойственна и другимъ договорамъ, не составляя отличительнаго признака договора, о которомъ идетъ рѣчь [1]).

Попытки заключенія тарифныхъ договоровъ не чужды и нашей жизни; особенно часты онѣ были въ 1905 году, но существуютъ и независимо отъ движенія этого года, хотя свѣдѣній о нихъ имѣется очень немного [2]). Во всякомъ случаѣ, нельзя сомнѣваться въ томъ, что вопросъ о тарифныхъ договорахъ имѣетъ для насъ не только теоретическій, но и практическій интересъ, между тѣмъ, въ нашей литературѣ научной разработкѣ онъ подвергся мало, особенно съ юридической точки зрѣнія; юридическое значеніе тарифнаго договора впервые было разсмотрѣно у насъ въ бро-

---

[1]) Въ русской литературѣ терминологія еще не установилась; болѣе употребительно названіе тарифный договоръ.

[2]) Ср. К. Димитріевъ, Профессіональное движеніе и союзы въ Россіи, 2 изд. стр. 303—333.

шюрѣ Л. С. Таля [1]); въ З. Европѣ уже существуетъ цѣлая литература, посвященная юридическому значенію тарифнаго договора [2]).

За исключеніемъ Англіи, вездѣ въ государствахъ Зап. Европы обнаруживается стремленіе придать тарифному договору юридическую силу; это стремленіе обнаруживается какъ въ сознаніи сторонъ, заключающихъ тарифные договоры, такъ въ судебной практикѣ и, въ послѣднее время, въ законодательствѣ нѣкоторыхъ странъ; отсюда—вопросъ о юридическомъ значеніи тарифнаго договора какъ съ точки зрѣнія дѣйствующаго права, de lege lata, такъ и de lege ferenda, вопросъ догматическій и законодательно-политическій. Рѣшеніе этого вопроса осложняется особенностями тарифнаго договора, настолько отличающими его отъ прочихъ договоровъ, что сомнительнымъ является возможность юридической силы тарифнаго договора не только по дѣйствующему праву большинства странъ, но и съ точки зрѣнія основныхъ принциповъ гражд права вообще. Настоящая замѣтка не претендуетъ, конечно, на разрѣшеніе этого сложнаго и обширнаго вопроса хотя бы въ общихъ чертахъ; цѣль ея—содѣйствовать разъясненію того, по скольку возможно признаніе юридической силы тарифныхъ договоровъ по дѣйствующему праву въ смыслѣ возможности установленія общихъ условій труда путемъ соглашенія между работодателями и рабочими.

Существенныя особенности, рѣзко отличающія тарифный договоръ отъ прочихъ, касаются субъектовъ договора и его содержанія.

Тарифный договоръ есть договоръ коллективный: онъ предполагаетъ по крайней мѣрѣ на одной сторонѣ, именно на сторонѣ рабочихъ, группу лицъ, такъ или иначе организованныхъ. Заключеніе тарифныхъ договоровъ

---

[1]) Тарифный (коллективный) договоръ, какъ институтъ гражд. права. Спб. 1909.

[2]) Достаточно полныя библіографическія указанія можно найти у Sinzheimer, der korporative Arbeitsnormenvertrag, Berlin, I, 1907, стр. IX и сл.; II, 1908, стр. IX и сл. Passama, les conventions collectives, Paris, 1908, стр. XI и сл.; обзоръ литературы—у Wölbling, Akkordvertrag und Tarifvertrag, Berlin, 1908, 285 и слѣд.

имѣетъ цѣлью фиксировать условія труда по началамъ дѣйствительнаго равенства между договаривающимися сторонами, что достигается именно противоположеніемъ мощи капиталиста силы объединенныхъ рабочихъ; съ другой стороны, и поддержаніе statu quo выработанныхъ общимъ соглашеніемъ условій труда возможно только, если договоръ заключается съ группой, а не съ отдѣльными рабочими, такъ какъ иначе невозможно ни рабочимъ настоять на выполненіи условій договора работодателями, ни работодателямъ—имѣть какую-либо гарантію въ исполненіи условій договора рабочими.

Рабочіе, заключающіе тарифный договоръ, могутъ быть организованы въ профессіональный союзъ, имѣющій или не имѣющій свойства юридическаго лица; могутъ образовывать группу спеціально для заключенія договора; также и работодатели. Казалось бы, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ обычными явленіями гражданскаго права: съ заключеніемъ договора со стороны юридическаго лица или группы лицъ, составляющихъ товарищество (безъ свойствъ юридическаго лица) или объединенныхъ по принципу такъ назыв. «общей руки» германскаго права или просто на началахъ корреалитета; однако, цѣль тарифныхъ договоровъ ведетъ гораздо далѣе этихъ юридическихъ формъ, къ тенденціи распространить дѣйствіе тарифнаго договора за предѣлы лицъ, участвовавшихъ при заключеніи договора въ качествѣ контрагентовъ, какова бы ни была форма этого участія. Когда тарифный договоръ заключается, напр., профессіональнымъ союзомъ, представляющимъ юридическое лицо, то субъектомъ правъ и обязанностей, долженствующихъ возникнуть изъ договора, будетъ, конечно, союзъ, какъ юридическое лицо, между тѣмъ послѣдствія договора, по идеѣ тарифныхъ договоровъ, должны распространяться на отдѣльныхъ членовъ союза и даже на рабочихъ данной категоріи вообще, представителемъ которыхъ союзъ себя считаетъ. Тоже mutatis mutandis должно сказать и относительно участія въ тарифномъ договорѣ союзовъ, не имѣющихъ свойствъ юридическаго лица, и прочихъ организацій. Въ частности, когда заключается тарифный договоръ группой, образованной

ad hoc, послѣдствія должны падать на рабочихъ, принимающихъ участіе въ организаціи этой группы, договоръ же заключается только отдѣльными рабочими, дѣйствующими за эту группу, и является сомнѣніе, кто собственно тутъ будетъ контрагентомъ.

Эти особенности тарифныхъ договоровъ неизбѣжно вытекаютъ изъ ихъ цѣли и не устранимы никакими конструкціями въ родѣ договоровъ въ пользу третьихъ лицъ или полномочія и ratihabitio. Мы имѣемъ дѣло съ тенденціей автономнаго нормированія взаимныхъ отношеній членовъ двухъ соціальныхъ группъ—что не укладывается въ рамки современнаго гражданскаго права. Еще съ большимъ основаніемъ должно сказать то же самое относительно второй особенности тарифныхъ договоровъ, по ихъ содержанію.

Тарифный договоръ не устанавливаетъ никакихъ конкретныхъ отношеній личнаго найма; изъ него не возникаетъ ни обязанностей рабочихъ—работать, ни работодателей—платить вознагражденіе; тарифный договоръ не налагаетъ также обязанностей на работодателей—принимать рабочихъ на извѣстныхъ условіяхъ, ни на рабочихъ—поступать къ хозяевамъ, участвовавшимъ въ заключеніи договора; однимъ словомъ, тарифный договоръ не есть ни договоръ о наймѣ, ни договоръ о заключеніи договора найма, ни locatio conductio, ни pactum de contrahenda locatione conductione. Тарифный договоръ по идеѣ своей вообще не есть договоръ о какомъ-либо опредѣленномъ конкретномъ правоотношеніи; главная цѣль тарифнаго договора—нормированіе не данныхъ отдѣльныхъ отношеній, но возможныхъ въ будущемъ отношеній даннаго рода, установленіе условій, на которыхъ должны заключаться въ будущемъ договоры найма рабочихъ, опредѣленіе общихъ правилъ на случай заключенія такихъ договоровъ, правилъ, которыя должны примѣняться, если такіе договоры будутъ заключаться между участниками тарифнаго договора. Отсюда слѣдуетъ, что по содержанію своему тарифный договоръ не подходитъ подъ общій типъ договоровъ современнаго гражданскаго права; къ вопросу о юридической силѣ тарифнаго договора нельзя отнестись

такъ, какъ отнеслись бы мы ко всякому новому типу договоровъ, устанавливающихъ новыя, непредусмотрѣнныя закономъ отношенія.

Признаніе за тарифными договорами юридической силы въ указанномъ направленіи мыслимо въ двоякой формѣ. Во-первыхъ, возможно установленіе принципа, въ силу котораго нормы, установленныя тарифнымъ договоромъ, обязательны въ томъ смыслѣ, что рабочіе договоры, заключенные вопреки этимъ нормамъ, прямо недѣйствительны, т. е. возможно прямое признаніе *нормативной* силы тарифныхъ договоровъ. Во-вторыхъ, возможно достиженіе главной цѣли тарифныхъ договоровъ косвеннымъ путемъ, юридическая сила тарифныхъ договоровъ можетъ состоять въ томъ, что изъ нихъ вытекаетъ обязанность сторонъ соблюдать установленныя ими нормы, обязанность, исполненіе которой обезпечивается санкціей гражданско-правоваго характера; заключеніе рабочихъ договоровъ вопреки тарифному не дѣлало бы при этомъ ничтожными эти договоры, но налагало бы отвѣтственность за неисполненіе тарифнаго договора; другими словами, тарифные договоры имѣли бы *обязательственную* силу подобно другимъ обязательственнымъ договорамъ [1]).

Рѣшая вопросъ о признаніи нормативной силы за тарифными договорами, мы не можемъ основываться на общемъ принципѣ, по которому всякій договоръ дѣйствителенъ, поскольку не противорѣчитъ закону или нравственности; этотъ основной принципъ не можетъ быть прямо и безъ дальнѣйшихъ поясненій распространенъ на тарифные договоры, поскольку рѣчь идетъ о ихъ нормативной функціи. Конечно, тарифный договоръ формально подходитъ подъ общее опредѣленіе, данное «авторитетнѣйшимъ цивилистомъ XIX вѣка, Савиньи» [2]): «Vertrag ist die Vereinigung mehrerer zu einer übereinstimmenden Willenserklärung, wodurch ihre Rechtsverhältnisse bestimmt werden»; конечно, общее выраженіе «*опредѣляются* юридическія отношенія» даетъ

---

[1]) Ср. Sinzheimer, II, 1 и слѣд.

[2]) Lotmar, Die Tarifverträge, Archiv für soziale Gesetzgebung u. statistik XV (1900), 90.—Savigny, System, III, 309.

возможность, какъ дѣлаетъ Лотмаръ, вывести, что тарифный договоръ есть «ein privatrechtlicher Vertrag», но вѣдь договоръ, какъ видъ сдѣлки, долженъ удовлетворять условіямъ опредѣленія сдѣлки, даннаго тѣмъ же Савиньи, по которому сдѣлка направлена на установленіе, измѣненіе или прекращеніе юридическихъ отношеній; эти три формы воздѣйствія воли на юридическія отношенія и должно, очевидно, разумѣть подъ общимъ выраженіемъ «bestimmt»; нормативной силы договора Савиньи не могъ имѣть въ виду, его опредѣленіе, какъ и другія опредѣленія договора, касаются договора въ смыслѣ способа установленія или прекращенія конкретныхъ юридическихъ отношеній. Юридическія отношенія, въ смыслѣ элементовъ гражданскаго оборота, имѣются въ виду теоріей, когда рѣчь идетъ о принципіальной обязательности всякаго договора, равно какъ и положительное право, признающее этотъ принципъ, предполагаетъ договоры, устанавливающіе отдѣльныя отношенія, а не общія нормы. Прямое признаніе нормативной силы тарифныхъ договоровъ означало бы сообщеніе частной волѣ, частной иниціативѣ такого значенія, какого она до сихъ поръ не имѣла въ гражданскомъ правѣ и какое не предусматривается ни теоретическими началами, ни догматическими правилами дѣйствующаго права; въ тарифныхъ договорахъ частная иниціатива стремится пополнить нормы права, регулирующаго отношенія между работодателями и рабочими, разрѣшить задачу, до сихъ поръ относившуюся къ области законодательства или автономнаго права [1]). De lege lata нормативная сила не можетъ быть признана за тарифными договорами; всѣ попытки дать такую конструкцію, при которой такое признаніе было бы возможно, оказались неудачными, не исключая и теоріи Лотмара. Недѣйствительность рабочихъ договоровъ, заключенныхъ вопреки тарифному, можетъ быть уста-

[1]) Тарифный договоръ, въ этомъ отношеніи, представляетъ частный случай новой категоріи явленій въ общественной жизни и въ области публичнаго права, отмѣченной Еллинекомъ (Verfassungsänderung und Verfassunswandlung, 1906, 78 и сл.). Безъ разрѣшенія вопроса о признаніи отмѣченныхъ тамъ тенденцій невозможно полное законодательное разрѣшеніе вопроса о тарифныхъ договорахъ.

новлена только спеціальнымъ закономъ. Въ странахъ, гдѣ такихъ законовъ нѣтъ, можетъ быть рѣчь только о пользованіи тарифнымъ договоромъ, какъ основаніемъ для толкованія рабочихъ договоровъ, какъ источникомъ для восполненія пробѣловъ и поясненія текста рабочихъ договоровъ; тарифный договоръ, во-первыхъ, можно принять за выраженіе мѣстнаго обыкновенія, usence, во-вторыхъ поставить въ ряду другихъ актовъ, привлекаемыхъ къ толкованію даннаго и исходящихъ отъ тѣхъ же сторонъ.

De lege lata возможно осуществленіе разсматриваемой цѣли тарифныхъ договоровъ лишь непрямымъ путемъ: путемъ установленія взаимныхъ обязательствъ сторонъ по соблюденію общихъ нормъ, предусмотрѣнныхъ тарифнымъ договоромъ. Обязанности, принимаемыя въ этомъ направленіи сторонами, образуютъ три категоріи: 1) обязанность соблюдать нормы тарифнаго договора при заключеніи каждаго рабочаго договора, 2) обязанность выполнить общія условія труда, не включаемыя въ рабочіе договоры, 3) обязаность исполнить нѣкоторыя дѣйствія, предусматриваемыя тарифнымъ договоромъ въ виду нѣкоторыхъ особыхъ обстоятельствъ, сопровождающихъ иногда его заключеніе; именно, когда заключеніе тарифнаго договора является завершеніемъ конфликта между рабочими и работодателями, въ договоръ включаются условія разрѣшенія конфликта, имѣющія временное значеніе, каковы: условія возобновленія работъ послѣ ихъ пріостановки, удовлетвореніе нѣкорыхъ требованій рабочихъ при коллективныхъ заявленіяхъ хозяину предпріятія, напр., обязанность принять уволенныхъ рабочихъ. Эта послѣдняя категорія обязанностей по общимъ признакамъ ихъ содержанія ничѣмъ не отличается отъ обыкновенныхъ договорныхъ ооязанностей, самое же включеніе оговорокъ о такихъ обязанностяхъ по отношенію къ тарифному договору представляетъ собою случайное явленіе, они—accidentalia negotii, не стоящія притомъ ни въ какой конструктивной связи съ сущностью тарифнаго договора.

Обязанности второй категоріи сводятся къ обязательству работодателей совершить нѣкоторыя дѣй-

ствія, или воздержаться отъ совершенія нѣкоторыхъ дѣйствій; напримѣръ: принять нѣкоторыя мѣры предосторожности для уменьшенія опасности производства для рабочихъ; не нанимать нѣкоторыя категоріи рабочихъ.

Обязанности первой категоріи состоятъ въ томъ, чтобы заключались договоры только на условіяхъ, установленныхъ тарифнымъ договоромъ, чтобы между участниками тарифнаго договора не было заключаемо рабочихъ договоровъ на условіяхъ, несогласныхъ съ нормами тарифнаго договора. Эти двѣ категоріи обязанностей составляютъ специфическое содержаніе тарифныхъ договоровъ, а послѣдняя—необходимую его составную часть. Хотя обязанности этихъ обѣихъ категорій нерѣдко выражаются въ положительной формѣ (напр. работодатель обязанъ допускать только рабочихъ, принадлежащихъ къ профессіональному союзу; размѣръ вознагражденія долженъ быть опредѣленъ такъ-то), по существу своему онѣ всегда будутъ имѣть отрицательный характеръ и состоять въ воздержаніи отъ дѣйствій, противорѣчащихъ условіямъ труда, установленнымъ въ тарифномъ договорѣ.

По своей цѣли тарифный договоръ и у насъ не можетъ быть признанъ противнымъ ни законамъ, ни «благочинію»; цѣль эта даже прямо признается нашими законами: это одна изъ тѣхъ цѣлей, осуществленіе которыхъ составляетъ по закону задачу профессіональныхъ союзовъ. Ст. 1 временныхъ привилъ о профессіональныхъ обществахъ указываетъ, что общества эти «имѣютъ цѣлью выясненіе и согласованіе экономическихъ интересовъ, улучшеніе условій труда своихъ членовъ»; въ частности же, по ст. 2, «могутъ ставить себѣ цѣлью: 1) изысканіе способовъ къ устраненію, посредствомъ соглашенія или третейскаго разбирательства, недоразумѣній, возникающихъ на почвѣ договорныхъ условій между нанимателями и нанимаемыми, 2) выясненіе размѣровъ заработной платы и другихъ условій труда въ различныхъ отрасляхъ промышленности». Здѣсь разумѣется, конечно, прежде всего согла-

шеніе по поводу конкретныхъ «недоразумѣній»; но средствомъ устраненія недоразумѣній въ будущемъ и является тарифный договоръ; опредѣленіе, путемъ взаимнаго соглашенія, условій будущихъ возможныхъ договоровъ найма также будетъ средствомъ устраненія недоразумѣній, «возникающихъ» (не «возникшихъ») на почвѣ дѣйствующихъ условій», тѣмъ болѣе, что такое соглашеніе стоитъ въ тѣсной связи съ «выясненіемъ размѣровъ заработной платы и прочихъ условій», о которыхъ рѣчь идетъ въ ст. 2. Нельзя видѣть также въ содержаніи тарифныхъ договоровъ чего-либо противнаго «благочинію и общественному порядку» ст. 1528 X т. ч. I, даже когда договоръ заключается послѣ забастовки или локаута или подобныхъ способовъ борьбы между предпринимателями и рабочими, хотя бы одна изъ сторонъ, соглашаясь на заключеніе тарифнаго договора, дѣйствовала подъ давленіемъ другой, ибо цѣль тарифнаго договора—ликвидировать острыя отношенія и создать условія, при которыхъ отношенія сторонъ могутъ имѣть мирный характеръ по крайней мѣрѣ на время дѣйствія договора; другими словами, заключеніе тарифнаго договора всегда будетъ улучшеніемъ, и никогда—ухудшеніемъ взаимныхъ отношеній и общаго положенія дѣла въ промышленности. Тарифный договоръ, какъ средство предупрежденія недоразумѣній, подходитъ и подъ ст. 54 уст. о пром., гдѣ на фабричную инспекцію возлагается принятіе мѣръ къ предупрежденію споровъ и недоразумѣній между фабрикантами и рабочими путемъ, изслѣдованія на мѣстѣ возникшихъ неудовольствій и миролюбиваго соглашенія сторонъ; ratio legis и буквальный смыслъ текста позволяютъ признать, что фабричная инспекція имѣетъ право способствовать заключенію тарифныхъ договоровъ и во всякомъ случаѣ не противодѣйствовать этому.

Ничто не препятствуетъ признанію юридическаго значенія тарифнаго договора и по нашимъ законамъ, въ смыслѣ признанія силы за тѣми обязательствами, которыя стороны принимаютъ на себя по соблюденію нормъ, устанавливаемыхъ тарифнымъ договоромъ.

Работодатели обязываются не заключать рабочихъ договоровъ на условіяхъ, не соотвѣтствующихъ тарифному. На практикѣ, какъ извѣстно, заключеніе рабочихъ договоровъ совершается такъ, что условія ихъ устанавливаются напередъ работодателемъ для каждаго рода договоровъ и затѣмъ принимаются рабочими при поступленіи къ работодателю; на каждой фабрикѣ во-1-хъ вырабатываются формуляры рабочихъ договоровъ въ видѣ расчетныхъ книжекъ, во 2-хъ составляются расцѣночныя таблицы и правила внутренняго распорядка, обязательныя для рабочихъ, причемъ тѣ и другія, согласно ст. 139 и 137, п. 7 уст. о пром., являются матеріаломъ для толкованія и восполненія условій рабочихъ договоровъ, означаемыхъ въ расчетныхъ книжкахъ. Хотя выдача расчетныхъ книжекъ и составленіе табелей и правилъ подчинены нѣкоторымъ требованіямъ фабричнаго законодательства и контролю фабричной инспекціи, всетаки въ общемъ, опредѣляются волей администраціи фабрики; слѣдовательно, фабрикантъ можетъ взять на себя обязательство, опредѣляя условія работъ на фабрикѣ, не отступать отъ нормъ, установленныхъ тарифнымъ договоромъ: не включать въ рабочія книжки условій, не согласныхъ съ этими нормами, не составлять табелей и правилъ, нарушающихъ эти нормы, равнымъ образомъ, не измѣнять табелей и правилъ, составленныхъ согласно тарифному договору, въ сторону его нарушенія. Наконецъ, работодатели обязуются не принимать мѣръ репрессій, идущихъ въ разрѣзъ съ тарифнымъ договоромъ.

Не будетъ ничего незаконнаго и въ томъ, что рабочіе возьмутъ на себя обязательства по соблюденію тарифнаго договора и отвѣтственность за совершеніе такихъ дѣйствій, въ которыхъ будетъ заключаться нарушеніе условій, установленныхъ тарифнымъ договоромъ; здѣсь дѣло осложняется не содержаніемъ такихъ обязательствъ, но субъективной стороной, на которой еще придется остановиться. Если контрагентомъ будетъ профессіональный союзъ съ правами юридическаго лица, то обязательства его будутъ состоять во-первыхъ, въ отвѣтственности за ущербъ, причиняемый нарушеніями

тарифнаго договора со стороны его членовъ, а также въ принятіи возможныхъ законныхъ мѣръ воздѣйствія на членовъ въ этомъ направленіи, а во-вторыхъ—въ воздержаніи отъ организаціи дѣйствій союза, нарушающихъ договоръ (напр. устройства союзомъ стачки, бойкота и т. д.) и отвѣтственности за происходящій отсюда ущербъ. Если контрагентами явятся отдѣльные рабочіе, то каждый изъ нихъ обязуется не заключать рабочихъ договоровъ на иныхъ условіяхъ, чѣмъ какія установлены тарифнымъ, и воздерживаться отъ участія въ актахъ борьбы съ работодателями, нарушающихъ тарифный договоръ.

Санкціей обязательствъ обѣихъ сторонъ можетъ быть по нашему праву только обязанность возмѣщенія ущерба, происходящаго отъ нарушенія тарифнаго договора. Къ признанію такой санкціи по нашему праву нѣтъ препятствій. Такимъ препятствіемъ не является то обстоятельство, что первоначальное обязательство по тарифному договору отрицательнаго свойства: воздержаніе отъ извѣстныхъ дѣйствій; практика наша такого рода обязательства признаетъ; не должно вызывать затрудненій и сомнѣніе въ томъ, будетъ ли требованіе по тарифному договору имѣть имущественный интересъ: практика допускаетъ иски по требованіямъ, не подлежащимъ оцѣнкѣ [1]); отрицательное отношеніе къ неимущественному интересу въ обязательствѣ связывается, собственно, не съ первоначальнымъ предметомъ требованія, а съ вопросомъ о присужденіи къ исполненію; если изъ неисполненія вытекаетъ требованіе возмѣщенія ущерба, то возможенъ искъ и по договору, первоначальный предметъ требованія по которому лишенъ имущественнаго интереса [2]). Вопросъ, стало быть, сводится къ тому, въ какой мѣрѣ можетъ быть обосновано въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ требованіе убытковъ и доказанъ ихъ размѣръ. Въ этомъ отношеніи, помимо затрудненій, связанныхъ съ вопросомъ о субъектахъ тарифнаго договора, не малое пре-

---

1) Сенатъ допускаетъ, напр., искъ о возстановленіи правъ лица, исключеннаго изъ членовъ клуба, К. Р. 1903/104.

2) Ср. К. Р. 80/118, 73/217.

пятствіе представляетъ общее положеніе вопроса о возмѣщеніи ущерба въ нашей практикѣ. Едва ли часто можно будетъ, держась началъ, принятыхъ въ нашей юриспруденціи, обосновать требованіе и доказать размѣръ убытковъ, вытекающихъ изъ нарушенія тарифнаго договора; едва ли наша практика признаетъ это требованіе внѣ случаевъ, когда нарушеніе тарифнаго договора проявится въ дѣйствіи, прямо причиняющемъ имущественный ущербъ. Поэтому, должно рекомендовать обезпеченіе исполненія обязательствъ по тарифному договору неустойкой. Вообще, какъ справедливо замѣтилъ г. Таль, не въ нормахъ нашего матеріальнаго права лежатъ наиболѣе серіозныя препятствія къ признанію юридической силы за тарифными договорами, а въ условіяхъ процессуальной защиты [1]). Однако, отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы по нашему праву обязательства по тарифному договору, не обезпеченныя неустойкой, не имѣли никакого практическаго значенія. Большое значеніе будетъ имѣть рѣшеніе, признающее за одной изъ сторонъ, напр. профессіональнымъ рабочимъ союзомъ, право доказывать убытки въ исполнительномъ порядкѣ; если бы и не удалось доказать убытки, такое рѣшеніе, помимо своего моральнаго значенія, помимо впечатлѣнія, производимаго имъ на общественное мнѣніе, можетъ имѣть и практическія послѣдствія, если не въ области гражданскаго права, то въ области административнаго и уголовнаго, при разслѣдованіи, напр., причинъ забастовки и при уголовномъ преслѣдованіи за связанныя съ забастовкой дѣйствія, признаваемыя нашимъ правомъ преступными.

Слѣдуетъ особенно подчеркнуть такое значеніе тарифныхъ договоровъ, между прочимъ и потому, что оно можетъ проявиться не въ одномъ только требованіи судомъ убытковъ отъ неисполненія тарифнаго договора, но и во всѣхъ случаяхъ, когда тарифный договоръ можетъ быть предметомъ судебнаго разбирательства;

---

[1]) Л. С. Таль, цит. соч., 52 и слѣд. Нельзя не присоединиться къ словамъ г. Таля на этихъ страницахъ, прекрасно характеризующихъ препятствія къ проведенію въ жизнь силы тарифныхъ договоровъ, лежащія въ условіяхъ нашей судебной практики и недостаточности права союзовъ.

такими случаями являются, кромѣ иска объ убыткахъ, искъ о расторженіи тарифнаго договора вслѣдствіе нарушенія его противной стороной, наконецъ, искъ о признаніи тарифнаго договора.

Другая особенность тарифныхъ договоровъ, ихъ коллективность, также встрѣчаетъ въ нашемъ правѣ препятствія, бóльшія, чѣмъ на З. Европѣ; большія по двумъ причинамъ: вслѣдствіе особенностей нашихъ законовъ о союзахъ и собраніяхъ и вслѣдствіе того, что наша практика, держась римскихъ началъ, не признаетъ никакихъ промежуточныхъ формъ между юридическимъ лицемъ и группой отдѣльныхъ лицъ, заключающихъ договоръ по началамъ корреалитета.

По ст. 24 врем. правилъ о професс. обществахъ, на профессіональныя общества распространяется дѣйствіе ст. 20 правилъ объ обществахъ вообще, т. е. професс. общества могутъ на указанныхъ тамъ условіяхъ получать права юридическихъ лицъ и, слѣдовательно, заключать договоры въ предѣлахъ осуществленія закономъ дозволенныхъ цѣлей обществъ. Слѣдовательно, рабочіе союзы, получившіе права юридическихъ лицъ, могутъ отъ своего имени заключать тарифные договоры съ указанными выше послѣдствіями. Положеніе дѣла значительно осложняется, когда на сторонѣ рабочихъ выступаетъ союзъ, хотя и легально существующій, но не надѣленный правомъ юридическаго лица. Такой союзъ не можетъ выступить самостоятельнымъ субъектомъ и заключить договоръ отъ своего имени; тутъ возможно только заключеніе договора отъ имени всѣхъ членовъ союза. Члены союза, собравшись на законное собраніе, могутъ постановить дать общую довѣренность правленію союза [1]; такая общая довѣренность будетъ разсматриваться какъ совокупность полномочій отдѣльныхъ лицъ и потому на ней должны быть подписи членовъ союза; какъ эта довѣренность, такъ и заключенный на ея основаніи тарифный договоръ, будутъ дѣйствительны для всѣхъ членовъ, под-

---

[1] Возможность общей довѣренности нѣсколькимъ лицамъ прямо признана ст. 2325, X т., ч. I.

писавшихъ довѣренность; сверхъ того, къ договору могутъ присоединиться впослѣдствіи лица, не участвовавшія при его заключеніи, путемъ спеціальнаго волеизъявленія. Тоже возможно и въ случаѣ, если рабочіе образуютъ группу спеціально для заключенія тарифнаго договора—по скольку это допустимо правилами о союзахъ и собраніяхъ.

Въ случаѣ нарушенія тарифнаго договора работодателемъ, возникаетъ претензія или для рабочаго союза, или для участниковъ договора in solidum, смотря по тому, кто является контрагентомъ на сторонѣ рабочихъ; если таковымъ не будетъ союзъ съ правомъ юридическаго лица, то участники договора, имѣя право на искъ по началамъ корреалитета, могутъ поручить осуществленіе его тѣмъ же лицамъ, или той же организаціи, которая заключила договоръ. Въ случаѣ нарушенія договора со стороны рабочихъ, возникнетъ право иска или къ рабочему союзу, какъ юридическому лицу, или къ членамъ—участникамъ тарифнаго договора (или къ отд. рабочимъ, контрагентамъ договора) солидарно; солидарность здѣсь вытекаетъ изъ самой сущности договора [1]).

---

[1]) Ср. указанія въ изданіяхъ X т. Боровиковскаго и др. къ ст. 1548.

Юридическія Записки

издаваемыя

Демидовскимъ Юридическимъ Лицеемъ.

1910 г. Вып. II (VI).

подъ редакціей:

Н. Н. Голубева, В. Н. Мышцына,
Р. М. Орженцкаго, С. Е. Сабинина,
Е. Д. Синицкаго, М. П. Чубинскаго
и В. Г. Щеглова.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1910.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ Лицея *В. Щегловъ*.

СОДЕРЖАНІЕ:

стр.

Основные законы и форма правленія въ Россіи.

Н. И. Паліенко.

ЧАСТЬ II.

Начало коренному преобразованію нашего государственнаго строя было положено учрежденіемъ Государственной Думы.

Но вводя въ составъ нашихъ высшихъ государственныхъ учрежденій органъ народнаго представительства, привлекая «достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія, людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній», верховная власть стремится первоначально провести эту реформу «при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости Основныхъ Законовъ» [1]).

И поэтому Высочайшій манифестъ 6 августа 1905 г., возвѣщая объ учрежденіи Государственной Думы, какъ высшаго государственнаго законосовѣщательнаго установленія для предварительной разработки законодательныхъ предположеній и разсмотрѣнія росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ, въ то же время объявляетъ, что монархъ учреждаетъ Государственную Думу, «сохраняя неприкосновеннымъ основной законъ Россійской Имперіи о существѣ Самодержавной Власти». Этими словами не имѣлось въ виду, конечно, указать, что только статьи 1 и 2 Основныхъ Законовъ, помѣщенныя въ изд. 1892 г. т. I, ч. I Св. Осн. Госуд. Законовъ» подъ рубрикой «о существѣ Верховной Самодержавной Власти» остаются однѣ неприкосновенными изъ всѣхъ прочихъ Основныхъ Законовъ [2]): манифестъ подчеркиваетъ лишь, что власть монарха, его Самодер-

[1]) Высоч. Рескриптъ, данный на имя Министра Внутреннихъ Дѣлъ 18 февраля 1905 года.

[2]) Нѣкоторое измѣненіе въ отдѣлѣ Основныхъ Законовъ съ учрежденіемъ Государственной Думы должны были потерпѣть ст. 49 и 50 Осн. Зак. «о составленіи, поясненіи и дополненіи Законовъ».

жавіе и неограниченность, не потерпѣли никакихъ измѣненій съ образованіемъ народнаго представительства.

Да, это было и очевидно, такъ какъ народное представительство было организовано какъ чисто совѣщательное учрежденіе, при томъ совѣщательное не столько непосредственно при монархѣ, сколько при совѣщательномъ же учрежденіи—Государственномъ Совѣтѣ, въ который и должны были вноситься заключенія Думы по разсмотрѣннымъ ею дѣламъ [1]), и который въ извѣстныхъ случаяхъ могъ даже назначать Думѣ срокъ для представленія ея заключеній и разсматривать дѣла и безъ заключеній Думы.

Законосовѣщательная Дума должна была собраться въ составѣ членовъ отъ 50 губерній и области Войска Донского не позднѣе половины января 1906 г.

Реформа, произведенная въ столь ограниченныхъ предѣлахъ, была встрѣчена большинствомъ населенія весьма несочувственно и развернувшіяся событія дали другой ходъ государственному преобразованію Россіи. Законосовѣщательной Думѣ не суждено было собраться. Огромное большинство русскаго общества желало Думы законодательной и Высочайшій манифестъ 17 октября 1905 г. указывая, что, «отъ волненій нынѣ возникшихъ, можетъ явиться глубокое нестроеніе народное и угроза цѣлости и единству Державы нашей», что «великій обѣтъ Царскаго служенія повелѣваетъ намъ всѣми силами разума и власти нашей стремиться къ скорѣйшему прекращенію столь опасной для Государства смуты», повелѣваетъ властямъ принять мѣры къ устраненію прямыхъ проявленій безпорядка, а для успѣшнѣйшаго выполненія общихъ, преднамѣчаемыхъ монархомъ къ умиротворенію государственной жизни, мѣръ признаетъ необходимымъ «объединить дѣятельность высшаго Правительства».

И непосредственно вслѣдъ за этими словами Манифестъ 17 октября 1905 г. возвѣщаетъ начало какъ бы великой хартіи вольностей русскаго народа. «На обя-

---

[1]) Ст. I, 48—51 Учр. Госуд. Думы 6-го авг. 1905 г., ст. 52—53, Учр Госуд. Думы 6-го августа 1905 г.

занность правительства возлагаемъ Мы выполненіе непреклонной Нашей воли:

1) Даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ.

2) Не останавливая предназначенныхъ выборовъ въ Государственную Думу, привлечь теперь же къ участію въ Думѣ въ мѣрѣ возможности, соотвѣтствующей краткости остающагося до созыва Думы срока, тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставивъ засимъ дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку.

3) Установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы, и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій постановленныхъ отъ насъ властей».

Въ тотъ же день Государемъ Императоромъ начертано было повелѣніе: «принять къ руководству» на всеподданѣйшемъ докладѣ статсъ-секретаря графа Витте о порядкѣ выполненія правительствомъ указаній монарха, въ связи съ соображеніями о современномъ состояніи Россіи. Въ докладѣ этомъ, между прочимъ, совершенно вѣрно было отмѣчено, что «волненіе, охватившее разнообразные слои русскаго общества, не можетъ быть разсматриваемо, какъ слѣдствіе частичныхъ несовершенствъ государственнаго и соціальнаго устроенія, или только какъ результатъ организованныхъ дѣйствій крайнихъ партій. Корни этого волненія несомнѣнно лежатъ глубже. Они—въ нарушенномъ равновѣсіи между идейными стремленіями русскаго мыслящаго общества и внѣшними формами его жизни. Россія переросла форму существующаго строя. Она стремится къ строю правовому на основѣ гражданской свободы».

Содержаніе Манифеста 17 октября и сопутствовавшаго ему Высочайше одобреннаго всеподданнѣйшаго доклада предсѣдателя совѣта министровъ указывали на

намѣреніе верховной власти преобразовать строй Россіи на началахъ правоваго государства. Такъ какъ неограниченный доселѣ монархъ предписываетъ установленному Имъ «правительству» выполненіе «непреклонной» Его воли—даровать населенію «незыблемыя основы гражданской свободы», далѣе установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія народнаго представительства и обезпечить дѣйствительный надзоръ надъ закономѣрностью дѣйствій власти,—установленіе такого порядка несомнѣнно означало бы введеніе въ Россіи не только представительнаго, но и конституціоннаго образа правленія, превращеніе Россіи изъ монархіи неограниченной въ монархію ограниченную, конституціонную. Совершено ли было это превращеніе самимъ манифестомъ 17 октября 1905г .? Можно ли, именно, разсматривать Манифестъ 17 октября, какъ юридическій актъ, устанавливающій въ силу своего появленія de jure конституціонный строй Россіи?

Утвердительное рѣшеніе вопроса, т. е. что уже съ момента изданія Манифеста 17 октября Россія юридически перешла къ конституціонному строю, явилось весьма распространеннымъ въ обществѣ, какъ соотвѣтствующее его напряженнымъ ожиданіямъ, несмотря на то, что самая редакція Манифеста давала весьма серьезныя основанія къ сомнѣнію въ этомъ. Сторонники этого мнѣнія [1]) утверждаютъ, что Манифестъ 17 октября является законодательнымъ актомъ, вводящимъ конституціонное начало въ наше государственное право, такъ какъ въ немъ (пунктъ 3 Манифеста) выражена *«непреклонная воля» самодержца* установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія народнаго представительства.

«Непреклонная воля Самодержца», замѣчаетъ В. М. Гессенъ, есть законъ; выполненіе этого закона, воз-

[1]) См. напр. *П. Б. Струве* въ «Полярной Звѣздѣ» 1905 г. № 3; *В. Нечаевъ:* въ «Полярной Звѣздѣ» № 4 и 5 въ ст. «Манифестъ 17 окт. и форма правленія»; *В. М. Гессенъ,* «Полярн. Звѣзда», 1906 г. № 9, ст. «Самодержавіе и Манифестъ 17 октября».

ложенное на правительство, для послѣдняго обязательно. Другими словами, правительство обязано принять мѣры къ созыву Государственной Думы и воздержаться отъ проектированія, впредь до такого созыва, какихъ бы то ни было законодательныхъ мѣропріятій» [1]).

По мнѣнію г. Нечаева «возложеніе Манифестомъ 17 октября на обязанность правительства выполненія непреклонной воли монарха, выраженной въ п. 1, 2 и 3 Манифеста является не простымъ приказомъ въ области верховнаго управленія, опредѣляющимъ политику правительства на почвѣ дѣйствующихъ законовъ, но законодательнымъ актомъ». Манифестъ «устанавливаетъ, слѣдовательно, законодательные принципы, а не основы политики», содержитъ повелѣніе Совѣту министровъ изготовить новые законы на принципахъ, здѣсь указанныхъ [2]). Въ Манифестѣ 17 октября, поясняетъ далѣе г. Нечаевъ, «Царь отказывается отъ рѣшающаго голоса въ законодательствѣ». «Повелѣніе, обращенное въ Манифестѣ къ Совѣту министровъ, имѣетъ только одинъ смыслъ—возложенія на него обязанности озаботиться внесеніемъ этого правила въ Сводъ Законовъ и соотвѣтстствующаго измѣненія въ Учрежденіе Думы». «Такимъ образомъ постановленіе Манифеста 17 октября—законъ, долженствующій быть внесеннымъ въ сводъ законовъ. Въ какую часть? Очевидно, что въ основные законы» [3]).

Не подлежитъ, конечно, ни малѣйшему сомнѣнію, что Манифестъ неограниченнаго Монарха, въ которомъ онъ установилъ обязательныя нормы, есть законодательный актъ, выраженный притомъ въ наиболѣе важной и торжественной формѣ законодательства, принятой въ Россіи.

Но вопросъ именно въ томъ, въ чемъ состоялъ этотъ законодательный актъ. Превращалъ ли онъ уже учрежденную 6 августа 1905 г. законосовѣщательную Государственную Думу въ законодательную съ самого момента изданія Манифеста 17 октября, или то былъ актъ

---

[1]) *В. М. Гессенъ:* назв. ст. въ «Полярной Звѣздѣ» 1906 г., № 9, стр. 633.
[2]) *Нечаевъ:* назв. ст. въ «Полярной Звѣздѣ», 1906 г., № 5, стр. 369.
[3]) *Нечаевъ:* назв. ст. въ «Полярной Звѣздѣ» 1906 г., № 4, ст. 293—294.

монарха, которымъ въ виду важности предвозвѣщенной реформы и всенароднаго ея значенія, предписывалось въ формѣ торжественнаго закона правительству, подчиненному монарху,—преобразуемому Совѣту Министровъ разработать и представить къ санкціи Монарха новое учрежденіе Государственной Думы съ указанными болѣе широкими полномочіями въ дѣлахъ законодательства, не ограничивая однако, впредь до созданія соотвѣтственнаго новаго учрежденія Думы, ни въ чемъ законодательныя и учредительныя полномочія неограниченнаго монарха? Текстъ Манифеста 17 октября редактированъ такъ, что даетъ, по нашему мнѣнію, основаніе лишь къ послѣднему рѣшенію вопроса.

Въ Манифестѣ 17 октября 1905 г. не содержится того яснаго и категорическаго установленія новыхъ законодательныхъ нормъ, съ самаго момента ихъ обнародованія юридически преобразующихъ государственный строй на конституціонныхъ началахъ и учреждающихъ народное представительство съ рѣшающимъ участіемъ въ законодательной функціи.

Въ этомъ отношеніи небезинтересно сопоставить Манифестъ 17 октября съ актами западноевропейскихъ монарховъ, октроирующими конституціи.

Именно, если обратить вниманіе на эти акты западноевропейскихъ монарховъ, то нельзя не видѣть, что ими съ полной для всѣхъ очевидностью непосредственно устанавливались новыя законодательныя нормы, ограничивавшія власть монарха, надѣлявшія народное представительство законодательными полномочіями и устанавливавшія вообще то, что называется на государственно правовомъ языкѣ «конституціей», независимо отъ того именовали-ли монархи сами такіе законы «конституціей», что, впрочемъ, и дѣлалось ими. Вотъ, напримѣръ, заключительныя слова акта короля Баварскаго, дарующаго конституцію 26 мая 1818 года:

«Баварцы!—Таковы основы дарованной вамъ нашимъ свободнымъ произволеніемъ конституціи, вы должны видѣть въ нихъ правила, руководящія королемъ, который находитъ счастье своего сердца и славу своего трона въ счастьи отечества и въ любви своего народа!

Объявляемъ поэтому слѣдующія постановленія, составляющія конституцію Баварскаго Королевства»,—слѣдуютъ конституціонные законы.

Конституціонный актъ Великаго Герцогства Баденскаго 22 августа 1818 г. гласитъ въ заключительныхъ словахъ монарха: «Мы даровали нижеслѣдующій конституціонный актъ и торжественно обѣщаемъ за насъ и за нашихъ наслѣдниковъ вѣрно и по совѣсти исполнять его и принуждать къ исполненію другихъ»,—слѣдуютъ конституціонные законы.

Конституціонный актъ Прусскаго Государства 31-го января 1850 года. «Мы Фридрихъ Вильгельмъ, Божіей милостью Король Прусскій, и т. д. объявляемъ и даемъ знать, что подвергнувъ пересмотру обнародованную нами 5-го декабря 1848 года и признанную обѣими палатами, конституцію Прусскаго Королевства..., Мы окончательно утвердили въ согласіи съ обѣими палатами настоящую конституцію. Мы провозглашаемъ ее основнымъ государственнымъ закономъ, какъ слѣдуетъ ниже». Слѣдуютъ затѣмъ конституціонные законы.

При обнародованіи Основного Статута Итальянскаго, прежде Сардинскаго Королевства 4 марта 1848 года монархъ возвѣщаетъ: «Карлъ Альбертъ, Божьей милостью Король Сардиніи, Кипра и Іерусалима и т. д. и т. д... Мы рѣшили утвердить и обнародовать этотъ статутъ, въ увѣренности, что Богъ благословитъ наши чистыя намѣренія, и что народъ свободный, сильный и счастливый будетъ являть себя все болѣе и болѣе достойнымъ своей древней славы и съумѣетъ заслужить славное будущее. Посему, съ полнымъ сознаніемъ, нашею королевскою властью, съ согласія нашего совѣта, мы утвердили и утверждаемъ силу основного статута и законовъ монархіи, на вѣчныя времена и ненарушимо, какъ слѣдуетъ ниже» [1]). Слѣдуютъ конституціонные законы.

Обратимся теперь къ Манифесту 17-го октября.

---

[1]) См. конституціонные акты Баваріи, Бадена, Пруссіи и Италіи въ Сборникѣ «Современныя Конституціи» т. I, 1905 года, перев. подъ ред. Гессена и Нольде.

Непосредственно вслѣдъ за словами Государя Императора: «Мы, для успѣшнѣйшаго выполненія общихъ преднамѣчаемыхъ нами къ умиротворенію государственной жизни мѣръ, признали необходимымъ объединить дѣятельность высшаго Правительства»—говорится: «На обязанность Правительства возлагаемъ Мы выполненіе непреклонной нашей воли: 1) *Даровать* населенію незыблемыя основы гражданской свободы... п. 2... и п. 3. Установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы ..»

Итакъ, содержаніе императивной части Манифеста, закона, касающагося реформы въ конституціонномъ направленіи государственнаго строя, сводится къ предписанію правительству, каковымъ должно понимать здѣсь Совѣтъ министровъ, «даровать» и «установить», т. е. выработать и предоставить къ санкціи монарха основные законы [1]) на указанныхъ монархомъ принципахъ гражданскихъ свободъ, расширенія избирательнаго права и законодательныхъ полномочій Думы и дѣйствительнаго надзора ея за закономѣрностью дѣйствій подчиненныхъ монарху властей. Лишь эти въ Манифестѣ предуказанные монархомъ законы, будучи выработаны и изданы, измѣнили бы существующій государственный порядокъ и должны были быть внесены въ сводъ основныхъ законовъ Имперіи, а не самыя положенія Манифеста 17 октября [2]); и правительство не только не было обязано воздержаться до созыва Думы отъ проэктированія какихъ либо законодательныхъ мѣропріятій [3]), но, напротивъ, въ силу Манифеста 17 октября именно *обязано* было выполнить «непреклонную волю» монарха—обратиться къ указаннымъ имъ мѣро-

---

[1]) См. также соотвѣтствующую часть одновременно съ изданіемъ Манифеста Высочайше одобреннаго «къ руководству» всеподданнѣйшаго доклада предсѣдателя совѣта Министровъ, графа Витте: «Слѣдующей задачей правительства является установленіе такихъ учрежденій и такихъ законодательныхъ нормъ, которыя соотвѣтствовали бы выснившейся политической идеѣ большинства русскаго общества и давали положительную гарантію въ неотъемлемости дарованныхъ благъ гражданской свободы. Задача эта сводится къ устроенію правового порядка»...

[2]) Послѣднее утверждалъ, какъ мы видѣли, въ своей статьѣ г. Нечаевъ.

[3]) Какъ это полагаетъ В. М. Гессенъ въ своей вышеуказанной статьѣ.

пріятіямъ для преобразованія нашего государственнаго строя, т. е. выработать и представить на утвержденіе Государя Императора необходимые для этого законопроэкты. Для населенія же манифестъ былъ торжественнымъ обращеніемъ къ нему и объявленіемъ монархомъ тѣхъ началъ, на которыхъ будетъ реформированъ государственный строй Россіи и гарантію осуществленія которыхъ оно должно было усматривать въ «непреклонной волѣ монарха». До вступленія же въ силу этихъ, торжественнымъ актомъ монарха возвѣщенныхъ, законовъ, до осуществленія предуказанныхъ реформъ, Монархъ оставался неограниченнымъ самодержцемъ; Манифестъ 17 октября не предполагалъ поэтому пріостановки законодательной дѣятельности до организаціи и созыва законодательной Думы, какъ это и видно и изъ послѣдующей законодательной дѣятельности монарха.

Если можно говорить о какомъ либо ограниченіи монарха послѣ Манифеста 17 октября 1905 г., то отнюдь не о юридическомъ ограниченіи законами, стоящими формально выше его воли и надѣляющими совмѣстно съ монархомъ и народное представительство законодательными полномочіями, а лишь о моральной обязанности монарха осуществить торжественно возвѣщенную имъ народу въ Манифестѣ реформу. Въ морально-политическомъ отношеніи Манифестъ 17 октября есть актъ величайшей важности, но съ формально юридической стороны онъ не ввелъ никакихъ существенныхъ измѣненій въ дѣйствующее въ этотъ моментъ государственное право Россіи, предуказавъ лишь путь, по которому должна была итти реформа.

И послѣ Манифеста 17 октября монархъ одинъ сосредоточивалъ во всей полнотѣ законодательную власть [1]. Нельзя признать поэтому правильнымъ мнѣніе, что акты, издаваемые до созыва Думы правительствомъ, могли имѣть лишь характеръ «временныхъ правилъ, не будучи закономъ впредь до одобренія ихъ впослѣдствіи Государственной Думой. Это послѣднее

[1]) См. именно *Н. И. Лазаревскій:* «Лекціи по русскому государственному праву» 1908 г., т. I, ст. 115 и сл.

мнѣніе было высказано г. Гессеномъ. «Съ юридической точки зрѣнія «законы», издаваемые правительствомъ, писалъ г. Гессенъ, имѣютъ такое же значеніе, какое присуще, по нѣкоторымъ конституціямъ, такъ называемыхъ «временнымъ законамъ», издаваемымъ въ исключительныхъ случаяхъ правительствомъ во время перерыва между сессіями парламента.

Такіе законы, во всякомъ случаѣ, не стоятъ въ противорѣчіи съ принципомъ ограниченности монархической власти (ссылка на ст. 25 датской конституціи 1849—1866 г.) [1]). Но г. Лазаревскій справедливо указываетъ, что такое полномочіе монарха издавать «чрезвычайные указы» существуетъ лишь въ тѣхъ конституціонныхъ государствахъ, гдѣ оно прямо предоставлено монарху конституціей. Это не общее правило, а исключеніе, которое должно быть установлено въ законѣ, иначе этого полномочія у монарха нѣтъ.

Наши же законы такого правила не содержали, и такимъ образомъ точка зрѣнія чрезвычайныхъ указовъ должна быть оставлена; эти законы, изданные въ промежуткахъ между Манифестомъ 17 октября и созывомъ Думы, или имѣютъ силу законовъ обыкновенныхъ, изданныхъ подлежащею законодательною властью, или же вовсе силы закона не имѣютъ, и являются актами насилія, актами юридически недѣйствительными» [2]). Но г. Лазаревскій, правильно утверждая, что и послѣ Манифеста 17 октября Государь оставался монархомъ неограниченнымъ, ошибается, когда затѣмъ утверждаетъ: «Но для того, чтобы эта власть оказалась ограниченною... ни въ какомъ новомъ, дополнительномъ законодательномъ актѣ нужды не было, ибо, если бы Государь послѣ созыва первой Думы продолжалъ законодательствовать помимо нея, или если бы онъ создалъ въ видѣ закона актъ, не одобренный Государственною Думою, то это было бы явнымъ и несомнѣннымъ нарушеніемъ Манифеста 17 октября». Такимъ образомъ,

---

[1]) *В. М. Гессенъ*: «Самодержавіе и Манифестъ 17 октября». «Полярн. Звѣзда» 1906 г., № 9, ст. 632.

[2]) *Лазаревскій*: Назв. соч. стр. 116.

продолжаетъ г. Лазаревскій, изъ смысла самого Манифеста вытекаетъ, что онъ не создалъ перехода отъ самодержавія къ ограниченной монархіи, но что этотъ переходъ былъ, такъ сказать, предрѣшенъ Манифестомъ и находился въ зависимости отъ созыва Думы, т. е. отъ наступленія извѣстнаго фактическаго условія.

Это пониманіе Манифеста 17 октября по мнѣнію г. Лазаревскаго признано и оффиціальнымъ путемъ: въ манифестѣ 20 февраля 1906 г. объ измѣненіи учрежденія Государственнаго Совѣта и о пересмотрѣ учрежденія Государственной Думы, въ которомъ прямо сказано: «Мы постановляемъ впредь общимъ правиломъ, что со времени созыва Государственнаго Совѣта и Государственной Думы законъ не можетъ воспріять своей силы безъ одобренія Совѣта и Думы» [1]).

Но именно акты 20 февраля 1906 г. и являются тѣми «новыми, дополнительными законодательными актами», къ Манифесту 17 октября, въ силу которыхъ Государственная Дума перестала быть законосовѣщательнымъ органомъ и пріобщена была съ Государственнымъ Совѣтомъ къ совмѣстному съ монархомъ осуществленію законодательной функціи и лишь въ Манифестѣ 20 февраля былъ указанъ начальный срокъ примѣненія этого новаго порядка: этотъ порядокъ долженъ былъ вступить въ силу «со времени созыва Государственнаго Совѣта и Государственной Думы». Манифестъ же 17-го октября не только непосредственно не создалъ перехода отъ самодержавія къ ограниченной монархіи, но и предрѣшенный манифестомъ этотъ переходъ вовсе не былъ поставленъ, какъ это думаетъ г. Лазаревскій, въ зависимость отъ созыва Думы, какъ отъ наступленія извѣстнаго фактическаго условія.

Въ Манифестѣ о такомъ условіи или срокѣ не сказано ни слова, въ виду того, надо полагать, соображенія, что имѣли именно въ виду опредѣлить это точно въ послѣдующихъ законодательныхъ актахъ, учреждающихъ новый государственный порядокъ, предвозвѣщенный Манифестомъ 17 октября. Эти акты и послѣдовали въ

---

[1]) *Лазаревскій:* Назв. соч. стр. 117.

осуществленіе Манифеста 17 октября, за исключеніемъ пункта этого Манифеста, возлагавшаго «на обязанность правительства» дарованіе населенію *незыблемыхъ основъ* гражданской свободы на началахъ *дѣйствительной* неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ. Положеніе было даже много ухудшено крайнимъ расширеніемъ различныхъ исключительныхъ положеній.

Не выполнена до сихъ поръ и вторая половина п. III Манифеста 17 октября объ обезпеченіи выборнымъ отъ народа возможности «дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій» поставленныхъ отъ монарха властей, такъ какъ этотъ надзоръ, предоставленный народному представительству послѣдующими узаконеніями, далеко не можетъ быть названъ «дѣйствительнымъ».

Въ осуществленіе предуказанныхъ Манифестомъ 17 октября началъ прежде всего послѣдовало Высочайшее повелѣніе Предсѣдателю Совѣта Министровъ принять мѣры къ объединенію дѣятельности министровъ впредь до утвержденія законопроекта о Совѣтѣ Министровъ [1]), а 19 октября 1905 г. послѣдовалъ Именной Высочайшій указъ «о мѣрахъ къ укрѣпленію единства въ дѣятельности министерствъ и главныхъ управленій».

Далѣе 11 декабря 1905 года изданъ именной Высочайшій указъ объ измѣненіи положенія о выборахъ въ Государственную Думу и, наконецъ Манифестомъ 20 февраля 1906 г. возвѣщено о преобразованіи на основаніяхъ, указанныхъ въ этомъ же Манифестѣ, учрежденія Государственной Думы и измѣненіи учрежденія Государственнаго Совѣта, и одновременно обнародованы Именной Высочайшій указъ 20 февраля 1906 г. объ учрежденіи Государственной (законодательной) Думы и Высочайшій указъ о переустройствѣ учрежденія Государственнаго Совѣта. Въ Манифестѣ 20 февраля 1906 г. содержится, между прочимъ, слѣдующее аутентическое истолкованіе акта 17 октября 1905 г.; «Манифестомъ 6 августа 1905 года Мы возвѣстили о созывѣ Госу-

---

[1]) Напечатано въ «Правит. Вѣстникѣ» № 222, 18 октября 1908 г.

дарственной Думы изъ выборныхъ отъ населенie, утвердивъ того же числа ея учрежденie. Манифестомъ 17-го октября минувшаго года Мы предоставили Государственной Думѣ новыя въ дѣлахъ законодательства полномочiя. Съ тѣмъ вмѣстѣ нами одобрено предположенie о переустройствѣ Государственнаго Совѣта на началахъ виднаго участiя въ немъ выборныхъ отъ населенiя».

Изъ приведенныхъ словъ: «Манифестомъ 17 октября 1905 года Мы предоставили Государственной Думѣ новыя въ дѣлахъ законодательства полномочiя»... можно было бы заключить, что, по мнѣнiю самого законодателя, Государственная Дума еще 17 октября 1905 г. превращена въ законодательное учрежденie, но смыслъ этихъ словъ раскрывается непосредственно затѣмъ слѣдующимъ за вышеприведеннымъ текстомъ манифеста текстомъ его: «Исполняя таковое намѣренie Наше, Мы повелѣли выработать необходимыя вслѣдствie того въ учрежденiи Государственнаго Совѣта измѣненiя, а также подвергнуть пересмотру учрежденie Государственной Думы для согласованiя его съ началами, 17-го октября прошлаго года Нами провозглашенными. Трудъ сей нынѣ исполненъ. . Сохраняя незыблемымъ коренное положенie Основныхъ Государственныхъ Законовъ, на основанiи коего никакой законъ не можетъ имѣть своего совершенiя безъ нашего утвержденiя, Мы постановляемъ впредь общимъ правиломъ, что со времени созыва Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, законъ не можетъ воспрiять силы безъ «одобренiя Совѣта и Думы» [1]).

Здѣсь говорится, такимъ образомъ, о положенiяхъ, провозглашенныхъ въ Манифестѣ 17 октября лишь какъ о «намѣренiи» монарха и положенiя эти именуются «нами провозглашенными началами», согласно съ которыми должны быть измѣнены существующiе законы, т. е., пересмотрѣно учрежденie Государственной Думы.

[1]) Достойно замѣчанiя, между прочимъ, что тутъ уже, кромѣ добавленiя «одобренiя» Государственнаго Совѣта, не говорится, какъ въ Манифестѣ 17 октября, чтобы «*никакой* законъ не могъ воспрiять силу безъ одобренiя Думы». Дѣйствительно Основными Законами создана въ «Учрежденiи о Императорской Фамилiи» категорiя законовъ, издаваемыхъ и измѣняемыхъ единолично Монархомъ.

Поэтому монархъ и продолжалъ законодательствовать единолично, не ожидая созыва Думы. И лишь въ Манифестѣ 20 февраля 1906 г. формулируется законъ, изданіе котораго было предуказано въ п. 3 Манифеста 17 октября, но съ дарованіемъ уже соотвѣтствующихъ полномочій и Государственному Совѣту: «Законодательныя предположенія, не принятыя Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою, признаются отклоненными». И въ обнародованномъ учрежденіи Государственной Думы 20 февраля 1906 г. въ ст. 31 установлено, что вѣдѣнію Государственной Думы подлежатъ предметы, требующіе изданія законовъ, а въ ст. 50 сказано: «законопроекты, не принятые Государственною Думою или Государственнымъ Совѣтомъ, признаются отклоненными».

Итакъ лишь законодательствомъ 20 февраля 1906 г. юридически преобразована Государственная Дума и установлено въ Россіи народное представительство съ рѣшающимъ голосомъ въ законодательной функціи, но законъ о такой роли нашихъ законодательныхъ учрежденій Думы и Государственнаго Совѣта опять таки долженъ былъ примѣняться по указанію Манифеста 20 февраля 1906 г. не тотчасъ, а лишь «со времени созыва Государственнаго Совѣта и Государственной Думы». Срокъ созыва послѣдней назначенъ былъ Высочайшимъ указомъ 12 февраля 1906 г. на 27 апрѣля 1906 г. и на этотъ же день назначенъ Высочайшимъ указомъ 20 апрѣля 1906 г. и срокъ созыва Государственнаго Совѣта. Слѣдовательно, 27 апрѣля 1906 г. вступило въ Русской Имперіи въ дѣйствіе конституціонное начало совмѣстнаго осуществленія законодательной функціи монархомъ и народнымъ представительствомъ и русское народное представительство стало органомъ законодательнымъ, а не законосовѣщательнымъ только. Эта дата и есть юридическій моментъ того коренного преобразованія государственнаго права Россіи, которое въ самомъ Манифестѣ 20 февраля 1906 года было названо: «великое преобразованіе въ государственномъ строѣ дорогого отечества», и монархъ призывалъ на него «благословеніе Божіе». Но существенныя

реформы нашего государственнаго строя, касающіяся государственныхъ учрежденій Россіи и самыхъ основъ русскаго государственнаго права продолжались и послѣ 20-го февраля 1906 года.

При именномъ Высочайшемъ указѣ 8 марта 1906 г. обнародованы были «Правила о порядкѣ разсмотрѣнія росписи доходовъ и расходовъ, а равно о производствѣ изъ казны расходовъ, росписью не предусмотрѣнныхъ».

Правилами этими были подробно опредѣлены, но до крайности ограничены права, предоставленныя нашимъ законодательнымъ палатамъ въ столь важной финансовой и бюджетной области. 23-го апрѣля 1906 г. упраздняется Именнымъ Высочайшимъ Указомъ, сыгравшій столь крупную роль въ исторіи нашего стараго государственнаго режима, Комитетъ Министровъ вмѣстѣ съ Соединеннымъ Присутствіемъ его и Департамента Государственной экономіи Государственнаго Совѣта. Дѣла, входившія въ компетенцію этихъ учрежденій, должны направляться впредь соотвѣтственно роду дѣлъ въ общемъ законодательномъ порядкѣ, другія—въ департаменты Государственнаго Совѣта и Особое Присутствіе по дѣламъ о принудительномъ отчужденіи недвижимыхъ имуществъ, въ Сенатъ, Совѣтъ министровъ, и нѣкоторыя дѣла разрѣшаться въ порядкѣ всеподданнѣйшихъ докладовъ отдѣльныхъ министровъ.

24 апрѣля 1906 г. Высочайше утверждено и обнародовано Новое Учрежденіе Государственнаго Совѣта, а 23-го апрѣля 1906 г. изданъ при именномъ Высочайшемъ Указѣ законодательный актъ чрезвычайной важности—новые «Основные Государственные Законы» Россійской Имперіи, опредѣлившіе въ соотвѣтствіи съ происшедшими преобразованіями иначе, нежели прежніе Основные Законы, правовые устои нашего государственнаго строя.

ЧАСТЬ III.

«Основные Государственные Законы» 23-го апрѣля явились своеобразной конституціонной хартіей, октроированной неограниченнымъ монархомъ. Именной Вы-

сочайшій Указъ 23-го апрѣля 1906 года, сопровождавшій изданіе Основныхъ Законовъ, гласилъ: «Манифестомъ 17 октября 1905 г. Мы возвѣстили объ осуществленіи Нами законодательной власти въ единеніи съ представителями народа и о дарованіи населенію незыблемыхъ основъ гражданской свободы.

Установивъ новые пути, по которымъ будетъ проявляться Самодержавная власть Всероссійскихъ монарховъ въ дѣлахъ законодательства, Мы утвердили Манифестомъ 20 февраля сего года порядокъ участія выборныхъ въ сихъ дѣлахъ и опредѣлили временными правилами условія пользованія населеніемъ гражданскою свободою. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ видахъ укрѣпленія основъ обновляемаго государственнаго строя, Мы повелѣли свести во едино постановленія, имѣющія значеніе Основныхъ Государственныхъ Законовъ, подлежащихъ измѣненію лишь по почину Нашему и дополнить ихъ положеніями, точнѣе разграничивающими область принадлежащей Намъ нераздѣльно власти верховнаго государственнаго управленія отъ власти законодательной.

Начертанные на сихъ основаніяхъ, по предуказаніямъ Нашимъ, Основные Государственные Законы, Мы признали за благо утвердить и препровождаемъ въ Правительствующій Сенатъ для обнародованія ихъ установленнымъ порядкомъ»...

Въ приведенномъ Высочайшемъ Указѣ существенное юридическое значеніе имѣютъ слѣдующія его положенія относительно Основныхъ Законовъ: 1) Основные Законы закрѣпляютъ основы обновляемаго государственнаго строя;

2) ими сводятся во едино законодательныя постановленія, имѣющія наиболѣе важное по существу своему государственноправовое значеніе (Основныхъ Законовъ) и получающія нынѣ въ отличіе отъ старыхъ Основныхъ Законовъ и формальное отличіе отъ прочихъ законовъ, такъ какъ лишь они подлежатъ измѣненію исключительно по инціативѣ Монарха;

3) эти постановленія дополняются нормами, точнѣе разграничивающими власть верховнаго управленія, которая объявляется нераздѣльно принадлежащей Монарху—

отъ власти законодательной, которую онъ раздѣляетъ вмѣстѣ съ учрежденными законодательными палатами.

Такимъ образомъ, вновь подтверждается воспринятое въ нашъ государственный строй начало конституціонной монархіи, что законъ есть норма, установленная монархомъ «въ единеніи», совмѣстно съ народнымъ представительствомъ; согласіе народнаго представительства есть юридически необходимый моментъ въ процессѣ законодательства.

Во всей полнотѣ монархъ оставилъ за собой лишь «власть верховнаго управленія», во «власти законодательной» же съ монархомъ необходимо соучаствуютъ Государственная Дума и Государственный Совѣтъ.

Обратимся теперь къ опредѣленію общаго характера нашихъ «Основныхъ Государственныхъ Законовъ» и устанавливаемой ими формы правленія.

Законы эти внесены были въ часть I, тома I, Свода Законовъ Россійской Имперіи изд. 1906 г.

Мы будемъ цитировать ихъ по этому сборнику законовъ.

Прежде всего необходимо отмѣтить, что наши «Основные законы» имѣютъ весьма своеобразный характеръ и состоятъ изъ законовъ двухъ различныхъ порядковъ, какъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ и формальномъ. Законы перваго порядка имѣютъ общій характеръ, такъ какъ опредѣляютъ основы нашего государственнаго строя, верховную власть и важнѣйшія государственно правовыя отношенія высшихъ органовъ, власти и гражданъ, (послѣднихъ дѣйствующіе основные законы продолжаютъ, неукоснительно называть лишь «подданными» несмотря на предвозвѣщенное дарованіе «незыблемыхъ основъ гражданской свободы»).

Законы эти изложены въ раздѣлахъ 1, ч. I, т. I, Свода Законовъ, изд. 1906 г. [1]) и обнимаютъ собой Введеніе (статья 1—о единствѣ и нераздѣльности Государства Россійскаго, ст. 2—о положеніи Великаго Княжества Финляндскаго въ составѣ Государства Россійскаго, и ст. 3—о русскомъ языкѣ какъ общегосударственномъ);

---

[1]) Ст. вт. 1—125.

далѣе идетъ глава I—о существѣ Верховной Самодержавной Власти; глава II-я—о порядкѣ наслѣдія престола; глава III-я—о совершеннолѣтіи Государя Императора, о правительствѣ и опекѣ; глава IV—о вступленіи на престолъ и о присягѣ подданства; глава V—о священномъ короновании и мvропомазаніи; глава VI—о титулѣ Его Императорскаго Величества и о Государственномъ гербѣ; глава VII—о вѣрѣ; глава VIII—о правахъ и обязанностяхъ россійскихъ подданныхъ; глава IX—о законахъ; глава X—о Государственномъ Совѣтѣ и Государственной Думѣ и образѣ ихъ дѣйствій; глава XI—о Совѣтѣ Министровъ, Министрахъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями.

Затѣмъ идутъ законы другого порядка, имѣющіе спеціальный характеръ, именно «Учрежденіе о Императорской Фамиліи» [1]). Они изложены въ раздѣлѣ второмъ 1 части 1 го тома Свода Законовъ изд. 1906 г. и касаются состава Императорской Фамиліи, юридическаго положенія членовъ Императорскаго дома, ихъ правъ и преимуществъ и обязанностей по отношенію къ Императору.

Въ формальномъ отношеніи эти два порядка законовъ существенно отличаются другъ отъ друга въ отношеніи формъ ихъ измѣненія и дополненія.

Въ то время, какъ основные законы общіе, какъ мы ихъ называемъ, изложенные въ раздѣлѣ I л. I т. I Свода Законовъ, могутъ быть измѣняемы и дополняемы лишь въ общемъ законодательномъ порядкѣ, т. е, монарха «въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою» [2]) съ тѣмъ лишь существеннымъ отличіемъ отъ законовъ неосновныхъ или обыкновенныхъ, что въ силу 8 ст. Осн. Законовъ «единственно по почину» Государя Императора Основные Государственные Законы могутъ подлежать пересмотру въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ, спеціальные, какъ мы ихъ называемъ, основные законы «Учрежденіе о Императорской фамиліи (ст. 126—223

---

[1]) См. ст. 125—223 включительно.
[2]) Ст. 7 Осн. Зак.

и примѣненія II—IV и VI), сохраняя силу Законовъ Основныхъ, можетъ быть измѣняемо и дополняемо только лично Государемъ Императоромъ въ предуказываемомъ Имъ порядкѣ, если измѣненія сего Учрежденія не касаются законовъ общихъ и не вызываютъ новаго изъ казны расхода».

Такимъ образомъ, въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ Законовъ, всѣ узаконенія, обнимаемыя «Учрежденіемъ о Императорской Фамиліи», представляютъ собой совершенно особую часть законодательства, въ отношеніи которой монархъ сохранилъ всѣ полномочія неограниченнаго самодержавца, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда измѣненія или дополненія этихъ спеціальныхъ законовъ требовали бы въ чемъ-либо измѣненія и дополненія законовъ общихъ или же вызывали бы новый расходъ изъ казны. И даже если бы монарху угодно было передать про критикуемыя имъ измѣненія, за исключеніемъ двухъ упомянутыхъ выше изъятій, Учрежденія о Императорской Фамиліи на предварительное обсужденіе законодательныхъ палатъ, то и въ такомъ случаѣ голосъ палатъ могъ быть для него лишь, по смыслу закона, чисто совѣщательнымъ, имѣлъ бы характеръ простыхъ предположеній, отличныхъ отъ прочихъ «законодательныхъ предположеній» [1]) такъ, какъ въ силу 125 ст. Осн. Законовъ законы эти могутъ быть измѣняемы и дополняемы «*только лично Государемъ Императоромъ*, развѣ бы монархомъ была измѣнена сама 125 ст. въ смыслѣ сравненія «Учрежденія о Императорской Фамиліи» съ прочими основными законами въ порядкѣ ихъ изданія и пересмотра.

И въ матеріальномъ отношеніи этотъ отдѣлъ нашихъ «Основныхъ Законовъ» Учрежденіе о Императорской Фамиліи», въ отличіе отъ другого отдѣла (общихъ основныхъ законовъ), не потерпѣлъ никакихъ измѣненій: статьи 82—179 ч. 1 т. 1 изд. 1891 съ приложеніями II—IV и VI цѣликомъ и дословно вошли и въ новые Основные Законы. Такимъ образомъ, дословно

---

[1]) Терминъ, употребляемый «Учрежденіями Думы и Государственнаго Совѣта».

повторена и ст. 178 старыхъ Основныхъ Законовъ Учрежденія о Императорской Фамиліи [1]), въ которой монархъ именовался ««неограниченнымъ Самодержцемъ»: «Царствующій Императоръ, яко неограниченный Самодержецъ, во всякомъ противномъ случаѣ имѣетъ власть отрѣшать неповинующагося отъ назначенныхъ въ семъ законѣ правъ и поступать съ нимъ яко преслушнымъ волѣ монаршей». Между тѣмъ въ общихъ Основныхъ Законахъ, соотвѣтственно тѣмъ измѣненіямъ, кои произошли въ полномочіяхъ монарха, терминъ «неограниченный» болѣе не встрѣчается даже при характеристикѣ существа власти Государя Императора.

И такъ, хотя за «Учрежденіемъ о Императорской Фамиліи», сохранена «сила Законовъ Основныхъ», тѣмъ не менѣе государственно-правовыя начала, на которыхъ базируется это Учрежденіе, совершенно отличны, (за исключеніемъ двухъ указанныхъ выше случаевъ) отъ началъ выраженныхъ въ прочихъ основныхъ законахъ. «Учрежденіе о Императорской Фамиліи» есть спеціальное законодательство, отнюдь не находящееся въ логической связи съ прочими основными завонами, и не могущее поэтому служить къ поясненію и если говорится, что за «Учрежденіемъ о Императорской Фамиліи» сохранена «сила Законовъ Основныхъ», то это совершенно не точное выраженіе, какъ это правильно указалъ г. Лазаревскій [2]), такъ какъ и всѣ прежніе наши Основные Законы, часть которыхъ составляло «Учрежденіе о Императорской Фамиліи», никакой особой формальной силы (исключая до нѣкоторой степени закона о престолонаслѣдіи) по сравненію съ обыкновенными законами не имѣли, а лишь теперь сообщена имъ особая формальная сила по сравненію съ законами обыкновенными и въ то же время «Учрежденіе о Императорской Фамиліи» формально отличено и отъ прочихъ Основныхъ Законовъ, въ смыслѣ забронированія его, не только въ отношеніи иниціативы пересмотра, но и въ отношеніи прочихъ за-

---

[1]) Въ дѣйствующихъ Осн. Закон. Учр. о Императорской Фамиліи ст. 222.
[2]) *Н. И. Лазаревскій*, назв. лекціи, стр. 123.

конодательныхъ полномочій палатъ исключительными законодательными полномочіями монарха. И въ нѣкоторыхъ монархическихъ государствахъ Западной Европы такъ называемые «династическіе законы» или «фамильные статуты» династіи (Hausgesetze), поскольку они цѣликомъ или частью не вошли въ конституціи, сохранили свою своеобразность, какъ особый видъ законовъ, или издаваемыхъ и измѣняемыхъ однимъ монархомъ [1]), или монархомъ съ участіемъ агнатовъ. Но это династическое законодательство остается въ силѣ лишь впредь до регулированія опредѣленнаго вопроса въ порядкѣ общаго государственнаго законодательства и не должно измѣнять общихъ законовъ [2]).

Но отличающая «Учрежденіе о Императорской Фамиліи» отъ западноевропейскихъ династическихъ фамильныхъ статутовъ, особенность заключается въ причисленіи «Учрежденія» къ числу «Основныхъ Государственныхъ Законовъ» и пока 125 ст. Осн. Зак. существуетъ, они могутъ быть измѣняемы и дополняемы лишь единолично монархомъ. Такимъ образомъ, Основные Законы Имперіи расчленены на два совершенно отличныхъ другъ отъ друга по своей юридической природѣ законодательства.

Все сказанное выше, какъ увидимъ, имѣетъ важное значеніе для истолкованія существа власти Государя Императора по опредѣленію Основныхъ Законовъ.

Обратимся теперь къ «общимъ» какъ мы ихъ назвали, основнымъ государственнымъ законамъ. Законы эти существенно отличаются, какъ мы уже говорили, отъ нашихъ прежнихъ Основныхъ Законовъ и не только тѣмъ, что въ силу происшедшихъ преобразованій нашего государственнаго строя, они во многомъ имѣютъ другое содержаніе, нежели старые Основные Законы, заключаютъ въ себѣ рядъ совершенно новыхъ нормъ,

---

[1]) По образцу Наполеоновскаго «Statut de famillie» 30 марта 1806 г.

[2]) Въ своемъ «Alldemeines Staatsrecht» I Th. 1909 г. стр. 60 *Prof. Hatschek* справедливо замѣчаетъ, что «даже въ Россіи не дѣйствуетъ правило «Hausrecht bricht Statsrecht», династическій статутъ долженъ согласоваться съ государственнымъ правопорядкомъ, такъ какъ «Учрежденіе о Императорской Фамиліи» не можетъ измѣняться единолично Монархомъ, если измѣненія касаются законовъ общихъ и вызываютъ новый изъ казны расходъ.

часть же нормъ старыхъ основныхъ законовъ измѣнена или вовсе исключена въ дѣйствующихъ Основныхъ Законахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ существенно измѣнился и самый юридическій характеръ нашихъ Основныхъ Законовъ, какъ и всѣхъ вообще законовъ Россійской Имперіи, на коихъ распространяется дѣйствіе началъ, выраженныхъ въ Основныхъ Законахъ. Наши прежніе законы въ томъ числѣ и основные, какъ мы уже говорили выше, были нормами, установленными неограниченнымъ монархомъ. Своею волею монархъ единолично могъ издавать, измѣнять и отмѣнять законы и актомъ монарха за собственноручнымъ подписаніемъ его изданнымъ могли быть изъятыми изъ дѣйствія общихъ законовъ любое дѣло или цѣлыя категоріи таковыхъ и дарованы привилегіи, изъемлющія отъ дѣйствія общихъ законовъ [1]).

Какъ мы уже говорили выше, идеологія абсолютной монархіи возвышаетъ главу государства надъ законами, законы его юридически не обязываютъ. Между тѣмъ въ дѣйствующихъ Основныхъ Законахъ, въ главѣ IX «О законахъ», выражены слѣдующія положенія: «Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ законовъ, изданныхъ въ установленномъ порядкѣ» (въ старыхъ же Основныхъ Законахъ (ст. 47): «Имперія Россійская управляется на первыхъ основаніяхъ Положительныхъ Законовъ, учрежденій и уставовъ, отъ Самодержавной Власти исходящихъ»). Въ ст. 7 Осн. дѣйствующихъ Законовъ, сказано, что «Государь Императоръ осуществляетъ законодательную власть въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою» и въ ст. 86 Осн. Зак. установлено, что «никакой новый законъ не можетъ послѣдовать безъ одобренія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы и воспріять силу безъ утвержденія Государя Императора».

Такимъ образомъ, какъ это и выражено въ Именномъ Высочайшемъ Указѣ 23-го апрѣля 1906 г. объ утвержденіи Основныхъ Государственныхъ Законовъ,

---

[1]) Ст. 66—72 Осн. Зак. изд. 1892 г.

основные законы дополнены «положеніями точнѣе разграничивающими» область принадлежащей монарху «нераздѣльно власти верховнаго государственнаго управленія отъ власти законодательной».

Послѣднюю Государь Императоръ раздѣляетъ съ Думою и Государственнымъ Совѣтомъ, или еще точнѣе говоря, монархъ раздѣляетъ съ Думою и Государственнымъ Совѣтомъ власть по установленію законодательныхъ правилъ по тѣмъ дѣламъ, кои указаны въ ст. 31 Учрежденія Государственной Думы т. I Св. Зак. ч. II изд. 1906 г., пунктахъ 1, 2, 3, 4, 5, 6 и примѣчаніи [1]), такъ какъ дѣла эти могутъ быть вершены монархомъ лишь въ законодательномъ порядкѣ, т. е., совмѣстно съ Государственной Думой и Государственнымъ Совѣтомъ. Правило о необходимомъ участіи палатъ въ разрѣшеніи указанныхъ дѣлъ терпитъ однако нѣкоторыя ограниченія въ бюджетной области, установленныя въ ст. 114—119 Основныхъ Законовъ и въ правилахъ 8-го марта 1906 года «о порядкѣ разсмотрѣнія государственной росписи доходовъ и расходовъ, а равно о производствѣ изъ казны расходовъ, росписью не предусмотрѣнныхъ» [2]). Эти ограниченія бюджетныхъ полномочій законодательныхъ органовъ касаются главнымъ образомъ законодательныхъ палатъ.

Мы говоримъ «главнымъ образомъ», такъ какъ эти ограниченія касаются въ огромномъ большинствѣ случаевъ бюджетныхъ полномочій лишь палатъ, но и монархъ, въ силу указанныхъ статей закона, не можетъ быть единоличнымъ распорядителемъ государственныхъ

---

[1]) Предметы, требующіе изданія законовъ и штатовъ, а также ихъ измѣненія, дополненія, пріостановленія дѣйствія и отмѣны; Государственная роспись доходовъ и расходовъ вмѣстѣ съ финансовыми смѣтами министровъ и Главныхъ Управленій, равно какъ денежныя изъ казны ассигнованія, ранѣе не предусмотрѣнныя—на основаніи установленныхъ правилъ; дѣла объ отчужденіи части государственныхъ доходовъ или имуществъ, требующихъ Высочайшаго соизволенія, дѣла о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ непосредственнымъ распоряженіемъ казны и за ея счетъ; смѣты и раскладки земскихъ повинностей въ мѣстностяхъ, въ которыхъ не введены земскія учрежденія, а также дѣла о повышеніи земскаго или городского обложенія противъ размѣра опредѣленными земскими собраніями и городскими думами.

[2]) Т. I ч. II Св. Зак. изд. 1906 г.

расходовъ [1]), поскольку это спеціально ему не предоставлено закономъ, въ опредѣленныхъ случаяхъ (наприм. статьями 115, 117—119 Осн. Зак.).

Далѣе въ силу 119 Осн. Зак. «если по заблаговременномъ внесеніи въ Государственную Думу предположеній о числѣ людей, потребныхъ для пополненія арміи и флота, законъ по сему предмету не будетъ въ установленномъ порядкѣ изданъ къ 1 мая, то указомъ Государя Императора призывается на военную службу необходимое число людей, не свыше однако, назначеннаго въ предшествующемъ году».

Но, независимо отъ указанныхъ ограниченій компетенціи законодательныхъ палатъ въ отношеніи предметовъ, которые по своему роду отнесены въ 31 ст. Учрежденія Государственной Думы къ компетенціи законодательныхъ учрежденій, дѣйствующіе Основные Законы въ главѣ IX «О законахъ» устанавливаютъ еще нѣсколько существенныхъ ограниченій.

Это именно, во первыхъ, установленное ст. 87 Осн. Зак. полномочіе монарха, при опредѣленныхъ въ этой статьѣ условіяхъ и съ извѣстными ограниченіями, по представленію Совѣта Министровъ издавать чрезвычайные указы съ временною силою закона. «Во время прекращенія занятій Государственной Думы, если чрезвычайныя обстоятельства вызовутъ необходимость въ такой мѣрѣ, которая требуетъ обсужденія въ порядкѣ законодательномъ, Совѣтъ Министровъ представляетъ о ней Государю Императору непосредственно. Мѣра эта не можетъ, однако, вносить измѣненій ни въ Основные Государственные Законы, ни въ Учрежденія Государственнаго Совѣта или Государственной Думы, ни въ постановленіе о выборахъ въ Совѣтъ или Думу.

Дѣйствіе такой мѣры прекращается, если надлежащимъ министромъ или Главноуправляющимъ отдѣльною частью не будетъ внесенъ въ Государственную Думу въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ послѣ возобновленія занятій Думы соотвѣтственный принятой мѣрѣ за-

---

[1]) Такъ въ силу 114 ст. Осн. Зак. и ст. 7 правилъ 8 марта 1906 года монархъ не можетъ сократить платежи по государственнымъ долгамъ.

конопроектъ, или его не примутъ Государственная Дума или Государственный Совѣтъ».

Эта статья, очевидно, имѣвшая своимъ образцомъ извѣстный § 14 Австрійскаго Конституціоннаго Закона 21 декабря 1867 г. [1]), уступаетъ даже своему австрійскому образцу, какъ въ опредѣленности и юридической точности выраженій, такъ и въ гарантіяхъ правильности ея примѣненія; это подтверждено уже и обширнымъ опытомъ примѣненія статьи 87 Осн Зак., не смотря на краткость времени, прошедшаго со дня изданія этой статьи [2]). Она дала право правительству путемъ чрезвычайныхъ указовъ широко вторгаться въ сферу, отмежеванную законодательству. При этомъ статью эту примѣняютъ, вопреки смыслу ея, не только въ періодъ прекращенія занятій Думы, т. е., въ междусессіонный періодъ, но и во время перерывовъ этихъ засѣданій. При этомъ вносятся столь глубокія и длящіяся послѣдствія въ той правовой сферѣ, которая регулируется закономъ, что законодательные органы при разсмотрѣніи затѣмъ внесеннаго правительствомъ законопроекта, соотвѣтствующаго принятой имъ въ порядкѣ 87 ст. мѣрѣ, вынуждены уже считаться съ происшедшими измѣненіями въ правовой сферѣ и стѣснены до крайности въ свободной оцѣнкѣ правильности предлагаемой мѣры и отказѣ въ соотвѣтствующемъ законѣ. Однако, все же статья 87 Осн. Зак. формально нисколько не является исключеніемъ изъ того коренного правила нашихъ «Основныхъ Законовъ», что никакой новый законъ, не можетъ послѣдовать безъ одобренія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы и безъ утвержденія Государя Императора (ст. 86) и что «Законъ не можетъ быть отмѣненъ иначе, какъ только силою закона. Посему доколѣ новымъ закономъ положительно не отмѣненъ законъ существующій, онъ сохраняетъ полную свою силу» (ст. 94).

---

[1]) № 141 R. G. B.

[2]) Разборъ ст. 87 Осн. Зак. и разсмотрѣніе случаевъ ея примѣненіи, см. у бар. *Нольде* 1907 г. «Очерки русскаго конституціоннаго права», и у *Н. И. Лазаревскаго*, Лекціи. Ст. 189 сл.

Статья 87 сама называетъ эти чрезвычайные указы лишь «мѣрами», не примѣняя къ нимъ наименованія «Закона». И чрезвычайные указы (Nothverordnungen) эти имѣютъ лишь временную силу закона, они пріостанавливаютъ на время дѣйствіе несогласныхъ съ ними законовъ, но отмѣнить ихъ не могутъ, не будучи сами законами, и съ прекращеніемъ такихъ «мѣръ», несогласные съ ними законы ipso jure вступаютъ вновь въ дѣйствіе [1]). Какъ бы изъятіе изъ общаго порядка изданія Законовъ представляютъ собою весьма своеобразныя ограниченія компетенціи палатъ въ статьяхъ 96 и 97 Осн. Законовъ. «Постановленія по строевой технической и хозяйственной частямъ, а равно положеніе и наказы учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ военнаго и военно-морского вѣдомствъ, по разсмотрѣніи Военнымъ и Адмиралтействъ Совѣтомъ, по принадлежности, непосредственно представляются Государю Императору, если только сіи постановленія и наказы относятся собственно къ однимъ упомянутымъ вѣдомствамъ, не касаются предметовъ общихъ законовъ и не вызываютъ новаго расхода изъ казны или же вызываемый ими новый расходъ покрывается ожидаемыми сбереженіями по финансовой смѣтѣ военнаго или морского министерства, по принадлежности. Въ томъ же случаѣ, когда новый расходъ не можетъ быть покрытъ указанными сбереженіями, представленіе означенныхъ постановленій, положеній и наказовъ на Высочайшее утвержденіе допускается лишь по испрошеніи въ установленномъ порядкѣ ассигнованія соотвѣтственнаго кредита» (ст. 96).

«Постановленія по военно-судебной и военно-морской судебной частямъ издаются въ порядкѣ, установленномъ въ сводахъ военныхъ и военно - морскихъ постановленій» (ст. 97), т. е., по разсмотрѣніи ихъ въ Главномъ Военномъ или Главномъ Военно-Морскомъ Судѣ. Въ дореформенномъ государственномъ правѣ указанные въ 96 и 97 статьяхъ «постановленія», «положенія» и «наказы», получившіе Высочайшее утвер-

---

[1]) То же *Н. И. Лазаревскій*, Лекціи, ст. 198—200.

жденіе, были несомнѣнно законами, но въ дѣйствующемъ правѣ они таковыми считаться не могутъ и не являются спеціальнымъ законодательствомъ въ области военнаго и военно-морскаго вѣдомствъ.

Для того, чтобы эти акты монарха были законами, но лишь въ особомъ порядкѣ, совершенно отличномъ отъ общаго порядка, установленнаго Основными Законами, издаваемыми, необходимо было бы прямое упоминаніе о томъ въ Основныхъ Законахъ, но ни ст. 96, ни 97 статьи нигдѣ не присваиваетъ имъ именованіе законовъ, и если эти статьи помѣщены все же въ главѣ девятой «О законахъ», то такое помѣщеніе ихъ можетъ имѣть лишь тотъ же смыслъ, какъ и ст. 87, т. е., какъ указаніе опредѣленныхъ условій, когда правительство или точнѣе монархъ можетъ не въ законодательномъ порядкѣ устанавливать регламентарныя нормы, имѣющія для регулируемыхъ ими отношеній силу закона, замѣняющія и даже отмѣняющія его, но отнюдь не являющіеся сами законами въ формальномъ смыслѣ.

Разница заключается лишь въ томъ, что чрезвычайные указы въ порядкѣ ст. 87 имѣютъ лишь характеръ временныхъ, провизорныхъ нормъ, а указанныя нормы по 96 и 97 статьямъ имѣютъ постоянный характеръ, не нуждаясь въ послѣдующей законодательной санкціи; но, съ другой стороны, чрезвычайные указы 87 статьи могутъ на время пріостанавливать дѣйствіе общихъ законовъ (за исключеніемъ тѣхъ, которые указаны въ 87 статьѣ), указанныя же нормы ст. 96 и 97, имѣющія совершенно спеціальный характеръ, не могутъ вовсе касаться предметовъ общихъ законовъ, а по ст. 96 и вызывать новый расходъ изъ казны, не покрываемый ожидаемыми сбереженіями по финансовой смѣтѣ Военнаго или Морского Министерства (для постановленій по военно-судебной и военно-морской судебной части это послѣднее ограниченіе почему-то не указано въ ст. 97).

При этомъ, такъ какъ ст. 96 и 97, помѣщенныя въ главѣ «О законахъ», устанавливаютъ для указанныхъ въ этихъ статьяхъ спеціальныхъ отношеній особый указанный порядокъ, замѣняющій законодательный по-

рядокъ, то если бы даже эти отношенія, входящія въ категорію дѣлъ, указанныхъ этими статьями, были ранѣе еще при дѣйствіи дореформеннаго законодательства, регулированы Высочайше утвержденными положеніями, наказами и постановленіями, имѣвшими тогда значеніе законовъ [1]), то теперь эти акты монарха въ порядкѣ 96 и 97 изданные, могутъ измѣнять и отмѣнять эти законы нашего дореформеннаго строя, но если только эти дореформенные законы относятся лишь спеціально къ военному вѣдомству, не касаются предметовъ общихъ законовъ.

Этотъ совершенно своеобразный въ русской конституціи характеръ актовъ монарха, издаваемыхъ въ порядкѣ 96 и 97 ст., своеобразное ихъ отношеніе къ законамъ и дали повидимому основаніе редакторамъ Свода Основныхъ Законовъ помѣстить ихъ въ главѣ «о законахъ» почти непосредственно за 94 ст. Осн. Законовъ, гласящей, что законъ не можетъ быть отмѣненъ иначе, какъ только силою закона.

И тѣмъ не менѣе все же нѣтъ основаній, какъ мы уже говорили, признавать эти акты, издаваемыя въ порядкѣ 96 и 97 ст.—законами.

Они представляютъ собой лишь тѣ акты «верховнаго управленія» арміей и флотомъ, которые по 14 ст. Основныхъ Законовъ принадлежатъ Монарху, какъ «Державному Вождю россійской арміи и флота» [2]), но въ отличіе отъ другихъ актовъ верховнаго управленія, въ силу 96 и 97 ст. имѣютъ конкурирующую съ законами въ сферѣ спеціальныхъ отношеній силу. Въ виду этого именованіе правительствомъ, какъ это видно изъ Высочайше утвержденнаго 24 апрѣля 1909 г. положе-

---

[1]) Осн. Зак. т. I изд. 1892 г. См. ст. 50 прим. 1 и 2 и аутентическія разъясненія понятія закона въ нашемъ дореформенномъ правѣ Высоч. Утв. 17 января 1905 г. Пол. Ком. Мин. и Высоч. Утв. 6 іюня 1905 г. Мнѣніе Госуд. Совѣта.

[2]) Ст. 14 Осн. Зак. «Государь Императоръ есть Державный» Вождь россійской арміи и флота. Ему принадлежитъ верховное начальствованіе надъ всѣми сухопутными и морскими вооруженными силами Россійскаго Государства... Онъ опредѣляетъ устройство арміи и флота и издаетъ указы и повелѣнія относительно дислокаціи войскъ, приведенія ихъ на военное положеніе, обученія ихъ, прохожденія службы чинами арміи и флота и всего вообще относящагося до устройства вовруженныхъ силъ и обороны Россійскаго Государства...

нія Совѣта о порядкѣ примѣненія статьи 96 Осн. Зак., дѣлъ, разрѣшаемыхъ монархомъ въ порядкѣ этой статьи «законодательными» и «военнымъ законодательствомъ» представляется намъ юридически необоснованнымъ и несоотвѣтствующимъ постановленіемъ Основныхъ Законовъ. Практически, конечно, такое именованіе не мѣняетъ положенія этихъ актовъ, такъ какъ они и безъ того имѣютъ конкурирующую съ законами силу, но что касается юридической силы самого этого правительственнаго разъясненія, ст. 96, то, не будучи въ силу ст. 86 Осн. Зак. Законодательнымъ актомъ, оно не можетъ по точному разуму 94 ст. Осн. Законовъ измѣнить въ чемъ либо статью 96 Основн. Законовъ [1]).

Разсмотрѣніе опредѣленій нашихъ Основныхъ Законовъ въ отношеніи высшей функціи государства законодательной приводитъ къ заключенію, что если не считать своеобразную регламентацію военнаго строя, наше преобразованное государственное право восприняло тотъ основной принципъ конституціоннаго государства, что законы, какъ высшее право страны, обязательны для всѣхъ безъ исключенія органовъ государства или, какъ выражено въ основныхъ законахъ: «Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ законовъ, изданныхъ въ установленномъ порядкѣ» (ст. 84), «сила законовъ равно обязательна для всѣхъ безъ изъятія россійскихъ подданныхъ и для иностранцевъ, въ Россійскомъ Государствѣ пребывающихъ» (ст. 85 Осн. Зак), и «доколѣ новымъ закономъ положительно не отмѣненъ законъ существующій, онъ сохраняетъ полную свою силу» (ст. 94 Осн. Зак.). И въ силу, 87 ст. Осн. Зак. даже чрезвычайные указы главы государства не могутъ вносить измѣненій въ основные Госуд. Законы.

Основные законы проводятъ правило о подчиненіи законамъ не только актовъ органовъ подчиненнаго

---

[1]) Еще Высочайше утвержденнымъ 6 іюня 1905 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта было постановлено, что, и преподаваемое Высочайшею Властью изъясненіе истиннаго разума законовъ происходитъ не иначе «какъ въ законодательномъ порядкѣ, установленномъ Основными Государственными Законами».

управленія: («Обязательныя постановленія, инструкціи и распоряженія, издаваемыя Совѣтомъ Министровъ, Министрами и Главноуправляющими отдѣльными частями, а также другими на то закономъ уполномоченными установленіями, не должны противорѣчить законамъ, (ст. 122 Осн. Зак.), но и въ отношеніи правительственныхъ актовъ главы государства, актовъ «верховнаго управленія»: перечисливъ именно въ ст. 7, 8 и 9 законодательныя полномочія монарха, Основные законы переходятъ къ его полномочіямъ въ области управленія. Въ ст. 10 Осн. Зак. сказано: «Власть управленія во всемъ ея объемѣ принадлежитъ Государю Императору въ предѣлахъ всего Государства Росссійскаго. Въ управленіи верховномъ власть Его дѣйствуетъ непосредственно; въ дѣлахъ же управленія подчиненнаго опредѣленная степень власти ввѣряется отъ Него, согласно закону, подлежащимъ мѣстамъ и лицамъ, дѣйствующимъ Его Именемъ и по Его повелѣніямъ. И затѣмъ непосредственно слѣдующая статья гласитъ, что «Государь Императоръ въ порядкѣ верховнаго управленія, издаетъ *въ соотвѣтствіи съ законами* [1]) указы для устройства и приведенія въ дѣйствіе различныхъ частей государственнаго управленія, а равно повелѣнія, необходимыя для исполненія законовъ».

Указанная статья 11-я Основныхъ Законовъ говоритъ о соотвѣтствіи указовъ, издаваемыхъ въ порядкѣ управленія, въ настолько общихъ выраженіяхъ, что она охватываетъ собственно всевозможные виды указовъ Монарха, упомянутыхъ въ послѣдующихъ статьяхъ [2]), является вводной для нихъ, такъ какъ, специально упомянувъ о «повелѣніяхъ, необходимыхъ для исполненія законовъ», т. е., такъ называемыхъ исполнительныхъ указахъ (Vollzugsverordnungen), она говоритъ затѣмъ и вообще объ «указахъ для устройства и привиденія въ дѣйствіе различныхъ частей управленія», а подъ это опредѣленіе подойдутъ и всѣ другіе виды указовъ, такъ какъ всякое административное распоряженіе направлено

---

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) Кромѣ указаннаго выше специальнаго изъятія согласно ст. 96 и 97 Осн. Зак., въ актахъ военнаго управленія, упомянутыхъ въ ст. 14 Осн. Зак.

такъ или иначе къ «устройству и приведенію въ дѣйствіе различныхъ частей государственнаго управленія».

Но если даже и разсматривать 11 статью, какъ не связанную съ прочими статьями Основныхъ Законовъ, опредѣляющихъ область верховнаго управленія, а имѣющую въ виду собственно спеціальный видъ указовъ, именно исполнительныхъ, направляющихъ дѣятельность правительственныхъ мѣстъ и организаціонныхъ [1]), то и при такомъ толкованіи, все же подзаконность всѣхъ актовъ верховнаго управленія, т. е., условіе, чтобы они не противорѣчили законамъ, вытекаетъ изъ вышеуказанныхъ общихъ началъ провозглашенныхъ въ Основныхъ Законахъ, что «Имперія Россійская управляется на точномъ основаніи законовъ, что законъ «сохраняетъ полную свою» силу впредь до отмѣны его другимъ закономъ и только временно можетъ быть измѣненъ, точнѣе пріостановленъ въ дѣйствіи, лишь чрезвычайнымъ указомъ въ порядкѣ 87 ст.; это подтверждается еще и тѣмъ, какъ правильно указываетъ г. Лазаревскій, что въ дѣйствующихъ Основныхъ Законахъ исключены статьи старыхъ Основныхъ Законовъ (ст. 70 Осн. Зак. изд. 1892 г.), въ силу которыхъ монархъ могъ отмѣнять дѣйствія законовъ общихъ своими указами и, наконецъ, тѣмъ, что перечисленіе полномочій монарха въ области верховнаго управленія (ст. 11—23) было бы совершенно излишне, если бы у Государя предполагалось по прежнему право издавать указы, по вопросамъ, уже регулированнымъ закономъ [2]).

Статьями 11—24 Основн. Законовъ не исчерпывается впрочемъ область верховнаго управленія.

Отдѣльныя полномочія монарха регулировать опредѣленныя дѣла актами верховнаго управленія указаны и ст. 117 и 118 Основн. Законовъ въ области бюджетнаго права и 119 Основн. Зак. объ опредѣленіи монархомъ контингента новобранцевъ, при неизданіи къ 1 мая закона объ этомъ контингентѣ; сюда же относятся и акты главы государства, именуемые нѣкото-

---

[1]) Какъ то думаетъ напр. г. *Лазаревскій*, Лекціи стр. 170, 175—180.
[2]) См. *Лазаревскій*, Лекціи стр. 171.

рыми учеными политическими [1]), какъ то созывъ, роспускъ и отстрочка засѣданій палатъ (ст. 98 и 99 Осн. Зак.).

Во всѣхъ этихъ случаяхъ акты верховнаго управленія, какъ акты правительственные, должны соотвѣтствовать законамъ. Въ области верховнаго управленія монархъ можетъ дѣйствовать «secundum legem» и «intra legem», но не въ коемъ случаѣ «contra legem» [2]). Другими словами, актами верховнаго управленія монархъ можетъ регулировать тѣ вопросы, регулированіе которыхъ въ силу общаго полномочія или спеціальнаго для опредѣленныхъ случаевъ предоставлено ему закономъ. Монархъ можетъ дѣйствовать въ исполненіе такого закона и въ предѣлахъ закономъ данныхъ полномочій, но не при отсутствіи законнато полномочія и въ нарушеніе законовъ.

Но можетъ ли быть регулированъ въ законодательномъ порядкѣ вопросъ, отнесенный Основными законами къ области Верховнаго управленія?

Область Верховнаго управленія и область законодательства отграничиваются нашими Основными Законами, и первая отнесена къ прерогативамъ монарха.

Всякое вторженіе законодательныхъ органовъ путемъ обыкновенныхъ законовъ въ область этой, спеціально опредѣленной Основными Законами, прерогативы монарха, означало бы частичное или полное измѣненіе или отмѣну того или другого Основного Закона, относящаго извѣстныя дѣла къ области верховнаго управленія. Но Основные Законы могутъ подлежать пересмотру и измѣненію, лишь единственно по почину монарха (ст. 80 Осн. Зак).

Слѣдовательно, даже частичное измѣненіе Основного Закона, путемъ изъятія въ порядкѣ обыкновеннаго законодательства опредѣленныхъ вопросовъ изъ сферы верховнаго управленія — неправомѣрно, поскольку не измѣненъ надлежащимъ образомъ Основной Законъ.

---

[1]) См. Л. Дюги, Конституціонное право. Русскій пер. 1908, стр. 273 сл.

[2]) За исключеніемъ вышеуказанныхъ актовъ военнаго управленія и указовъ ст. 87 Основ. Зак., которые монархъ можетъ издавать и въ замѣну существующихъ законовъ въ опредѣленной области.

Пересмотръ Основного Закона въ законодательномъ порядкѣ единственно по почину монарха и есть единственное формальное отличіе Основныхъ Законовъ отъ обыкновенныхъ въ нашемъ правѣ.

И если въ такомъ порядкѣ было произведено законодательнымъ путемъ изъятіе опредѣленнаго вопроса изъ области верховнаго управленія, то такой порядокъ былъ бы вполнѣ правомѣренъ и такой актъ, будучи «закономъ въ установленномъ порядкѣ изданнымъ» имѣлъ бы «полную силу Закона» и притомъ Основного. И самъ Г. Лазаревскій (Лекціи, стр. 173 сл.) также утверждаетъ, что «коль скоро то или иное дѣло постановленіями Основныхъ Законовъ отнесено къ компетенціи монарха, то обыкновенный законъ не можетъ вовсе изъять это дѣло изъ его вѣдома, ибо обыкновенные законы должны быть согласны съ конституціей», но все же г. Лазаревскій допускаетъ исключеніе изъ этого правила для регулированія обыкновеннымъ закономъ какого-либо «отдѣльнаго конкретнаго дѣла, входящаго въ компетенцію монарха». Но вѣдь проведеніе хотя бы какого-либо одного «конкретнаго дѣла» не въ установленномъ конституціей порядкѣ есть уже нарушеніе конституціи. Существо вопроса не измѣняется, будетъ ли обыкновеннымъ закономъ нарушаться конституціонный законъ въ отношеніи цѣлой категоріи дѣлъ или одного конкретнаго дѣла. Объемъ нарушенія тутъ не причемъ. Замѣчаніе г. Лазаревскаго, что «Верховными актами государства признаются законодательные. Все, что можетъ быть совершено актомъ власти подзаконной, можетъ быть совершено и въ формѣ власти высшей законодательной», правильно, но при условіи лишь, что этого не запрещаетъ законодательной власти конституція. Г. Лазаревскій выводитъ отсюда, что такое изъятіе дѣла изъ области верховнаго управленія въ область законодательства можетъ быть сдѣлано въ Россіи не только по почину монарха путемъ внесенія въ Государственную Думу въ порядкѣ пункта 7 ст. 31 Учр. Госуд. Думы («Вѣдѣнію Думы подлежатъ... дѣла, вносимыя на разсмотрѣніе Думы по Высочайшимъ повелѣніямъ»), но и по инициативѣ самой

Государственной Думы; но съ такимъ выводомъ согласиться нельзя, такъ какъ слѣдовало бы имѣть въ виду и ст. 80 Осн. Зак., а эта статья прямо исключаетъ починъ палатъ при измѣненіи Основного Закона.

Согласно съ нами Бар. Б. Э. Нольде («Очерки конституціоннаго права» стр. 59), утверждаетъ, что ст. 11, 14—16, 18—21, 96, 98, 119 и 125 Осн. Законовъ «необходимо разрѣшаются въ порядкѣ указномъ» и въ частности потому не могутъ быть разрѣшаемы въ порядкѣ 87 ст. Осн. Зак., т. е., чрезвычайныхъ указовъ.

Послѣдовательно, не соглашаясь и съ этимъ послѣднимъ утвержденіемъ, что указанныя статьи не должны разрѣшаться по смыслу закона и въ порядкѣ 87 ст. Осн. Зак, г. Лазаревскій (Лекціи, стр. 174 примѣч.), между прочимъ, замѣчаетъ: «кому и чему мѣшаетъ контроль народнаго представительства? И если указъ, получившій одобреніе Думы станетъ закономъ, то это ничего юридически недопустимаго въ себѣ не заключаетъ. У насъ по инціативѣ Государя по всякому вопросу можетъ быть изданъ законъ». Отвѣтимъ, что контроль народнаго представительства очень желателенъ и самый широкій и дѣйствительный при томъ, хотя бы даже онъ кому либо и мѣшалъ, но къ сожалѣнію не всегда это допускаетъ его надлежащимъ образомъ законъ, какъ, напримѣръ, вытекаетъ изъ нашихъ законовъ. Совершенно вѣрно, что у насъ по инціативѣ Государя по всякому вопросу можетъ быть изданъ законъ, но изданъ, однако, лишь въ порядкѣ Основными Законами установленномъ, а врядъ ли соотвѣтствуетъ смыслу Основныхъ Законовъ изданіе вышеназванной категоріи указовъ верховнаго управленія въ порядкѣ 87 ст. Осн. Зак, такъ какъ «мѣра» въ порядкѣ 87 ст. предпринимается не непосредственно по инціативѣ монарха, а требуется необходимо предварительное «представленіе Совѣта Министровъ» Государю. Далѣе такая мѣра сама получаетъ временную силу закона, слѣдовательно, можетъ въ отличіе отъ актовъ верховнаго управленія выйти евентуально изъ рамокъ законовъ, урегулировавшихъ уже въ установленномъ порядкѣ данный вопросъ, т. е., имѣть временно дерагирующую

законы силу, и, кромѣ того, съ другой стороны, быть устранена, между прочимъ, вслѣдствіе отверженія палатами, а это врядъ ли соотвѣтствуетъ тому значенію, которое придаютъ основные законы актамъ верховнаго управленія.

И такъ, для изъятія какого либо вопроса основнымъ закономъ изъ сферы верховнаго управленія, есть лишь одинъ правомѣрный путь—законодательный актъ, проведенный въ порядкѣ измѣненія соотвѣтствующаго основного закона, создающій изъятіе изъ этого закона.

Существуетъ еще одна категорія актовъ [1]), которая по опредѣленію нашихъ Основныхъ Законовъ относится какъ бы къ сферѣ верховнаго управленія. Именно ст. 64 раздѣла I Осн. Зак. (Глава VIII «О вѣрѣ») опредѣляетъ ,что «Императоръ, яко Христіанскій Государь, есть верховный защитникъ и хранитель догматовъ господствующей вѣры, и блюститель правовѣрія и всякаго въ Церкви святой благочинія, а въ ст. 65 тѣхъ же законовъ говорится, что въ управленіи Церковномъ Самодержавная Власть дѣйствуетъ посредствомъ Святѣйшаго Синода, Ею учрежденнаго».

Статья 65-я является дословнымъ повтореніемъ соотвѣтствующей 43-ей статьи прежнихъ Основныхъ Законовъ, а ст. 64 повтореніемъ ст. 42 Осн. Зак. изд. 1892 г., но съ исключеніемъ уже заключительныхъ словъ ея. «Въ семъ смыслѣ Императоръ въ актѣ о наслѣдіи Престола 1797 г. апр. 5 (17910) именуется Главою Церкви». Ст. 65 Осн. Зак. не говоритъ о церковномъ управленіи монарха, какъ «верховномъ управленіи», но по существу акты монарха въ этой области будутъ актами верховнаго управленія, коль скоро они будутъ исходить отъ монарха Тѣмъ не менѣе представляется неяснымъ, что собственно разумѣется подъ терминомъ» «въ управленіи церковномъ».

---

[1]) Мы не говоримъ здѣсь о тѣхъ актахъ управленія, когда монархъ издаетъ именные указы и Высочайшія повелѣнія по дѣламъ, разсматриваемымъ въ различныхъ государственныхъ учрежденіяхъ (какъ напр., въ департаментахъ Государственнаго Совѣта и особыхъ присутствіяхъ его) на основаніи порядка, указаннаго въ обыкновенныхъ, а не основныхъ законахъ. Такіе указы, конечно, могутъ быть измѣняемы въ порядкѣ обыкновеннаго законодательства.

Включается ли въ это понятіе, какъ это было раньше, и законодательство, опредѣляющее юридическое отношеніе православной церкви, или только управленіе въ собственномъ смыслѣ, какъ функція власти, отличная отъ законодательной.

Мы полагаемъ, что, разъ статья 65 Осн. Зак. помѣщена въ раздѣлѣ I, составѣ Основныхъ Государственныхъ Законовъ, то смыслъ ея долженъ быть выясняемъ въ органической связи съ прочими статьями этого раздѣла *Государственныхъ* Основныхъ Законовъ. Съ этой же точки зрѣнія церковное управленіе есть лишь видъ общаго государственнаго управленія и въ 65 ст. Осн. Зак. слово «управленіе» можетъ имѣть лишь тотъ смыслъ, который оно имѣетъ въ нашемъ дѣйствующемъ государственномъ правѣ и указанъ именно въ 10 ст. Осн. Законовъ, въ силу Основныхъ Законовъ «власть управленія» отличается отъ «власти законодательной».

Слѣдовательно, статья 65 Осн. Законовъ говоритъ лишь объ управленіи въ собственномъ смыслѣ слова, а не о законодательствѣ; какой же либо особый порядокъ для законодательства церковнаго въ нашихъ Основныхъ Государственныхъ Законахъ не установленъ, слѣдовательно, оно слѣдуетъ общему порядку, указанному въ Основныхъ Законахъ Имперіи, т. е., согласно ст. 7 Осн. Зак. законодательная власть и въ области церковныхъ отношеній должна осуществляться монархомъ въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою».

Границы же этого государственнаго законодательства, какъ и вообще вмѣшательства государственной власти въ сферу жизни православной церкви, нашими государственными законами не указаны, за исключеніемъ логически вытекающаго изъ статьи 64 Осн. Зак. запрещенія измѣнять догматы вѣры; границы же эти вытекаютъ не изъ государственноправовыхъ нормъ, а изъ тѣхъ началъ государственной политики, которыми должны руководиться государство въ отношеніи къ церкви, какъ организаціи религіозной жизни населенія, имѣющей свою особую природу и свои особыя отличныя отъ государства и важныя задачи, осуществленіе

которыхъ требуетъ автономности церкви и свободы ея отъ государственной опеки, вмѣшательства въ сферу ея внутренней жизни.

Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей вопроса о характерѣ отношенiй между государственною властью и православной церковью въ Россiи, проф. Е. Н. Темниковскiй [1]) пришелъ къ заключенiямъ относительно юридическаго положенiя русскаго Императора въ русской православной церкви, какъ оно опредѣлялось до появленiя новыхъ Основныхъ Законовъ:

1) Императоръ есть носитель и органъ высшей власти въ русской православной церкви; его церковная власть есть часть, или вѣрнѣе, одно изъ направленiй высшей государственной власти, непроизводной по происхожденiю и самостоятельной по осуществленiю чисто церковной власти русскiе основные законы не знаютъ.

2) Высшая власть въ церкви осуществляется императоромъ непосредственно въ законодательствѣ и въ актахъ верховнаго управленiя. Такого рода акты законодательные и въ порядкѣ верховнаго управленiя суть акты государственной власти. Нѣтъ церковнаго закона, который не могъ бы быть закономъ государственнымъ, равнымъ образомъ акты верховнаго управленiя въ церковной области не могутъ быть разсматриваемы иначе, какъ акты государственнаго управленiя.

3) Святѣйшiй Правительствующiй Синодъ есть органъ Государя Императора (вторичный). Онъ представляетъ не что иное, какъ государственное установленiе, учрежденное верховною государственною властью, находится отъ нея въ такой же зависимости, какъ и другiя государственныя установленiя, если имѣть въ виду родовой признакъ этой зависимости, и осуществляетъ отъ имени государя церковное управленiе, какъ одну изъ отраслей государственнаго управленiя.

4) Сохраняя черты каноническаго устройства и управленiя, русская православная церковь съ формально

---

[1]) Е. Н. Темниковскiй: «Положенiе Императора Всероссiйскаго въ русской православной церкви въ связи съ общимъ ученiемъ о церковной власти». Юрид. Записки, изд. Демид. Юрид. Лицеемъ, В. I, 1909 г., стр. 79.

юридической точки зрѣнія есть часть государственнаго строя, вѣдомство» [1]).

Къ этимъ выводамъ мы можемъ присоединиться и замѣтить, что и съ изданіемъ Новыхъ Основныхъ Законовъ Имперіи юридическій характеръ отношеній между государствомъ и церковью остался по существу тѣмъ же и потерпѣлъ лишь тѣ измѣненія, которыя вытекаютъ изъ постановленій новыхъ Основныхъ Законовъ (т. I ч. I Сводъ Основ. Госуд. Законовъ изд. 1906 г. Раздѣлъ I) объ законодательствѣ и актахъ управленія. Въ частности, поэтому если въ управленіи церковномъ Государь Императоръ въ силу Основныхъ Законовъ дѣйствуетъ посредствомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, то церковное законодательство, согласно статьѣ 7 Осн. Зак., должно проявляться Государемъ Императоромъ въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою, такъ какъ для церковнаго законодательства, повторяемъ, никакого особаго изъятія изъ общаго порядка законодательства въ дѣйствующихъ Основныхъ Законахъ не установлено [2]).

Итакъ разсмотрѣніе тѣхъ основъ, на которыхъ покоится наше законодательство и управленіе по опредѣленію «Основныхъ Государственныхъ Законовъ» 23 апрѣля 1906 г. ясно показываетъ, что основы эти— основы конституціоннаго государства, ограниченной конституціонной представительной монархіи съ ярко при томъ выраженнымъ преобладаніемъ монарха, принципомъ монархическаго суверенитета, но не въ смыслѣ абсолютизма власти монарха, а относительнаго верховенства монарха среди другихъ органовъ власти. Воля монарха, обнародованная въ Именномъ Высочайшемъ Указѣ 23 апрѣля 1906 года при октроированіи новыхъ «Основныхъ Государственныхъ Законовъ» «гласила: вмѣстѣ съ тѣмъ въ видахъ укрѣпленія основъ обнов-

---

1) Назв. соч. стр. 79—80.

2) См. также Е. Н. Темниковскій, Положеніе Императора Всероссійскаго въ русской православной церкви въ связи съ общимъ ученіемъ о церковной власти. Ярославль, 1909 стр. 38—40.

ляемаго государственнаго строя, Мы повелѣли свести во едино постановленія, имѣющія значенія Основныхъ Государственныхъ Законовъ, подлежащихъ измѣненію лишь по почину Нашему, и дополнить ихъ положеніями, точнѣе разграничивающими область принадлежащей Намъ нераздѣльно власти верховнаго управленія отъ власти законодательной». Эта воля нашла свое выраженіе въ нормахъ Основныхъ Законовъ, устанавливающихъ раздѣльность законодательной власти между Монархомъ и законодательными палатами и необходимость соотвѣтствія актовъ управленія, въ томъ числѣ и актовъ Верховнаго Управленія, законамъ. Такимъ образомъ, юридически признано верховенство права, законовъ въ государствѣ, въ качествѣ нормъ, юридически обязывающихъ не только подданныхъ, но и всѣ безъ исключенія органы Государства.

Такимъ образомъ, государственное право Россіи нормируетъ ея строй какъ конституціонной или ограниченной монархіи; и, хотя власть монарха по прежнему именуется «самодержавной», но въ Основныхъ законахъ, въ главѣ Первой «О существѣ Верховной Самодержавной Власти» существо этой власти теперь опредѣлено уже иначе, нежели въ старыхъ «Основныхъ Законахъ». Статья 4 Осн. Законовъ нынѣ дѣйствующихъ гласитъ: «Императору Всероссійскому принадлежитъ Верховная Самодержавная власть. Повиноваться власти его, не только за страхъ, но и за совѣсть Самъ Богъ повелѣваетъ».

Изъ сопоставленія этой статьи съ соотвѣтствующей 1 ст. дореформенныхъ Основныхъ Законовъ («Императоръ Всероссійскій есть Монархъ Самодержавный и и неограниченный. Повиноваться верховной Его власти, не токмо за страхъ, но и за совѣсть Самъ Богъ повелѣваетъ»), видно, что предикатъ «неограниченный» при опредѣленіи существа власти Монарха въ Новыхъ «Основныхъ Законахъ» отсутствуетъ.

Предикатъ «неограниченный» оставленъ лишь въ спеціальной части нашихъ «Основныхъ Законахъ», «Учрежденіи о Императорской Фамиліи, которая является фамильнымъ статутомъ русскаго Императорскаго

Дома и, какъ мы это уже говорили, имѣетъ совершенно другой юридическій характеръ, нежели прочіе «Основные Законы» Имперіи. Статья 222 Разд. II ч. 1 т. I Св. Зак. изд. 1906 г. «Учрежденія о Императорской фамиліи» именно опредѣляетъ: «Царствующій Императоръ, яко неограниченный Самодержецъ, во всякомъ противномъ случаѣ имѣетъ власть отрѣшать не повинующагося отъ названныхъ въ семъ законѣ правъ и и поступать съ нимъ, яко преслушнымъ волѣ Монаршей». Статья эта помѣщена въ главѣ VI-ой Учр. о Имп. Фам. «о обязанностяхъ Членовъ Императорскаго Дома къ Императору» послѣ статей (219, 220 и 221), опредѣляющихъ, что царствующій Императоръ является «Главою всей Императорской Фамиліи и есть на всегдашнее время попечитель и покровитель оной», что «каждый членъ Императорскаго Дома обязуется къ лицу Царствующаго, яко къ Главѣ Дома и Самодержцу, совершеннымъ почтеніемъ, повиновеніемъ, послушаніемъ и подданствомъ», и что «ненарушимымъ, сверхъ сего, залогомъ всѣхъ данныхъ каждому члену Императорскаго Дома преимуществъ поставляется монархомъ обращеніе и храненіе семейной тишины и согласія».

Въ указанной выше статьѣ 222-й мотивомъ «яко неограниченный Самодержецъ» не имѣется въ виду, конечно, опредѣленіе существа власти Монарха, какъ это спеціально сдѣлано въ ст. 4 Основныхъ Законовъ, а опредѣляется лишь власть монарха надъ членами Императорскаго Дома, именно карательная власть монарха, какъ главы Императорскаго Дома въ отношеніи не соблюдающихъ фамильный статутъ членовъ Императорской фамиліи.

Во всякомъ случаѣ, если выраженіе «яко неограниченный Самодержецъ», мотивирующее власть Монарха въ отношеніи членовъ Императорскаго Дома въ 222 ст. Учрежденія о Императорской Фамиліи означаетъ и неограниченность законодательной и правительственной власти Главы Императорскаго Дома въ отношеніи его членовъ, то это неограниченность законодательной и правительственной власти Главы Императорскаго Дома простирается лишь на вышеуказанную сферу отношеній

и не относится, какъ это вытекаетъ изъ систематическаго толкованія 222 ст. Учр. о Имп. Фамиліи, къ общему юридическому положенію монарха въ государствѣ, опредѣленному въ другомъ мѣстѣ—въ раздѣлѣ І-мъ I ч. I тома Основ. Госуд. Законовъ; причемъ и въ самомъ Учрежденіи о Императорской Фамиліи въ 125 ст. прямо указано, что и Учрежденіе о Императорской Фамиліи можетъ быть измѣняемо и дополняемо лично Государемъ Императоромъ лишь въ томъ случаѣ, «если измѣненія и дополненія сего Учрежденія не касаются законовъ общихъ и не вызываютъ новаго изъ казны расхода».

Въ виду этого вполнѣ понятно, что въ основномъ опредѣленіи существа Самодержавной Верховной Власти въ ст. 4 Осн. Зак. опущена самимъ законодателемъ квалификація этой власти, какъ неограниченной, иначе получилось бы непримиримое противорѣчіе со всѣми другими коренными и общими постановленіями «Основныхъ Законовъ» [1]). Но въ новыхъ Основныхъ Законахъ сохранено опредѣленіе власти монарха, какъ «Верховной Самодержавной».

Что означаетъ эта квалификація? Мы уже доказывали, разсматривая выше значеніе этихъ терминовъ въ нашихъ старыхъ Основныхъ Законахъ, что термины «самодержавный» и «неограниченный» не являются синонимами въ терминологіи «Основныхъ Законовъ» [2]).

---

[1]) См. также соображенія редакторовъ 6 изд. курса *Н. М. Коркунова* «Русское Госуд. Право» т. I 1908 г. Дополненіе, стр. 214—215, доказывающихъ, что изъ содержанія статьи 222 Учрежд. о Импер. Фамиліи и мѣста, занимаемаго ею въ системѣ Основныхъ Законовъ, слѣдуетъ, что она имѣетъ въ виду лишь власть царствующаго Императора надъ членами Императорской Фамиліи, именуя монарха «яко неограниченный Самодержецъ». См. также *Н. И. Лазаревскій*, Лекціи по русск. госуд. праву. Т. I, 1908, стр. 127 сл.

[2]) Любопытенъ въ этомъ отношеніи эпизодъ, сообщенный А. Н. Муравьевымъ, въ письмѣ къ Погодину («Русскій Архивъ» за 1871 г.). Вновь вспоминаетъ теперь этотъ эпизодъ проф. *А. Н. Фатѣевъ* въ своей книгѣ «*М. М. Сперанскій*» стр. 68—79. Членъ комиссіи для предварительнаго пересмотра приготовленныхъ къ печати статей Свода, Челищевъ замѣтилъ, что въ начальныхъ статьяхъ при характеристикѣ власти Императора пропущено слово «Самодержавіе». Челищевъ доложилъ объ этомъ пропускѣ предсѣдателю комиссіи князю Лобанову. День спустя, къ немалому удивленію Челищева, Сперанскій пріѣхалъ къ послѣднему благодарить за дружескую услугу. «Посудите сами» говорилъ Сперанскій, «могу ли я отвѣчать за каждаго писаря»? И вотъ что со мной сдѣлали: въ самыхъ первыхъ §§ вѣтренные писаря пропустили слово «самодержавіе», признаюсь, мнѣ и

«Самодержавіе» означаетъ собой не абсолютизмъ, неограниченность власти, а верховенство и полноту непроизводной власти монарха, въ силу чего монархъ является по собственному праву носителемъ всѣхъ верховныхъ полномочій государственной власти.

Это-то пониманіе монархической власти, которое, какъ мы выше уже указывали, образовалось еще на почвѣ идей и порядковъ абсолютной монархіи, но пережило ее и формулируется еще и теперь даже въ конституціонныхъ монархіяхъ, въ которыхъ монархическое начало сохранило преобладающее значеніе въ государственномъ строѣ (принципъ монархическаго суверенитета). Мы указывали уже, что это начало монархическаго суверенитета признается нѣмецкими государствовѣдами лежащимъ въ основѣ конституцій германскихъ монархическихъ государствъ.

Монархъ признается носителемъ всѣхъ верховныхъ правъ государственной власти, но какъ конституціонный монархъ, онъ ограниченъ, такъ какъ ограниченъ въ осуществленіи этихъ правъ (quo ad exercitium) установленными конституціей формами и законодательными полномочіями палатъ. Очевидно, что въ нашихъ Основныхъ Законахъ этотъ принципъ независимо отъ того, на сколько ясно давали себѣ въ этомъ отчетъ составители Основныхъ Законовъ, получилъ свое юридическое выраженіе, такъ какъ не смотря на то, что въ осуществленіи законодательной власти Монархъ юридически ограниченъ, законодательствуя совмѣстно съ Думой и Государственнымъ Совѣтомъ, онъ все же признается и теперь въ отношеніи державныхъ правъ «Самодержцемъ», т. е., признанъ носителемъ всѣхъ этихъ правъ, права законодательства, осуществляемаго съ законодательными палатами, и права власти верховнаго управленія, принадлежащаго Государю по силѣ закона во всемъ объемѣ, а въ силу 22 ст. Основн. Зак. признается также фор-

---

въ голову не могла прійти такая оплошность, и я бѣгло прочиталъ эти начальные §§ потому собственно, что они не подлежали никакому измѣненію, да и не я одинъ, всѣ проглядѣли, такъ что еслибы не Ваше вниманіе, то они могли бы въ этомъ видѣ появиться и въ печати, и какая непріятность была бы тогда для всѣхъ».

мально источникомъ судебной власти, которая отъ имени монарха осуществляется судами.

Можно утверждать, что такое разграниченіе власти государственнаго органа по принадлежности правъ и осуществленію ихъ, признаніе монарха, съ одной стороны, носителемъ всѣхъ державныхъ правъ, а съ другой стороны ограниченнымъ въ осуществленіи нѣкоторыхъ изъ нихъ, при томъ такъ, что осуществить законодательную власть единолично монархъ не имѣетъ права, является логически неправильной конструкціей и несовмѣстимой съ современнымъ пониманіемъ правовой природы государства, какъ корпоративнаго союза, являющагося субъектомъ властвованія [1]), но принципы, лежащіе въ основѣ положительнаго государственнаго права монархій, особенно лишь отчасти отрѣшившихся отъ идей и принциповъ абсолютной монархіи, заключаютъ въ себѣ часто весьма своеобразный компромиссъ старыхъ и новыхъ государственно-правовыхъ началъ и понятій.

И какъ бы теоретически не оцѣнивать такія постановленія права, приходится все же констатировать ихъ наличность въ самой конституціи страны. Къ такимъ государствамъ принадлежитъ и Россія, въ государственномъ правѣ которой, что, впрочемъ, весьма понятно, болѣе, чѣмъ въ правѣ другихъ конституціонныхъ монархій, мы находимъ переживанія столь долго господствовавшаго строя, находящагося еще и теперь лишь въ начальномъ періодѣ своего преобразованія. Въ результатѣ—и указанное выше своеобразіе Основныхъ Законовъ Имперіи въ опредѣленіи власти монарха. Но какъ бы велики не были прерогативы монарха и ограничены полномочія народнаго представительства по силѣ нашихъ Основныхъ Законовъ, остается все-таки несомнѣннымъ, что по смыслу этихъ законовъ Россія, получившая народное представительство съ законодательными полномочіями, теперь является конституціоннымъ государствомъ, хотя и наименѣе развитаго типа.

---

[1]) Что мы и пытались показать въ другомъ мѣстѣ. См. нашу работу «Суверенитетъ», 1903 г. гл. III, ст. 309 сл.

И даже манифестъ 3-го іюня 1907 г., въ которомъ многіе склонны усматривать рѣшительное отступленіе отъ коренныхъ началъ, запечатлѣнныхъ предыдущими преобразовательными законодательными актами и закрѣпленными Основными Законами, все же за исключеніемъ новаго положенія о выборахъ въ Государственную Думу, изданнаго въ порядкѣ, противорѣчащемъ Основнымъ Законамъ, или, какъ сказано въ Манифестѣ, проведеннаго «необычнымъ законодательнымъ путемъ» съ указаніемъ на крайнюю необходимость такой мѣры, юридически не произвелъ измѣненій во всѣхъ прочихъ частяхъ нашего законодательства.

Въ Манифестѣ 3-го іюня 1907 года самъ монархъ заявилъ, что «оставляя въ силѣ всѣ дарованныя подданнымъ Нашимъ Манифестомъ 17 октября 1905 года и Основными Законами права, воспріяли Мы рѣшеніе измѣнить лишь самый способъ призыва выборныхъ отъ народа въ Государственную Думу»...

Положеніе о выборахъ въ Государственную Думу 3-го іюня 1907 г. вошло въ силу: на основѣ его организовалась 3-я Государственная Дума и это положеніе функціонируетъ въ качествѣ составной части положительнаго права страны.

Въ сферѣ государственнаго права, въ которой политическое соотношеніе силъ столь часто является рѣшителемъ правовыхъ вопросовъ, факты болѣе часто и ярко, чѣмъ въ какой либо другой области, проявляютъ свою нормативную силу.

Но мы повторяемъ здѣсь, что и актъ 3-го іюня 1907 года не только не устранилъ Основныхъ Законовъ 23-го апрѣля 1906 года, но, напротивъ, ихъ сохраненіе въ силѣ формально подтверждено въ Манифестѣ 3-го іюня 1907 года.

Политическое значеніе акта 3-го іюня 1907 года, конечно, огромно, но юридически его значеніе исчерпывается лишь вошедшимъ въ жизнь измѣненіемъ избирательнаго порядка.

Въ настоящемъ изслѣдованіи общаго правового характера Основныхъ Законовъ Россійской Имперіи и установленной ими формы правленія мы не имѣли въ

виду ни прослѣдить ихъ осуществленіе въ политической жизни нашего отечества, ни оцѣнивать ихъ съ той или другой политической точки зрѣнія, и предугадывать дальнѣйшую судьбу произведенныхъ коренныхъ реформъ нашего государственнаго права.

Судьба конституцій столь еще молодыхъ, какъ наша, часто бываетъ весьма превратной. Духъ стараго режима и его пріемы еще слишкомъ сильны въ переходные періоды государственныхъ формъ [1]. «Habent sua fata» и leges fondamentales—имѣютъ свою судьбу и основные законы государствъ! Но залогъ жизнеспособности въ Россіи началъ правового государства, воспринятыхъ нашими Основными Законами, лежитъ въ томъ, что начала эти, какъ показываетъ всеобщій историческій опытъ у народовъ, не умираютъ, а развиваются, но, повторяемъ, всѣ эти соображенія лежатъ внѣ задачъ нашего юридическаго изслѣдованія.

Перефразируя извѣстныя слова автора «Духа Законовъ» [2]), скажемъ, что мы имѣли въ виду прослѣдить не то, какъ примѣняются начала Основныхъ Законовъ въ русской жизни, а какъ они закрѣплены въ этихъ законахъ.

Дѣйствіе Основныхъ Государственныхъ Законовъ распространяется на всю территорію Государства Россійскаго съ тѣмъ лишь изъятіемъ, которое и сами Основные Законы (въ ст. 2) признаютъ существующимъ для Великаго Княжества Финляндскаго. Санкціонировавъ именно единство и нераздѣльность Государства Россійскаго (ст. I О. Зак.), Основные Законы опредѣляютъ (въ ст. 2): «Великое Княжество Финляндское, составляя нераздѣльную часть государства Россійскаго,

---

[1]) Огромна еще въ Россіи область «подчиненнаго управленія», несогласованнаго съ общими началами государственнаго строя, не успѣлъ еще измѣниться духъ и пріемы управленія; не создано еще и законодательство, соотвѣтствующее п. I Манифеста 17 октября о «незыблемыхъ основахъ гражданской свободы», и перечисленныя въ главѣ VIII Основныхъ Законовъ «права россійскихъ подданныхъ» не получили еще должной регламентаціи въ законодательствѣ на началахъ, провозглашенныхъ въ Манифестѣ 17 октября.

[2]) Montesqieu. De l' Esprit des lois L. II, chap. 6. De la constitution d' Angleterre. «Ce n'est point à moi à examiner si les Anglais jouissent actuellement de cette liberté, ou non. Il me suffit de dire qu'elle est établie par leurs lois, et je n'en cherche pas davantage».

во внутреннихъ своихъ дѣлахъ управляется особыми установленіями на основаніи особаго законодательства».

Это особое законодательство устанавливаетъ своеобразный конституціонный порядокъ осуществленія верховной государственной власти Имперіи въ этомъ автономномъ краѣ, при чемъ необходимымъ факторомъ законодательства для этого автономнаго края является сеймъ Великаго княжества Финляндскаго. Разсмотрѣніе юридическаго положенія Финляндіи въ составѣ Русскаго Государства и соотношенія Основныхъ Законовъ, опредѣляющихъ строй Финляндіи и Основныхъ Законовъ, опредѣляющихъ государственный строй Имперіи, выходитъ изъ предѣловъ нашей работы, такъ какъ требуетъ спеціальнаго изслѣдованія того особаго законодательства, на которомъ базируется своеобразное правовое положеніе автономнаго края. Вопросъ этотъ не можетъ быть разрѣшенъ, какъ думаютъ нѣкоторые, путемъ логическихъ выводовъ изъ суверенитета русской государственной власти надъ Финляндіей, какъ частью Русскаго Государства. Суверенитетъ этотъ не подлежитъ сомнѣнію, но при анализѣ государственно-правовыхъ отношеній необходимо всегда имѣть въ виду и принципъ верховенства права, такъ какъ и суверенная власть есть правомъ связанная власть.

Реформа имперскихъ финансовъ въ Германіи въ 1909 году.

А. Р. Свирщевскаго.

Въ послѣдніе годы во всѣхъ крупныхъ западно-европейскихъ государствахъ наблюдается напряженная работа по упроченію финансоваго положенія: Франція перерабатываетъ свою систему прямого обложенія, Англія борется съ обнаружившимся дефицитомъ «революціоннымъ» бюджетомъ Ллойда-Джорджа, Австрія—повышеніемъ налоговъ. Но самое большое по своимъ размѣрамъ заданіе пришлось разрѣшить Германской имперіи, финансовое хозяйство которой уже рядъ лѣтъ страдало «дѣтской», какъ утѣшали себя нѣмцы, соотвѣтствующей юному возрасту имперіи, болѣзнью—худосочіемъ, недостаточнымъ питаніемъ и конституціонными недостатками организма. Постоянные дефициты, покрываніе ихъ государственными займами, обремененіе союзныхъ государствъ непосильными платежами—таковы были симптомы этой болѣзни, начинавшей пріобрѣтать уже прямо опасный для дальнѣйшаго здороваго развитія имперіи характеръ. Неудовлетворительность реформы 1906 г., сошедшей, благодаря противодѣйствію рейхстага, съ довольно широкихъ намѣреній къ установленію нѣсколькихъ оказавшихся весьма малодоходными налоговъ и новое быстрое возрастаніе потребностей (въ 1908 г. обыкновенные расходы были выше, чѣмъ въ 1906 г. на 392 милл. м.—на 16,4%) а вмѣстѣ съ ними и увеличеніе матрикулярныхъ приплатъ (88,6 милл. м. въ 1907 г., 150,3 милл. м. въ 1908 г.), паденіе курса имперскихъ займовъ, чрезмѣрные выпуски билетовъ казначейства для покрытія дефицитовъ—все это настой-

чиво указывало на необходимость коренного преобразованія финансовой системы [1]). Состояніе германскихъ финансовъ не только вызывало тревогу и постоянныя ламентаціи въ широкихъ общественныхъ кругахъ Германіи, но и начинало дѣлаться притчей во языцѣхъ для прессы сосѣднихъ государствъ. «Серьезность финансоваго состоянія Германіи, писалъ въ мартѣ 1908 г. Economist, не можетъ уже быть скрываема послѣ того, какъ выяснилось, что, даже не дѣлая новыхъ расходовъ, въ ближайшіе пять лѣтъ Германія должна занять 1000 милл. м. только для покрытія своего ежегоднаго дефицита въ обыкновенномъ бюджетѣ». Въ іюнѣ «Petersburger Zeitung» и «Neue Wiener Tageblatt» отмѣчали настоятельность финансовой реформы въ интересахъ достоинства Германской имперіи, въ іюлѣ «Berner Bund», «Gazette de Lausanne», «Patrie» (бельгійская) писали о дурномъ состояніи германскихъ финансахъ и т. д. [2]). Дошло до того, что англійскіе и французскіе юмористическіе журналы стали помѣщать болѣе или менѣе остроумныя, злыя и обидныя карикатуры на эту тему. «Неужели мы можемъ, говорилъ позднѣе, 19 ноября, въ рейхстагѣ ф. Бюловъ, оставаться еще при нашемъ хозяйствѣ въ кредитъ—къ огорченію каждаго патріота и въ посмѣщище иностранцамъ».

Въ Германіи тотчасъ же послѣ «большой» финансовой реформы Штенгеля и печать и представители науки заговорили о необходимости новыхъ финансовыхъ преобразованій [3]). Съ лѣта же 1908 г. необходимость реформы

---

[1]) См. мою статью: «Главнѣйшіе моменты въ развитіи имперскаго финансоваго хозяйства въ Германіи». Юрид. Записки, 1909, вып. I. (III) и 1910, вып. I. (V).

[2]) Die Reichsfinanzreform. Ein Führer, hrsg. von der Vereinigung zur Förderung der Reichsfinanzreform. I Bd. Berl. 1909 S. 16 и слѣд.

[3]) Можно отмѣтить слѣдующія брошюры и статьи: *Martin R.* Die Zukunft Deufschlands. Eine Warnung. Lpz. 1908; *Lissner.* Die Reichsfinanzreform. 1908; *Köppe.* Am Voräbend der neuen Reichsfinanzreform. 1908; *Laband.* Direkte Reichsstenern. Ein Beitrag zum Staatsrecht des Deutschen Reiches. Berl. 1908; *Wagner A.* Die Reichsfinanznot und die Pflichten des deutschen Volkes wie seiner politischen Parteien. 1908; *Hoffmann.* Zur Reichsfinanzre orm Annalen d. D. Reichs. 1908 № 5. *Bernhauer*, Studien zur Reichsfinanzreform. Konservat. Monats Schrift. 1908, H. 8—12 (потомъ отдѣльнымъ изданіемъ — Berlin. 1908); *von Mayr.* Die Reichsfinanzreform, insbesondere vom staatsrechflichen Gesichtspunkte. München B. 1907; *Gerloff.* W. Matrikularbeiträge u. direkte Reichsstenern.

финансовой системы и различныя способы ея проведенія сдѣлались постоянной темой для германской прессы.

Правительство еще осенью 1907 г., внося проэктъ бюджета съ дефицитомъ въ 124 милл. м. и считаясь съ вопросомъ о повышеніи жалованья чиновникамъ и квартирныхъ денегъ и съ плачевными результатами реформы 1906 г., заявило, что изысканіе новыхъ источниковъ дохода не только необходимо, но неизбѣжно и неотложно, и что производятся работы по подготовкѣ соотвѣтственныхъ проэктовъ. Не открывая ихъ содержанія (предполагались: бандероль на сигары и водочная монополія), секретарь казначейства рѣзко высказался противъ идеи о введеніи прямыхъ налоговъ въ систему имперскаго обложенія. Между тѣмъ націоналъ - либералы, торжественно пропагандировавшіе идею о прямомъ имперскомъ обложеніи въ своихъ предвыборныхъ рѣчахъ, явились въ рейхстагъ съ планами установленія по крайней мѣрѣ имперскаго поимущественнаго налога. «Повидимому, говоритъ Линшманъ, на ихъ сторонѣ былъ и имперскій канцлеръ. Но тотчасъ же образовалось и весьма сильное противодѣйствіе со стороны праваго крыла блока и союзнаго совѣта, т. е. министровъ финансовъ союзныхъ государствъ. Къ этому присоединился еще извѣстный кризисъ, поведшій къ вотуму довѣрія политикѣ блока». Такимъ образомъ положеніе значительно усложнялось. Канцлеръ могъ предвидѣть, что съ планами барона ф. Штенгеля онъ не будетъ имѣть успѣха, и финансовая реформа поэтому была отложена, а въ эту сессію проведены только законы объ союзахъ и биржѣ [1]).

Не разсчитывая получить большинство въ рейхстагѣ, ф. Штенгель въ февралѣ 1908 г. оставилъ свой постъ. Преемникъ его Зидовъ 11 марта сдѣлалъ заявленіе въ рейхстагѣ, что онъ могъ бы внести законопроэкты

Berl. 1908 г.; *Steinmann-Bucher*. Zur Reichsfinanzreform. Deutsche Industrie-Zeitung. 1908 № 45 и др. Большой перечень литературы о финансовой реформѣ (до средины 1909 г.) и по исторіи германскихъ финансовъ вообще см. Die *Reichsfinanzreform*, II Bd. S. 487—494 и *H. Speck*. Die finanzrechtlichen Beziehungen zwischen Reich und Staaten. Breslau. 1908. S. 213—222.

[1]) *Linschmann H.* Die Reichsfinanzreform 1909. Berlin. S. 6.

своего предшественника, но что за это время положенiе вещей значительно измѣнилось. Рейхстагъ выразилъ пожеланiе, чтобы налогъ на сахаръ былъ пониженъ на 35 милл. м.; улучшенiе содержанiя чиновниковъ потребуетъ значительно бóльшихъ суммъ, чѣмъ предполагалось; доходъ отъ предположеныхъ налоговъ окажется недостаточнымъ для достиженiя намѣченной цѣли. Кромѣ того союзнымъ правительствамъ не безъизвѣстно, что рейхстагъ не имѣетъ склонности вотировать такiе податные законы, которые, хотя временно и могутъ доставить извѣстное облегченiе имперскимъ финансамъ, но за которыми въ слѣдующiе годы должны слѣдовать новые податные проэкты. Поэтому союзныя правительства, не внося сейчасъ никакихъ предложенiй, рѣшились приступить къ выработкѣ широкаго финансоваго проэкта, къ разсмотрѣнiю котораго рейхстагъ могъ бы приступить уже осенью.

Не смотря на громадность предстоявшей ему работы, правительство почти выполнило свое обѣщанiе. и, если не къ началу, то къ концу осени представило рейхстагу проэктъ финансовой реформы. Въ общихъ очертанiяхъ она была изложена имперскимъ канцлеромъ 9 сентября въ «Norddeutsche Allgem. Zeitung». Въ концѣ того же мѣсяца, въ октябрскомъ выпускѣ «Deutsche Rundschau» помѣстилъ статью о задачахъ и способахъ осуществленiя финансовой реформы [1]) секретарь казначейства Зидовъ, но также давая только общее представленiе о планахъ правительства. И наконецъ 3 ноября, за день до начала засѣданiй рейхстага были опубликованы въ «Norddeuts. Allg. Zeitung» выработанные правительствомъ проэкты [2]).

---

[1]) «Aufga'e und Wege der Reichsfinanzreform» von Staatsminister Sydow.

[2]) Финансовой планъ правительства выраженъ былъ въ 8 законопроэктахъ: а) объ измѣненiяхъ въ финансовой системѣ (№ 992), б) о торговлѣ (Zwischenhandel) имперiи водкой (№ 993), в) о налогѣ на потребленiе табака (№ 994), г) объ измѣненiи закона о налогѣ па пиво (№ 995), д) о налогѣ на вино (№ 996), е) о налогѣ на наслѣдственную массу (№ 997), ж) о наслѣдственномъ правѣ государства (№ 998), з) объ измѣненiи наслѣдственнаго налога (№ 999), и) о налогѣ на электричесгво и газъ (№ 999) и i) о налогѣ на электричество (№ 1001 der Drucksachen). Въ видѣ приложенiя къ этимъ законопроэктамъ были изданы 4 объемистыхъ (1800 стр. in 4⁰), тома—*Denkschriftenband zur Begründung des Entwurfs einer Gesetzes betreffend Anderungen im Finanzwesen.* Предста-

Нижеслѣдующее изложеніе имѣетъ въ виду представить: содержаніе правительственнаго плана реформы, судьбу проэкта въ рейхстагѣ, и внесенныя реформой измѣненія въ систему имперскаго обложенія, въ кредитное хозяйство имперіи и ея финансовыя отношенія къ союзнымъ государствамъ.

Правительственный проэктъ финансовой реформы [1]).

Общій планъ реформы, выработанный правительствомъ, былъ изложенъ въ объяснительной запискѣ къ первому изъ внесенныхъ въ рейхстагъ проэктовъ—проэкту закона объ измѣненіяхъ въ финансовой системѣ Содержаніе этой записки сводится къ слѣдующему:

Вслѣдствіе постояннаго несоотвѣтствія между расходами и доходами имперія оказалась обремененной тяжелымъ долгомъ. Все возобновляющіеся выпуски долговыхъ обязательствъ и билетовъ казначейства—безъ надежды на ихъ погашеніе—понизили курсъ займовъ настолько, что предстоитъ опасность кредиту имперіи потерпѣть ущербъ уже въ мирное время. Такое состояніе

вляющіе богатое собраніе статистическаго и фактическаго матеріала, относительно финансовъ, не только Германіи, но и всего цивилизованнаго міра. Первый томъ «Das Finanzwesen der öffentlichen Körperschaften Deutschlands» посвящёнъ изложенію историческаго развитія имперскихъ финансовъ и современнаго состоянія финансовъ имперіи, союзныхъ государствъ, высшихъ общинныхъ союзовъ, общинъ и церкви, главнымъ образомъ относительно налоговъ и вообще различныхъ сборовъ. Второй томъ содержитъ въ себѣ изложеніе финансовыхъ системъ главнѣйшихъ культурныхъ государствъ (Франціи, Англіи, Италіи, Японіи, Австро-Венгріи, Россіи, Швеціи и С. Штатовъ); третій—матеріалы для оцѣнки развитія благосостоянія Германіи въ теченіе послѣдняго поколѣнія (здѣсь же помѣщены двѣ интересныя записки *Ад. Вагнера*: 1) Zur Kritik der Berechnungen über die finanziellen, namentlich die Steuerbelastungen der Bevölkerungen sowie über die Vergleichungen zwischen der Revölkerungen sowie über die Vergleichungen zwischen den bezüglichen Daten in verschiedenen Staaten и 2) «Zur Kritik der Berechnungen und Schätzungen von Volkseinkommen und Volkrvermögen und der Verwendung der bezüglichen Statistik zu Vergleichungen und Schlussziehungen»). Четвертый томъ излагаетъ матеріалы для сужденія о зависимости между системой общественныхъ долговъ и состояніемъ денежнаго рынка

[1]) Подробный пересказъ правительственныхъ законопроэктовъ и сопровождающихъ ихъ объяснительныхъ записокъ содержится въ статьяхъ: *Schumann Fritz*. Die Gesetzentwürfe zur Reichsfinanzreform von 1908 samt Denkschriftenband. Finanz. Archiv, 1909 (26 Iahrg.), I Bd. 124—227; *Heckel Maxv*. Die Reichsfinanzen und die Reichsfinanzreform im Jahre 1908 въ Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, 36 Bd. 6. H. (Dez. 1908).

образовалось въ періодъ безпримѣрно блестящаго развитія народнаго хозяйства Германіи и могучаго увеличенія общаго благосостоянія; оно можетъ, поэтому, быть объясняемо только серьезными недостатками въ финансовой организаціи имперіи. Устраненіе этихъ недостатковъ есть необходимое условіе для могущества и значенія имперіи и въ тоже время неизбѣжная предпосылка для здороваго дальнѣйшаго развитія германскаго народнаго хозяйства.

Указывая, что несоотвѣтствіе между потребностями и средствами составляетъ характерное явленіе финансовой исторіи Германской имперіи, объяснительная записка приводитъ статистическія данныя о дефицитахъ за послѣдніе годы и о вызванномъ ими ростѣ имперскаго долга, иллюстрируетъ цифрами пониженіе курса имперскихъ займовъ и перечисляетъ различныя вредныя его послѣдствія. Всѣ эти затрудненія и опасности должны въ будущемъ еще болѣе обостриться, если не поставить имъ преграды. Если расходы и доходы стали бы возрастать въ томъ же соотношеніи, что до сихъ поръ, то разница между ними въ 1910 г. выразилась бы уже въ 500, въ 1913 г. болѣе чѣмъ въ 700 м. мар., имперскій долгъ выросъ бы на 4 милліарда, ежегодные платежи процентовъ болѣе чѣмъ до 310 м. мар. При этомъ разсчетѣ не принимается еще во вниманіе, что подобное увеличеніе долга повело бы за собой новое паденіе курса и вмѣстѣ съ нимъ или уменьшеніе вырученной суммы капитала или дальнѣйшее повышеніе размѣра процента.

Но необходимость реформы германской финансовой системы лежитъ не только въ матеріальной области, а вызывается и существенными недостатками въ формальномъ отношеніи. Существующія финансовыя отношенія между имперіей и отдѣльными государствами вредны для обѣихъ сторонъ. Такъ какъ союзныя государства, въ силу конституціи, обязаны покрывать расходы имперіи, поскольку они не могутъ быть покрыты изъ ея собственныхъ средствъ, то они должны имѣть дѣло съ постоянно колеблющимися высокими расходами, которые до крайности затрудняютъ правильное веденіе хозяйства даже и не въ мелкихъ государствахъ. Предпринятый

въ 1906 г. опытъ частичной отсрочки непосредственной уплаты матрикулярныхъ взносовъ исходилъ изъ предположенія, что новые доходы будутъ въ состояніи покрывать увеличеніе расходовъ имперіи въ нормальное время и что случайная недостача неблагопріятнаго года будетъ заглажена избытками слѣдующихъ лѣтъ. Такъ какъ новые податные источники оказались мало доходными, то теперешнее состояніе должно имѣть своимъ послѣдствіемъ или дальнѣйшее повышеніе имперскаго долга или обремененіе отдѣльныхъ союзныхъ государствъ расходами, нести которые они не въ состояніи.

Вслѣдствіе этого такія мѣры, которыя ограничивались бы только повышеніемъ налоговъ для покрытія роста расходовъ въ ближайшіе годы, представляются совершенно недостаточными. Безусловно необходимой является реформа всей финансовой системы въ матеріальномъ и формальномъ отношеніи и при томъ разсчитанная на большій періодъ времени; выступать каждый годъ съ новыми требованіями налоговъ невозможно какъ съ политической, такъ и съ народнохозяйственной точки зрѣнія.

Такая реформа должна преслѣдовать прежде всего три цѣли:

1. Задержаніе дальнѣйшаго увеличенія долговъ, а также регулярное достаточное погашеніе существующихъ и имѣющихъ впредь быть заключенными займовъ;

2. Установленіе равновѣсія между потребностями и покрытіемъ;

3. Регулированіе финансовыхъ отношеній между имперіей и отдѣльными государствами.

А. Реформа системы имперскаго долга. Относительно *заключенія* новыхъ займовъ въ запискахъ по имперскому бюджету содержится рядъ принциповъ, которые постепенно вырабатывались практикой и которые на будущее время должны подвергнуться еще болѣе строгой переработкѣ. Надо стремиться къ тому, чтобы расходы непроизводительнаго характера не относились на счетъ новыхъ займовъ, и, во всякомъ случаѣ, чтобы употребленіе займовъ не выходило за предѣлы тѣхъ цѣлей, которыя упоминаются въ составленномъ въ 1908 г.

бюджетной комиссіей рейхстага перечнѣ. Самый этотъ перечень долженъ разсматриваться, какъ высшая мѣра допустимаго примѣненія займовъ, а при возможности необходимо удовлетворять изъ текущихъ доходовъ и такіе расходы, мѣсто которымъ въ чрезвычайномъ бюджетѣ.

Для *погашенія* долговъ закономъ 3 іюня 1906 г. были установлены опредѣленныя нормы, которыя, за недостаткомъ средствъ, не примѣнялись; кромѣ того относительно нѣкоторыхъ долговъ существуютъ спеціальныя правила погашенія. Послѣднія должны быть сохранены, общій же планъ погашенія долженъ быть установленъ вновь, такъ какъ существующая $^3/_5$%-ная норма придала бы погашенію слишкомъ затяжной ходъ, а между тѣмъ прежде всего въ цѣляхъ поднятія курса займовъ необходимо энергичное ихъ погашеніе. Правительство считаетъ необходимымъ при погашеніи исходить отъ той суммы долга, которая будетъ имѣться на лицо 30 сентября 1909 г., и освобождающіеся отъ погашенія проценты употреблять на усиленіе погашенія. Наименьшій размѣръ погашенія опредѣляется въ 1%, при которомъ можно будетъ совершенно освободиться отъ существующаго долга въ 43 года. Большій размѣръ уплаты заключенныхъ въ прежнее время займовъ легъ бы слишкомъ тяжелымъ бременемъ на настоящее поколѣніе, но для долговъ, которые будутъ заключены въ будущемъ, правительство считаетъ необходимымъ болѣе сильное погашеніе: именно займы для производительныхъ цѣлей, куда относятся чрезвычайные расходы на имперскіе почту и телеграфъ, типографіи и желѣзныя дороги, должны уплачиваться въ теченіе 30 лѣтъ (49% погашенія). Расходы на непроизводительныя цѣли, по возможности, не должны производиться за счетъ займовъ; но если бы такіе займы оказались неизбѣжными, то ихъ погашеніе должно производиться въ размѣрѣ 3% въ годъ (приблизительно въ 22 года). Въ интересахъ упрощенія средній размѣръ сберегаемыхъ вслѣдствіе погашенія процентовъ устанавливается въ $3^1/_2$% погашенной суммы долга. Для проведенія этого плана погашенія необходимо значительное увеличеніе расходовъ

(съ 27,5 мил. м. до 42,5, а къ 1913 г. до 55 мил. м.) на эту цѣль. Кромѣ того остается въ силѣ ст. 70 п. 2 конституціи, по которой на погашеніе долга употребляются избытки въ бюджетѣ. Если осуществится въ дѣйствительности это интенсивное погашеніе долга, то, согласно съ опытомъ другихъ странъ, можно съ увѣренностью ожидать немедленнаго улучшенія курса имперскихъ займовъ, и есть надежда, что, благодаря снятію этого тяжелаго бремени, имперія освободится на будущее время отъ платежа процентовъ на непроизводительныя цѣли и будетъ пользоватья возстановленнымъ кредитомъ для новыхъ потребностей.

Б. Возстановленіе равновѣсія между потребностями и средствами. Для объясненія размѣровъ этой задачи правительство не считаетъ возможнымъ ограничиться данными о доходахъ и расходахъ на ближайшій годъ, а охватываетъ болѣе продолжительное время—цѣлое пятилѣтіе. При предположеніи, что доходы и расходы будутъ и впредь возрастать съ той же быстротой, какъ въ истекшее пятилѣтіе, получилось бы:

	1909	1910	1911	1912	1913	
расходы	2500	2677	2854	3030	3206	милл. мар.
доходы	2181	2249	2320	2393	2469	» »
дефицитъ	319	428	534	637	737	милл. мар.

Подобное возрастаніе дефицитовъ записка называетъ невозможностью. Поэтому для установленія равновѣсія необходимо какъ ограниченіе расходовъ, такъ и увеличеніе доходовъ. Первое можетъ происходить въ двухъ направленіяхъ. Новые расходы—до тѣхъ поръ, пока финансы имперіи не будутъ вполнѣ устроены—должны совсѣмъ не допускаться или ограничиваться лишь случаями самой настоятельной необходимости. Для существующихъ же уже областей дѣятельности будущіе расходы должны по возможности сокращаться [1]); въ этомъ направленіи къ каждому вѣдомству безъ исклю-

[1]) «Ein Vorschlag, der nicht auf dem Voraussetzung einer durch und durch sparsamen Wirthschaft beruhte und, soweit dies im voraus geschehen kann, auf deren nachdrüchliche Betätigung hinwirkte, würde den Namen einer Finanzreform so wenig verdienen, wie ein Entwurf, der vor der Erschliessung neuer grosser Einnahmequellen zurückschreckte». *Begründung.* S. 13.

ченія должны предъявляться соотвѣтствующія требованія—устраненія всякихъ излишнихъ расходовъ (Luxusausgaben) и простоты во всемъ веденіи дѣла. Необходимо противодѣйствовать дальнѣйшему росту дорогого бюрократическаго аппарата, передавая полномочія высшихъ учрежденій подчиненнымъ инстанціямъ, дѣла высшихъ чиновниковъ среднимъ и т. д., достигать сбереженій при заключеніи договоровъ о доставкахъ, и т. п., а также путемъ болѣе коммерческаго веденія дѣла въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ.

По установленіи приблизительнаго плана расходовъ и доходовъ на пятилѣтіе, записка опредѣляетъ превышеніе первыхъ надъ послѣдними въ слѣдующихъ цифрахъ (тыс. мар.)

	1909	1910	1911	1912	1913
	201.277	231.388	235.483	243.236	242.022
Сюда присоединяются еще новые расходы:					
на улучшеніе жалованья	81.000	85.000	90.000	95.000	100 000
на инвалидный фондъ	—	—	20.000	30.000	30.000
на погашеніе долга	—	27.500	27.500	27.500	27.500
Пониженіе сахарнаго налога	—	20.000	35.000	35.000	35.000
Отмѣна налога на пассаж. билеты и пониженіе почтовой платы	—	22.000	22.000	22 000	22.000
Всего недостаетъ для покрытія расходовъ	282.329	386.470	430.363	453 096	457.104

Для пополненія этихъ недостающихъ суммъ необходимо прибѣгнуть къ изысканію новыхъ источниковъ дохода; предположенныя проэктомъ для этого мѣры должны принести:

	1909	1910	1911	1912	1913
Новые налоги	147.000	402.000	434.000	449.000	457.000
Новые матрикулярные платежи	24.256	24.256	25.966	25.966	25.966
Измѣненіе части союзныхъ государствъ въ наслѣдственномъ налогѣ	14.500	14.500	4.500	4.500	4.500
Всего	185.756	440.756	464.466	479.466	487.466

Такимъ образомъ четыре года (1910—13) должны дать избытокъ въ 145.121.000 м., за счетъ которыхъ долженъ быть покрытъ дефицитъ 1909 г. въ размѣрѣ 339.225.000 мар.

Для покрытія столь высокихъ расходовъ, нѣтъ сомнѣнія, необходимы весьма значительныя жертвы

всего народа. Податной законъ 1906 г. представлялъ послѣднюю попытку достигнуть упорядоченія имперскихъ финансовъ безъ значительныхъ притязаній къ частнымъ хозяйствамъ. Но, такъ какъ результатъ ея оказался недостаточнымъ—на мѣсто нужныхъ 225 милл. принесъ до сихъ поръ немного болѣе 100 милл. м., то нужно отказаться отъ ея повторенія и основать финансовую реформу на такихъ налогахъ, которые гарантируютъ высокіе доходы. Если изъ предыдущаго ясно, что эти жертвы *должны* быть принесены, то также несомнѣнно, что они *могутъ* быть принесены. Могучій ростъ благосостоянія германскаго народа позволяетъ ему вынести повышенныя требованія имперіи безъ того, чтобы народное и частное хозяйство понесло продолжительный вредъ [1]). Взимаемые имперіей сборы отставали въ своемъ увеличеніи отъ роста богатства, и при повышеніи налоговъ на 500 милл. мар. у частныхъ хозяйствъ будетъ отвлекаться меньшая часть ихъ имущества, чѣмъ въ 1879 г. Примѣръ другихъ культурныхъ странъ—податныя системы которыхъ гораздо обременительнѣе сравнительно съ ихъ благосостояніемъ—показываетъ, что такіе налоги *могутъ* уплачиваться населеніемъ [2]).

Исходя изъ соображенія, что всякое регулированіе имперскихъ финансовъ должно сообразоваться съ существующими финансовыми системами отдѣльныхъ государствъ, общинъ, церкви и т. д. и что съ другой стороны реформа должна основываться на принципахъ доходности, общности, справедливости и хозяйственности, правительство останавливается на слѣдующей системѣ налоговъ.

а) На первомъ планѣ обложеніе предметовъ общаго наслажденія (Genussmittel)—спирта, пива, вина и табаку, такъ какъ только оно можетъ дать необходимыя крупныя суммы. Въ каждомъ большомъ государствѣ податная система основывается на этихъ четырехъ предме-

[1]) Здѣсь ссылка на *Denkschriftenband* Theil III: «Materialen zur Beurtheilung der Entwicklung der Wohlstandes in Deutschland während der letzen Menschenalters».

[2]) Ссылка на *Denkschriftenband* II: «Die Finanzen von Oestereich, Italien, Frankreich, Grossbritannien, Russland etc».

тахъ, только въ Германіи они мало использованы, и финансовыя затрудненія имперіи объясняются въ немалой степени тѣмъ, что она упустила своевременно обложить ихъ достаточно высокими налогами. Имперія тѣмъ болѣе обязана прежде всего приступить къ устроенію налоговъ на спиртъ, пиво и табакъ, что эти предметы по конституціи изъяты изъ права союзныхъ государствъ на обложеніе, по крайней мѣрѣ у большинства изъ нихъ. Опредѣляя размѣръ обложенія этихъ предметовъ все таки гораздо ниже, чѣмъ существующій въ большинствѣ другихъ культурныхъ государствъ, правительство не опасается, чтобы наступило продолжительное или значительное сокращеніе потребленія, и заботится также о томъ, чтобы безусловно избѣжать обложенія самыхъ отраслей промышленности, производящихъ облагаемые предметы, т. е. чтобы обезпечить полное переложеніе новыхъ налоговъ. Признавая необходимымъ, чтобы налоги на потребленіе возможно соотвѣтствовали современнымъ принципамъ соціальной справедливости, правительство полагаетъ, что требованіе освобожденія Existenzminimum'а не нарушается налогами, которые не касаются необходимыхъ жизненныхъ средствъ и которые каждый потребитель—ограниченіемъ своего потребленія—легко можетъ приспособить къ своему хозяйственному положенію, а требованіе прогрессивности обезпечивается, особенно относительно вина и табака, повышеніемъ налога въ зависимости отъ цѣны посредствомъ бандерольной системы.

б) Рядомъ съ названными налогами проэктируются также налоги: на электричество и газъ, и объявленія.

Налоги на потребленіе возрастаютъ сравнительно медленно; напротивъ электричество является такимъ объектомъ обложенія, который долженъ приносить все большіе и большіе доходы въ зависимости отъ неудержимыхъ успѣховъ электротехники и въ будущемъ обѣщаетъ безъ всякаго вреда для народнаго хозяйства покрывать значительную часть имперскихъ потребностей. Примѣненіе предполагаемаго налога не можетъ принести вреда дальнѣйшему развитію пользованія электрической силой: электротехника обнаруживаетъ такой быстрый

прогрессъ и такую приспособляемость, что незначительное обложеніе легко можетъ быть сложено улучшеніемъ условій производства. Обложеніе электрическаго свѣта уничтожаетъ въ тоже время противную соціальному чувству несправедливость: менѣе состоятельные и средніе классы пользуются для освѣщенія керосиномъ, обложеннымъ значительной ввозной пошлиной и приносящимъ ежегодно имперіи 75 милл. мар., тогда какъ употребляемый преимущественно зажиточными кругами электрическій свѣтъ остается свободнымъ отъ налога. Затѣмъ вслѣдствіе конкуренціи, существующей между электричествомъ и газомъ, необходимо также привлечь къ обложенію и потребленіе послѣдняго. Наконецъ объявленія (eine äusserst markante Erscheinung des Aufwandes) также при умѣренномъ обложеніи могутъ дать значительный доходъ имперіи, при чемъ газеты безъ особаго труда будутъ въ состояніи переложить налогъ на лицъ, помѣщающихъ объявленія.

в) Вмѣстѣ съ тѣмъ представляется абсолютно необходимымъ установить и такіе налоги, которые уплачивались бы преимущественно состоятельными классами: было бы нарушеніемъ основныхъ принциповъ германской соціальной политики, если бы реформа финансовъ была основана исключительно на налогахъ, которые—вопреки завоеваніямъ соціальной политики и не считаясь съ непрерывнымъ ростомъ всѣхъ доходовъ—относительно тяжелѣе облагали бы бѣднѣйшіе классы народа. Такой противовѣсъ налогамъ на потребленіе не можетъ быть установленъ въ видѣ прямого поимущественнаго или подоходнаго обложенія, такъ какъ послѣднее составляетъ необходимый фундаментъ финансоваго хозяйства союзныхъ государствъ и общинъ. Вырвать его у нихъ, значило бы привести финансы отдѣльныхъ государствъ и самоуправленій въ то же печальное положеніе, въ которомъ находится теперь сама имперія. Союзныя правительства - въ интересахъ самосохраненія финансоваго верховенства—твердо рѣшились сохранить за собой подоходный и поимущественный налоги и не согласятся на притязанія на нихъ имперіи. Взиманіе надбавокъ къ этимъ налогамъ—кромѣ большихъ формаль-

ныхъ трудностей—невыполнимо и по матеріальнымъ основаніямъ. Обложеніе дохода не можетъ быть повышено за извѣстный предѣлъ безъ глубокаго вреда для капиталообразованія; а и теперь уже существующіе подоходные и дополнительные налоги въ пользу государства, общины и церкви весьма значительны. Постоянное расширеніе культурныхъ задачъ заставляетъ быстро увеличиваться расходы государствъ и общинъ; во многихъ государствахъ они въ теченіе одного поколѣнія утроились и даже удвоились, а между тѣмъ главнымъ источникомъ покрытія для нихъ являются подоходный и поимущественные налоги. Если невозможно для имперіи воспользоваться этими налогами, то тоже надо сказать и о спеціальномъ обложеніи отдѣльныхъ видовъ дохода, какъ напр. процентовъ и дивидендовъ. Это была бы особая форма подоходнаго обложенія, которая можетъ быть правильно урегулирована только въ связи съ прямымъ обложеніемъ дохода и имущества и потому должна быть предоставлена отдѣльнымъ государствамъ.

Такимъ образомъ необходимое привлеченіе владѣнія можетъ послѣдовать только путемъ наслѣдственнаго налога. Онъ допускаетъ различіе обложенія въ зависимости отъ величины имуществъ, превосходно соотвѣтствуетъ поэтому требованіямъ соціальной справедливости и можетъ, какъ показываетъ примѣръ особенно Англіи, развиться въ весьма прибыльный источникъ дохода, если его распространить на всѣ наслѣдства, т. е. достающіяся также прямымъ потомкамъ и супругамъ. Союзныя правительства считаются съ различными опасеніями относительно такого налога. Они не упустили изъ виду, что онъ представляетъ существенную жертву для сельскаго хозяина крестьянина, который не располагаетъ значительными капиталами и при извѣстныхъ обстоятельствахъ долженъ прибѣгнуть къ гипотекѣ для уплаты налога; вслѣдствіе этого въ проэктѣ устанавляются широкія льготы въ интересахъ сельскаго хозяйства. Напротивъ совсѣмъ неосновательно, чтобы подобный налогъ, гдѣ онъ существуетъ, какъ въ Англіи, Франціи, Австріи, Эльзасъ-Лотарингіи, ганзейскихъ городахъ, велъ къ потрясенію семейнаго духа. Мнѣніе,

что онъ противорѣчитъ германскому праву и германскому правосознанію, потому что при переходѣ отъ отца къ дѣтямъ нѣтъ собственно наслѣдованія, было бы справедливо только тогда, если бы владѣлецъ имущества не могъ бы совершеннно свободно распоряжаться при жизни или на случай смерти суммами, превышающими обязательную часть. Учрежденіе наслѣдственнаго налога въ предлагаемой формѣ представляетъ собой особую жертву, которую состоятельные должны принять на себя въ интересахъ государства. Для союзныхъ государствъ оно равняется отказу отъ значительныхъ частью уже существующихъ, частью возможныхъ въ будущемъ доходовъ, что является дальнѣйшимъ обстоятельствомъ, вынуждающимъ союзныя государства настаивать на своемъ исключительномъ распоряженіи въ области подоходнаго и поимущественнаго обложенія.

Вмѣстѣ съ измѣненіемъ существующаго обложенія наслѣдованія, вызываемымъ этимъ налогомъ, правительство предлагаетъ—согласно съ современными правовыми воззрѣніями, устранить неограниченное право наслѣдованія по закону и поставить имперію какъ законнаго наслѣдника, на мѣсто отдаленныхъ родственниковъ. Сумма, которая можетъ отсюда получиться, будетъ невелика, но все таки не лишена значенія для покрытія недостающихъ средствъ.

Организація налога на наслѣдственную массу допускаетъ взиманіе особой прибавки съ наслѣдствъ тѣхъ лицъ, которыя не выполняли воинской повинности. Большія хозяйственныя жертвы, съ которыми сопряжено несеніе обязательной службы вполнѣ оправдываютъ такое обложеніе, тѣмъ болѣе, что тѣлесные недостатки, которыми вызывается освобожденіе отъ военной службы, въ случаяхъ предполагаемаго обложенія (при наслѣдствахъ свыше 20.000 мар.) не повредили имъ при жизни въ пріобрѣтеніи имущества.

г) При столь большихъ требованіяхъ къ плательщикамъ необходимо позаботиться объ охраненіи обращенія отъ обложенія. Считая необходимымъ воздерживаться отъ всякаго обложенія собственно обращенія, особенно отъ налога на банки и биржевыя операціи, правитель-

ство полагаетъ своевременнымъ отмѣнить сборъ съ пассажирскихъ билетовъ и понизить плату съ открытыхъ писемъ въ мѣстномъ сообщеніи до 3 пфен.—конечно при условіи установленія въ достаточныхъ размѣрахъ новыхъ источниковъ дохода.

Новые налоги, по приблизительному исчисленію правительства, должны доставлять послѣ 1903 г. около 475 милл. мар. Для покрытія остальной части потребной суммы союзныя правительства рѣшили повысить матрикулярные взносы еще на 40 пф. съ души (т. е. довести ихъ до 80 пф.). Такъ какъ союзныя государства, согласно своимъ финансовымъ системамъ, должны добыть этотъ излишекъ преимущественно изъ подоходнаго и поимущественнаго налоговъ, то въ этомъ опредѣленіи заключается дальнѣйшее обложеніе владѣнія.

Такимъ образомъ путемъ планомѣрнаго ограниченія расходовъ необходимѣйшимъ, повышенія налоговъ на предметы наслажденія (Genussmittel) и путемъ особаго привлеченія владѣнія можетъ быть выравнена глубокая разница между потребностями и доходами. Этими мѣрами и одновременнымъ устраненіемъ обремененія обращенія союзныя правительства надѣются свести къ минимальному, допустимому при крайнемъ состояніи имперскихъ финансовъ, размѣру налагаемыя на отдѣльныхъ лицъ жертвы.

В. Формальное преобразованіе. Изысканіе новыхъ средствъ не устранитъ возвращенія финансовыхъ затрудненій, если рука объ руку съ нимъ не пойдетъ установленіе новаго формальнаго порядка. Особенно необходимо поставить на здоровыя основанія отношеніе между имперіей и союзными государствами, для котораго не смотря на рядъ попытокъ, до сихъ поръ не удалось найти рѣшеніе, удовлетворяющее обѣ стороны.

Новый порядокъ, предлагаемый проэктомъ, долженъ заключаться въ слѣдующемъ. Мѣсто существующихъ перечисляемыхъ, колеблющихся въ своихъ размѣрахъ, налоговъ занимаетъ чистый доходъ отъ продажи водки, который перечисляется отдѣльнымъ государствамъ въ размѣрѣ 220 милл. мар. и замѣняетъ соотвѣтствующую сумму матрикулярныхъ взносовъ. Всѣ остальные пере-

числяемые налоги остаются за имперіей, кромѣ части наслѣдственнаго налога, предоставляемой союзнымъ государствамъ въ возмѣщеніе сокращенія ихъ доходовъ отъ этой статьи. Установленный закономъ 3 іюня 1906 г. размѣръ непокрытыхъ матрикулярныхъ платежей до 40 пф. на душу остается, но кромѣ того допускаются и платежи свыше этой суммы, высшій размѣръ которыхъ долженъ опредѣляться закономъ періодически (отъ пятилѣтія къ пятилѣтію, чтобы частыми измѣненіями не вызывать постоянныхъ затрудненій) и который на ближайшіе 5 лѣтъ устанавливается въ 40 пф. Союзныя государства соглашаются на это удвоеніе высшей суммы непокрытыхъ матрикулярныхъ платежей только подъ условіемъ, что въ теченіе пятилѣтія они будутъ свободны отъ всякихъ колебаній.

Въ предположенія реформы не входитъ такъ наз. облагороженіе матрикулярныхъ взносовъ. Упрекъ, что они представляютъ собой поголовный налогъ, несправедливъ, такъ какъ союзныя государства покрываютъ ихъ на счетъ общаго дохода отъ своихъ податныхъ системъ, которыя вездѣ принимаютъ въ соображеніе платежную способность. Принимать въ соображеніе только благосостояніе населенія въ отдѣльныхъ союзныхъ государствахъ, какъ основаніе для распредѣленія, было бы недостаточно, такъ какъ важна также и степень обремененія населенія налогами въ пользу самого союзнаго государства. Затѣмъ, помимо этого, нѣтъ и надежнаго масштаба, на основаніи котораго возможно было бы такое распредѣленіе, которое со всѣхъ сторонъ могло бы быть признано правильнымъ.

Опредѣленное ограниченіе размѣра взносовъ существенно усилитъ положеніе финансоваго управленія: оно будетъ въ состояніи—ссылкой на отсутствіе необходимыхъ средствъ, отклонять притязанія различныхъ вѣдомствъ. Точное опредѣленіе основаній для заключенія займовъ въ связи съ этой мѣрой устраняетъ переложеніе расходовъ на будущія поколѣнія или на финансы союзныхъ государствъ и на будущее время создастъ слѣдованіе принципу: «никакого расхода безъ покрытія».

Въ основѣ системы отсрочекъ взносовъ лежала мысль о возможности уравниванія благопріятными годами результатовъ неблагопріятныхъ, но въ дѣйствительности она повела только къ повышенію текучаго долга. На будущее время она должна быть совсѣмъ отмѣнена; отсроченные до сихъ поръ взносы, составляющіе особую форму текучаго долга, предполагается погасить изъ средствъ имперіи ранѣе всѣхъ другихъ долговъ.

Такимъ образомъ проэктъ устанавливаетъ только двоякую связь между финансами имперіи и отдѣльныхъ государствъ: во 1-хъ, матрикулярные взносы, покрываемые перечисленіемъ въ пользу союзныхъ государствъ чистаго дохода отъ торговли водкой и, во 2-хъ, обязанность уплаты непокрытыхъ матр. взносовъ, предѣльный размѣръ которыхъ опредѣляется періодически, а на ближайшее пятилѣтіе предусматривается въ 80 пф. на голову населенія.

Правительственный проэктъ финансовой реформы прессой и обществомъ былъ встрѣченъ довольно сочувственно. Настоятельность улучшеній финансовой системы и неизбѣжность понести новыя матеріальныя жертвы въ пользу имперіи успѣла настолько ясно войти въ сознаніе общества, что его уже не испугали ни весьма крупныя притязанія проэкта, ни многочисленность содержавшихся въ немъ налоговыхъ предложеній. Для всѣхъ было очевидно, что старые пріемы финансовой политики, при которой рейхстагъ, вотируя расходы, не давалъ себѣ труда позаботиться о средствахъ для ихъ покрытія, привели наконецъ къ крушенію имперскихъ финансовъ, и что нѣтъ иного выхода, какъ отрѣшиться отъ этихъ пріемовъ и стать на новый путь. «Новымъ имперскимъ канцлеромъ казначейства, писалъ, напр., проф. Ю. Вольфъ въ Neue Freie Presse (17 окт. 1908 г.), предъявленъ къ уплатѣ вексель, выданный прежнимъ рейхстагомъ на теперешній рейхстагъ. Г. Зидовъ полагаетъ, что настало время его уплатить, и при современномъ положеніи дѣлъ дальнѣйшая отсрочка

дѣйствительно была бы недостойна германской имперіи и народа». Таково же было общераспространенное мнѣніе. Извѣстная внѣшняя широта, грандіозность реформы, нѣкоторая принципіальность, объединяющая въ ней податные проэкты, также производили импонирующее впечатлѣніе въ выгодную для нея сторону. «Есть «система» въ реформѣ, писалъ тотъ же Вольфъ, пожалуй, даже слишкомъ много системы, т. е., доктринерства». Проэктъ правительства вытекаетъ, по его мнѣнію, не изъ желанія «бросить на столъ палаты» пару, другую новыхъ налоговъ, а изъ серьезнаго намѣренія произвести дѣйствительную реформу. «Система» выражается въ стремленіи обложить дѣйствительную платежную способность, недостаточно использованную въ Германіи, въ привлеченіи къ обложенію роскоши массъ, ибо Alkoholika и Narkotica являются преимущественными предметами массовой роскоши; «система» выражается и въ томъ, что проэкты отдѣльныхъ налоговъ находятся въ связи другъ съ другомъ или взаимно дополняютъ другъ друга или представляютъ дополненіе къ уже существующимъ налогамъ: налогъ на газъ и электричество къ пошлинѣ на керосинъ, налогъ на вино къ другимъ налогамъ на алкоголь; «система» проглядываетъ и въ томъ, что оклады въ различныхъ налогахъ получаютъ лучшее взаимное соотношеніе, и, наконецъ, въ томъ, что крупные косвенные налоги, которые теперь въ каждомъ культурномъ государствѣ служатъ основаніемъ финансовой системы, находятъ себѣ противовѣсъ въ проэктируемомъ крупномъ прямомъ имперскомъ налогѣ [1]).

Эта систематичность подкупала многихъ. «Какъ ни произвольно составленнымъ кажется на первый взглядъ правительственный проэктъ, писалъ г. Шумахеръ, онъ представляетъ собою хорошо связанное единое цѣлое. Безъ равноцѣнной и однородной замѣны нельзя вынуть

---

[1]) *I. Wolf.* Die Reichsfinanzreform und ihr Zusammenhang mit Deutschlands Volks-und Weltwirtschaft. Lpz. 1909 («въ годъ 6-ой имперской финансовой реформы»—датируетъ Вольфъ свой трудъ. Онъ посвящаетъ его «Den Manen Miquels, in dessen Geist das grosse Werk der Reichsfinanzreform gelingen möge»). S. 67—68.

изъ него ни одного камня, не повредивъ всему сооруженію» [1]).

Люди различныхъ мнѣній обыкновенно приходятъ къ самымъ разнообразнымъ и даже противоположнымъ оцѣнкамъ одного и тоже же явленія; то же сказалось и и въ оцѣнкѣ Зидовскаго проэкта. Если для однихъ онъ представлялся органически связаннымъ во всѣхъ своихъ частяхъ, то для другихъ онъ представлялъ аггломератъ ничѣмъ не объединенныхъ предложеній. «Для каждой части имперскихъ финансовъ, нуждающейся въ реформѣ, говоритъ, напр., I. Пленге, составлено особое предложеніе, и всѣ они свидѣтельствуютъ о большомъ прилежаніи и искреннемъ усердіи, о нѣсколько тяжеловатомъ, но благожелательномъ стремленіи укрѣпить финансовыя основы имперіи—но это только части и нѣтъ духовной связи. Такъ какъ имперія въ финансовомъ отношеніи страдаетъ многими недугами, то прописывается одновременно и много рецептовъ: старыя домашнія средства и новая патентованная медицина въ налогахъ, которые должны вернуть имперіи ея слабѣющія силы; новый, сооруженный безъ надлежащаго механическаго разумѣнія, аппаратъ для искуственной ноги матрикулярныхъ взносовъ, которая сдѣлается отъ него только еще менѣе гибкой и надежной,—и напоминающая извѣстныя сильныя методы леченія (Gewaltkuren) діэта погашенія долговъ» [2]). Если Ю. Вольфъ упрекалъ проэктъ въ

---

[1]) Цитировано въ Die Reichsfinanzreform. II Band. S. 254—5.

[2]) *Plenge Ioh.* Zur Diagnose der Reichsfinanzreform. Пленге сравниваетъ проэктъ Зидова съ Микелевской финансовой реформой 1892 г. «И тамъ и здѣсь дѣло идетъ о большой совокупности мѣропріятій. У *Микеля*: введеніе дополнительнаго налога, отмѣна реальныхъ налоговъ въ качествѣ государственныхъ, передача ихъ общинамъ и законъ о коммунальныхъ сборахъ. У *Зидова* погашеніе имперскихъ долговъ, регулированіе финансовыхъ отношеній между имперіей и союзными государствами, увеличеніе доходовъ имперіи посредствомъ ряда налоговъ. Обѣ мѣры претендовали на названіе крупныхъ финансовыхъ реформъ, на которыя обращаетъ вниманіе исторія и по которымъ изучаютъ проблемы творческой финансовой политики. Какъ все согласовано у Микеля! Нельзя не удивляться плану, хотя бы и не соглашался съ деталями... Все, что тамъ сказано и что обойдено молчаніемъ,—одинаково вызываетъ чувство восхищенія, особенно изумительная легкость, съ которой излагаются аргументы такъ ясно и убѣдительно, что съ трудомъ можно отъ нихъ отрѣшиться. Мы слышимъ безконечно умнаго человѣка, который въ совершенствѣ знаетъ свое дѣло и, играя, разбирается въ немъ, который не запутывается безполезно въ деталяхъ, а излагаетъ

доктринерствѣ, то I. Пленге считаетъ недостатками проэкта рутинерство и оппортюнизмъ. По его мнѣнію, если бы канцлеръ могъ высказаться откровенно, по совѣсти, то онъ сказалъ бы: мы снова стоимъ предъ большимъ финансовымъ бѣдствіемъ, не имѣя большого и импонирующаго плана; правительство старается справиться, какъ можетъ, возможно менѣе отступая отъ старой рутины: на первомъ планѣ обычные налоги на потребленіе, затѣмъ пара совершенно оригинальныхъ предложеній, которые наскоро распорядился выработать мой трудолюбивый другъ—канцлеръ казначейства и наконецъ обложеніе наслѣдствъ,—потому что, какъ вы сами понимаете, въ эпоху блока нельзя провести реформы безъ такого компромиса и безъ всякаго обложенія владѣнія у насъ были бы ближайшій разъ слишкомъ дурные выборы [1]). Чтобы добиться согласія, проэктъ на всѣ стороны раздаетъ обѣщанія: въ пользу союзныхъ государствъ—освобожденіе отъ отсроченныхъ платежей и отъ конституціонной обязанности покрывать дефициты имперіи, устраненіе колебаній матрикулярныхъ взносовъ, благопріятное регулированіе перечисленій во вредъ имперіи; въ пользу аграріевъ—льготы въ наслѣдственномъ налогѣ, въ пользу либераловъ—налогъ на владѣніе, въ пользу заинтересованныхъ въ облагаемыхъ промышленностяхъ лицъ—различныя частныя выгоды въ проэктахъ и т. д. [2]).

Конечно, «красота мозаичной реформы» (Reiz einer Reformmosaïk) не увеличивалась оттого, что слишкомъ ясно бросались въ глаза различныя части, разсчитанныя на спеціальный эффектъ», но Пленге самъ понимаетъ, что безъ компромиссовъ при политикѣ блока нельзя

только вещи, созрѣвшія благодаря долгому обдумыванію,—человѣка, который былъ коммунистомъ—мечтателемъ и парламентскимъ тактикомъ, финансистомъ, обербургомистромъ и министромъ съ аграрной закваской. Всего есть тамъ, вся опытность сказалась въ крупномъ твореніи. Каждый интересъ находитъ въ этой реформѣ привлекательныя черты, и цѣлое тѣсно объединено, какъ въ машинѣ, явная цѣлесообразность которой восхищаетъ даже профана». О томъ, какъ по сравненію съ Микелевской—относится Пленге къ Зидовской реформѣ, см. выше въ текстѣ. Zeitsch. f. d. ges. Staatswiss. 1909, 2 Heft, S. 290.

[1]) Ilidem. S. 308.

[2]) Ilidem. S. 305.

было обойтись, и потому его упреки проэкту относительно оппортюнизма несправедливы. Вся исторія германскихъ финансовъ двигалась по прихотливо изломанной, благодаря вѣчной борьбѣ разнообразныхъ политическихъ силъ, линіи, и именно отсутствіе компромисовъ и нежеланіе или неумѣніе поступиться частью своихъ выгодъ или убѣжденій въ общихъ интересахъ привело германскіе финансы къ тому печальному состоянію, съ которымъ приходилось имѣть дѣло Бюлову и Зидову. Ихъ долгъ обязывалъ найти выходъ изъ этого положенія и при томъ немедленно, и какъ практическіе политики, они не могли не считаться съ стоявшей предъ ними констелляціей политическихъ силъ: отдѣльныя правительства въ союзномъ совѣтѣ, противоестественный консервативно-либеральный блокъ въ рейхстагѣ и различныя заинтересованныя общественныя группы въ странѣ. Компромиссы въ сторону однихъ, другихъ и третьихъ были ихъ заслугой, какъ реальныхъ политиковъ, ибо эти компромиссы отнюдь не обезцѣнивали существа реформы и не опорочивали способовъ осуществленія тѣхъ задачъ, которыя подлежали ея разрѣшенію. При несомнѣнной, хотя бы количественной, грандіозности реформы, возможные недостатки можно было спокойно предоставить для исправленія въ будущемъ самому населенію, которое, при упорядоченіи финансовъ, легко могло бы достигнуть этого болѣе обдуманнымъ избраніемъ въ рейхстагъ представителей своихъ интересовъ.

Нельзя не согласиться съ С. Альтманомъ, видящимъ главную заслугу правительства въ томъ, «что оно предприняло попытку провести принципъ, который не держится формальной стороны дѣла, не цѣпляется за названія косвенныхъ и прямыхъ налоговъ, но открыто стремится коснуться сущности экономическихъ партійныхъ противорѣчій, лежащей въ распредѣленіи имуществъ, въ раздѣленіи классовъ» [1]). Эта основная идея о необходимости обложить владѣніе рядомъ съ массовымъ

---

[1]) S. P. Altmann. Der Kampf an die Besitzsteuer въ Archiv für Socialwissenschaft u. Socialpol. 1909 Iuli. Heft, S. 84.

потребленіемъ была принята общественнымъ мнѣніемъ безусловно сочувственно. Еще задолго до опубликованія проэкта оно занималось этимъ вопросомъ и, если въ принципѣ онъ рѣшался всѣми одинаково утвердительно, то относительно подробностей были большія разногласія. Національ-либеральная партія высказывалась открыто за необходимость установленія имперскаго поимущественнаго налога, отдавая ему преимущество предъ наслѣдственнымъ; того же мнѣнія были свободомыслящіе и, повидимому, центръ. Консерваторы были настроены и противъ поимущественнаго, и противъ наслѣдственнаго налога. Правительство же опредѣленно стояло на точкѣ зрѣнія невозможности поимущественнаго налога, а Зидовъ въ своей статьѣ въ Deutsche Rundschau проведеніе налога на наслѣдственную массу назвалъ *conditio sine qua non* для осуществленія финансовой реформы. Вопросъ о способахъ обложенія владѣнія, значительно усложнившійся при дальнѣйшемъ обсужденіи правительственнаго проэкта, сдѣлался вслѣдствіе этого основнымъ спорнымъ пунктомъ всей реформы.

Отдѣльныя податныя предложенія правительства подверглись живому обсужденію и критикѣ. Особенно единодушны были нападки на проэкты обложенія объявленій, газа и электричества [1]). Большія возраженія со стороны представителей заинтересованной промышленности вызвало предположеніе объ увеличеніи и измѣненіи формы табачнаго налога. «Süddeutsche Tabakzeitung», по словамъ Линшмана, пошла такъ далеко, что планъ бандероли на сигары называла исчадіемъ ада, бандерольное обложеніе—дьявольскимъ, повышеніе налога на сырой табакъ—Вельзевуломъ. Проэктъ питейной монополіи былъ встрѣченъ гораздо сдержаннѣе, а налогъ на пиво и вовсе не встрѣчалъ значительнаго противодѣйствія, такъ какъ особая техническая организація его обезпечивала пивоварамъ переложеніе его на потребителей.

---

[1]) Подробности см. у *Linshman'a* l. c. S. 17—19.

Судьба проэкта въ рейхстагѣ.

Слова Ад. Вагнера—«Alle Finanzgeschichte ist das Spiegelbild der politischen Geschichte» –вполнѣ оправдались на судьбѣ проэкта финансовой реформы въ рейхстагѣ. Въ борьбѣ изъ-за этой реформы получила наглядное выраженіе борьба политическихъ силъ, которыя, оцѣнивая такъ или иначе экономическое значеніе поставленныхъ на очередь новыхъ налоговъ, воспользовались ими для достиженія, рядомъ съ экономическими выгодами, и опредѣленныхъ политическихъ цѣлей.

Рейхстагъ, которому пришлось заняться крупной реформой финансовой системы, получилъ свое большинство, благодаря блоку консерваторовъ съ либералами, создавшемуся подъ вліяніемъ совершенно случайныхъ обстоятельствъ и имѣвшему боевой характеръ противъ центра. Ставъ рядомъ съ консерваторами въ качествѣ рѣшающаго фактора, лѣвая сторона блока естественно разсчитывала на значительныя уступки съ ихъ стороны въ пользу «либеральнаго» направленія; говоря впослѣдствіи, послѣ распаденія блока, о заслугахъ его политики, либералы особенно напирали на то, что проведенные при господствѣ блока законы о союзахъ и собраніяхъ, о биржѣ и постановка вопроса о реформѣ германскаго уголовнаго уложенія никогда не могли бы пройти въ такомъ видѣ при прежнемъ большинствѣ, руководимомъ консерваторами. Точно также и приступая къ новой, уже болѣе крупной и значительной задачѣ оздоровленія финансовъ имперіи, лѣвая сторона блока естественно желала во что бы то ни стало взять ее въ свои руки и осуществить по крайней мѣрѣ важнѣйшія изъ своихъ desiderata.

Конечно, и при самомъ возникновеніи блока никто не сомнѣвался въ недолговѣчности его существованія. Глубокихъ противорѣчій между обѣими его крылами не возникало, пока дѣло шло о малозначительныхъ политическихъ вопросахъ. Но, когда были затронуты вопросы о денежныхъ жертвахъ—финансовой реформой и о политическихъ насущныхъ интересахъ—возвѣщеніемъ реформы избирательнаго права въ Пруссіи, согласіе между

ними быстро нарушилось, консерваторы твердо рѣшили отстаивать свои позиціи, и въ рейхстагѣ загорѣлась борьба не только между большинствомъ и оппозиціей, но и между обѣими составными частями большинства [1]). И понадобилось болѣе 7 мѣсяцевъ, чтобы на почвѣ разрѣшенія «великой національной задачи» совершилось въ рейхстагѣ перемѣщеніе политической силы и реформа вышла наконецъ на свѣтъ Божій съ сильно помятыми въ политической свалкѣ боками, въ значительно изуродованномъ видѣ.

Первое чтеніе финансовыхъ проэктовъ заняло семь засѣданій рейхстага (съ 19 по 28 ноября 1908 г.). Въ первомъ засѣданіи произнесли свои програмныя рѣчи князь ф. Бюловъ и Зидовъ. Первый ограничился общими мѣстами о причинахъ, приведшихъ къ финансовымъ затрудненіямъ, о необходимыхъ условіяхъ для финансоваго благополучія, о ближайшихъ задачахъ реформы и настаивалъ на необходимости бережливости

---

[1]) Удачную картину отношеній между сторонами блока по поводу финансовой реформы даетъ въ своемъ письмѣ изъ Германіи *К. Дверницкій.* Когда въ концѣ 1907 г. вождь националъ-либераловъ Бассерманъ высказалъ, что требованія, предъявленныя его партіей въ программѣ реформы, заключаются прежде всего въ томъ, чтобы были обложены не только предметы массоваго потребленія, но и «собственность» въ формѣ имперскаго поимущественнаго налога, это вызвало цѣлую бурю на правой и на мѣстахъ правительства. «Съ теченіемъ времени это сгладилось, конечно, и въ газетной, журнальной и парламентской полемикѣ правые и лѣвые научились нѣсколько лучше понимать другъ друга. Либералы признали, что значительная часть суммы, которую запроситъ правительство, должна будетъ составиться изъ налоговъ на потребленіе; консерваторы какъ будто тоже не отказывались признать, что и «собственность» должна быть привлечена къ несенію должныхъ тяготъ въ пользу имперіи, но этимъ важнымъ отвлеченнымъ единодушіемъ дѣло и ограничивалось. И насчетъ выбора предметовъ обложенія, и насчетъ формъ его между правымъ и лѣвымъ крыломъ «блока» сохранялись глубокія неизъяснимыя разногласія. А кромѣ нихъ вѣдь были и не теряли своей разъединяющей силы еще и другія, не связанныя непремѣнно съ вопросами теоріи и практики финансовъ, коренящіяся въ общемъ политическомъ и культурномъ міросозерцаніи разнорѣчія, недоразумѣнія, противоположности. Вѣдь ясно было, что консерваторы будутъ готовы безъ разсужденій дать правительству всю сумму, которую оно запроситъ, а либералы, хотя бы и тренированные въ составѣ «національнаго» большинства, попробуютъ торговаться; что либералы, хотя и скромно, но напомнятъ о когда-то завѣтной, священной для нихъ мечтѣ о замедленіи темпа вооруженій, а консерваторы усмотрятъ тутъ «измѣну»; и что съ той и другой стороны всетаки неизбѣженъ обмѣнъ «мнѣній» о коренной причинѣ финансоваго недомоганія имперіи—объ испытанной «экономической политикѣ». (Русская Мысль, 1909, іюнь. Письмо изъ Германіи: реформа имперскихъ финансовъ, стр. 83).

какъ въ государственной, такъ общественной и даже частной жизни Дѣловая рѣчь Зидова, длившаяся четыре часа, представляла собою подробное мотивированное изложеніе правительственныхъ проэктовъ. Представляя ихъ критикѣ рейхстага, онъ просилъ, однако, всегда имѣть въ виду—при каждомъ отклоненіи или уменьшеніи предлагаемыхъ налоговъ—вопросъ: откуда достать безусловно необходимыя деньги. Соглашаясь, что многое, какъ въ подробностяхъ, такъ и въ цѣломъ—при тщательномъ разсмотрѣніи можетъ быть измѣнено, онъ указывалъ, что нѣкоторыхъ главныхъ основаній проэкта союзныя правительства будутъ твердо держаться: во-первыхъ, что сумма налоговъ, при которой возможно установленіе порядка въ финансахъ имперіи безъ тяжелыхъ затрудненій для союзныхъ государствъ, должна быть не менѣе 500 милл. мар.— по крайней мѣрѣ при условіи предполагаемыхъ податныхъ облегченій; во 2-хъ, что обложеніе должно пасть на потребленіе и прежде всего на предметы массоваго потребленія, но рядомъ съ нимъ также и на «владѣніе», и при томъ не на отдѣльные, а на всѣ виды его; въ 3-хъ, что должна быть достигнута ясность финансовыхъ отношеній между имперіей и союзными государствами путемъ отмѣны отсроченныхъ матрикулярныхъ платежей и ихъ фиксированія; въ 4-хъ, чтобы было установлено энергичное погашеніе имперскаго долга и приняты мѣры къ ограниченію новыхъ займовъ, и наконецъ, чтобы на будущее время безусловно соблюдался принципъ, что новые расходы могутъ предприниматься только при наличности средствъ для ихъ покрытія. Заканчивая свою рѣчь, Зидовъ просилъ вѣрить, что правительство хорошо сознаетъ серьезность своихъ притязаній съ точки зрѣнія плательщиковъ, но что оно стоитъ предъ суровой необходимостью. «Развитіе Германской имперіи и германскаго народа находится на распутьи. Вопросъ въ томъ: желаетъ ли Германія, желаетъ ли германскій народъ принять на себя жертвы, необходимыя, если онъ хочетъ удержать въ политическомъ и хозяйственномъ отношеніи то мѣсто, которое соотвѣтствуетъ его культурному значенію? или Германская имперія должна

постепенно сойти на путь, которымъ слѣдовала старая имперія, павшая именно въ значительной степени благодаря своей финансовой слабости». Въ увѣренности, что народъ и высокая палата можетъ дать утвердительный отвѣтъ только на первую часть альтернативы, Зидовъ призывалъ рейхстагъ къ упорной работѣ надъ устраненіемъ всѣхъ препятствій къ желанной цѣли подъ вліяніемъ категорическаго императива могучей, горячей, страстной любви къ отечеству [1]).

Пренія, послѣдовавшія за рѣчами Кн. Бюлова и Зидова, не предвѣщали успѣха для всей реформы въ ея цѣломъ [2]). Необходимость самой реформы, энергичнаго погашенія долговъ, осторожности въ заключеніи новыхъ займовъ, бережливости въ расходахъ – была признана представителями партій; но исчисленіе предстоящихъ расходовъ вызвало уже сильную критику. Фиксированіе матрикулярныхъ взносовъ--одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ правительственной программы—не былъ никѣмъ поддержанъ въ рейхстагѣ. Консерваторы не желали отказаться отъ возможности предъявить въ случаѣ надобности болѣе высокія требованія къ матрикулярнымъ взносамъ; центръ отклонялъ фиксацію потому, что матрикулярные взносы являются единственнымъ подвижнымъ факторомъ въ бюджетѣ и обезпечиваютъ бюджетное право рейхстага; кромѣ того связанность въ этихъ сборахъ явится принужденіемъ къ заключенію займовъ. Свободомыслящіе усматривали въ фиксаціи средство къ вынужденію согласія на новые налоги; вмѣстѣ съ ними единодушно отклоняли предложенную мѣру и націоналъ-либералы. Такимъ образомъ предложенное правительствомъ средство «поставить имперію на собственныя ноги», о чемъ такъ много и долго говорилось

---

1) Die Reichsfinanzreform. Rede gehalten im Deutschen Reichstag am 19 November 1908 von Staatsminister *Sydow*. Berlin, 1908, S. 64.

2) Подробное изложеніе послѣдовательныхъ стадій проведенія проэкта реформы см. *Linschman, H.* Die Finanzreform von 1909. Berlin. 1909. *Schumann Fr.* Die Reichfinanzreform von 1909. Finanz-Archiv, 1910, Bd. I. S 202—246. Въ той же книжкѣ помѣщенъ текстъ новыхъ финансовыхъ законовъ. *Hesse A.* Die Reichsfinanzgestze von 1909. Iahrbücher für Nat. Oek. u. St. 1909, Dezember, S. 721—771.

со всѣхъ сторонъ, не встрѣтило сочувствія въ рейхстагѣ; но въ то же время и изъ его среды не было предложено никакой другой мѣры для раздѣленія финансовъ имперіи и союзныхъ государствъ [1]). Наибольшее вниманіе было обращено ораторами на податные проэкты. Наиболѣе отрицательное отношеніе къ себѣ встрѣтилъ проэктъ налога на наслѣдственную массу. Представитель консервативной партіи (бар. ф. Рихтгофенъ) рѣшительно заявилъ, что его политическіе друзья стоятъ на своей прежней точкѣ зрѣнія и что они въ принципѣ отвергаютъ этотъ налогъ. На слѣдующій день Шпанъ, представитель центра, сказалъ, что послѣ сдѣланнаго наканунѣ заявленія консервативной партіи онъ считаетъ провалившимися всѣ три проэкта, связанные съ обложеніемъ наслѣдствъ и правомъ государства на наслѣдованіе, и что во всякомъ случаѣ центръ не принадлежитъ къ тѣмъ, которые будутъ способствовать появленію на свѣтъ налога на наслѣдственную массу. Даже націоналъ-либералы высказались противъ налога, не изъ сантиментальныхъ семейныхъ соображеній, о которыхъ говорили консерваторы, а изъ практическихъ соображеній объ обременительности контроля [2]). Предложенное правительствомъ повышеніе косвеннаго обложенія, кромѣ налоговъ на электричество, газъ и объявленія, встрѣтившихъ сильное противодѣйствіе, получило почти единодушное одобреніе рейхстага; отдѣльныя партіи высказались противъ только нѣкоторыхъ проэктовъ (напр. центръ и свободомыслящіе противъ водочной монополіи и табачной бандероли). Когда, въ виду обнаружившагося нерасположенія къ наслѣдственному обложенію, партіями, особенно націоналъ-либералами, былъ выдвинутъ вопросъ объ имущественномъ налогѣ, прусскій министръ финансовъ, въ объясненіе отрицательнаго отношенія правительства къ этому налогу, нарисовалъ цѣлую гору прямыхъ налоговъ, лежащихъ уже на частныхъ лицахъ и обществахъ. Такъ какъ правительство отклоняло обложеніе имущества, а парламентъ

[1]) *Zentrum und Reichsfinanzreform.* Berl. 1909, S. 11.
[2]) *Schumann,* l. c. S. 202—3.

въ своемъ большинствѣ—обложеніе наслѣдствъ, то въ этой части проэкта реформы первое чтеніе его привело къ пустому мѣсту. Офиціальное сообщеніе о результатахъ перваго чтенія могло только установить, что какъ необходимость коренной финансовой реформы, такъ и преднамѣченныя правительствомъ общія основныя черты ея остались непоколебимыми и что обѣ стороны палаты обнаружили свою готовность привлечь къ обложенію спиртъ, пиво, и табакъ, быть можетъ, также и вино, а съ другой стороны установить умѣренные сборы съ владѣнія [1]).

28 ноября всѣ законопроэкты были переданы на разсмотрѣніе комиссіи рейхстага. Въ нее вошли 8 правыхъ (4 Konservativen, 1—членъ deutsch. Reformpartei, 2—Reichspartei, 1—wirtschaftlichen Vereinigung), 8 членовъ центра, 2 поляка, 4 націоналъ-либерала, 3 свободомыслящихъ и 3 соціалъ-демократа.

Обсужденіе проэктовъ въ комиссіи сначала шло довольно спокойно, и большинство, постановлявшее принять или отклонить то или другое предложеніе правительства или членовъ комиссіи, слагалось изъ случайныхъ соединеній партій. Количество представителей различныхъ партій было таково, что консерваторы, центръ и поляки вмѣстѣ могли отклонить всякое предложеніе равенствомъ голосовъ; но для того, чтобы дать большинство какому нибудь предложенію, къ нимъ долженъ былъ присоединиться кто нибудь изъ остальныхъ партій. Благодаря такому составу, комиссіи легче было отклонять, чѣмъ принимать предложенія, а неопредѣленность и непослѣдовательность имѣвшей наибольшее численное представительство партіи—центра вели къ тому, что принятыя разъ рѣшенія потомъ отклонялись и наоборотъ. Центръ велъ себя вообще первое время въ комиссіи крайне двусмысленно; онъ голосовалъ то съ правыми, то съ лѣвыми, не дѣлая однако никакихъ рѣшительныхъ шаговъ; онъ хотѣлъ выяснить консерваторамъ свое значеніе и показать, что при желаніи они могли бы съ нимъ взять реформу въ свои руки. Естественно, что

[1]) Ibidem, l. c. S. 28.

при такихъ условіяхъ комиссія топталась на одномъ мѣстѣ и не могла двинуться дальше. Самое видное въ первой стадіи ея работъ было—отклоненіе налога на наслѣдственную массу; это было сдѣлано легко и быстро—всѣми прочими партіями противъ 6 голосовъ свободомыслящихъ и соціалъ-демократовъ; но, когда пришлось изобрѣтать въ замѣну его другіе налоги на собственность, то, не смотря на массу предложеній, на обсужденіе ихъ и въ подкомиссіяхъ и въ самой комиссіи, она не могла прійти ни къ какому результату. 25 февраля обсуждался проэктъ подкомиссіи, но каждая партія выступила за свое собственнос предложеніе. Соціалъ-либералы защищали введеніе прямого поимущественнаго налога; консерваторы и представители правительства признали его непріемлемымъ; тогда націоналъ-либералы и свободомыслящіе высказались противъ проэкта подкомиссіи вслѣдствіе его однородности съ матрикулярными платежами. Для выясненія положенія, вожди блока были вызваны къ себѣ кн. Бюловымъ, который выразилъ имъ свое желаніе провести реформу только съ помощью блока. 4 марта голосами блока (15—противъ 13 центра, соціалъ-демократовъ и поляковъ) былъ принятъ предложенный Гампомъ компромисъ по обложенію собственности, продержавшійся до второго чтенія въ комиссіи 22 мая. Практическое значеніе принятія этого компромисса выразилось въ томъ, что комиссія могла теперь приступить наконецъ къ обсужденію косвенныхъ налоговъ.

Параллельно съ занятіями въ комиссіи шло и обсужденіе финансовой реформы населеніемъ страны и создавалось общественное мнѣніе о ней прессой, научной литературой и публичными собраніями, на которыхъ выдающіеся люди науки и общественныя дѣятели разъясняли значеніе правительственной программы, защищали тѣ или иные ея пункты и оцѣнивали отношеніе къ ней различныхъ партій. Начало было положено многолюднымъ собраніемъ, созваннымъ 6 ноября 1908 г. Берлинскимъ союзомъ національныхъ ферейовъ (von Gross-Berlin), на которомъ выступили со своими рѣчами три

профессора: Каль, Ад. Вагнеръ и К. Лампрехтъ [1]). За нимъ послѣдовала масса собраній, устраивавшихся въ различныхъ городахъ по большей части національными ферейнами; особенно участились эти собранія къ концу марта, когда постоянныя пререканія въ финансовой комиссіи по вопросу объ обложеніи собственности грозили принять уже слишкомъ затяжной характеръ. Во главѣ ученыхъ, которые настаивали на необходимости скорѣйшаго осуществленія реформы стояли Ад. Вагнеръ и Дельбрюкъ. Не смотря на свой глубокій возрастъ, маститый германскій финансистъ съ поразительной свѣжестью и энергіей защищалъ на многочисленныхъ собраніяхъ финансовую программу правительства и особенно наслѣдственный налогъ [2]), доказывая полную неосновательность соображеній его противниковъ. Проф. Дельбрюкъ, опираясь на вышедшую недавно брошюру Штейнманнъ-Бухера, который оцѣнивалъ богатство Германіи не меньше, какъ въ 350 милліардовъ марокъ [3]), и сравнивая эту сумму съ той, въ какую опредѣляется это богатство по даннымъ взиманія имущественнаго налога (216 милл. мар.), старался объяснить эту разницу тѣмъ, что плательщики, главнымъ образомъ землевладѣльцы, аграріи, умышленно скрываютъ при подачѣ декларацій истинные размѣры своихъ имуществъ въ ущербъ интересамъ казны. Въ этомъ обстоятельствѣ, по утвержденію Дельбрюка, и заключалась основная причина ожесточеннаго противодѣйствія аграріевъ налогу на наслѣдственную массу, который, точно вскрывая размѣры имуществъ, обнаружилъ бы эти утайки и такимъ образомъ вынудилъ бы землевладѣльцевъ принять на себя и бо̀льшую долю поимущественнаго налога [4]).

---

[1]) Ихъ рѣчи напечатаны въ брошюрѣ: «Die nationale Bedeutung der Reichsfinanzreform». Drei Reden von Prof. *Kahl*—Berlin, Prof. *Ad. Wagner*—Berlin, Prof. *K. Lamprecht*—Leipzig. Berlin. 1908.

[2]) *Linschmann*, 1. c. S. 19.

[3]) *Steinmann-Bücher*, Arn. 350 Milliarden deutsches Volksvermögen. Berlin, 1909.

[4]) По разсчетамъ Дельбрюка размѣръ утаиваемаго землевладѣльцами имущества въ Пруссіи равняется не менѣе 50 милліар. мар. (Preussische Iahrbücher, 1909. № III и IV). См. статью *К. Вейдемюллера:* Нѣмецкіе либералы (За рубежомъ) въ Совр. Мірѣ, 1909. № 6, стр. 147—9.

Рѣзкую агитацію противъ важнѣйшаго спорнаго пункта реформы—обложенія наслѣдствъ велъ союзъ сельскихъ хозяевъ [1]). Все общее собраніе его въ февралѣ 1909 г., въ такъ наз. сельскохозяйственную недѣлю, было посвящено борьбѣ съ этимъ налогомъ. При этомъ отчасти уже проглядывало то, что впослѣдствіи обнаружилось съ полной ясностью, а именно, что борьба велась не столько противъ наслѣдственнаго налога, какъ таковаго, сколько въ цѣляхъ испытанія силъ консерваторовъ-аграріевъ противъ правительства, изъ боязни, что послѣднее, безъ противодѣйствія аграріевъ, въ области прусскаго избирательнаго права сдѣлаетъ уступки либеральнымъ партіямъ. Въ собраніи союза въ циркѣ Буша рефератъ о финансовой реформѣ Аусъ-демъ-Винкель сознавался, что обложеніе наслѣдственнымъ сборомъ для землевладѣльцевъ вовсе не будетъ обременительно. «Совершенно правильно, говорилъ онъ, что проэктъ теперь построенъ такимъ образомъ, что сельскій хозяинъ, мелкій сельскій хозяинъ могъ бы сказать: это меня не касается; или я ничего не буду платить, или такъ мало, что это меня не безпокоитъ». И дальше изъ его рѣчи было ясно, что слѣдуетъ бороться не противъ самого наслѣдственнаго налога, а противъ всего направленія политики. Депутатъ ф. Ольденбургъ заявлялъ: «Мы не желаемъ предоставить наше имущество парламенту, который, какъ рейхстагъ, избранъ на основаніи радикальнаго избирательнаго права, рѣшенія котораго не контролируются верхней палатой, а только союзнымъ совѣтомъ, находящимся въ данный моментъ на пути въ Дамаскъ. Бывшій министръ ф. Подбѣльскій шелъ дальше и заявлялъ о невозможности далѣе работать съ такимъ рейхстагомъ, который не имѣетъ противовѣса въ верхней палатѣ. Во всѣхъ культурныхъ странахъ рядомъ съ палатой представителей стоитъ верхняя палата, основанная на другой системѣ выборовъ, и прежде чѣмъ не осуществится такой же порядокъ въ Германіи, нельзя входить въ обсужденіе вопроса, нужно ли и какимъ

---

[1]) См. о немъ *Dix Art.:* Der Bund der Landwirte. Entstehung, Wesen und politische Tätigkeit. Berlin 1909.

образомъ преобразовывать избирательное право въ Пруссіи. Другой ораторъ Дидрихъ Ганъ высказывалъ даже прямые угрозы противъ кн. Бюлова: «онъ долженъ ясно понимать, что его политика уступокъ лѣвой достигла своего конца, то всякій дальнѣйшій шагъ въ его политикѣ, который будетъ далѣе потрясать основы государства, разобьется о рѣшительное противодѣйствіе въ нашихъ рядахъ, какъ это испыталъ уже графъ Каприви, его предшественникъ.

Противоположныя политическія теченія вызывали все большее и бо́льшее возбужденіе въ обществѣ, по мѣрѣ того, какъ ему съ каждымъ днемъ приходилось испытывать новое разочарованіе въ своихъ надеждахъ на опредѣленные результаты работъ финансовой комиссіи. Въ послѣдней разрывъ въ средѣ блока намѣчался все яснѣй и яснѣй, и обнаруживалось стремленіе консерваторовъ сблизиться съ центромъ. Когда наконецъ стало грозить окончательное распаденіе блока, бывшій министръ бар. ф. Берлепшъ и проф. К. Франке и Г. ф. Шмоллеръ обратились къ рейхстагу 25 марта съ особымъ воззваніемъ

«Das Schicksal der Reichsfinanzreform erfüllt uns mit tiefer Sorge» — такими словами начинается это воззваніе. Послѣ перваго чтенія въ рейхстагѣ казалось, что на лицо и общепризнанность необходимости коренной реформы, и готовность партій къ совмѣстной работѣ и согласіе по поводу главныхъ принциповъ правительственной программы, и что есть надежда на быстрое соглашеніе относительно способовъ проведенія реформы. Теченіе событій, однако, готовило горькое разочарованіе въ этихъ ожиданіяхъ. Послѣ долгихъ четырехъ мѣсяцевъ результатъ обсужденія въ финансовой комиссіи сводится почти къ нулю. Подъ давленіемъ необузданной агитаціи замкнутыхъ заинтересованныхъ группъ и подъ разлагающимъ вліяніемъ партійно-тактическихъ соображеній, въ которыхъ часто забота о мандатѣ оттѣсняетъ на задній планъ общественное благо, парламентскія пренія расплываются въ безбрежности, такъ что въ важнѣйшихъ пунктахъ уже почти нѣтъ твердой почвы для совмѣстной дѣятельности.

Затрудненія нагромождаются на затрудненія; не успѣютъ устранить одну помѣху, какъ ставится новая, бо́льшая на пути. Проэкты правительства отвергнуты, путь реформы—посредствомъ собственно имперскихъ налоговъ--оставленъ, и забота о пополненіи финансовыхъ средствъ имперіи прикидывается отчасти союзнымъ государствамъ, при томъ при условіяхъ, которыя допускаютъ облегченіе для богатыхъ и обремененіе трудоваго дохода. Такіе и подобные проэкты странствуютъ изъ комиссіи въ подкомиссіи и, если оттуда восходятъ назадъ, въ общія засѣданія, то снова оказываются на старомъ мѣстѣ, какъ предъ непроницаемой стѣной. И не выработавъ окончательно ни одного проэкта, ощупью, нерѣшительно хватаются за другіе. Въ виду этого убожества, которому не видно конца, не удивительно распространеніе все болѣе и болѣе настойчивыхъ слуховъ, что въ эту сессію финансовая реформа не будетъ закончена и будетъ отложена на годъ. Распространяется также тревожное мнѣніе, что если вообще нѣчто осуществится, это будетъ неудовлетворительное, испорченное, недодѣланное произведеніе, которое черезъ немного лѣтъ потребуетъ новыхъ налоговъ и болѣе тяжелыхъ жертвъ. «Это создало бы серьезную опасность для нашего отечества. Всякое замедленіе или искаженіе имперской финансовой реформы уменьшаетъ нашъ авторитетъ и наше вліяніе въ свѣтѣ, колеблетъ основы нашей хозяйственной жизни, затрудняетъ исполненіе обязанностей имперіи и государства относительно своихъ подданныхъ, окрыляетъ надежды нашихъ враговъ, ослабляетъ довѣріе нашихъ друзей. Если недостаточность доходовъ и ростъ долговъ и въ спокойное время являются угрозой для государства, то они становятся таковой вдвойнѣ въ настоящій моментъ, когда собираются темныя тучи военныхъ осложненій. Крайняя серьезность положенія призываетъ всѣхъ друзей отечества единодушно обратиться съ напоминаніемъ къ рейхстагу, чтобы онъ опредѣленнымъ рѣшеніемъ положилъ конецъ кризису и достигъ соглашенія съ правительствомъ относительно финансовой реформы. Нерѣшительность и боязливость недопустимы: народъ

не пойметъ ихъ. Увѣренность, что наше финансовое разстройство будетъ скоро и въ корнѣ уничтожено, все болѣе и болѣе распространяется и укрѣпляется въ немъ. И точно также убѣжденіе, что только путемъ соединенія налога на владѣніе, наилучшую форму котораго мы видимъ въ налогѣ на переходъ наслѣдства, и обложенія предметовъ массоваго потребленія можетъ быть осуществлена дѣйствительная реформа, которая дастъ имперіи необходимыя средства и одновременно облегчитъ бремя долговъ. Мы считаемъ обязанностью ясно и опредѣленно высказать это». Призывая рейхстагъ къ незамедлительному и рѣшительному соглашенію съ правительствомъ, воззваніе заключается указаніемъ, «что дѣло идетъ о жизненномъ вопросѣ имперіи и народа, который не можетъ быть отложенъ, а требуетъ полнаго и быстраго разрѣшенія».

Наканунѣ того самаго дня, которымъ было датировано это воззваніе, разразился *кризисъ блока*. Консервативный депутатъ ф. Норманнъ заявилъ вождямъ либеральныхъ партій, что консервативныя партіи рѣшили провести финансовую реформу съ большинствомъ, какое окажется, независимо отъ блока. Черезъ два дня— обнаружились основанія этого заявленія: «Liebesgabe» въ налогѣ на спиртъ, на пониженіи которыхъ энергично настаивали либералы, благодаря содѣйствію центра, было рѣшено сохранить въ старомъ размѣрѣ. Этимъ подаркомъ аграріямъ центръ подкупалъ консерваторовъ; съ этого момента и до конца обѣ партіи шли вмѣстѣ. Въ засѣданіи рейхстага 30 марта канцлеръ, правда, стоялъ еще на почвѣ своихъ старыхъ иллюзій и утверждалъ, что здоровая, лежащая въ основаніи блока, мысль не можетъ быть отброшена вслѣдствіе временныхъ затрудненій; но болѣе правы были тѣ, кто называлъ блокъ трупомъ, которому уже не суждено воскреснуть.

Во всякомъ случаѣ канцлеръ говорилъ, что было бы національнымъ несчастіемъ, если бы рейхстагъ оказался не въ силахъ рѣшить финансовую реформу, и отъ имени союзныхъ правительствъ настаивалъ на окончаніи обсужденія ея еще въ эту сессію.

Пасхальныя каникулы прервали засѣданія комиссіи. Офиціальная Nordd. Allg. Zeitung называла результаты ея работъ минимальными. Компромисъ она признавала невозможнымъ и неосуществимымъ, такъ какъ онъ не принималъ во вниманіе интересы мелкихъ государствъ и не считался съ общимъ желаніемъ относительно привлеченія къ обложенію зажиточныхъ классовъ; единственный исходъ представлялся въ возвратѣ къ наслѣдственному налогу, хотя бы въ формѣ обложенія наслѣдственныхъ долей. Мысль объ этомъ налогѣ дѣйствительно очень распространилась въ широкихъ общественныхъ кругахъ и пріобрѣла большую популярность. Во время Пасхи усилились голоса, требовавшіе непремѣннаго окончанія реформы лѣтомъ и настаивавшіе на проведеніи наслѣдственнаго налога. Казалось, что ему сочувствуютъ и нѣкоторыя консервативныя группы. Особенное впечатлѣніе произвело заявленіе консервативнаго Landesverein für das KR. Sachsen въ пользу налога на наслѣдственныя доли и соотвѣтствующее постановленіе перваго обще-германскаго съѣзда представителей среднихъ классовъ.

20 апрѣля, по возвращеніи изъ своего пасхальнаго отпуска, имперскій канцлеръ принималъ депутаціи изъ Баваріи, Саксоніи, Вюртемберга, Бадена, Тюрингена, а также отъ союза промышленниковъ, которыя въ своихъ рѣчахъ и адресахъ выражали пожеланія о скорѣйшемъ разрѣшеніи вопроса о реформѣ. Канцлеръ отвѣчалъ, что правительство стоитъ на своей прежней программѣ налоговъ на потребленіе рядомъ съ налогомъ на владѣніе и что Nachlasssteuer будетъ передѣланъ въ Erbanfallssteuer [1]).

Въ отвѣтъ на это заявленіе канцлера, консерваторы внесли 22 апр. въ комиссію предложеніе о введеніи имперскаго налога на приростъ цѣнности недвижимости и цѣнныхъ бумагъ. Консервативная газета «Kreuz-Zeitung», напечатавъ это предложеніе, объясняла, что политическое значеніе его заключается въ засвидѣтельствованіи готовности консерваторовъ установить обло-

---

[1]) *Linschmann*, l. c. S. 123—4.

женіе собственности на 100 милл. мар. и привлечь къ нему и сельскохозяйственное имущество по его денежной стоимости. Пресса и лѣвая сторона блока отнеслись къ мысли объ обложеніи прироста цѣнности недвижимости сочувственно, хотя и сомнѣвались въ возможности въ короткое время выработать и провести соотвѣтствующій законъ, но совершенно отрицательно къ распространенію этого налога на цѣнныя бумаги. Въ виду этой готовности либераловъ идти на встрѣчу намѣреніямъ консерваторовъ, по инициативѣ ф. Норманна, было устроено предварительное совѣщаніе изъ партійныхъ вождей рейхстага (блока и центра; не были приглашены только соціалъ-демократы); и на этотъ разъ «центръ къ общему изумленію примкнулъ всецѣло къ предложенію консерваторовъ и судьба блока была еще разъ припечатана [1]).

Обсужденіе новаго проэкта въ финансовой комиссіи происходило 29 апр. Проэктъ какъ и многочисленныя другія предложенія партій не получилъ большинства. Лѣвыя партіи настаивали на введеніи наслѣдственнаго налога, консерваторы заявили, что ихъ партія, какъ и раньше, отклоняетъ всякое привлеченіе наслѣдствъ къ покрытію имперскихъ потребностей и дѣлаетъ это не изъ эгоистическихъ побужденій, такъ какъ «ихъ предложеніе о повышеніи матрикулярныхъ взносовъ свидѣтельствуетъ объ ихъ готовности обложить живыхъ». Секретарь казначейства сказалъ, что имперское финансовое управленіе готово принять на себя разработку вопроса о налогѣ на приростъ цѣнности недвижимыхъ имуществъ, но отклоняетъ отъ себя подобное же порученіе относительно цѣнныхъ бумагъ; оканчивая свою рѣчь Зидовъ повышеннымъ голосомъ сдѣлалъ отъ имени союзныхъ правительствъ заявленіе: «Безъ распространенія наслѣдственнаго налога на дѣтей и супруговъ финансовая реформа не осуществится и не должна осуществится (wird nicht zustande kommen und darf sie nicht zustande kommen)». Это опрометчивое заявленіе характерно въ томъ отношеніи, что показываетъ, до какой

[1]) *Linschmann*, l. c. S. 123—4.

степени правительство находилось въ ослѣпленіи относительно дѣйствительнаго положенія вещей и насколько, не смотря на всѣ удары, наносимые въ комиссіи блоку и извнутри консерваторами и извнѣ—центромъ, оно продолжало раздѣлять иллюзіи канцлера о возможности проведенія реформы съ блокомъ.

Невозможность добиться соглашенія при совершенно противоположномъ отношеніи общихъ частей блока къ коренному вопросу о способахъ обложенія собственности, естественно, все болѣе и болѣе обостряла отношенія, а готовность центра содѣйствовать консерваторамъ съ цѣлью возстановить въ союзѣ съ нимъ свое прежнее политическое значеніе съ каждымъ днемъ дѣлала положеніе либераловъ въ финансовой комиссіи все болѣе затруднительнымъ. Консерваторы, увѣренные въ своей силѣ, начали энергично вносить все новыя и новыя предложенія. Взамѣнъ отклоненнаго проэкта обложенія прироста цѣнности имущества былъ изобрѣтенъ котировочный налогъ съ процентныхъ бумагъ и акцій, допущенныхъ къ котированію на биржахъ, вызвавшій сильное возбужденіе противъ себя во всѣхъ торгово-промышленныхъ сферахъ Германіи; затѣмъ консерваторами же были внесены въ комиссію сразу четыре новыхъ проэкта: о налогѣ на спички, на освѣтительныя средства (электрическія, газовыя, керосиновыя и спиртовыя горѣлки), о повышеніи пошлины на кофе и на чай. Изъ-за этихъ проэктовъ разыгрался въ комиссіи цѣлый скандалъ. Консерваторы требовали, чтобы эти проэкты сейчасъ же разсматривались комиссіей; либералы заявили, что разсмотрѣніе въ комиссіи новыхъ законопроэктовъ, не прошедшихъ въ первомъ чтеніи черезъ рейхстагъ, противорѣчитъ парламентарнымъ обычаямъ, и что они отказываются принимать участіе въ ихъ обсужденіи. Такъ какъ при голосованіи центръ и консерваторы по вопросу о порядкѣ обсужденія оказались въ большинствѣ, то всѣ члены лѣвыхъ партій вышли изъ комиссіи. Оставшись одни, члены большинства почувствовали свои руки развязанными и стали быстро наверстывать потерянное время; въ томъ же засѣданіи въ нѣсколько часовъ безъ продолжительныхъ

преній были приняты всѣ перечисленныя выше предложенія [1]). Этотъ «исходъ» (der Exodus) либераловъ изъ комиссіи совершился 28 мая; на другой же день произошло засѣданіе комиссіи, «подобнаго которому, говоритъ отчетъ націоналъ-либеральной партіи о реформѣ 1909 г., навѣрно не пережила исторія ни одного государства». 29-го мая въ теченіе времени отъ 9 до 1 ч. дня и отъ $4^1/_2$ до $7^3/_4$ часовъ вечера были проведены: налогъ на обороты мельницъ (Mühlenumsatzsteuer), вывозная пошлина на уголь, второе обсужденіе налога на цѣнныя бумаги, гербовый сборъ съ перехода недвижимыхъ имуществъ, налогъ на приростъ цѣнности недвижимыхъ имуществъ, продолжительные дебаты о матрикулярныхъ взносахъ, законѣ Франкенштейна, налогѣ съ пассажирскихъ билетовъ и налогѣ на сахаръ [2]).

Это фабричное, массовое производство новыхъ налоговъ въ Rumpf-комиссіи произвело настолько глубокое впечатлѣніе на торгово-промышленные классы Германіи, что они рѣшились не только протестовать противъ односторонняго направленія, которое принимала финансовая реформа въ рукахъ «чернаго блока», но и создать активную организацію для политической защиты своихъ интересовъ. 12 іюня въ Берлинѣ въ циркѣ Шумана состоялось многолюдное собраніе представителей германской промышленности и торговли—крупной, средней и мелкой, для протеста противъ налоговыхъ проэктовъ финансовой комиссіи. Въ собраніи участвовало не менѣе 6000 человѣкъ. Ими единодушно были приняты двѣ резолюціи. Первая заключала въ себѣ протестъ противъ усвоенной комиссіей рейхстага программы, обнаруживающей совершенно открыто стремленіе односторонне обременить торговлю и промышленность, противъ законописанія, происходящаго безъ выслушиванія свѣдущихъ лицъ, безъ взвѣшиванія послѣдствій и ведущаго къ нарушенію интересовъ и потребностей германской промышленной, торговой и индустріальной хозяйственной

[1]) См. *А. Марковъ.* По поводу финансовой реформы въ Германіи въ Тор. Пром. газетѣ 1909 г., № 194

[2]) Die Nationalliberale Partei und die Reichsfinanzreform 1909. S. 27; объ «исходѣ»—S. 34—38.

жизни; только такимъ путемъ могли возникнуть проэкты котировочнаго и мельничнаго налога и пошлины на вывозъ каменнаго угля, долженствующія ослабить силы Германіи, особенно ея экспортной промышленности, въ конкуренціи съ другими странами, и погубить очень важныя отрасли промышленной дѣятельности. Резолюція заканчивалась указаніемъ на наслѣдственный налогъ, какъ наиболѣе цѣлесообразную форму желательнаго обложенія владѣнія. Вторая резолюція гласила: горькій опытъ, снова извлеченный изъ хода преній въ финансовой комиссіи, приводитъ собравшихся къ единодушному убѣжденію, что торговля, индустрія и промыслы могутъ обезпечивать свои законные интересы отъ нарушенія и насилія только путемъ постояннаго, прочно организованнаго объединенія. Для осуществленія этого объединенія присутствующіе основываютъ *Hansa-Bund* für Gewerbe, Handel und Industrie, цѣлью котораго должно быть отражать, въ общихъ интересахъ этихъ классовъ, всѣ направленныя на нихъ нападенія, вырабатывать положительныя мѣры для защиты этихъ классовъ и для выравниванія противоположностей въ собственныхъ рядахъ. Поэтому союзъ долженъ имѣть своею задачей также подготовленіе выборовъ въ рейхстагъ и ландтаги для проведенія такихъ кандидатовъ, которые будутъ выступать противъ всякаго нарушенія интересовъ и всякаго одностороннягo обремененія торговли и промышленности, и прежде всего кандидатовъ изъ собственныхъ рядовъ.

Основаніе ганзейскаго союза, какъ появленіе новой политической организаціи, вызвало къ себѣ большое сочувствіе въ странѣ. Повсюду въ городахъ стали открываться, при значительномъ энтузіазмѣ учредителей, отдѣленія союза. Въ учредительныхъ провинціальныхъ собраніяхъ принимали между прочимъ участіе выдающіеся общественные дѣятели и ученые, напр. проф. Лабандъ въ Страсбургѣ, проф. Гельферихъ въ Штетинѣ, проф. Готгейнъ въ Фрейбургѣ и т. д. Особенно высоко цѣнилъ и энергично пропагандировалъ идею Hansa-Bund ф. Листъ. Возбужденіе, поднятое новымъ союзомъ, служило характернымъ

показателемъ той напряженности и тревоги, съ какой общество слѣдило за судьбой финансовой реформы.

Комиссія закончила свои работы 12 іюня. Къ этому приблизительно времени и правительство опубликовало свои новыя податныя предложенія. Вмѣсто взятаго обратно налога на наслѣдственную массу оно предлагало теперь *обложеніе наслѣдственныхъ долей* (Erbanfallsteuer) съ распространеніемъ его на дѣтей и супруговъ. Этотъ налогъ долженъ былъ дать 55 милл. р.; недостающую до 100 милл. сумму правительство находило возможнымъ получить посредствомъ: 1) налога на страховыя квитанціи, 2) повышенія штемпельнаго сбора съ перехода цѣнныхъ бумагъ 3) повышенія вексельнаго сбора и 4) налога на чеки. Первое чтеніе этихъ новыхъ правительственныхъ предложеній въ рейхстагѣ было 16 іюня.

Пренія 16 іюня открылось большой рѣчью канцлера, въ которой онъ остановился главнымъ образомъ на обрисовкѣ создавшагося политическаго положенія. Опровергнувъ жалобы на то, что союзныя правительства или канцлеръ отвергаютъ всякое сотрудничество центра въ финансовой реформѣ, онъ перешелъ къ выясненію своего отношенія къ либеральной части рейхстага и заявилъ, что онъ не согласится на такое веденіе дѣлъ, отъ участія въ которомъ будутъ устранены либералы. «Я никогда не думалъ говорилъ онъ, и теперь не думаю о томъ, чтобы усвоить себѣ либеральную программу. Но мнѣ представляется въ высокой степени желательнымъ—въ интересахъ нашего дальнѣйшаго развитія, развитія спокойнаго и здороваго—сотрудничество либераловъ въ крупныхъ законодательныхъ задачахъ. Г.г., германское единство создано людьми, которые принадлежатъ къ консервативному направленію мыслей. Незабвенный государственный мужъ, который его осуществилъ, вынужденъ былъ вести продолжительную, упорную борьбу съ либеральными партіями, но этотъ великій государственный мужъ позднѣе не только заключилъ миръ съ либералами, но и открылъ широкое вліяніе либеральнымъ идеямъ. Князь Бисмаркъ не забылъ, что національная идея зародилась въ либеральныхъ кругахъ, что долгое время либерально мыслящіе

люди защищали ее отъ близорукости, односторонности и недостатка размаха, которые часто обнаруживались правительствами. Изгнать либеральный духъ изъ нашего законодательства и нашей общественной жизни я считалъ бы исторической несправедливостью и политической ошибкой». Признавъ необходимость либерализма для Германской имперіи и отмѣтивъ несоотвѣтствіе парламентской мощи либеральныхъ партій съ распространеніемъ либеральныхъ идей, кн. Бюловъ причину этого несоотвѣтствія находилъ не только въ натискѣ соціалдемократіи и въ отвлеченіи либеральныхъ силъ культуркампфомъ, но и въ извѣстномъ доктринерствѣ лѣво стоящихъ либеральныхъ группъ, которыя недостаточно оцѣниваютъ значеніе новыхъ растущихъ съ теченіемъ времени потребностей. Онъ считаетъ за ошибку со стороны лѣвыхъ, что они такъ безконечно долго останавливаются на такъ наз. Liebesgabe и что они a limine отклонили хорошо обдуманное и взвѣшенное предложеніе правительства о достаточно высокомъ обложеніи табаку. Онъ порицалъ ихъ также за то, что они не ограничились протестомъ по поводу нарушенія порядка преній въ комиссіи, а прекратили свою дальнѣйшую работу въ ней, и за то, что во многихъ подробностяхъ податныхъ проэктовъ не обнаружили достаточно дружественнаго къ аграріямъ отношенія, ссылаясь при этомъ на свою программу. Программы старѣютъ. Такимъ устарѣвшимъ пунктомъ является отрицательное отношеніе къ обложенію массоваго потребленія: 20 лѣтъ раньше можно было быть рѣшительнымъ противникомъ всякаго усиленія обложенія массъ, а теперь—послѣ счастливаго развитія экономическаго состоянія и несчастливаго для финансовъ должно прійти къ убѣжденію, что исцѣленіе болѣзни совершенно невозможно безъ сильной дозы налоговъ на предметы потребленія.

Обращаясь къ правой сторонѣ рейхстага, канцлеръ говорилъ, что въ странѣ, гдѣ ни одна партія не имѣетъ абсолютнаго большинства, ни одна партія не можетъ и претендовать на то, чтобы правительство слѣдовало за ней. «Поэтому я не могу подчиниться правой сторонѣ;

Но, если въ этой странѣ былъ министръ, который умѣлъ цѣнить значенiе консервативной партiи, то это—я... Я думаю, г.г., вы будете долго ждать, пока опять получите канцлера, который бы такъ послѣдовательно—и прибавлю—такъ успѣшно защищалъ консервативные интересы и дѣйствительные и постоянные интересы сельскаго хозяйства, какъ я... Я не вождь консервативной партiи и не мое дѣло давать ей совѣты. Но насколько хватаетъ моихъ историческихъ знанiй и моего политическаго чутья, я думаю, что консервативная партiя сама себѣ больше вредитъ отказомъ отъ удовлетворенiя справедливыхъ требованiй... Вашимъ «непрiемлемо» вы можетъ быть въ данный моментъ провалите наслѣдственный налогъ. Но этимъ самымъ въ будущемъ вы откроете дорогу новымъ наслѣдственнымъ налогамъ, которые тогда осуществятся и будутъ менѣе считаться съ точкой зрѣнiя и желанiями консервативной партiи, чѣмъ предлагаемый теперь налогъ. Поведенiе консерваторовъ въ этомъ важномъ вопросѣ произведетъ глубокое впечатлѣнiе на германскiй народъ. Оно вызоветъ и объединитъ противодѣйствiе и нерасположенiе къ консервативной партiи. Консервативная партiя сама роетъ себѣ могилу.

Относительно финансовой реформы канцлеръ вновь подтвердилъ точку зрѣнiя свою и правительства. «Въ согласiи съ союзными правительствами я разсматриваю какъ nobile officium, какъ долгъ уравнивающей справедливости, какъ соцiальную необходимость, чтобы совокупность вновь налагаемыхъ сборовъ пала значительной частью и на владѣющiе классы. Невозможно, чтобы 500 милл. новыхъ налоговъ пали только на среднiе или даже менѣе состоятельные классы,—въ видѣ налоговъ на потребленiе или косвенныхъ налоговъ, которые относительно тяжелѣе поражаютъ среднiе и менѣе состоятельные классы, чѣмъ зажиточные. Но также было бы несправедливо и неправильно облагать отдѣльные виды владѣнiя и оставлять свободными другiе. Именно потому, что онъ равномѣрно падаетъ на всѣ виды владѣнiя, что онъ допускаетъ возможность сообразоваться съ платежной способностью, что онъ возникъ на почвѣ

соціальной справедливости, а не изъ упрямства я крѣпко держусь за наслѣдственный налогъ и противлюсь попыткамъ привлечь къ обложенію только отдѣльные виды дохода или пріобрѣтенія. Я отказываюсь отстаивать въ союзномъ совѣтѣ налоги, которые наносятъ вредъ торговлѣ и промышленности, которые обременяютъ торговлю и промышленность, которые ухудшаютъ все хозяйственное положеніе страны. Финансовая реформа можетъ осуществиться только въ томъ случаѣ, если рѣшенія этой палаты по существу будутъ пріемлемы и по своему матеріальному содержанію обезпечатъ безусловно необходимую сумму въ полномъ ея размѣрѣ. Не смотря на трудность положенія и на печальное разъединеніе между различными партіями палаты, я твердо надѣюсь, что въ этой высокой палатѣ чувство солидарности, національное и соціальное сознаніе одержитъ побѣду надъ мелочностью и партійными раздорами. Въ этой надеждѣ меня подкрѣпляетъ и настроеніе страны. Оно свободно отъ односторонности, оно правильно оцѣниваетъ великую задачу и рано или поздно произнесетъ строгій судъ надъ партіями, которыя повредятъ великому дѣлу финансовой реформы или искалѣчатъ его».

Общія пренія тянулись четыре дня, и въ результатѣ ихъ выяснилось съ очевидностью, что вопросъ о финансовой реформѣ окончательно сталъ на политическую почву, что наслѣдственный налогъ будетъ почти навѣрно отклоненъ, что перегруппировка партій совершилась и предстоитъ канцлерскій кризисъ Въ засѣданіи 19 іюня ф. Пайеръ (Payer изъ Südd. Volkspartei) справедливо указывалъ, что всѣ дебаты ограничились политическими соображеніями и должны вызвать большое разочарованіе въ населеніи, такъ какъ не внесли никакого свѣта въ положеніе дѣлъ. Были увѣщанія выполнить нашъ долгъ: въ среду высказывалъ ихъ канцлеръ, въ четвергъ прусскій министръ финансовъ, въ пятницу саксонскій и сегодня, въ субботу, вюртембергскій. Но никто изъ нихъ, конечно, не вѣритъ, чтобы хотя одного члена палаты можно было заставить измѣнить свои воззрѣнія подобными увѣщаніями. Все остается по старому и игра въ прятки идетъ все дальше.

Можетъ быть, если бы союзныя правительства обратились къ намъ съ этими прекрасными увѣщаніями на полъ-года раньше, они могли бы имѣть большое значеніе. Но теперь, когда всѣ согласны, что правительство въ теченіи мѣсяцевъ производило впечатлѣніе нерѣшительности и слабости, оно утратило право поучать насъ съ точки зрѣнія авторитета. Потворство правительствъ отомстило за себя. Политическіе вопросы, которымъ собственно нечего дѣлать съ финансовой реформой, теперь, благодаря добродушію союзныхъ правительствъ, господствуютъ надъ существомъ дѣла. Союзныя правительства даютъ разительный примѣръ того, что происходитъ, если пустить свой челнъ безъ компаса твердыхъ принциповъ на просторъ бушующихъ волнъ. Вѣдь въ сущности за такой твердый принципъ они считали всего только торжественную прокламацію, что изъ 500 милл. мар. 125 милл. должна понести на себѣ собственность. Выходомъ изъ существующаго положенія дѣлъ ф. Пайеръ считалъ преждевременный роспускъ рейхстага, который «вызвалъ бы крикъ облегченія во всей странѣ». Несомнѣнно, предсказывалъ онъ, что безъ этого финансовой реформы имперія не получитъ, какъ не получила ея и раньше. Чего намъ надо—это широкой системы налоговъ, которая не только наполняла бы кассы, но также планомѣрно и справедливо распредѣляла бы неизбѣжное бремя, которая внесла бы порядокъ въ отношенія между имперіей и союзными государствами, которая тѣмъ самымъ вызвала бы и извѣстное проясненіе нашего политическаго положенія, которая дала бы намъ гарантію, что будетъ пресѣченъ корень зла введеніемъ разумной бережливости въ военное и морское управленіе. Только это одно можетъ обезпечить насъ отъ возвращенія такого положенія, въ какомъ мы сейчасъ находимся, и дать наконецъ промышленности, торговлѣ и всѣмъ плательщикамъ послѣ многолѣтней дикой травли ту мѣру покоя, въ которой она нуждается, какъ въ хлѣбѣ насущномъ. Теперь же черезъ нѣсколько лѣтъ за веселенькимъ концомъ этой податной реформы придется положитъ веселенькое начало новой.

Второе чтеніе финансовой реформы началось 19 іюня и продолжалось до 8 іюля. Напряженіе общества и парламентскихъ круговъ достигло высшаго размѣра. Предстояло рѣшительное испытаніе силъ: на одной сторонѣ стояли канцлеръ, союзныя правительства, вся лѣвая часть рейхстага, значительное большинство народа и, повидимому, самъ императоръ, на другой сторонѣ черно-голубой блокъ. Исходъ испытанія опредѣлился уже 22 іюня проваломъ наслѣдственнаго налога въ комиссіи и принятіемъ въ рейхстагѣ котировочнаго налога, встрѣченнаго съ такою ненавистью торгово-промышленными сферами.

«Какъ мы предсказывали, такъ и свершилось, писала на другой день Vossiche Zeitung (Der schwarze Block an die Arbeit, № 287). Наслѣдственный налогъ былъ вчера отклоненъ комиссіей, котировочный принятъ рейхстагомъ. Эти голосованія соотвѣтствуютъ нашимъ ожиданіямъ, можно почти сказать—нашимъ желаніямъ. Дѣйствительно, ничто не представляется болѣе способнымъ рѣшительно вывести германскій народъ изъ его равнодушія, его терпѣнія, его безучастности, какъ это поведеніе чернаго блока, который хочетъ засыпать всѣхъ налогами, но охраняетъ отъ нихъ кучку крупныхъ землевладѣльцевъ. Мы не предполагаемъ, а знаемъ, какое возбужденіе царитъ даже въ отдѣльныхъ вполнѣ консервативныхъ кругахъ противъ творчества новаго большинства. Тысячи и тысячи людей среднихъ классовъ, особенно чиновники—въ раздраженіи отворачиваются отъ людей, которые въ часъ нужды отечества соглашаются только на налоги, платимые другими, которые щедры только изъ чужихъ кармановъ, которые молятся св. Флоріану: сохрани мой домъ, зажги чужой. Это мораль чернаго блока; о, онъ неслыханно патріотиченъ и готовъ на жертвы, если отъ нихъ страдаютъ не его избиратели, а торговля и промышленность».

Рейхстагъ распался на двѣ опредѣленныя группы: большинство составилось изъ консервативныхъ фракцій (111 членовъ), центра (103) и поляковъ (20), всего 234 члена, меньшинство изъ націоналъ-либераловъ (55), свободомыслящихъ (40), германской народной партіи (7)

и соціалъ-демократовъ (42), всего 147 членовъ. Успѣхъ консервативной политики былъ обезпеченъ.

Рѣшительный бой произошелъ 24 іюня, когда рейхстагъ приступилъ ко второму чтенію наслѣдственнаго налога. Почти всѣ мѣста въ палатѣ были заняты, трибуны переполнены публикой. Пренія открылись рѣчью консерватора ф. Рихтгофена. Въ теченіе многомѣсячнаго обсужденія финансовой реформы, говорилъ онъ, наслѣдственный налогъ съ каждымъ мѣсяцемъ пріобрѣталъ все большее и большее значеніе. Еще недавно вожди одной лѣвой партіи заявляли въ комиссіи, что важно только, чтобы на 100 милл. м. были установлены налоги на владѣніе, а какіе налоги—это вопросъ второстепенный. Теперь поведеніе большинства партій въ рейхстагѣ производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто судьба всей финансовой реформы зависитъ отъ голосованія объ этомъ налогѣ. Между тѣмъ многочисленныя другія податныя предложенія, внесенныя правительствомъ въ проэктъ, были безъ всякаго стѣсненія выброшены изъ программы финансовой реформы, и никто не винитъ за это партіи—онѣ дѣйствовали по совѣсти, какъ велитъ имъ долгъ. Важность вопроса о наслѣдстванномъ налогѣ сильно преувеличена и, къ глубокому сожалѣнію консерваторовъ, часть вины въ этомъ лежитъ на имперскомъ правительствѣ. Оно предложило намъ новый проэктъ послѣ того, какъ изъ всего хода преній могло бы убѣдиться, что большая часть палаты относится къ вопросу принціпіально-отрицательно. Всѣ основанія, которыя приводятся противъ имперскаго подоходнаго и поимущественнаго обложенія, примѣнимы и къ наслѣдственному налогу; существуетъ только одно соображеніе въ пользу его, что онъ наиболѣе удобенъ; но наиболѣе удобный еще не есть наилучшій налогъ. Мы стоимъ на той точкѣ зрѣнія, что мы охотнѣе будемъ сами платить налоги, чѣмъ заставлять уплачивать ихъ нашихъ дѣтей. Правительство рѣшило настаивать на своемъ мнѣніи; консерваторы не могли отказаться отъ своего права закрѣпить въ голосованіи противоположное мнѣніе. Насъ обвиняютъ въ желаніи свалить имперскаго канцлера. Такого желанія консервативная партія въ Германіи, въ

Пруссiи никогда не имѣла—это противорѣчитъ всѣмъ ея принципамъ.—Въ защиту налога выступалъ Зидовъ, говорили представители лѣвыхъ партiй. Соцiалъ-демократъ Давидъ замѣтилъ, что если наслѣдственный налогъ сдѣлался важнѣйшимъ пунктомъ, то сдѣлали это консерваторы; они говорятъ—вопросъ принципа; это принципъ крупнаго кошелька; они искалиощупью глубокой ночью, какъ говоритъ г. Шпекъ, и нашли налогъ въ чужомъ карманѣ. Кто свалилъ Бисмарка и Каприви, спрашивалъ онъ по поводу той части рѣчи Рихтгофена, которая касалась канцлера. За большинствомъ рейхстага стоитъ меньшинство населенiя, утверждалъ онъ. Не смотря на то, что для соцiалъ-демократовъ проэктъ наслѣдственнаго налога идетъ слишкомъ недалеко, онъ обѣщалъ ихъ голоса. Отъ имени центра бар. ф. Гертлингъ изложилъ консервативныя возраженiя противъ налога и, намекнувъ на то, что по слухамъ либеральныя партiи въ случаѣ отклоненiя налога на наслѣдства намѣреваются голосовать противъ косвенныхъ налоговъ, далъ понять обинями, что его фракцiя выскажется отрицательно относительно косвенныхъ налоговъ въ случаѣ принятiя наслѣдственнаго.

Поставленный послѣ пренiй на именное голосованiе § 9а: налогъ на дѣтей и супруговъ—былъ отклоненъ большинствомъ 195 противъ 187 при одномъ воздержавшемся. Объявленiе результатовъ голосованiя было встрѣчено глубокимъ молчанiемъ палаты; канцлеръ покинулъ залъ еще раньше, во время рѣчи представителя центра. Затѣмъ быстро, одно за другимъ, послѣдовали отклоненiе всѣхъ другихъ параграфовъ и поправокъ къ нимъ. Вице-президентъ Пааше заявилъ, что отъ законопроэкта обложенiя наслѣдствъ ничего не осталось и потому онъ не будетъ подвергнутъ третьему чтенiю.

Когда рейхстагъ приступилъ къ разсмотрѣнiю слѣдующихъ законопроэктовъ, побѣжденными партiями были сдѣланы заявленiя объ ихъ дальнѣйшемъ отношенiи къ реформѣ. Отъ имени нацiоналъ-либераловъ деп. Бассерманъ заявилъ, что послѣ того, какъ правительство и партiи, державшiяся его программы, потерпѣли тяжелое пораженiе и центръ поквитался съ канцлеромъ за де-

кабрьскій роспускъ, его партія не будетъ мѣшать побѣдному шествію новаго большинства. Хотя она и будетъ участвовать въ преніяхъ, но, такъ какъ ея принципіальныя предположеніи объ установленіи налога на владѣніе не осуществимы, то она отклоняетъ эту финансовую реформу какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ частяхъ. Однородное заявленіе сдѣлано было Вимеромъ отъ имени свободомыслящихъ. И потомъ при обсужденіи каждаго отдѣльнаго налога лѣвые неизмѣнно повторяли, что они будутъ стараться внести улучшенія въ проэктъ, но голосовать будутъ противъ него.

Вотумъ рейхстага поставилъ предъ канцлеромъ дилемму: отставка или роспускъ. Либералы горячо стояли за послѣдній въ увѣренности, что при новыхъ выборахъ консерваторы потерпѣли бы полное пораженіе; свои надежды они основывали на раздраженіи, которое господствовало не только въ большей части среднихъ классовъ, но и въ бюрократическихъ, чиновничьихъ кругахъ противъ эгоистической политики консерваторовъ. Но дѣло шло не только о финансовой реформѣ. Консерваторы боролись въ сущности не изъ-за ничтожнаго обложенія наслѣдства, а изъ-за господства; они стремились хотя бы цѣной союза съ центромъ и поляками положить конецъ либеральному отклоненію курса; въ финансовой реформѣ они боролись съ возможностью либеральныхъ уступокъ въ прусской избирательной реформѣ, возвѣщенной въ тронной рѣчи, какъ одна изъ важнѣйшихъ задачъ ближайшаго будущаго «Die janze Richtung passt uns nich»! говорили они. Новые выборы и либеральное большинство въ рейхстагѣ должны были бы дѣйствительно принести значительную перемѣну курса; пришлось бы вести политику уже *противъ консерваторовъ*, а на рѣшительную борьбу съ некоронованнымъ королемъ Пруссіи ф. Гейдебрандъ megyндъ-деръ Лаза и его партіей Бюловъ очевидно не рѣшился. Онъ избралъ отставку.

За отклоненіемъ наслѣдственнаго налога та же участь постигла рядъ другихъ правительственныхъ проэктовъ: 3 іюля проэктъ наслѣдственнаго права государства, 5 іюля—измѣненіе наслѣдственнаго налога и

налогъ на вино, 6-го іюля—на электричество, газъ и объявленія. Вслѣдствіе veto правительства [1]) 7-го іюля были отклонены налогъ на обороты мельницъ и вывозная пошлина на каменный уголь, 8-го—предполагавшіяся отмѣна налога на пассажирскіе билеты и пониженіе сахарнаго налога. Вмѣсто котировочнаго налога правительство предложило талонный сборъ. Третье чтеніе реформы происходило 9 и 10 іюля.

Послѣдній день начался общими дебатами, въ которыхъ выразились взгляды различныхъ партій на создавшееся новое политическое положеніе. Имъ предшествовало заявленіе заступающаго мѣсто имперскаго канцлера ф. Бетманна-Гольвега, выразившаго отъ имени союзныхъ правительствъ сожалѣніе, что не достигнуто соглашеніе относительно цѣлаго ряда налоговъ на потребленіе и владѣніе, которые въ глазахъ союзнаго совѣта имѣли бы значительныя преимущества предъ принятыми взамѣнъ ихъ налогами, и что не установлена настоятельно необходимая фиксація матрикулярныхъ взносовъ. Глубокое различіе мнѣній возникло относительно наиболѣе цѣлесообразной формы обложенія владѣнія внѣ тѣхъ формъ, которыя представлены отдѣльнымъ госу-

---

[1]) «Наибольшія трудности, предупреждала 3 іюня официальная Nordd Allg. Zeitung, предстоятъ рейхстагу, когда онъ приступитъ къ обсужденію замѣны отклоненныхъ налоговъ на владѣніе. Опасность заключается въ томъ, что такіе важные и серьезные по существу податные проэкты должны быть разсмотрѣны въ короткое время безъ предварительнаго взвѣшиванія всѣхъ возможныхъ послѣдствій. Во всякомъ случаѣ большинство рейхстага должно сдержать себя и не пытаться привносить въ податные проэкты экономическихъ побочныхъ цѣлей. Каждый налогъ неизбѣжно приноситъ съ собой извѣстныя хозяйственныя послѣдствія. Но совсѣмъ другое, если налоги принимаются съ опредѣленной и преднамѣренной цѣлью привнести извѣстныя измѣненія въ условія производства и распредѣленія. Союзныя правительства поэтому рѣшительно противились предложеннымъ проэктамъ котировочнаго и мельничнаго налога и ввозной пошлины на уголь и впредь не примутъ никакого податного проэкта, который вмѣсто финансовыхъ цѣлей будетъ преслѣдовать подобныя экономическія. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ теперешнемъ положеніи есть двѣ дальнѣйшія опасности, относительно которыхъ уже теперь надо предупредить. Одна лежитъ въ стремленіи понизить необходимую сумму ниже 500 милл. м. Финансовая реформа, которая дала бы менѣе 500 м. дохода, была бы неудовлетворительнымъ рѣшеніемъ проблеммы. Эта сумма—наименьшій размѣръ того, что необходимо имперіи и всякое искусственное пониженіе этой потребности встрѣтитъ рѣшительное противодѣйствіе. Другая не меньшая опасность лежитъ въ искушеніи установить такіе налоги, которыя принесли бы эти доходы не въ дѣйствительности, а только видимо, такъ сказать на бумагѣ. Такихъ финансовыхъ реформъ имперія имѣла уже достаточно».

дарствамъ. Рѣшенія рейхстага поставили предъ союзными правительствами вопросъ, слѣдуетъ ли тѣмъ не менѣе продолжать преобразованіе имперскихъ финансовъ, или отложить его до болѣе поздняго момента. Они единогласно высказались за продолженіе и рѣшили принять цѣликомъ всѣ налоги на потребленіе и владѣніе, за исключеніемъ непріемлемаго для нихъ котировочнаго сбора. Это рѣшеніе было вызвано важными безпристрастными соображеніями. Положеніе, принятое различными партіями относительно отдѣльныхъ податныхъ проэктовъ, не даетъ никакого ручательства за то, что позднѣе или при измѣненномъ составѣ рейхстага можно будетъ вообще провести реформу въ такомъ видѣ, который лучше удовлетворялъ бы потребности имперіи. Отсрочка не только затянула бы на мѣсяцы финансовый кризисъ имперіи, но и поставила бы въ неизвѣстность все дѣло. Необходимость укрѣпить и увеличить доходы имперіи признана всѣмъ народомъ; его жизненный интересъ требуетъ, чтобы былъ положенъ конецъ той неопредѣленности, какая тяготѣетъ теперь надъ финансами, промышленностью и торговлей — не отсрочкой до будущаго, а немедленнымъ актомъ. Примиряясь съ нѣкоторыми недостатками въ виду важности этого требованія, союзныя правительства вмѣстѣ съ рейхстагомъ оказываютъ отечеству услугу, которой требуетъ отъ нихъ отвѣтственность за благо страны.

Заявленіе союзныхъ правительствъ было встрѣчено оживленными рукоплесканіями правыхъ. Взявшій слово послѣ него консерваторъ ф. Гейдебрандъ-фонъ-деръ-Лаза остановился прежде всего на отношеніи его партіи къ наслѣдственному налогу. Не считая нужнымъ повторять снова всѣ доводы противъ этого налога, онъ отмѣтилъ, что самымъ важнымъ и рѣшающимъ моментомъ для его партіи было то, что она усматривала въ немъ общій налогъ на владѣніе и что она не желаетъ предоставить такого общаго обложенія владѣнія въ руки парламента, основаннаго на равномъ избирательномъ правѣ (общее волненіе на лѣвой). Мы дѣлаемъ это потому, что нѣтъ никакихъ средствъ, съ помощью которыхъ можно было бы не допустить, чтобы оклады и постановленія, приня-

тые теперь, не подверглись рѣзкимъ измѣненіямъ, которыя въ конечномъ результатѣ приведутъ къ конфискаціи собственности. Отношеніе консервативной партіи къ налогамъ на владѣніе вообще основано на убѣжденіи, что пока не будетъ установленъ принципъ—въ нашей конституціи—о правѣ отдѣльныхъ государствъ и комунъ взимать рядомъ съ прямыми и косвенные налоги, до тѣхъ несправедливо и прямо невозможно съ государственно-правовой точки зрѣнія устанавливать для имперіи принципъ, что она рядомъ съ налогами на потребленіе можетъ устанавливать и такъ называемые налоги на владѣніе. И если мы не противились нѣкоторымъ изъ послѣднихъ, то потому, что мы хотимъ отклонить отъ себя упрекъ, будто мы изъ-за односторонне-эгоистическихъ побужденій отстаиваемъ только интересы землевладѣнія. Теперь лѣвые дѣлаютъ видъ, что достигнутое нами съ ихъ точки зрѣнія въ высшей степени печально но какъ обстояло дѣло всего 6 или 8 недѣль тому назадъ. Возъ, который они везли, совсѣмъ застрялъ въ трясинѣ; два коня тянули вправо, два—влѣво, а кучера не было видно. Отъ этого зрѣлища мы захотѣли спасти нашъ народъ. На пути, на который мы ступили, лежитъ блокъ. Моментъ слишкомъ серьезенъ, чтобы можно было что нибудь замалчивать. Что такое былъ блокъ? Блокъ, возникшій изъ выборовъ 1907 г., стремился обезпечить извѣстные національные интересы, которымъ грозила тогда опасность, а германскій народъ желалъ, чтобы прекратилось господство одной партіи, которое, благодаря состоянію тогдашнихъ парламентскихъ отношеній, принадлежало центру. Эта цѣль была достигнута и остается достигнутой. Но имперскій канцлеръ Бюловъ сдѣлалъ изъ блока еще нѣчто иное. Онъ создалъ объединеніе консервативныхъ и либеральныхъ партій съ принципіальнымъ исключеніемъ центра изъ общей политической работы, и куда это могло привести? Рано или поздно между консерваторами и либералами, которыхъ раздѣляетъ во многихъ отношеніяхъ цѣлое міровоззрѣніе и противоположные хозяйственные интересы, должны были образоваться такія положенія, при которыхъ невозможно прочное соглаше-

ніе. Во всякомъ случаѣ основной предпосылкой было, чтобы отношенія строились на принципѣ равноправія, а въ этомъ равноправіи вы намъ отказали. Вспомните только о томъ, что всего нѣсколько дней назадъ вождь свободомыслящей народной партіи Вимеръ открыто высказалъ здѣсь, что ваша цѣль заключалась не въ томъ, чтобы достигнуть того или другого, а что вы желали наполнить все управленіе и законодательство либеральнымъ духомъ. Была консервативная эра, поддерживавшаяся консервативными силами, вы имѣли также либеральную эру, которая поддерживалась либеральными людьми, но либеральной эры, которая поддерживалась бы консервативными силами—этого еще міръ не видѣлъ, и показать вамъ, что мы не хотимъ такого положенія, было наше право, котораго никто не можетъ отъ насъ отнять.

Представитель центра—ф. Гертлингъ—въ длинной рѣчи объяснялъ поведеніе своей партіи, которое, по его словамъ, съ самаго начала было основано на сущности дѣла (оглушительный смѣхъ) и на ходѣ событій. Центръ признавалъ необходимость оздоровленія имперскихъ финансовъ и готовъ былъ принять въ немъ участіе; но блокъ старался провести реформу самъ и устранить центръ отъ совмѣстной работы. Послѣдній, естественно, не пожелалъ играть роли tertius gaudens. Однако свою работу онъ могъ дѣлать только рядомъ съ консервативной партіей, съ которой въ экономической области его соединяетъ старое братство по оружію и отрицательное отношеніе къ обложенію наслѣдствъ нисходящихъ и супруговъ. Приведя нѣсколько доводовъ по существу противъ прямого имперскаго обложенія, ф. Гертлингъ обратился къ выясненію отношенія своей партіи къ двумъ другимъ частямъ новаго блока. Фонъ Гейдебрандтъ справедливо отмѣтилъ, что нѣтъ союза между консерваторами и центромъ: мы сошлись только для общаго рѣшенія опредѣленнаго вопроса. Консервативная партія—это партія стараго прусскаго землевладѣнія; поколѣніями она тѣснѣйшимъ образомъ срослась съ прусскимъ государствомъ и отличается такимъ однообразіемъ своего состава, которое придаетъ

ей единый политическій характеръ и котораго не найти ни въ одной другой партіи. Центръ слагается изъ самыхъ разнообразныхъ частей; въ немъ существуютъ крупныя соціальныя и экономическія различія какъ среди избирателей, такъ и среди избираемыхъ; онъ преставляетъ не только землевладѣніе, но и буржуазію и рабочій классъ; рядомъ съ элементами инерціи въ немъ есть и элементы движенія впередъ, и потому въ вопросахъ, выдвигаемыхъ современной жизнью, онъ всегда будетъ занимать иное положеніе, чѣмъ консерваторы. Что касается поляковъ, то центръ всегда былъ противникомъ теперешней польской политики, которая наиболѣе выдающихся защитниковъ имѣетъ на лѣвой сторонѣ.

Полякъ ф. Чарлинскій заявилъ, по поводу разговоровъ о консервативно-клерикально-польской коалиціи, что отношеніе ихъ партіи къ реформѣ во все время ея обсужденіи вытекало изъ существа вопросовъ; никто не вліялъ на нее и она не пыталась оказать на кого нибудь вліяніе. Мы выполнили свою обязанность, какъ депутаты, и избрали меньшее зло. Сегодня здѣсь говорили о германской культурѣ: мы хотимъ также вступиться за свою культуру и потому желаемъ, чтобы въ этой культурной борьбѣ не боролись съ нами насильственными мѣрами и исключительными законами. Мы только показали, что мы по праву можемъ требовать, чтобы къ намъ относились какъ къ равноправнымъ гражданамъ.

Побѣжденные—націоналъ-либералы и свободомыслящіе посвятили длинныя рѣчи счетамъ съ консерваторами и центромъ, восхваленію политики блока и надеждамъ на скорое возобновленіе потребности въ финансовой реформѣ, которая будетъ основана на принципахъ, нынѣ ими защищаемыхъ, и при которой теперешніе побѣжденные окажутся побѣдителями.

Послѣ незначительныхъ рѣчей мелкихъ партій началось голосованіе различныхъ частей реформы. Согласно заявленія союзнаго совѣта, налогъ на приростъ цѣнности былъ единогласно отклоненъ. Другія части прошли въ редакціи большинства.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Къ вопросу о религіозныхъ преступленіяхъ [1]).

В. Н. Ширяевъ.

Вопросъ, послужившій темой для моей работы, занимаетъ въ русской уголовно-правовой литературѣ особое, я сказалъ-бы даже исключительное положеніе.

При сравнительной бѣдности нашей уголовно-правовой литературы, при многочисленныхъ пробѣлахъ ея по весьма существеннымъ вопросамъ науки уголовнаго права вопросъ о религіозныхъ преступленіяхъ привлекъ къ себѣ такое вниманіе изслѣдователей, что, кромѣ моей книги и ряда небольшихъ работъ, этому вопросу были уже посвящены три обширныя монографіи.

Гдѣ кроется причина такого исключительнаго вниманія?

Религія и связанные съ нею интересы занимаютъ выдающееся мѣсто въ жизни общества. Они могутъ быть разсматриваемы и изучаемы съ разныхъ сторонъ. Можетъ быть изучаема самая сущность религіи, ея исторія, ея психологія. Но наряду съ такимъ изученіемъ религіи могутъ и должны быть изучаемы тѣ внѣшнія условія, при наличности которыхъ религіозные интересы отдѣльной личности только и могутъ получить достаточное обезпеченіе и твердую опору для своего проявленія во внѣ и для своего развитія. Безъ установленія такихъ условій не можетъ спокойно течь и развиваться самая жизнь государства. Она неминуемо рискуетъ подвергнуться болѣе или менѣе глубокимъ потрясеніямъ.

Несомнѣнно, времена острыхъ столкновеній на почвѣ религіозныхъ разногласій, влекшихъ за собой кровопро-

---

1) Вступительное слово передъ диспутомъ 14 февраля 1910 г. въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

литныя войны, прошли безвозвратно; несомнѣнно также, что какъ въ жизни отдѣльной личности, такъ и въ жизни цѣлаго общества проскальзываютъ полосы религіознаго индифферентизма, пониженія религіозныхъ запросовъ, когда отсутствіе такихъ благопріятныхъ условій не даетъ себя знать. Но зато въ моменты возрожденія религіи, пробужденія религіозныхъ исканій, когда «безграничныя права духа» властно привлекаютъ къ себѣ общественное вниманіе, эта необходимость въ созданіи внѣшнихъ условій, благопріятствующихъ расцвѣту религіозной жизни, сказывается особенно остро.

На законодателя падаетъ трудная задача регламентировать эту сферу интересовъ личности, регламентировать ее такъ, чтобы они—эти интересы не были придавлены, а могли найти въ законѣ почву для своего правомѣрнаго развитія и удовлетворенія. Трудность лежащей на законодателѣ задачи усугубляется еще значительной широтой и разнообразіемъ этой категоріи интересовъ личности, ея соприкосновеніемъ и сплетеніемъ съ другими личными и общественными интересами. Такъ напр. общій вопросъ о религіозной свободѣ является связаннымъ съ цѣлой цѣпью частныхъ вопросовъ, каковы вопросы о крещеніи дѣтей, благословеніи и расторженіи браковъ, о школьномъ обученіи и т. д.

При разрѣшеніи всѣхъ этихъ вопросовъ законодательнымъ путемъ участіе криминалиста должно выражаться въ указаніи законодателю тѣхъ границъ, въ предѣлахъ которыхъ онъ можетъ обращаться къ сильнѣйшему средству воздѣйствія на личность—къ угрозѣ наказаніемъ. Криминалистъ долженъ отмежевать законодателю область дозволеннаго и недозволеннаго, дабы каждый имѣлъ свободную возможность славить своего бога по велѣніямъ своей совѣсти...

Между тѣмъ, едва-ли можно представить что либо болѣе неудовлетворительное, чѣмъ наше уголовное законодательство по вопросу о религіозныхъ преступленіяхъ; реформа этого отдѣла законодательства хронически продолжаетъ быть вопросомъ злободневнымъ...

Итакъ, важность проблемы сама по себѣ и неудовлетворительность ея постановки въ законодатель-

ствѣ — вотъ, на мой взглядъ, тѣ основанія, которыя побуждали и побуждаютъ заниматься изслѣдованіемъ вопроса о религіозныхъ преступленіяхъ.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что лично меня невполнѣ удовлетворяли тѣ попытки разрѣшенія этого вопроса, которыя предлагались въ литературѣ, по крайней мѣрѣ, нашей русской.

Во введеніи къ своей работѣ я далъ краткую характеристику трудовъ моихъ предшественниковъ. И здѣсь не буду повторять ее.

Среди длинной серіи работъ, посвященныхъ разработкѣ вопроса о религіозныхъ преступленіяхъ, я позволю назвать лишь интересно задуманную работу проф. v. Rohland'a — «Historische Wandlungen der Religionsvergehen» и работу проф. Kahl'я, вошедшую въ составъ коллективнаго труда германскихъ криминалистовъ «Vergleichende Darstellung des Strafrechts»: такъ какъ въ этихъ двухъ работахъ я нашелъ подтвержденіе правильности намѣченнаго себѣ съ самаго начала пути—прослѣдить историческую эволюцію религіозныхъ преступленій, намѣтить путь, по которому шло это развитіе, и указать тотъ конечный предѣлъ, къ которому это развитіе стремилось.

Но я считалъ бы неправильнымъ, ставъ на историческій путь изученія религіозныхъ преступленій, ограничиться изученіемъ одной догматической стороны ихъ въ различныя историческія эпохи, внѣ тѣхъ условій, при которыхъ эта догма развивалась.

Я считалъ нужнымъ остановить свое вниманіе на той «внѣшней», по терминологіи Лейбница, исторіи, среди которой выростали и развивались тѣ или другія нормы права.

Такими внѣшними условіями, на почвѣ которыхъ выростала и развивалась конструкція религіозныхъ преступленій и внѣ которыхъ она становится мало понятной, являются, по моему мнѣнію, церковно-политическія отношенія. Только въ изученіи этихъ отношеній я находилъ ключъ для уразумѣнія системы религіозныхъ деликтовъ. Но при изученіи этихъ отношеній я имѣлъ возможность остановиться лишь на отдѣльныхъ выдаю-

щихся моментахъ, когда отношенія между церковью и государствомъ выливались въ опредѣленную болѣе или менѣе законченную форму.

Такими поворотными моментами, давшими основаніе различнымъ системамъ церковно-политическихъ отношеній были: эпоха византинизма, эпоха возникновенія франкской монархіи, эпоха расцвѣта іерократіи, эпоха реформаціи и эпоха просвѣщенія. Въ каждый изъ этихъ историческихъ моментовъ происходитъ передвижка церковно-политическихъ отношеній, такъ или иначе отражающаяся на судьбѣ религіозныхъ преступленій.

Исходнымъ моментомъ для возникновенія религіозныхъ преступленій, въ качествѣ особой и самостоятельной группы, является греко-римское право, опредѣленія котораго послужили прочнымъ фундаментомъ для всей дальнѣйшей исторіи религіозныхъ преступленій; вотъ почему я счелъ необходимымъ остановиться на этихъ опредѣленіяхъ болѣе подробно.

Все позднѣйшее законодательство вплоть до эпохи просвѣщенія было лишь необходимымъ развитіемъ и дополненіемъ началъ, содержащихся въ греко-римскомъ правѣ. Законодательство позднѣйшихъ эпохъ не измѣнило, да и не могло измѣнить основъ конструкціи религіозныхъ преступленій, которая заключалась въ признаніи за религіозными преступленіями посягательства на православную догму, на учрежденія и обряды православной церкви. Не могло оно измѣнить такого пониманія религіозныхъ преступленій по той простой причинѣ, что хотя въ теченіе вѣковъ и шла продолжительная и упорная борьба между церковью и государствомъ, но эта борьба велась за первенство, а отнюдь не за расширеніе границъ религіозной свободы. Брало-ли верхъ государство надъ церковью, какъ это имѣло мѣсто въ эпоху византинизма, въ эпоху франкской монархіи, въ эпоху реформаціи, или, наоборотъ, государство подчинялось церкви, какъ это было въ эпоху расцвѣта іерократіи, одерживавшая верхъ власть, свѣтская или духовная, одинаково считала своей миссіей охрану ортодоксіи, а отнюдь не свободу личности.

Если въ эпоху византинизма, слившаго въ единый организмъ государство и церковь, эта охрана считалась одинаково важной для той и другой части организма, если въ эпоху расцвѣта іерократіи церковь заботилась только о libertas Ecclesiae, если въ эпоху реформаціи можно было говорить лишь о свободѣ представителя верховной власти (cuius regio,—eius religio), то только въ эпоху просвѣщенія явилась возможность говорить о свободѣ личности.

Ученія школы естественнаго права, пышнымъ цвѣтомъ развившіяся въ эту послѣднюю эпоху, дали иное пониманіе религіозныхъ преступленій.

Въ эту эпоху складывается представленіе о двухъ цѣнностяхъ государственной и общественной жизни, цѣнностяхъ, требующихъ спеціальной охраны: это религія, какъ извѣстный моральный устой, и представленіе объ индивидѣ со всей совокупностью принадлежащихъ ему правъ и въ частности права на свободное религіозное самоопредѣленіе. Обѣ эти цѣнности были приняты во вниманіе при теоретической выработкѣ конструкціи религіозныхъ преступленій.

Одна изъ этихъ конструкцій понимаетъ религіозныя преступленія, какъ посягательство на религію вообще, независимо отъ ея конкретнаго содержанія, на религію, какъ важнѣйшее благо общежитія, какъ одинъ изъ устоевъ государственной и общественной жизни.

Съ другой стороны въ религіозныхъ преступленіяхъ усматривается посягательство на субъективное право индивида, при чемъ одни квалифицируютъ это право, какъ право на честь религіозныхъ обществъ, другіе— какъ право на религіозное самоопредѣленіе.

Съ этими воззрѣніями на природу религіозныхъ преступленій мы встрѣчаемся и въ настоящее время; они живы и понынѣ.

Обращаясь отъ судьбы религіозныхъ преступленій на Западѣ Европы къ положенію ихъ въ Россіи, мы видимъ, что здѣсь съ ранней зари христіанства и до послѣдняго времени господствовалъ взглядъ на религіозныя преступленія, принесенный къ намъ изъ Византіи. Все время религіозныя преступленія понимались

у насъ, какъ посягательство на опредѣленную религіозную догму и на выраженіе ея во внѣ въ формѣ опредѣленнаго православной церковью культа. Законъ 17 апрѣля 1905 г. о вѣротерпимости долженъ былъ вызвать реформу уголовнаго законодательства, но къ сожалѣнію эта реформа оказалась недостаточной и принципъ религіозной свободы, торжественно провозглашенный въ законѣ 17 апрѣля 1905 г., не получилъ надлежащаго закрѣпленія. Въ своей книгѣ я дѣлаю попытку, если не уничтожить, то, по крайней мѣрѣ, смягчить это несоотвѣтствіе между началами, провозглашенными 17 апрѣля 1905 г., и закономъ 14 марта 1906 г., путемъ указанія на тѣ возможныя исправленія, которыя, не измѣняя существенно основъ конструкціи, усвоенной уголовнымъ уложеніемъ, въ тоже время поставили бы его въ уровень съ западно-европейскимъ правомъ.

Можетъ-быть, на этомъ можно было-бы поставить точку и этимъ закончить работу. Но я позволилъ себѣ сдѣлать еще шагъ впередъ.

Изученіе историческихъ судебъ религіозныхъ преступленій въ различныя эпохи, наблюденіе за ихъ современнымъ положеніемъ въ законодательствѣ показываетъ, что не только измѣнялся взглядъ на природу религіозныхъ преступленій, но измѣнялось и взаимоотношеніе между отдѣльными видами религіозныхъ преступленій, сохранившимися до настоящаго времени.

Если прежде среди религіозныхъ преступленій господствующее мѣсто принадлежало blasplemiae—богохуленію, подъ которое подходило и «turbatio sacrorum», т. е. по терминологіи памятниковъ нашего законодательства «церковный мятежъ», понимаемый скорѣе какъ безчинство, то теперь, наоборотъ, цѣлый рядъ кодексовъ совершенно отказался отъ упоминанія blasphemiae, но за то нѣтъ ни одного кодекса, который не содержалъ-бы опредѣленій о посягательствахъ на религіозную свободу.

Не свидѣтельствуетъ-ли это направленіе законодательной политики о томъ, что преобладающее мѣсто должно занять то пониманіе религіозныхъ преступленій,

которое видитъ въ нихъ посягательство на право свободнаго религіознаго самоопредѣленія.

Кромѣ того, если внимательно разобраться въ конструкціи религіозныхъ преступленій, которая покоится на принципѣ охраны религіи, ея установленій, обрядовъ и т. п., то нетрудно увидѣть, что, въ сущности говоря, законъ охраняетъ не религію, не установленіе, не обрядъ, а охраняетъ извѣстное отношеніе къ этой религіи, установленію или обряду, отношеніе, вытекающее изъ извѣстнаго настроенія индивида, охраняетъ слѣдовательно тоже право индивида такъ, а не иначе относиться къ извѣстнымъ вѣрованіямъ, предметамъ почитанія и т. п.

Такимъ образомъ, отъ охраны православной догмы къ охранѣ индивидуальнаго права свободнаго религіознаго самоопредѣленія—вотъ тотъ путь развитія, по которому прошли религіозныя преступленія.

Намѣтить и прослѣдить этотъ путь мнѣ казалось полезнымъ и съ этой точки зрѣнія моя работа будетъ, можетъ быть, не совсѣмъ излишней....

Международный третейскій судъ въ 1839—1843 годахъ между С.-А. С. Штатами и Мексикой.

Н. Н. Голубева.

Международная судебная комиссія, учрежденная С.-А. С. Штатами и Мексикой по компромиссу 11 апрѣля 1839 года, является однимъ изъ любопытныхъ третейскихъ судовъ первой половины XIX вѣка по своему устройству и дѣятельности. Мало того, эта комиссія представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что на ней былъ подвергнутъ подробному обсужденію вопросъ о характерѣ функцій международнаго третейскаго суда; пренія мексиканскихъ и американскихъ комиссаровъ по этому вопросу напоминаютъ собою не столько служебные переговоры чиновниковъ двухъ державъ, сколько научный диспутъ; тѣ аргументы, которые приводились американскими комиссарами въ пользу чисто судебныхъ функцій комиссіи, до сихъ поръ не потеряли своей цѣны и своего значенія, не смотря на то, что юридическія науки за истекшій полувѣкъ сдѣлали значительные успѣхи. Между тѣмъ работы комиссіи 1839 года не извѣстны въ европейской литературѣ [1]).

Комиссіи былъ порученъ разборъ исковъ, предъявленныхъ Мексиканскому правительству, о вознагражденіи за убытки, понесенные американскими подданными во время возстанія въ Мексикѣ. Въ составъ ко-

[1]) См. Executive Documents of the Senate of the United States. 27 Congress, 2 session, n⁰ 320. Здѣсь помѣщены: дипломатическая переписка сторонъ до образованія комиссіи (стр. 1 сл.), протоколы засѣданій комиссіи до 16 января 1841 года (стр. 90 сл.) и отчетъ американскихъ комиссаровъ правительству С. Штатовъ (стр. 209 сл.).—Компромиссъ 11 апрѣля 1839 г. см. у Martens'a. Nouveau Recueil de traités. Gottingue. XVI, 624.

миссіи стороны согласились назначить каждая по два комиссара и по одному секретарю. Всѣ комиссары должны были присягнуть въ томъ, что они будутъ безпристрастно разбирать и разрѣшать представленные иски; по каждому отдѣльному иску они должны были постановить особое рѣшеніе, въ случаѣ же разногласія—указать пункты ихъ несогласія и основанія, по которымъ образовались ихъ мнѣнія, и представить на рѣшеніе Прусскаго короля все спорное дѣло вмѣстѣ съ удостовѣренными копіями документовъ, находящихся при дѣлѣ. Однако въ виду того, что документы предъявленные комиссіи были настолько обширны, что трудно было надѣяться, чтобы Его Величество король Прусскій пожелалъ или былъ въ состояніи лично ознакомиться съ ними, то правительства С. Штатовъ и Мексики согласились просить короля о назначеніи какого-либо лица съ тѣмъ, чтобы это лицо выступало вмѣсто короля суперъ-арбитромъ; дѣйствія третейскаго судьи должны происходить въ Вашингтонѣ и оплачиваться путемъ взносовъ, дѣлаемыхъ поровну обѣими сторонами; стороны обязались считать рѣшенія суперъ-арбитра окончательными и безапелляціонными по всѣмъ предметамъ, ему порученнымъ комиссарами.

На основаніи этого соглашенія были назначены комиссарами отъ С. Штатовъ William L. Marcy и John Rowan, отъ Мексики—D. Pedro F. del Castillo и Velazquez de Leon, секретарями—отъ С. Штатовъ Alexander Dimitry, отъ Мексики—Lucas de Palacio y Magarola. Непосредственно по заключеніи компромисса договаривающіяся державы въ нотѣ, адресованной министру иностранныхъ дѣлъ Пруссіи, просили короля Прусскаго назначить третейскаго судью; судьей былъ назначенъ прусскій министръ-резидентъ въ Вашингтонѣ Baron Roenne.

Подготовительныя засѣданія комиссіи начались 17-го августа 1840 года; до приступленія къ занятіямъ комиссары произвели обмѣнъ полномочій. Первыя собранія комиссаровъ были посвящены обсужденію вопроса о способѣ принесенія мексиканскими комиссарами установленной въ компромиссѣ присяги. Американскіе ко-

миссары присягнули передъ американскимъ судьей, о чемъ представили комиссіи соотвѣтствующія удостовѣренія; мексиканскіе комиссары принесли присягу другъ передъ другомъ, что засвидѣтельствовалъ присутствовавшій при этой церемоніи мексиканскій секретарь. Американскіе комиссары находили недостаточной принесенную мексиканскими комиссарами присягу и требовали принесенія ея или передъ американскимъ чиновникомъ, или передъ какимъ-либо пребывающимъ въ С. Штатахъ чиновникомъ Мексики. Мексиканскіе комиссары не соглашались на это, они указывали на то, что въ данныхъ имъ полномочіяхъ они были названы не только комиссарами, но и полномочными представителями Мексиканской республики (a plenipotentiary of the Mexican republic) и что, какъ полномочные министры, они могутъ согласно основнымъ законамъ Мексики принимать присягу. Американскіе комиссары удовлетворились только послѣ того, какъ правительство Мексики дипломатическимъ путемъ подтвердило законность принесенной мексиканскими комиссарами присяги. По выясненіи вопроса о присягѣ комиссія объявила себя учрежденной и объ этомъ было сообщено секретарями комиссіи барону Ренне [1]).

Первое формальное засѣданіе комиссіи состоялось 28 августа 1840 года. До приступленія къ разбору дѣлъ комиссія занялась выработкою правилъ дѣлопроизводства и выясненіемъ характера полномочій комиссіи; переговоры между комиссарами происходили въ письменной формѣ: два комиссара отъ одной изъ сторонъ излагали свои взгляды въ спеціальной запискѣ и передавали ее на засѣданіи комиссіи комиссарамъ противной стороны; на слѣдующемъ засѣданіи они получали письменный же отвѣтъ на ихъ записку. Всѣ записки, отвѣты и возраженія на отвѣты заносились въ протоколы суда, которые снабжались подписями обоихъ секретарей. Опредѣляя способъ производства дѣлъ, американскіе комиссары полагали, что члены комиссіи должны разбирать каждое дѣло въ судебномъ, но не въ адвокат-

[1]) См. Executive Documents of the Senate of the United States. 27 Congress, 2 session, n° 320, стр. 320, 93—101, 210.

скомъ или дипломатическомъ духѣ (in a judicial, and not in a forensic or diplomatic spirit).—Мексиканскіе комиссары, оспаривая самую необходимость опредѣленія способа разслѣдованія дѣлъ, недоумѣвали, почему судебная форма должна имѣть преимущество передъ адвокатской или дипломатической. Имъ казалось, что не судебная, а дипломатическая форма наиболѣе соотвѣтствуетъ происхожденію компромисса, принципамъ организаціи настоящей комиссіи, началамъ арбитража вообще, наконецъ прямому намѣренію договаривавшихся сторонъ. Они находили опредѣленіе своего положенія, своихъ полномочій и способовъ пользованія полномочіями въ постановленіяхъ самого компромисса, первая статья котораго молчитъ о судѣ и говоритъ лишь, что четыре комиссара, назначенныхъ поровну президентомъ С. Штатовъ съ согласія Сената и президентомъ Мексиканской республики образуютъ комиссію (a board).—Американскіе комиссары отстаивали необходимость предварительнаго соглашенія о способѣ дѣлопроизводства: необходимо объявить заранѣе, въ какомъ духѣ комиссары будутъ дѣйствовать, для того, чтобы лица направляющія въ комиссію свои претензіи знали, къ кому они обращаются. Власть, предоставленная комиссарамъ компромиссомъ, есть чисто судебная: безпристрастно (impartially) разслѣдовать и рѣшить предложенные иски на основаніи принциповъ справедливости, началъ международнаго права и постановленій договора дружбы и торговли отъ 5 апрѣля 1831 года. Эти права и обязанности не суть ни законодательныя, ни исполнительныя функціи, они должны быть тогда судебными, ибо всѣ установленныя власти входятъ въ одно изъ этихъ трехъ подраздѣленій государственнаго властвованія. Обязанности комиссаровъ не состоятъ ни въ заключеніи трактатовъ, ни въ веденіи взаимныхъ сношеній, онѣ имѣютъ своимъ предметомъ безпристрастное разслѣдованіе и разрѣшеніе извѣстнаго рода спорныхъ дѣлъ возникшихъ между нѣкоторыми американскими гражданами и правительствомъ Мексики. Компромиссъ, установившій комиссію, заключенъ дипломатическими агентами двухъ сторонъ; дипломаты прекратили ихъ дипломатическіе

переговоры, когда они подписали конвенцію, установившую комиссію. Дипломатическіе переговоры выразились въ учрежденіи комиссіи; комиссія создана была для замѣны дипломатіи по спорному вопросу. Конвенція не придаетъ комиссіи ни одного аттрибута дипломатическихъ функцій, всѣ ея аттрибуты состоятъ въ судебныхъ правахъ и обязанностяхъ. Дипломатъ не долженъ быть безпристрастнымъ, судья долженъ; пристрастіе есть достоинство для дипломата, недостатокъ для судьи; безпристрастія отъ дипломата нельзя ожидать, отъ судьи его надо требовать. Комиссары не суть совѣтники той и другой стороны; если бы они были ими, то они не могли бы безпристрастно изслѣдовать и рѣшать споры сторонъ; комиссары не имѣютъ задачей пытаться путемъ сдѣлки разрѣшить эти споры въ отсутствіи заинтересованныхъ лицъ, поручившихъ имъ спорныя дѣла, эти дѣла должны быть разрѣшены путемъ судебнаго производства по выслушаніи заинтересованныхъ.— Мексиканскіе комиссары, несмотря на эти доводы американскихъ комиссаровъ, не соглашались, что комиссія должна быть названа судомъ (a tribunal) и что она должна дѣйствовать какъ судебное учрежденіе. То утвержденіе, будто отдѣльныя частныя лица, получившія полномочіе быть членами комиссіи, должны быть въ то же самое время судьями государствъ, давшихъ имъ эти полномочія, неосновательно уже потому, что конвенція ничего не говоритъ о судебномъ разборѣ дѣла, а говоритъ только о разрѣшеніи и прекращеніи спорныхъ вопросовъ и при томъ она говоритъ лишь о комиссіи, но не о судѣ. Мало того, это утвержденіе представляетъ немаловажную опасность; въ самомъ дѣлѣ, сторонами въ данномъ случаѣ являются суверенныя государства, которыя, какъ таковыя, не знаютъ какого-либо земного суда, который имѣлъ бы право судить ихъ дѣйствія; стороны не хотѣли и не могли подчинить самихъ себя какому-либо суду; онѣ не хотѣли, иначе объ этомъ было бы упомянуто въ компромиссѣ, онѣ не могли этого сдѣлать, такъ какъ ихъ правительства, заключавшія компромиссъ въ качествѣ представителей ихъ народовъ, не имѣли права отчуждать не-

отъемлемыя права свободы и независимости, безъ наличности которыхъ сами государства существовать не могутъ. Поэтому комиссія не можетъ назвать себя судомъ и не можетъ осуществлять функціи суда. Рѣшеніе комиссіи не есть рѣшеніе суда, оно является лишь соглашеніемъ сторонъ, представленныхъ каждая двумя своими комиссарами, которые соглашаются съ комиссарами противной стороны о рѣшеніи даннаго дѣла, отсылая въ случаѣ несогласія дѣло къ суперъ-арбитру; но, подчиняясь по взаимному соглашенію данному рѣшенію, стороны, какъ независимыя государства, не подчиняются суду какого-бы то ни было рода.—Американскіе комиссары замѣтили, что важенъ споръ не о названіи, а о полномочіяхъ комиссіи; они, съ своей стороны, не придаютъ значенія словамъ и наименованіямъ, они обращаютъ вниманіе единственно на права и обязанности того учрежденія, въ которомъ они засѣдаютъ. Возраженія мексиканскихъ комиссаровъ неубѣдительны, такъ какъ государства въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ созывать комиссіи или суды и въ дѣйствительности они часто созываютъ эти учрежденія, обязуясь при томъ заранѣе повиноваться ихъ рѣшеніямъ. Государства не могутъ представлять ихъ суверенныя права на обсужденіе и рѣшеніе какого-либо земного суда, но, какъ суверенныя политическія тѣла, они могутъ представлять ихъ интересы всякому суду, какой они изберутъ. Правительство С. Штатовъ неоднократно выступало стороной передъ учреждаемыми съ его согласія судами и считало себя связаннымъ третейскими рѣшеніями, но отъ этого суверенныя права С. Штатовъ не потерпѣли ни малѣйшаго умаленія.—Взглядъ американскихъ комиссаровъ раздѣлялся также и правительствомъ С. Штатовъ; Вебстеръ, государственный секретарь С. Штатовъ по иностраннымъ дѣламъ, нѣсколько разъ подтверждалъ, что комиссія разсматривается правительствомъ какъ независимое учрежденіе, въ производство дѣлъ котораго исполнительная власть считаетъ для себя неудобнымъ вмѣшиваться. Такъ, напримѣръ, 21 января 1842 года Вебстеръ сдѣлалъ слѣдующее сообщеніе мексиканскимъ комиссарамъ: комис-

сія, въ которой они засѣдаютъ, всегда разсматривалась правительствомъ С. Штатовъ какъ вполнѣ судебное учрежденіе съ независимыми полномочіями въ отношеніи отправленія ея функцій; ея права и обязанности тождественны съ правами и обязанностями всякаго другого суда, она имѣетъ право разбирать и рѣшать предъявленные ей иски, равно какъ опредѣлять характеръ и объемъ ея юрисдикціи [1]).

Американскіе комиссары предложили разсматривать дѣла въ алфавитномъ ихъ порядкѣ, мексиканскіе комиссары—въ хронологическомъ порядкѣ; ни тотъ, ни другой порядокъ не былъ принятъ формальнымъ образомъ комиссіей. Часть дѣлъ была разрѣшена самими комиссарами безъ участія суперъ-арбитра; однако въ громадномъ большинствѣ случаевъ требовалась помощь суперъ-арбитра. Баронъ Ренне постановлялъ свои рѣшенія на основаніи препровождавшихся ему докладовъ комиссаровъ и о своихъ дѣйствіяхъ и о своихъ рѣшеніяхъ онъ посылалъ отчеты въ Берлинъ; эти рѣшенія постановлялись въ формѣ простыхъ резолюцій, безъ указанія мотивовъ, но въ докладахъ своему правительству Ренне подробно излагалъ факты дѣла и правила, примѣненныя имъ въ каждомъ рѣшеніи, желая оправдать передъ своимъ правительствомъ постановленіе именно даннаго, а не иного рѣшенія. Правительство С. Штатовъ выразило желаніе знать мотивы постановленныхъ суперъ-арбитромъ рѣшеній; Вебстеръ 16 марта 1843 года уполномочилъ министра С. Штатовъ въ Берлинѣ взять конфиденціально копіи съ этихъ донесеній, мотивируя это важностью знать для будущей практики обязанности правительствъ и права подданныхъ въ случаяхъ аналогичныхъ тѣмъ, которые были разрѣшены барономъ Ренне. Уитонъ 12 мая обратился къ Прусскому правительству съ ходатайствомъ о выдачѣ этихъ копій, на которое онъ 20-го іюня получилъ отказъ: оно было отклонено въ виду того, что доклады Ренне составляютъ частную переписку дипломатическаго агента съ его правительствомъ, не говоря уже о томъ, что эти доклады не

[1]) См. Executive Documents of the Senate of the United States. 27 Congress, 2 session, n⁰ 320, стр. 104, 106, 109, 116, 121, 185.

могутъ быть сообщены безъ согласія Мексиканскаго правительства, такъ какъ они касаются обоихъ спорящихъ государствъ [1]).

Комиссія была назначена на полуторагодовый срокъ; въ концѣ февраля 1842 года она прекратила свои засѣданія. Изъ всего числа представленныхъ ей исковъ было 1) рѣшено комиссарами безъ участія суперъ-арбитра 11 исковъ и по нимъ присуждено вознагражденія 439,393 ф. ст.; 2) отказано комиссарами въ удовлетвореніи по 3 искамъ на сумму 51,492 ф. ст.; 3) признано комиссарами 4 иска на сумму 9,278 ф. ст. неудовлетворяющими всѣмъ условіямъ, требуемымъ компромиссомъ; 4) направлено къ суперъ-арбитру и имъ разрѣшено 53 иска съ присужденіемъ вознагражденія въ 1,586,745 ф. ст.; 5) отказано суперъ-арбитромъ въ удовлетвореніи по 5 искамъ на сумму въ 57,754 ф. ст.; 6) признано суперъ-арбитромъ 6 исковъ неудовлетворяющими всѣмъ условіямъ, требуемымъ въ компромиссѣ; 7) возвращено суперъ-арбитромъ нерѣшенными 78 исковъ; 8) представлено 8 исковъ слишкомъ поздно, чтобы быть разсмотрѣнными комиссіей. Иски С. Штатовъ противъ Мексики, оставшіеся нерѣшенными, правительства С. Штатовъ и Мексики по договору 20 ноября 1843 года согласились, наравнѣ съ исками предъявленными Мексикой противъ С. Штатовъ, поручить на рѣшеніе четырехъ комисаровъ, которыхъ поровну должны были назначить обѣ стороны и которые должны были разрѣшать дѣла безъ всякаго пристрастія, согласно праву, справедливости и существующимъ между сторонами договорамъ (ст. 1); при этомъ всѣ иски, разсмотрѣнные уже комиссарами, засѣдавшими въ комиссіи 1839 года, представленные по ихъ несогласію суперъ-арбитру и неразрѣшенные этимъ послѣднимъ, должны были быть представлены не комиссарамъ новой комиссіи, а прямо на рѣшеніе суперъ-арбитра, котораго стороны согласились выбрать на случай несогласій среди комиссаровъ новой комиссіи (ст. 5). Однако этотъ договоръ остался

---

[1]) Executive Documents of the Senate of the United States. 27 Congress, 2 session, n° 320, стр. 211.—House of representatives of the United States. Executive Documents. 30 Congress, 1 session, n° 83.

нератификованнымъ и нерѣшенныя спорныя дѣла были окончены по взаимному соглашенію правительствъ С. Штатовъ и Мексики лишь въ договорѣ 2 февраля 1848 года, въ 14 и 15 статьяхъ котораго стороны согласились въ отношеніи исковъ С. Штатовъ, предъявленныхъ къ Мексикѣ до дня заключенія договора [1]).

Характерной чертой комиссіи являются постоянныя несогласія комиссаровъ; эти несогласія проявлялись не только при установленіи деталей дѣлопроизводства, но и при разборѣ дѣлъ; число дѣлъ, рѣшенныхъ одними комиссарами, ничтожно сравнительно съ общимъ числомъ представленныхъ комиссіи дѣлъ. Эти несогласія объясняются въ значительной степени тѣмъ, что въ составъ комиссіи входили не сообща сторонами назначенные третейскіе судьи, независимые отъ той и другой стороны въ отдѣльности, а фактически зависимые отъ той или другой стороны комиссары, назначаемые и смѣняемые по одностороннему рѣшенію одной изъ спорящихъ сторонъ; естественно, что при этомъ условіи каждый комиссаръ былъ фактически не столько безпристрастнымъ судьей, сколько представителемъ интересовъ назначившаго его государства. Мексиканскіе комиссары къ тому же были назначены ихъ правительствомъ не только комиссарами, но и полномочными дипломатическими агентами Мексики; основываясь на этомъ, они полагали, что въ комиссіи дѣла должны рѣшаться такимъ же порядкомъ, какъ при непосредственныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ двухъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ державъ, и что функціи комиссіи суть дипломатическія функціи; съ ихъ точки зрѣнія рѣшенія комиссіи были ничто иное какъ соглашенія двухъ правительствъ, заключенныя черезъ посредство зависимыхъ отъ нихъ представителей и основанныя на сдѣлкѣ противоположныхъ интересовъ сторонъ; въ правильности ихъ взгляда ихъ могло убѣдить также дробленіе комиссіи на двѣ делегаціи, причемъ каждая изъ делегацій

---

[1]) Martens. Nouveau Recueil Général de traités. Gottingue. XIV, 7.

имѣла своего особаго секретаря и обыкновенно подавала единый вотумъ. Но если фактически комиссія напоминала собою собраніе двухъ дипломатическихъ делегацій, то юридически комиссія представляла собою, какъ и утверждали правильно американскіе комиссары, единое коллегіальное судебное учрежденіе, независимое отъ правительствъ спорящихъ сторонъ и надѣленное самостоятельною судебною властью; американскіе комиссары приводили въ подтвержденіе обязательность для комиссаровъ рѣшать дѣла съ полнымъ безпристрастіемъ и по началамъ договорнаго и обычнаго международнаго права и обязательность для обѣихъ сторонъ всѣхъ рѣшеній постановленныхъ комиссіей; американскіе комиссары могли бы также возразить мексиканскимъ комиссарамъ, что надѣленіе послѣднихъ характеромъ дипломатическихъ агентовъ имѣло цѣлью обезпечить лишь личную ихъ независимость отъ правительства С. Штатовъ и личную ихъ безопасность и неприкосновенность во время пребыванія въ Вашингтонѣ, но что ихъ дипломатическое званіе не имѣетъ отношенія къ функціямъ комиссіи, которыя суть функціи чисто судебныя. Противорѣчіе между судебнымъ характеромъ комиссіи и зависимостью отдѣльныхъ комиссаровъ отъ ихъ правительства хорошо объясняетъ несогласія комиссаровъ; дѣлопроизводство идетъ несравненно правильнѣе безъ участія односторонне назначенныхъ сторонами представителей и при участіи однихъ сообща сторонами назначенныхъ третейскихъ судей

Выдѣленіе суперъ-арбитра изъ состава комиссіи замедлило разрѣшеніе большинства представленныхъ комиссіи дѣлъ и не дало суперъ-арбитру возможности лично и непосредственно участвовать въ судебномъ разбирательствѣ; онъ былъ лишенъ возможности постановлять свои рѣшенія съ соблюденіемъ всѣхъ гарантій, которыя необходимы для правильнаго хода судебнаго процесса, такъ какъ онъ рѣшалъ дѣла не сообща съ комиссарами, а особо отъ нихъ и при томъ на основаніи однихъ докладовъ комиссаровъ и письменныхъ документовъ, находящихся при дѣлѣ, но безъ судебнаго разбирательства въ собственномъ смыслѣ

слова; его рѣшенія напоминали собою не столько судебный приговоръ, сколько утвержденіе мнѣнія одной изъ делегацій; производство дѣла было письменнымъ и заочнымъ. Намѣреніе сторонъ поручить разборъ дѣлъ королю Прусскому фактически свелось на дѣлѣ къ просьбѣ королю назначить третейскаго судью, который бы рѣшалъ дѣла въ качествѣ суперъ-арбитра въ Вашингтонѣ и получалъ бы за это вознагражденіе какъ и всякое частное лицо, назначенное въ судьи; въ этомъ случаѣ неправильно говорить объ обращеніи къ третейскому суду главы государства; назначеніе сторонами судьей короля Прусскаго есть чисто номинальное, настоящимъ судьей являлся назначенный королемъ третейскій судья; доклады барона Ренне Прусскому правительству не суть доклады совѣтника, представленные третейскому судьѣ для подписи и одобренія, а есть частная переписка безотвѣтственнаго третейскаго судьи съ назначившимъ его государствомъ.

Обозрѣніе работъ комиссіи 1839 года убѣдительно доказываетъ несовершенства ея устройства; современныя намъ судебныя комиссіи избавляются отъ этихъ несовершенствъ включеніемъ въ свой составъ одного или нѣсколькихъ суперъ-арбитровъ, рѣшающихъ дѣла совмѣстно съ комиссарами. Благодаря этому самое производство дѣла ускоряется и улучшается, такъ какъ судебное разбирательство ведется при полномъ составѣ всего суда и дѣло рѣшается безъ дробленія судебной комиссіи на двѣ инстанціи.

Правовое значеніе Совѣта Министровъ въ Россіи.

С. П. Покровскаго.

I.

Для опредѣленія такой формы государственнаго устройства, которая, въ условіяхъ современной культуры, являлась бы конкретнымъ воплощеніемъ принциповъ правоваго государства, имѣетъ рѣшающее значеніе организація министерской власти соотвѣтственно потребностямъ такого государства. Та или иная организація министерства служитъ яркимъ выраженіемъ того, насколько правовыя начала осуществлены въ данномъ государственномъ строѣ. Столь рѣшающее значеніе организаціи министерской власти вытекаетъ изъ того факта, что всѣ принципы государственнаго устройства, къ которому тяготѣетъ современный конституціонный порядокъ, получали свое внѣшнее выраженіе въ государственномъ строѣ того или иного народа въ зависимости отъ положенія, какое занимало въ немъ правительство.

Сосредоточивая въ себѣ реальныя силы, а не одно только исполненіе, министерская власть является самымъ жизненнымъ средоточіемъ власти въ государствѣ, а потому недостатки въ ея организаціи, естественно, оставляютъ самый тяжелый слѣдъ въ государственной жизни страны и способны привести къ необезпеченности всѣхъ правовыхъ гарантій какъ публичныхъ, такъ индивидуальныхъ. Это ясно подтверждается тѣмъ фактомъ, что большинство революцій вызывалось въ значительной степени тѣмъ неправовымъ и незакономѣрнымъ положеніемъ министерской власти, которое приводило страну къ глубокому кризису и заставляло вести усиленную

борьбу за созданіе такой власти, которая служила бы выраженіемъ народныхъ нуждъ и стремленій, способна была бы въ государственномъ управленіи осуществить начала общественнаго самоопредѣленія и, наконецъ, носила бы правовой и закономѣрный характеръ.

Какой же критерій можетъ быть положенъ въ основу оцѣнки правоваго значенія министерской власти въ современномъ правовомъ государствѣ? Что даетъ намъ для этой оцѣнки современное ученіе о правовомъ государствѣ?

При установленіи правовыхъ принциповъ, положенныхъ въ основу современнаго ученія о министерской власти, мы, прежде всего, должны имѣть въ виду, что эти правовые принципы, ее опредѣляющіе, развились впервые изъ критики незакономѣрнаго положенія министерской власти въ абсолютной монархіи. Они явились въ современномъ ученіи о государствѣ какъ бы политической антитезой тому положенію, которое занимаетъ министерская власть при неограниченномъ самодержавномъ строѣ, который былъ преобладающей формой государственнаго устройства европейскихъ государствъ и изъ котораго развились всѣ формы современнаго государственнаго устройства.

Въ противоположность правовому государству абсолютизмъ имѣется всегда, когда существуетъ лишь одинъ правительственный органъ, соединяющій въ себѣ всѣ власти. Правда, абсолютизмъ можетъ допускать и самоограниченіе этого органа другими, посредственными, подчиненными ему органами, какъ напр., въ видѣ органовъ мѣстнаго самоуправленія, земскаго или городского, которымъ предоставляется даже самостоятельное завѣдываніе опредѣленными государственными задачами. Больше того, въ абсолютномъ государствѣ, въ особенности новѣйшаго типа, въ болѣе или менѣе широкихъ, предѣлахъ санкціонирована даже и самостоятельность суда по отношенію къ управленію. Однако, несмотря на такую делегацію посредствующимъ органамъ различныхъ функцій своей власти, абсолютный монархъ во всякое время можетъ взять обратно делегированныя функціи или вмѣшаться въ ихъ отправленіе.

При отсутствіи народнаго представительства, какъ независимаго органа, которому принадлежала бы правовая власть воспрепятствовать какому либо дѣйствію монарха и контролировать дѣятельность учрежденій, соблюденіе установленныхъ самоограниченій и правовыхъ нормъ зависитъ всецѣло и только отъ сознанія монархомъ и его должностными лицами ихъ правоваго долга. Нечего и говорить, что такое положеніе абсолютной власти при совмѣщеніи всѣхъ властей въ однѣхъ рукахъ всегда порождало склонность къ нарушенію установленныхъ законодательныхъ нормъ, что такъ хорошо было выражено еще Монтескье въ извѣстной формулѣ «Духа Законовъ»: «Все было бы потеряно, говоритъ Монтескье, если бы одинъ и тотъ же человѣкъ или одно и тоже учрежденіе... осуществило бы три власти: власть издавать законы, власть приводить рѣшенія въ исполненіе и, наконецъ, власть судить преступленія и споры частныхъ лицъ» [1]).

Это осуществленіе трехъ властей однимъ лицомъ— характерный признакъ абсолютизма, при которомъ никто по закону не раздѣляетъ государственной власти. Естественно, что воля абсолютнаго монарха можетъ стать въ каждый моментъ закономъ. Невозможность для абсолютной монархіи провести различіе между закономъ и административнымъ распоряженіемъ является характерной чертой абсолютнаго режима. Единственнымъ формальнымъ признакомъ закона въ абсолютной монархіи становится утвержденіе даннаго акта властью государя. Но значеніе и этого формальнаго признака закона въ абсолютной монархіи также ничтожно, когда монархомъ утверждается, на ряду съ тѣмъ, значительное количество актовъ чисто административнаго характера. Естественно, что и само различіе между актами законодательными и актами верховнаго управленія теряетъ въ значительной степени практическій смыслъ, когда всякое распоряженіе неограниченнаго монарха имѣетъ ту же самую безусловную и притомъ обязательную силу.

[1]) De l'ésprit des loix, liv. XI ch. VI Oeuvres de Montesquieu. A Londres MDCC. LXXXVII, p. 325—326.

При такомъ соединеніи въ однѣхъ рукахъ монарха всѣхъ властей положеніе министерской власти является исключительнымъ по своему значенію. Въ отправленіи каждой изъ этихъ властей министерство получаетъ преобладающее вліяніе. При отсутствіи въ абсолютной монархіи независимаго учрежденія, которое могло бы контролировать министерскую власть, отмѣнять распоряженія, противорѣчащія законамъ, становится невозможнымъ осуществить начало законности въ изданіи указовъ.

Извѣстно, насколько неудачными оказывались всѣ попытки различать при абсолютизмѣ законы отъ уставовъ и учрежденій и чрезъ то обезпечить законность въ управленіи. Такъ должно было скоро выйти изъ употребленія право Сената, дарованное Александромъ I въ 1802 г., входить къ Высочайшей власти съ докладомъ по поводу несогласія вновь издаваемыхъ указовъ съ законами и такъ должно было утерять свою силу законосовѣщательное значеніе Государственнаго Совѣта въ Россіи [1]). Обезпеченіе законности вмѣстѣ съ тѣмъ, естественно, должно было упасть, а, напротивъ, законодательныя мѣры, издаваемыя безъ участія Государственнаго Совѣта, содержащіяся въ изустныхъ Высочайшихъ повелѣніяхъ, объявленныхъ Сенату министрами и другими уполномоченными лицами, должны были получить преобладающее значеніе въ государственной жизни Россіи. Система личныхъ докладовъ отдѣльныхъ министровъ Государю повела къ тому, что результатомъ ихъ появилась масса актовъ, получившихъ законодательное значеніе, необъединенныхъ общимъ направленіемъ министерской дѣятельности. Наше законодательство страдало отсутствіемъ общихъ началъ. «Его характеръ», признавался въ своей запискѣ Императору Александру II баронъ Корфъ, «казуистическій, законодательство наше не различаетъ закона (loi) отъ предписанія, распоряженія (ordonnance); послѣднее, изданное министромъ, стоитъ наравнѣ съ первымъ».

---

[1]) Подроб. см. нашу работу: «Министерская власть въ Россіи».

Такой характеръ нашего законодательства просуществовалъ вплоть до 20-го столѣтія и только впервые въ 1904 г. Комитетъ Министровъ пришелъ къ необходимости разграничить Высочайшіе указы, являвшіеся результатомъ личнаго доклада Государю министромъ, отъ законовъ, прошедшихъ чрезъ Государственный Совѣтъ.

Такъ какъ создать учрежденіе, которое гарантировало бы своимъ контролемъ единство и закономѣрность въ дѣйствіяхъ министерской власти при абсолютномъ режимѣ невозможно, то и всѣ попытки въ этомъ направленіи не приводятъ къ какимъ-либо результатамъ. Характерна въ этомъ отношеніи неудачная попытка нашихъ первыхъ учредителей министерствъ въ Россіи 1802 г. создать солидарное министерство, немыслимое въ абсолютной монархіи Изъ протоколовъ засѣданій Негласнаго Комитета, полностью изданныхъ Великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ [1]), устанавливается, что творцы перваго учрежденія министерствъ въ Россіи 1802 г., члены указаннаго Комитета, изъ которыхъ нѣкоторые были горячими поклонниками англійскихъ государственныхъ учрежденій, желали учрежденія «согласнаго министерства», но только такого, «коего члены стремились бы къ одной и той же цѣли, указанной государемъ». Нечего и говорить, что англоманскія стремленія первыхъ творцовъ министерства въ Россіи разбивались о русскую почву, на которой не было условій для созданія солидарнаго министерства, подобнаго англійскому кабинету.

Сознаніе необходимости объединенія министерской власти должно было найти удовлетвореніе, по мысли учредителей, въ Комитетѣ Министровъ. Въ немъ то, по мнѣнію членовъ Негласнаго Комитета, и должна быть предложена «всякая новая мѣра», причемъ мѣра, которая будетъ во вредъ другой отрасли управленія, должна быть соображена съ другими, и должны приниматься только такія мѣры, «которыя служатъ къ общему благу». Комитетъ

---

[1]) См. Великій князь Николай Михайловичъ: «Графъ Строгановъ», т. II, Спб. 1903 г.

Министровъ долженъ былъ служить какъ бы гарантіей противъ возможности нарушенія отдѣльными министрами, путемъ единоличныхъ докладовъ, «необходимаго единства въ направленіи и образѣ дѣйствій правительства», по мнѣнію записки Карамзина. Желая дать общему ходу дѣлъ единство, установить солидарное министерство, творцы его полагали, въ этихъ цѣляхъ, необходимымъ при выборѣ министровъ «назначать на эти должности людей, образъ мыслей которыхъ былъ бы одинаковъ для того, чтобы было образовано такое совершенное единство, что промахи одного могли бы быть поставлены въ упрекъ всѣмъ прочимъ, и чтобы всѣ они нѣкоторымъ образомъ были бы отвѣтственны за одну и ту же ошибку». Такое управленіе, руководимое одной общей волей и направленное къ одной и той же цѣли по хорошей системѣ поставило бы, по мнѣнію ихъ, Россію въ непродолжительномъ времени на высокую ступень благосостоянія. «Въ то время, говорили они, какъ теперь, разъединеніе министровъ было особенно вредно для Имперіи, потому что одинъ тянулъ въ одну сторону, а другой въ другую, а государство страдало».

Пересадить идею объединеннаго солидарнаго министерства на русскую почву, гдѣ абсолютная власть пустила столь глубокіе корни, гдѣ она не знала рядомъ стоящаго съ ней независимаго учрежденія, гдѣ бóльшая масса общества того времени была еще въ крѣпостной зависимости, не представлялось никакой возможности. Эти стремленія умѣрялись русской дѣйствительностью, въ которой не было условій, годныхъ для созданія учрежденій, имѣвшихъ въ то время мѣсто только въ одной Англіи. Это понимали хорошо и нѣкоторые изъ членовъ Негласнаго Комитета, какъ напр., Строгановъ. По его мнѣнію, въ Россіи того времени: «учрежденіе Комитета Министровъ послужитъ только къ созданію во всѣхъ отношеніяхъ зловредной власти. Министры должны, конечно, обладать большою властью, но также необходимо, чтобъ они были дѣйствительно отвѣтственны за свои дѣянія, между тѣмъ какъ комитетъ этотъ избавитъ министровъ отъ всякой отвѣтственности, а боль-

шинство его членовъ образуетъ такую сильную волю, которая ослабитъ волю государя».

Голосъ Строганова былъ услышанъ и «учрежденіе министерствъ» 1802 г. не установило Комитета Министровъ, какъ опредѣленнаго самостоятельнаго учрежденія. Какъ извѣстно, въ планѣ Сперанскаго ему также не было отведено мѣста. Но это учрежденіе должно было вырости изъ самой жизни, изъ экстренныхъ событій 1812 года. Будучи, по предположенію Сперанскаго, «только образомъ совокупнаго доклада министровъ въ присутствіи Государя», онъ по Учрежденію 20 мая 1812 г. получилъ «особенную власть по всѣмъ вообще дѣламъ государственнаго управленія». Его значеніе основывалось, на первыхъ порахъ, на довѣріи къ нему и къ его предсѣдателю—графу Салтыкову—Императора Александра I-го. Это довѣріе, вмѣстѣ съ постоянной тенденціей абсолютной монархіи къ совмѣщенію всѣхъ властей въ рукахъ одной исполнительной, должно было дать Комитету Министровъ преобладающее значеніе сравнительно съ другими учрежденіями, участвующими въ осуществленіи какъ законодательства, такъ и суда, обезпечить министерской власти наиболѣе самостоятельное положеніе въ сферѣ высшихъ государственныхъ учрежденій и создать ей исключительное и безотвѣтственное положеніе въ русской государственной жизни.

Такое значеніе органа министерства, органа, который, по мысли его творцовъ, долженъ былъ бы воплощать идею солидарности, показываетъ, что въ абсолютной монархіи солидарность правительства всегда будетъ разбиваться о личное довѣріе монарха, которымъ опредѣляется значеніе какъ отдѣльныхъ государственныхъ учрежденій, такъ и отдѣльныхъ министровъ. Солидарность министерства предполагаетъ собой наличность министерства отвѣтственнаго за свою общую политику передъ независимымъ отъ монарха учрежденіемъ. Отсутствіе независимаго отъ монарха учрежденія, участвующаго въ осуществленіи законодательной власти, побуждаетъ министерство къ осуществленію «своихъ правительственныхъ видовъ», но не

нуждъ народа, остающихся для министерства мало выясненными при отсутствіи органа представительства.

Больше того, при всякой разновидности абсолютизма, его дѣятельность имѣетъ постоянную склонность къ расширенію своей компетенціи за счетъ признанныхъ за обществомъ правъ.

Достаточно указать на судьбу освободительныхъ реформъ шестидесятыхъ годовъ въ Россіи или на судьбу муниципальныхъ реформъ Тюрго во Франціи предъ Великой Французской Революціей, чтобы убѣдиться въ дѣйствительности приведенныхъ выше замѣчаній. Министерство, неспособное стать выраженіемъ народныхъ нуждъ, осуществляющее, преимущественно, «правительственные виды», не можетъ стать постоянной выразительницей опредѣленной и солидарной программы, стать выраженіемъ общественнаго мнѣнія. Тому противорѣчитъ указанный выше основной принципъ абсолютизма, совмѣщающій всю верховную власть государства въ рукахъ одного, физически ограниченнаго существа— монарха. Въ силу чего и самое направленіе государственныхъ дѣлъ, вся, такъ называемая, политика, которую осуществляютъ министры въ абсолютной монархіи, есть ни что иное, какъ только временное воплощеніе видовъ государя или того или другого министра. Естественно, что эта политика имѣетъ постоянную склонность измѣняться вмѣстѣ съ измѣненіемъ этихъ видовъ. И такъ какъ въ абсолютномъ государствѣ власть дѣйствуетъ вполнѣ неограниченно и независимо отъ свободнаго согласія народа, такъ какъ народное благо никогда здѣсь не зависитъ отъ воли тѣхъ, для кого оно предназначается, то, естественно, и общее направленіе министерской политики характеризуется отсутствіемъ единства и солидарности, невозможностью создать солидарное министерство, воплощающееся въ совѣтѣ или въ кабинетѣ министровъ, какъ онъ понимается въ конституціонномъ правѣ.

Для созданія этого учрежденія въ политическомъ строѣ абсолютной монархіи, какъ мы видѣли, совершенно отсутствуютъ подходящія условія. Вотъ почему всякія попытки создать нѣчто подобное совѣту мини-

стровъ въ абсолютныхъ монархіяхъ всегда кончались полной неудачей. Созданныя учрежденія, подобно русскому совѣту министровъ 1862 г., оказывались безжизненными до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, абсолютная монархія не превращалась въ конституціонную.

II.

Правовое государство характеризуется тѣмъ, что въ немъ господству личной воли, вообще, нѣтъ мѣста. Въ немъ господствуетъ законъ не только въ смыслѣ общихъ правилъ, которыя, въ силу этой своей общности, носятъ въ себѣ гарантіи устойчивости и равнаго (справедливаго) ко всѣмъ отношенія, но и въ смыслѣ нормъ, выражающихъ правовыя представленія народа и отвѣчающихъ на общественные запросы и нужды страны. А для того, чтобъ законы соотвѣтствовали этимъ требованіямъ, они не могутъ быть предписаніями физической воли лица или лицъ, а должны быть результатомъ правовой дѣятельности учрежденій, своей организаціей приноровленныхъ къ тому, чтобы отражать интересы и потребности народа.

Такими учрежденіями и являются органы народнаго представительства. Представляя собой необходимый факторъ государственной дѣятельности, органъ народнаго представительства въ правовомъ государствѣ участвуетъ во всѣхъ измѣненіяхъ этого строя. Такимъ образомъ въ конституціонномъ государствѣ измѣненія въ правовомъ строѣ не могутъ быть результатомъ самостоятельнаго и произвольнаго распоряженія одного лица, какъ то возможно въ абсолютной монархіи.

Очевидно, съ появленіемъ народнаго представительства проводится рѣзкое различіе между чисто личной индивидуальной дѣятельностью монарха и его правительственными актами. Существованіе народнаго представительства ставитъ организацію министерства на совершенно иной путь и опредѣляетъ совершенно иныя задачи его дѣятельности.

Правовое государство ставитъ предъ министерствомъ задачу—служить выраженіемъ духа народнаго представительства

вительства, реализовать, выражаясь словами знаменитаго L. v. Stein'a, тотъ духъ, который «находитъ свое выраженіе въ законодательствѣ, т. е. въ проведеніи духа и воли законодательной власти въ исполнительную дѣятельность государства».

Такая дѣятельность и значеніе министерской власти при созданіи органа народнаго представительства ведетъ, прежде всего, къ необходимости согласовать дѣятельность министерства съ дѣятельностью народнаго представительства и, слѣдовательно, къ необходимости выдѣлить министровъ въ отдѣльный институтъ, отъ другихъ составныхъ частей исполнительныхъ органовъ; потребность въ этомъ выдѣленіи министерства въ особый институтъ съ собственными самостоятельными функціями привелъ еще Б. Констана [1]) къ мысли создать особую министерскую власть кромѣ 3-хъ властей Монтескье. Этотъ процессъ выдѣленія министерской власти въ особенный институтъ при созданіи правового государства вытекалъ изъ существенной необходимости разорвать связь между монархомъ и министрами, связь, которая приводила въ абсолютной монархіи къ созданію не правового образа правленія, которое могло бы служить выраженіемъ общественнаго самоопредѣленія, а къ созданію личнаго правленія, при которомъ министры служатъ выраженіемъ личныхъ взглядовъ монарха. Служа выраженіемъ духа народнаго представительства, министры въ правовомъ государствѣ не могутъ уже остаться не объединенными одной общей задачей, общей программой ихъ дѣятельности, которая могла бы создать довѣріе къ ней большинства народнаго представительства и общественнаго мнѣнія страны. Идея солидарнаго министерства исходитъ именно изъ того, что опредѣляющимъ моментомъ его дѣятельности въ правовомъ государствѣ является не личное усмотрѣніе верховнаго главы, а общественное мнѣніе, выраженное въ народномъ представительствѣ. Солидарное министерство (совѣтъ министровъ) невозможно, коль скоро духъ исполнительной власти становится чуждымъ духу законода-

[1]) Principes de Politique. ch. 2, стр. 19.

тельства. Оно возможно лишь въ условіяхъ конституціоннаго государства при обособленіи народнаго представительства въ отдѣльный самостоятельный институтъ. Таковъ, безусловно, истинно конституціонный принципъ дѣятельности администраціи, съ открытымъ и непоколебимымъ признаніемъ котораго государство и можетъ вступать въ правомѣрную жизнь!

Такимъ образомъ, для того, чтобы дѣятельность министерства была принаровлена къ необходимымъ требованіемъ правоваго государства, оно должно быть, прежде всего, солидарнымъ министерствомъ, объединеннымъ въ органѣ такой солидарности—совѣтѣ министровъ.

Являясь необходимымъ звеномъ въ системѣ высшихъ государственныхъ учрежденій, такое солидарное министерство получаетъ весьма существенное, пожалуй, рѣшающее значеніе въ опредѣленіи характера правоваго управленія. Извѣстно, что однимъ изъ главныхъ, опредѣляющихъ правовое государство, условій является правильное разграниченіе въ немъ закона и административнаго распоряженія; въ конституціонномъ государствѣ это достигается тѣмъ, что ни одинъ актъ безотвѣтственнаго монарха не можетъ состояться безъ участія министерства и получить юридическую санкцію безъ министерской скрѣпы—контрассигнированія. За всѣ акты правительства министерство отвѣтственно предъ народнымъ представительствомъ. Само собою понятно, что этимъ перенесеніемъ отвѣтственности за правительственные акты на министерство достигается необходимая гарантія подзаконности актовъ правительственной власти, обязательность законодательныхъ нормъ и связанность ими не только подвластныхъ, но и властвующихъ.

Организація отвѣтственности министерства предъ народнымъ представительствомъ является однимъ изъ самыхъ существенныхъ условій для опредѣленія какъ правового положенія министерства, такъ и для возникновенія его солидарности. Выше мы видѣли невозможность для абсолютной монархіи создать солидарное министерство; этому препятствуетъ отсутствіе при ней самой возможности осуществленія всякой, вообще, отвѣтственности министровъ.

Стремленіе создать солидарность министерства съ большинствомъ народнаго представительства, сдѣлать его выразителемъ взглядовъ этого большинства приводитъ къ необходимости установить, такъ называемую парламентскую или политическую отвѣтственность, подъ которой разумѣется удаленіе отъ власти министерства, утратившаго большинство въ палатахъ.

Такого рода отвѣтственность, въ собственномъ смыслѣ, присуща парламентаризму, но, въ слабой степени—въ видѣ запросовъ и интерпелляцій—встрѣчается и въ дуалиститическихъ монархіяхъ. Но въ чемъ же правовое основаніе парламентскаго министерства, да и можетъ ли оно вообще быть названо правовымъ?

Вопросъ о правовомъ значеніи парламентской отвѣтственности оспаривается большинствомъ государственниковъ нѣмецкой школы. Исходя въ разработкѣ вопросовъ государственнаго права изъ принциповъ монархическаго суверенитета, публицисты этой школы полагаютъ, что кабинетная система съ ея политической отвѣтственностью лишена всякаго правоваго содержанія: въ ней слѣдуетъ видѣть просто фактическое состояніе. По ихъ мнѣнію, палата народныхъ представителей составляетъ исключительно часть «законодательной власти», но что вся власть сосредоточивается всецѣло въ лицѣ монарха и онъ считается ограниченнымъ въ предѣлахъ, ясно имъ самимъ указанныхъ, что онъ, потому, сохраняетъ свободный выборъ своихъ министровъ, а, въ случаѣ неразрѣшимаго конфликта съ парламентомъ, монархъ беретъ назадъ всю свою власть. Очевидно, по взгляду публицистовъ этой школы, только корона придаетъ кабинету юридическій характеръ и палаты, какъ часть законодательной власти, не имѣютъ права вмѣшаться въ сферу исполнительной власти, какъ это дѣлается при выраженіи довѣрія и недовѣрія министерству—при политической отвѣтственности. Къ тому же признанію за парламентской системой фактическаго положенія, явившагося результатомъ конституціонныхъ соглашеній, а не правоваго положенія, пришелъ знаменитый англійскій ученый Дайси, хотя и по другимъ соображеіямъ. Неудовлетворительность попытки Дайси

разграничить правовыя нормы отъ конвенціональныхъ указана нѣмецкимъ ученымъ Гатчекомъ въ его трудѣ, посвященномъ англійскому государственному праву. Общее возраженіе, которое можно сдѣлать какъ публицистамъ нѣмецкой школы, такъ и Дайси, сводится къ тому, что это, такъ называемое ими, фактическое положеніе, правила, регулирующія положеніе солидарнаго министерства въ парламентскомъ строѣ, носятъ въ себѣ самый существенный моментъ права, а именно — обязательность ихъ, помимо нашего согласія. Дѣйствуя въ качествѣ нормъ обычнаго права, они придаютъ политической отвѣтственности правовой характеръ.

Если бы мы при этомъ поставили опредѣленіе правоваго положенія министерства въ связь съ теоріей раздѣленія властей, то должны были бы исходить при такомъ опредѣленіи не изъ механическаго ихъ раздѣленія, несостоятельность котораго такъ хорошо выяснена въ наше время. Не смотря на важное историческое и правовое значеніе раздѣленія властей, исторія выяснила трудность и невозможность механически раздѣлить власти на практикѣ. Достаточно указать, какъ былъ убитъ политическій строй Франціи механическимъ раздѣленіемъ властей французской конституціей 1791 г. Нормальнымъ жизненнымъ путемъ, къ которому должно приходить обособленіе властей, является то самое отношеніе ихъ, которое наблюдается въ парламентскомъ строѣ, устанавливающемъ между властью исполнительной и законодательной солидарность и необходимое сотрудничество.

Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли говорить о рѣзкомъ раздѣленіи функцій власти законодательной отъ исполнительной и о какой либо спеціализаціи каждаго политическаго органа на данной функціи, когда одно изъ самыхъ важныхъ полномочій законодательной власти, а именно—финансовый контроль палатъ, необходимымъ образомъ сопровождающійся вмѣшательствомъ ихъ во всѣ постановленія, требующія бюджетныхъ тратъ и касающіеся употребленія налоговъ, взимаемыхъ съ гражданъ, входитъ въ сферу исполнительной власти. Во взаимоотношеніи, сотрудничествѣ, а не рѣзкомъ раздѣ-

леніи властей, мы находимъ ключъ къ правовому обоснованію положенія солидарнаго министерства и къ осуществленію высшей правовой формы государственнаго устройства, къ которому только пришло наше время.

Съ точки зрѣнія современнаго правоваго ученія о государствѣ представляется вполнѣ законнымъ и необходимымъ для общества, стоящаго на извѣстной ступени развитія, управляться не извнѣ, а «изнутри—изъ собственной среды», какъ правильно замѣтилъ Котляревскій въ своемъ послѣднемъ трудѣ [1]).

Для современнаго правового ученія о государствѣ уже тѣсны, узки становятся тѣ рамки, которыя опредѣляютъ положеніе министерства въ ученіи германскихъ публицистовъ и мы можемъ въ настоящее время наблюдать, какъ новыя начала, начала общественнаго самоопредѣленія, становятся опредѣляющимъ государственно-правовымъ базисомъ солидарнаго и единаго министерства. Въ правовое сознаніе эпохи глубоко проникаетъ мнѣніе, что власть есть не только государственная, но въ то же время и общественная функція, и, потому, въ основу ея дѣятельности должно быть положено народное довѣріе, которое имѣетъ свое внѣшнее выраженіе въ парламентскомъ строѣ каждый разъ въ исходѣ выборовъ, въ зависимости отъ которыхъ опредѣляется положеніе министерства у власти.

Парламентаризмъ въ послѣднее время, по наблюденіямъ публицистовъ, терпитъ глубокія измѣненія, въ особенности на континентѣ. Sydne'й Loy въ своемъ произведеніи: «Государственный строй Англіи», отмѣчаетъ любопытную картину, совершающуюся, по его словамъ, въ самой Англіи, а именно—прогрессивно возрастающая зависимость министерства отъ общественнаго мнѣнія страны, а Георгъ Іеллинекъ [2]), наблюдая упадокъ парламентаризма на континентѣ Европы, отмѣчаетъ, какъ нарождаются новыя правовыя формы, тѣсно связанныя съ процессомъ развивающейся самоорганизаціи, который охватилъ современное общество. «Повсюду, говоритъ

---

[1]) Проф. Котляревскій: «Правовое государство и внѣшняя политика».
[2]) Проф. Г. Еллинекъ: «Конституціи, ихъ измѣненія и преобразованія».

онъ, все шире и шире развивается не управляемая никакимъ объединяющимъ центромъ и, въ этомъ смыслѣ, такъ сказать, естественно растущая организація народа». Эта организація народа въ отношеніи къ министерской власти приводитъ Іеллинека къ тому мнѣнію, что «не выливаясь въ опредѣленныя формы, выработался новый видъ отвѣтственности правительствъ—отвѣтственности передъ народомъ, многоголосное мнѣніе котораго находитъ свое выраженіе въ печати... Независимо отъ всякой юридической государственно-правовой и политической отвѣтственности, существующей по отношенію къ парламенту, развилась общественная отвѣтственность правительствъ, которой принадлежитъ будущее». Эта отвѣтственность предназначена для того, чтобы въ болѣе сильной степени гарантировать добросовѣстный и благоразумный образъ дѣйствій правительствъ. Правда, наша конституціонная жизнь еще отнюдь не нашла окончательныхъ формъ, на которыхъ ей суждено было бы застыть на долгое время, но всетаки нельзя признать мнѣніе Іеллинека, а равно и Сиднея Лоу, констатирующихъ упадокъ значенія парламентовъ, какъ искусственныхъ созданій нашего времени—вполнѣ опредѣляющимъ дѣйствительный ихъ упадокъ.

Указанныя ими явленія съ ясностью говорятъ, что наше время впервые со столь стихійной силой начинаетъ разрѣшать проблему Руссо объ общей волѣ и о народномъ суверенитетѣ. Указанныя Іеллинекомъ явленія говорятъ только за то, что парламентаризмъ пріобрѣтаетъ болѣе демократическій характеръ; для даннаго времени онъ является наиболѣе жизнеспособнымъ, что видно изъ другого наблюдаемаго явленія, а именно—прогрессивно возрастающаго стремленія дуалистическихъ монархій усвоить многія изъ началъ парламентаризма и, въ особенности, постепенное выростаніе въ этихъ государствахъ вліянія началъ политической отвѣтственности министерства предъ палатами. Достаточно указать, что это эволюціонизированіе къ парламентаризму наблюдается въ столь типичной дуалистической монархіи, какова Германія, въ которой все больше и больше выростаетъ вліяніе общественнаго мнѣнія и стремленіе

точнѣе опредѣлить отвѣтственность имперскаго канцлера за всю правительственную дѣятельность императора передъ Рейхстагомъ. Тотъ же Іеллинекъ, отмѣчая упадокъ парламентаризма на континентѣ, въ то же время предлагаетъ въ своей недавно изданной брошюрѣ объ отвѣтственности канцлера рѣшить вопросъ въ парламентарномъ смыслѣ [1]).

Рихардъ Пассовъ, изслѣдуя отвѣтственность министерской власти въ нѣмецкихъ государствахъ, отмѣчаетъ другое явленіе въ западно-европейскихъ дуалистическаго типа государствахъ; рѣдкое министерство, не будучи избранное въ этихъ государствахъ изъ большинства палатъ, способно продолжать свою дѣятельность и программу, несогласную съ большинствомъ. Обыкновенно такое министерство въ концѣ концовъ заболѣваетъ министерской болѣзнью и уходитъ въ отставку.

Все это свидѣтельствуетъ, что парламентаризмъ представляетъ то жизненное явленіе, которое наиболѣе соотвѣтствуетъ политическимъ и правовымъ запросамъ времени и является какъ бы необходимой переходной стадіей къ тѣмъ нарождающимся формамъ государственной жизни, въ которой, по мнѣнію Іеллинека, независимо отъ парламентовъ начинаютъ приходить въ непосредственное соприкосновеніе обѣ единственно несокрушимыя силы государства—правительство и народъ. Въ этомъ властномъ стремленіи нашего времени къ новымъ формамъ жизни невозможно миновать парламентаризма. Пока для нашего времени онъ является какъ бы завершеніемъ демократическаго строя и, въ условіяхъ современной культуры,—конкретнымъ воплощеніемъ принциповъ правового государства [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ парламентаризмъ устанавливаетъ дѣйствительныя правовыя основанія организаціи министерства, которое было бы 1) отвѣтственнымъ предъ народнымъ представительствомъ и потому солидарнымъ и единымъ въ своемъ составѣ, 2) служило бы выраженіемъ воли

[1]) Der Entwurf Iellineks vom 1 December, 1908. Срав. Entwurf eines Verantwortlichkeitsgesetzes Von Dr. jur. K. Sauter «Die Verantwörtlichkeit des Reichskanzlers». Karlsruhe, 1909 г.
[2]) Котляр. 397 стр. Назв. соч.

большинства народнаго представительства и стоящаго за нимъ общественнаго мнѣнія и довѣрія, 3) было бы подзаконнымъ, а не надзаконнымъ органомъ, и, наконецъ, 4) осуществляло бы въ широкомъ смыслѣ идею общественнаго самоопредѣленія.

III.

Обращаясь затѣмъ къ опредѣленію правового положенія Совѣта Министровъ въ Россіи, мы, прежде всего, должны имѣть въ виду, что ни одно изъ западно-европейскихъ законодательствъ не опредѣляетъ такъ подробно и такъ обстоятельно органическое устройство и функціи кабинета, какъ наше; при этомъ учрежденію Совѣта Министровъ приданъ нашимъ законодательствомъ, въ формальномъ смыслѣ, особо устойчивый характеръ. Его существованіе и общія задачи покоятся на основныхъ законахъ и, слѣдовательно, нельзя его упразднить, не измѣняя основныхъ законовъ [1]).

Насколько въ этихъ законахъ опредѣлилось положеніе Совѣта Министровъ и воплотилось въ жизни, можно придти къ заключенію, что вновь созданное учрежденіе опредѣляетъ дуалистическую форму государственнаго устройства Россіи [2]). Какое же вліяніе оказываетъ на правовое положеніе Совѣта Министровъ это начало дуализма въ государственномъ устройствѣ Россіи? Извѣстно, что характернымъ признакомъ дуалистической монархіи, въ отличіе отъ парламентарной, служитъ сохраненіе за монархомъ преобладающаго значенія въ государствѣ послѣ введенія представительнаго образа правленія; подробное разсмотрѣніе этого положенія [3]) увлекло бы насъ далеко въ сторону отъ вопроса. Ученіе о монархѣ, какъ высшемъ органѣ, и его главенствующемъ положеніи является господствующимъ въ современной нѣмецкой литературѣ во главѣ съ Лабандомъ. Для насъ важно установить, что теорія такъ называемаго монархическаго суверенитета приводитъ нѣ-

[1]) Проф. бар. Б. Э. Нольде: «Очерки русскаго конст права». II, 78 стр.

[2]) Ср. проф. В. В. Ивановскій: «Учеб. госуд. права», 437 стр. Казань, 1908 г.

[3]) О господствѣ началъ монархич. суверенитета въ русск. гос. строѣ подробно развито у проф. Н. И. Паліенко: «Основные зааоны и форма правленія въ Россіи». Ярославль, 1910 г.

мецкихъ публицистовъ къ обоснованію правового положенія Совѣта Министровъ на прерогативахъ монарха. Только корона придаетъ кабинету юридическій характеръ, и, если идея правительства предполагаетъ единство, то юридическимъ выраженіемъ этого единства является монархъ. Выше мы указывали на тотъ фактъ, что для правового положенія современнаго министерства недостаточными оказываются эти прерогативы. Другія правовыя идеи начинаютъ проникать въ опредѣленіе правового положенія министерства.

«Совѣтъ Министровъ въ Россіи состоитъ подъ предсѣдательствомъ одного изъ Министровъ, по избранію Государя Императора, или особаго призываемаго къ тому Монаршимъ довѣріемъ лица». Это лицо, а равно и остальные члены нашего Совѣта Министровъ, точно также въ силу прерогативъ монарха, назначаются и удаляются имъ неограниченно и независимо отъ вмѣшательства Государственной Думы и Государственнаго Совѣта.

Такой составъ Совѣта Министровъ ставитъ передъ нами вопросъ, можетъ ли онъ образовать изъ себя такой органъ, который отвѣчалъ бы требованіямъ правового государства, способенъ ли онъ обезпечить закономѣрность правительственной дѣятельности и ея согласованность съ политическимъ настроеніемъ страны. Посмотримъ на тѣ условія, которыми обставлено наше «объединенное министерство», условія, единственно способныя придать ему правовый характеръ. Правовое значеніе министерства характеризуется, прежде всего, подзаконностью и закономѣрностью ея дѣятельности; это стремленіе создать изъ министерства подзаконную власть, какъ мы говорили выше, привело въ правовомъ государствѣ къ признанію въ юридическомъ отношеніи самостоятельнаго значенія какъ главы государства, такъ и министровъ, какъ элементовъ государства въ опредѣленной каждому изъ этихъ элементовъ сферѣ [1]), къ установленію отвѣтственности министровъ путемъ скрѣ-

[1]) Ср. проф. А. С. Алексѣевъ: «Ученіе о главѣ государства, какъ о суверенномъ органѣ въ современной констит. монархіи». Журн. «Вопросы Права» издав. подъ ред. Г. С. Фельдштейна. Москва, 1910 г., кн. I.

пы или контрасигнированія указовъ, издаваемыхъ правительствомъ. Такимъ путемъ обезпечивается отграниченіе законовъ отъ административныхъ распоряженій, какъ необходимое условіе правового строя. Контрасигнатура предусматривается и нашимъ конституціоннымъ устройствомъ. Но только въ связи съ отвѣтственностью за изданные акты передъ палатами эта послѣдняя можетъ привести къ установленію подзаконности дѣйствій министерства и къ согласованности этой дѣятельности съ настроеніемъ народнаго представительства. Принадлежа къ типу учрежденій, характеризующихъ дуалистическую систему отношеній между правительствомъ и народнымъ представительствомъ, нашъ Совѣтъ Министровъ обнаруживаетъ этотъ дуализмъ въ столь рѣзкой формѣ, что ничѣмъ почти не обезпечиваетъ своей солидарности съ Государственной Думой.

Средство, которымъ располагаетъ дуалистическая монархія для достиженія солидарности и подзаконности министерства, состоитъ не въ политической отвѣтственности министерства, какъ то бываетъ при парламентаризмѣ, а главнымъ образомъ, въ такъ называемой, интерпелляціи. «Государственному Совѣту и Государственной Думѣ представляется обращаться къ министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями, подчиненнымъ по закону Правительствующему Сенату, съ запросами по поводу такихъ, послѣдовавшихъ съ ихъ стороны или подвѣдомственныхъ имъ лицъ и установленій, дѣйствій, кои представляются незакономѣрными». Однако это право запросовъ поставлено въ такія условія, при которыхъ оно наполовину лишается своего дѣйствительнаго значенія. Прежде всего, министры имѣютъ право уклониться отъ дачи объясненій, причемъ причины такого уклоненія опредѣляются не закономъ, но ихъ собственнымъ усмотрѣніемъ. Необходимо при этомъ имѣть въ виду, что и само право запросовъ, согласно Высочайшему манифесту 21 февраля 1906 г., ограничивается только лицами, подчиненными Сенату, между тѣмъ какъ имѣется цѣлый рядъ высшихъ учрежденій, которыя Сенату не подчинены и относительно дѣятельности которыхъ, очевидно, не могутъ быть предъявлены за-

просы законодательными органами. Къ числу таковыхъ учрежденій принадлежатъ: самъ Совѣтъ Министровъ, Комитетъ Финансовъ, Совѣтъ Государственной Обороны, Собственная Его Императорскаго Величества Канцелярія, Комитетъ о службѣ чиновъ гражданскаго вѣдомства, Синодъ, Сенатъ, Департаменты Государственнаго Совѣта и Министерство Двора и Удѣловъ.

Ясно, что столь большая область верховнаго управленія, стоящая внѣ вѣдѣнія Палатъ при столь малодѣйствительномъ правѣ запросовъ, ставитъ Совѣтъ Министровъ въ сравнительно слабую связь съ народнымъ представительствомъ и заставляетъ его согласовать свои политическія воззрѣнія скорѣе съ господствующимъ въ правящихъ сферахъ направленіемъ. Не объединяя всего управленія, Совѣтъ Министровъ ничѣмъ не обезпечиваетъ и своей солидарности съ Государственной Думой.

Признанныя новымъ государственнымъ строемъ права запроса и контрассигнированія, имѣющія дѣйствительную силу и правовое значеніе въ дуалистическихъ конституціонныхъ монархіяхъ, у насъ пока еще имѣютъ скорѣе моральное, чѣмъ правовое значеніе. Помимо того, что они сами по себѣ поставлены въ условія, лишающія ихъ силы, ихъ правовая безрезультатность происходитъ отъ отсутствія надлежащей отвѣтственности министерства, которая одна, будучи организована надлежащимъ образомъ, сообщаетъ министерству единство и солидарность съ палатами и обезпечиваетъ подзаконность управленія— словомъ, сообщаетъ Совѣту правовое положеніе. Конечно, не довѣріе палатъ ставитъ у власти нашъ Совѣтъ Министровъ, а исключительно довѣріе монарха и, слѣдовательно, не приходится даже и говорить о возможности политической отвѣтственности нашего министерства предъ Государственной Думой. Отвѣтственности предъ нею нашъ Совѣтъ Министровъ не несетъ и ея вотумъ недовѣрія министерству не можетъ повлечь за собой реальныхъ послѣдствій. По ст. 123 основныхъ законовъ, предсѣдатель Совѣта Министровъ и всѣ министры, въ совокупности, являются отвѣтственными за общій ходъ государственнаго управленія только предъ Государемъ; причемъ каждый изъ

нихъ, въ отдѣльности, отвѣчаетъ за свои дѣйствія и распоряженія.

Но кромѣ отвѣтственности за общій ходъ дѣятельности, наше законодательство устанавливаетъ еще и отвѣтственность за преступленія по должности, но и эта послѣдняя есть, прежде всего, отвѣтственность только предъ монархомъ. Отъ его разрѣшенія зависитъ, въ томъ или другомъ случаѣ, привлекать министерство, въ цѣломъ, или отдѣльнаго министра къ отвѣтственности, или, наконецъ, освобождать отъ нея.

Что же касается до права палатъ самостоятельно привлекать министровъ къ отвѣтственности, то такого не существуетъ пока еще въ нашемъ новомъ строѣ, а, вмѣстѣ съ этимъ, отсутствуетъ пока и самая возможность единства и солидарности министерства въ томъ смыслѣ, какъ это установлено даже въ конституціонныхъ дуалистическихъ монархіяхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ нашъ Совѣтъ Министровъ еще слишкомъ далеко стоитъ отъ осуществленія въ своей дѣятельности началъ общественнаго самопредѣленія и въ своей настоящей организаціи представляетъ изъ себя пока только фактическое состояніе, поддерживаемое силой монархическаго принципа, переходное состояніе, которое, неминуемо, подлежитъ эволюціонизированію въ сторону осуществленія началъ общественнаго самоопредѣленія и правовыхъ началъ, которыя положены въ его основаніе, но которыя стираются пока слишкомъ рѣзкимъ дуализмомъ нашего теперешняго государственнаго строя. Несомнѣнно, съ усиленіемъ роли народнаго представительства, при болѣе широкой реформѣ послѣдняго, увеличится и зависимость отъ него министерства, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, должно будетъ сдѣлаться дѣйствительностью и осуществленіе его правового положенія. Только тогда Совѣтъ Министровъ станетъ такимъ органическимъ звеномъ въ государственномъ строѣ Россіи, которое будетъ способно удовлетворить требованіямъ, предъявляемымъ къ нему правовымъ государствомъ, обезпечить закономѣрность своей дѣятельности и согласовать ее съ политическимъ настроеніемъ страны.

Сказанное убѣждаетъ насъ въ томъ, что неправы тѣ изъ государствовѣдовъ [1]), которые отводятъ слишкомъ большое значеніе въ дѣлѣ солидарности нашего министерства объединяющей роли предсѣдателя Совѣта Министровъ и упускаютъ изъ виду дѣйствительныя условія, которыя только одни въ состояніи создать солидарное министерство въ томъ видѣ, какъ оно понимается въ конституціонномъ государствѣ.

Нельзя конечно отрицать, что въ лицѣ предсѣдателя Совѣта Министровъ появился органъ, дѣйствительно объединяющій дѣятельность всѣхъ министровъ. Созданіе должности предсѣдателя Совѣта Министровъ должно было имѣть своимъ послѣдствіемъ устраненіе вѣдомственной розни и установленіе единства въ дѣйствіяхъ всѣхъ министровъ. Но отсутствіе въ русскомъ строѣ необходимыхъ условій для созданія солидарнаго министерства, о чемъ мы только что говорили, не даетъ возможности вполнѣ развиться даже его внутренней солидарности.

И пока не исчезнутъ традиціонныя вѣдомственныя точки зрѣнія, пока Государственная Дума не получитъ возможности осуществленія дѣйствительнаго надзора за администраціей, до тѣхъ поръ мы не будемъ имѣть, въ полномъ смыслѣ слова, солидарнаго министерства, которое обезпечивало бы солидарность не только между членами кабинета, но и всего министерства съ большинствомъ народнаго представительства. Только въ такомъ видѣ понимается солидарное министерство въ правовомъ государствѣ и при такомъ условіи только Совѣтъ Министровъ получитъ значеніе правового института въ нашемъ государственномъ строѣ.

---

[1]) Бар. Б. Э. Нольде. Назв. соч.

С. А. Муромцевъ, какъ ученый.

Т. М. Яблочкова.

I.

Во второй половинѣ XIX вѣка германская юридическая мысль переживала острый кризисъ. Двѣ господствующія юридическія школы, выросшія въ началѣ XIX вѣка на почвѣ моднаго въ ту эпоху увлеченія *философскимъ* воззрѣніемъ на историческое развитіе человѣчества, терпятъ натискъ новыхъ идей, обязанныхъ новѣйшимъ завоеваніямъ въ области философіи исторіи. Я имѣю въ виду: школу историческую и новѣйшую школу естественнаго права. Въ основѣ той и другой школы лежатъ отмѣченныя философіей XVIII в. [Вико, Монтескье, Гердеръ] идеи *закономѣрнаго движенія исторіи* и *идеи прогресса*. Эти идеи создали убѣжденіе въ постоянномъ и правильномъ *движеніи человѣчества впередъ*. Но смыслъ послѣдняго явленія былъ понятъ разно. Одни юристы усмотрѣли въ рядѣ историческихъ событій постепенное откровеніе того абсолютнаго, идеальнаго принципа, на которомъ *должна быть* построена система отношеній человѣчества, когда оно достигнетъ высшей степени совершенства. Отсюда—отрицательное отношеніе къ существующему порядку вещей, и мечта объ идеальномъ, «естественномъ» правѣ. Это естественное право существуетъ, какъ нѣчто объективное, самобытное. Оно есть тотъ неизмѣнный идеалъ, постепенное осуществленіе котораго и составляетъ смыслъ историческаго развитія права. Вслѣдствіе того, что это право прирождено человѣку, оно неизмѣнно и постоянно. Открыть его своимъ разу-

момъ есть задача юриста. Иначе истолковали отмѣченное явленіе другіе юристы. Если право движется впередъ, мы должны примириться съ дѣйствительностью. Право развивается, какъ и языкъ, помимо сознательной воли личности. Право выходитъ не изъ произвола и сознательной дѣятельности, — такъ что оно можетъ быть случайно тѣмъ или другимъ;— оно, какъ ирраціональный продуктъ изъ безчисленнаго числа факторовъ, дается всѣмъ прошлымъ націи, ея исторіей, ея бытомъ. Оно есть продуктъ народнаго духа, живущаго и проявляющагося во всѣхъ членахъ народа. Этотъ «духъ» народа выражается, какъ въ обычномъ правѣ, такъ и въ законѣ. Въ немъ лежатъ естественныя границы творческой силы законодателя. И судья, примѣняющій право, не смѣетъ посягать на неизвѣданныя глубины народнаго духа; онъ долженъ стать въ пассивное отношеніе къ существующей юридической нормѣ, примѣняя ее безъ малѣйшей критики. Примѣненіе закона есть *возсозданіе законодательной мысли*—вотъ лозунгъ, принятый всѣми послѣдователями этой школы.

Таково ученіе исторической школы Савиньи. Своимъ ученіемъ о толкованіи закона, историческая школа измѣнила своему основному воззрѣнію на сущность развитія права въ двоякомъ отношеніи: 1) она не усмотрѣла *развитія права* во время бездѣйствія законодательной власти, 2) она подняла *волю законодателя* до значенія «начальнаго принципа», что противорѣчитъ тенденціямъ всей школы.

Представители исторической школы отдали дань своему времени—эпохѣ увлеченія панлогической метафизикой Гегеля; они не могли уберечься отъ вліянія духа времени, преданнаго безкритическому вознесенію логическаго элемента и стремящагося пріурочить все существующее къ логическимъ категоріямъ. Они не были достаточно настроены въ историческомъ духѣ, что бы противустоять захватившей въ XIX в. ученый міръ реакціи противъ стараго ученія объ естественномъ правѣ, мечтавшаго создать *идеальное право*,—право дѣйствующее повсюду и вѣчно, независимо отъ условной идеи

государства и государственной власти. Родившись, какъ реакція противъ вѣры въ силу разума и противъ революціонныхъ ученій, опиравшихся на раціоналистическія системы XVIII вѣка, историческая школа въ своихъ конечныхъ выводахъ дала опору тому воззрѣнію, что нѣтъ другого права, какъ права, признаннаго *государственной властью!* Въ силу этой концепціи лишь законодатель имѣетъ право творить законъ! Если законодатель не предвидѣлъ даннаго отношенія, мы должны перенестись въ область *его* міровоззрѣнія и разрѣшить дѣло согласно *его* предполагаемой воли.

«Всякій случай—говорятъ представители этого воззрѣнія—можетъ быть покрытъ рѣшеніемъ, выведеннымъ изъ закона... Право никогда не нуждается въ пополненіи извнѣ, ибо оно въ любую минуту полно: его плодовитость, его логическая сила растяженія въ каждый моментъ покрываютъ весь запросъ на правовыя рѣшенія». [*Bergbohm*, Iurisprudenz und Rechtsphilosophie. Bd. I, стр. 367 сл.].

Такимъ путемъ исключительное уваженіе къ закону привело западно-европейскихъ юристовъ XIX вѣка къ увлеченію логическими абстракціями и чистыми концепціями.

Это увлеченіе поддерживалъ еще популярный въ юридическомъ мірѣ XIX вѣка принципъ *раздѣленія властей*—принципъ, послѣдовательно и настойчиво проводившійся въ первые дни послѣ революціи, какъ серьезная гарантія политической свободы. Въ этомъ отношеніи судьи къ закону на почвѣ логическо-діалектическаго метода усматривали обезпеченіе прочности судебныхъ рѣшеній, и, слѣдовательно,—непоколебимости гражданскаго оборота.

Такимъ образомъ, въ авторитетѣ основателей исторической школы—*Savigny* и *Puchta,* съ одной стороны, и въ философскихъ идеяхъ XVIII вѣка, съ другой стороны, западно-европейскіе юристы XIX вѣка черпаютъ свою силу и свое вдохновеніе.

Эти идеи даютъ базу для господствующаго въ XIX вѣкѣ направленія въ старомъ, но вѣчно юномъ и до сихъ поръ еще не разрѣшенномъ вопросѣ о по-

ложеніи *судьи* къ *закону*. Кодификаціонная горячка, охватившая Европу въ XIX вѣкѣ, подрѣзала крылья свободному развитію права. Юристы увѣровали во всемогущество законодателя, всѣ юридическія новшества были объявлены *его* монополіей. Вся задача судьи сводилась къ одной цѣли—путемъ логическихъ индукцій и дедукцій создать полную систему права, не выходя за предѣлы горизонта, предвидѣннаго законодателемъ въ моментъ составленія закона.

Какъ ни сильна была вѣра юристовъ въ непогрѣшимость этого правовоззрѣнія, эта философско-юридическая концепція права и исторіи права терпитъ крушеніе уже въ XIX вѣкѣ! Юристы конца XIX вѣка начинаютъ сознавать, что доктрина, замѣняющая мотивы моральные, психологическіе, экономическіе и соціальные, которые управляютъ юридическимъ міромъ,—понятіями отвлеченными, холодными и бездушными, не оправдывается въ правѣ, которое не есть наука точная, какъ математика, алгебра. Связь между правовыми положеніями не есть связь логически-діалектическая, ибо и правовый порядокъ есть не логическое, а телеологическое цѣлое. Поэтому, совершенно несостоятельно говорить объ *одномъ* исключительно правильномъ толкованіи, примѣнимомъ къ закону отъ перваго дня его рожденія до послѣдняго момента его жизни. Такое мнѣніе не считается съ *цѣлью* закона и дѣлаетъ изъ закона, вмѣсто средства леченія соціальныхъ недуговъ и средства развитія культурныхъ силъ націи,—предметъ міропознанія,—явленіе, которое провѣрялось бы съ точки зрѣнія его *объективной* цѣнности!...

Однимъ изъ первыхъ юристовъ, освободившихся отъ суевѣрія въ логическую силу растяженія понятій и на мѣсто разума и логики поставившихъ *справедливость* и *запросы жизни*, былъ знаменитый германскій ученый *R. Ihering*. Захлестнутый было въ романтизмъ исторической школы, онъ быстро [еще въ юношескіе годы] очнулся отъ гипноза тѣхъ идей, подъ властью которыхъ находился юридическій міръ въ Германіи въ серединѣ XIX вѣка.

Въ своихъ работахъ: «Der Kampf ums Recht» и «Geist des römischen Rechts» (т. III) «Der Zweck im Recht» и «Scherz und Ernst in der Iurisprudenz» (III Abt.), онъ одинъ изъ первыхъ поднялъ протестъ противъ олицетворенія народнаго духа и вообще противъ объективизма. Право—по его ученію—не есть нѣчто изначала готовое, и не требующее постепенной выработки. Нѣтъ! Процессъ образованія права есть *процессъ борьбы*. [«Борьба юридическихъ идей есть необходимая форма развитія права на всѣхъ стадіяхъ его существованія (образованіе, примѣненіе, паденіе)»]. Правовыя понятія пріобрѣтаются нами трудомъ и напряженіемъ нашихъ силъ. Они составляютъ продуктъ нашего умственнаго труда. Что бы понять юридическую норму,—мало понять жизнь, ради которой она возникла; слѣдуетъ понять еще ту *умственную среду*, въ которой происходитъ формулированіе правовыхъ понятій. [«Человѣческое мышленіе есть одно изъ необходимыхъ условій образованія права»]. Каждая юридическая норма представляетъ собою средство, *цѣль* котораго состоитъ въ защитѣ какого либо гражданскаго интереса. [«Право относится къ потребностямъ этой жизни, какъ средство къ цѣли»]. Каждое *право* есть ничто иное, какъ *защищенный интересъ*.

Съ точки зрѣнія этого правовоззрѣнія, гражданское право есть одна изъ формъ общественной жизни, это есть одинъ изъ элементовъ среди другихъ элементовъ, созидающихъ исторію общества. Изучать и примѣнять правовыя понятія надо не на почвѣ господствующаго «Begriffsjurisprudenz», а при помощи критико-созидающихъ пріемовъ, т. е. путемъ толкованія и критики пробивающихся въ обществѣ юридическихъ идей и ихъ развитія въ цѣлые институты сообразно современнымъ потребностямъ гражданскаго оборота и воззрѣніямъ на справедливость.

Вотъ та новая доктрина, которая, завоевывая все бóльшій и бóльшій кругъ умовъ, вызвала во второй половинѣ XIX в. кризисъ старой формально-логической доктрины. Вмѣстѣ съ тѣмъ, падаетъ и авторитетъ старыхъ школъ — исторической и школы естественнаго

права,—и юристамъ открывается широкое поприще для разработки исторіи права въ духѣ новаго «психологическаго» направленія.

II.

Молодой ученый С. А. Муромцевъ вѣрно учелъ банкротство стараго направленія германской юридической мысли, когда [въ 1873 году], окончивъ Московскій Университетъ, приступилъ къ самостоятельному изученію науки гражданскаго права.

Во вступительной лекціи, читанной при открытіи курса римскаго гражданскаго права въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ 2-го сентября 1875 г. [1]) молодой ученый такъ опредѣлилъ свое отношеніе къ школѣ естественнаго права:

> «Извѣстная масса страданій, испытываемая людьми въ каждомъ общественномъ состояніи, поддерживаетъ въ немъ постоянное стремленіе улучшить это состояніе, и, какъ скоро эта цѣль достигается, онъ начинаетъ смотрѣть на предыдущее состояніе, благодаря тому, что оно было временно, какъ на ненормальное. Рядъ временныхъ состояній, вслѣдствіе постояннаго недовольства ими, обобщается въ постоянный рядъ чего-то ненормальнаго, представленіе о которомъ является необходимымъ противовѣсомъ постояннаго чувства неудовлетворенности настоящимъ положеніемъ. На самомъ же дѣлѣ каждое состояніе, въ которомъ находится общество, не смотря на его временность и кажущуюся ненормальность, есть явленіе вполнѣ естественное, ибо оно есть необходимый результатъ предшествующаго состоянія и всей совокупности условій, которыя дѣйствовали на его измѣненіе (считая въ числѣ этихъ послѣднихъ не только внѣшнія обстоятельства, но и внутреннюю жизнь общества)... Золотой вѣкъ будущаго превратится въ призракъ, коль скоро мы примемъ во вниманіе, что въ тотъ періодъ времени, когда удовлетворяются нужды настоящаго періода, успѣетъ нарости новый рядъ болѣе утонченныхъ потребностей, удовлетвореніе которыхъ дастъ обильный матеріалъ для послѣдующей дѣятельности и для послѣдующихъ видоизмѣненій общественнаго строя».

Въ одной изъ своихъ публичныхъ лекцій [2]), прочитанныхъ двадцать лѣтъ спустя, послѣ цитированной

---

[1]) *С. А. Муромцевъ.* Римское право, какъ предметъ науки. Журн. Гр. и Уг. Права, 1875, № 6, стр. 69.

[2]) См. Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній. Т. II, (1893). *С. А. Муромцевъ.* «Право и справедливость», стр. 11—12. См. еще, его же: Опредѣленіе и основное раздѣленіе права. Москва, 1879 г., стр. 5—8.

мною рѣчи, произнесенной съ каѳедры Московскаго Университета, С. А. Муромцевъ снова высказываетъ тѣ же мысли.

«Нѣтъ ничего естественнаго въ томъ смыслѣ, что бы оно удовлетворяло нравственнымъ и правовымъ требованіямъ всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ, и пригодность чего когда либо не могла бы быть заподозрѣна... Строго научная теорія знаетъ, что почитаемое, въ противоположность дѣйствительному праву, за справедливость вовсе не отдѣляется отъ этого права какою либо непереходимою стѣною—по сю сторону которой работаетъ и созидаетъ человѣкъ, а по ту сторону открывается дѣло природы, по мнѣнію однихъ, или Божества, по предположенію другихъ. Все, что тамъ за стѣною, о чемъ мы нерѣдко позволяемъ себѣ не болѣе какъ только *мечтать*, есть созданіе той же человѣческой мысли, которая создала и дѣйствующее право, и наши мечты ждутъ своей очереди, чтобы изъ области мысли перейти въ область дѣла. Сегодняшняя справедливость завтра станетъ правомъ, сегодняшнее право отойдетъ въ область прошлаго. Философское препятствіе, которое могло встрѣтиться на пути къ усвоенію справедливости, падаетъ; справедливость требуетъ, не одного платоническаго отношенія къ себѣ, но отношенія болѣе горячаго, болѣе сочувственнаго; справедливость безпрепятственно становится не только душою нашей мысли, но и нашихъ дѣлъ».

Эта концепція исторіи права опредѣлила взглядъ Муромцева на содержаніе науки права. Задача науки права не та, что бы отыскать систему вѣчную и естественную. «Наука должна поставить себѣ другія задачи. При отсутствіи одного идеальнаго состоянія и при постоянной смѣнѣ формъ общественной жизни, наукѣ, если она должна стать во главѣ этого движенія, надо изучить общее направленіе этого движенія, и общія правила, которыми полезно руководиться въ немъ, и для этого необходимо изучить законы преемственности правовыхъ состояній, или, иначе говоря, законы историческаго развитія права. Съ этой точки зрѣнія право представляетъ группу явленій среди другихъ группъ явленій общественной жизни, и наука должна опредѣлить отношенія, въ которыхъ состоятъ явленія этой группы между собою и къ явленіямъ другихъ группъ. Первый шагъ науки есть чисто объективный, наблюдательный; она имѣетъ цѣлью опредѣлить, *что есть*, и отвѣтъ на вопросъ, что *должно* быть, къ чему *слѣдуетъ* стремиться, выводитъ на основаніи существую-

щаго, а не въ противоположность ему, какъ поступала естественная школа». [Вступ. лекція 1. с., стр. 70].

Въ этихъ вдохновленныхъ и полныхъ глубокаго философскаго смысла словахъ Муромцевъ указываетъ уже на зарѣ своей научной дѣятельности тотъ путь, по которому должна итти, по его мнѣнію, современная наука правовѣдѣнія. И онъ не только указалъ путь, но и пошелъ по немъ, одинъ изъ первыхъ въ европейской литературѣ строя въ своихъ научныхъ трудахъ все зданіе правовѣдѣнія на основахъ *положительной философіи*. Въ своей докторской диссертаціи: «Очерки общей теоріи гражданскаго права», М. 1876 и послѣдующихъ трудахъ [«Опредѣленіе и основное раздѣленіе права» М. 1879; «Образованіе права по ученіямъ нѣмецкой юриспруденціи», М. 1886, и др.] Муромцевъ первый дѣлаетъ систематическую попытку перестроить основныя понятія науки гражданскаго права. Исходя отъ взгляда на правовѣдѣніе, какъ на обособленную вѣтвь единой науки объ обществѣ, онъ возводитъ правовѣдѣніе на степень *«объективно-научнаго изученія», раскрывающаго законы, которыми управляется юридическая жизнь общества*. Въ этомъ отношеніи, Муромцевъ является продолжателемъ того направленія объективно-научнаго изученія соціальныхъ явленій, которое въ области соціальныхъ наукъ было заложено во Франціи Ог. Контомъ и получило дальнѣйшее развитіе въ Англіи въ трудахъ Дж. С. Милля и Герб. Спенсера.

Какой же логическій ходъ мыслей привелъ Муромцева къ такому воззрѣнію на задачи науки гражданскаго права?

Всѣ науки—говоритъ онъ [Опредѣленіе и основное раздѣленіе права, стр. 9]—возникли на почвѣ ежедневной практики, будучи сначала только приведеннымъ въ нѣкоторый порядокъ *искусствомъ*. Позднѣе, любознательность толкнула изслѣдователей на изученіе *законовъ* явленій, т. е. на изученіе постоянныхъ отношеній, которыя существуютъ между явленіями природы. [«Наука для науки»]. Основываясь на выводахъ науки, искусство отдѣлилось отъ нея. «Задача науки заключается въ опредѣленіи *законовъ*, по которымъ происходятъ

явленія. Задача искусства состоитъ въ томъ, что бы указывать цѣли практикѣ и, слѣдуя научнымъ выводамъ, комбинировать средства для достиженія избранныхъ цѣлей» (ibid. 10).

Закономѣрность въ исторіи права толкаетъ насъ на изслѣдованіе законовъ, которые управляютъ развитіемъ права. «Съ этой точки зрѣнія, право есть группа явленій среди другихъ группъ явленій общественной жизни; отношенія, въ которыхъ состоятъ явленія этой группы между собою и къ явленіямъ другихъ группъ, отличаются постоянствомъ; эти постоянныя отношенія или законы коренятся въ природѣ человѣка и общества, и дѣйствительное право есть историческій продуктъ многообразныхъ сочетаній этихъ законовъ». [Образованіе права по ученіямъ нѣмецкой юриспруденціи, стр. 16]. Задача правовѣдѣнія и должна состоять въ изученіи *законовъ*, по которымъ происходятъ явленія общественной жизни [1])

«Первый шагъ науки—чисто объективный, наблюдательный. Она опредѣляетъ, что *есть*. Политика, въ смыслѣ теоріи искусства, исполняетъ второй шагъ. Она опредѣляетъ, что *должно быть*, къ чему *слѣдуетъ* стремиться» [Опредѣленіе и основное раздѣленіе права, стр. 14].

И въ правовѣдѣніи мы должны различать: общегражданское правовѣдѣніе и гражданско-правовую политику. «*Общегражданское правовѣдѣніе* есть наука въ строгомъ смыслѣ. Не преслѣдуя никакой практической цѣли, но руководясь исключительно требованіями любознательности, оно изучаетъ законы развитія гражданскаго права... *Гражданско-правовая политика* опредѣляетъ цѣли и пріемы, которыми должны руководиться гражданскій законодатель и судья. На основаніи ея указаній слагается *догма* гражданскихъ правоопредѣленій, которая излагаетъ дѣйствующія въ странѣ правоопре-

---

[1]) С. А. Муромцевъ, однако, оговаривается, что «раскрытіе самого источника закономѣрности образованія права, если только оно доступно человѣческому уму, не входитъ въ юриспруденцію. Оно составляетъ предметъ высшей философіи и не можетъ быть предметомъ теоріи права». «*Образованіе права по ученіямъ нѣмецкой юриспруденціи*», стр. 29.

дѣленія въ такомъ видѣ и по такой системѣ, которые прямо отвѣчаютъ требованіямъ гражданско-судебной политики» [ibid. 15].

Изъ этихъ выдержекъ намъ выясняется научное воззрѣніе Муромцева. Мы видимъ, что онъ различаетъ: съ одной стороны, *науку права*, изучающую законы той группы соціальныхъ явленій, которыя своей совокупностью образуютъ право [1]), и—съ другой стороны, *догму права*. Догма есть систематическое изложеніе началъ дѣйствующаго права какой либо страны и какого либо времени. «Догма опредѣляетъ, систематизируетъ и обобщаетъ и въ концѣ концовъ не имѣетъ ничего общаго съ изслѣдованіемъ законовъ» [2]). Догма, въ этомъ значеніи, обслуживаетъ двѣ цѣли. Въ качествѣ описательнаго правовѣдѣнія она даетъ матеріалъ («служитъ подготовительною стадіею») для ученаго при изслѣдованіи имъ законовъ [3]). Она служитъ и практической цѣли: догма представляетъ въ надлежащей стройности тотъ правопорядокъ, который юристъ-практикъ *долженъ* осуществлять въ своей дѣятельности [4]). Въ такомъ случаѣ догма составляетъ отрасль *юридическаго искусства*.

Такова—программа позитивнаго изслѣдованія гражданскаго права Муромцева. «Нами руководитъ—говоритъ онъ—глубокое убѣжденіе въ томъ, что лишь при изложенной организаціи нашей науки возможно достигнуть съ полнымъ успѣхомъ выводовъ, которые наибо-

---

1) *С. А. Муромцевъ*. Опредѣленіе и основное раздѣленіе права, стр. 145: «Задача положительнаго изслѣдованія, пока оно не перешло предѣловъ чистой науки и не коснулось области политики или искусства, состоитъ въ томъ, что бы оцѣнить каждый предметъ такъ, *какъ онъ есть*, но не такъ, *какъ онъ долженъ быть*».

2) *С. А. Муромцевъ*. Что такое догма права? Юрид. Вѣстникъ, 1884, № 4, стр. 759.

3) *С. А. Муромцевъ*. Что такое догма права? Юрид. Вѣстн. 1884, № 5, стр. 239: «Самолюбіе юриста должно удовлетвориться тѣмъ заключеніемъ, что, по скольку онъ не работаетъ непосредственно для практики, онъ подготовляетъ явленія юридическаго міра для индукціи и дедукціи, которыми займется правовѣдѣніе, какъ часть соціальной науки; значеніе его работы отъ того нисколько не умаляется, ибо она навсегда останется необходимою стадіею въ общемъ ходѣ научнаго изслѣдованія».

4) Ibid. № 4, стр. 763: «Въ догмѣ нѣтъ ничего индуктивнаго и ея обобщенія суть не болѣе, какъ обобщенія *предложеній*; въ самой догмѣ нѣтъ и силлогизма, и строить силлогизмы приходится лишь юристу—практику, когда отдѣльныя догматическія положенія онъ примѣняетъ къ разрѣшенію казусовъ».

лѣе способны освѣтить путь гражданско-юридической практики, какъ законодательной, такъ и судебной». [«Опредѣленіе и основное раздѣленіе права», стр. 15].

— Посмотримъ теперь, какъ справился Муромцевъ съ своей задачей. Что далъ реальнаго его позитивизмъ русской наукѣ? Мы должны войти теперь въ болѣе детальное разсмотрѣніе взглядовъ Муромцева на догму права и науку правовѣдѣнія и затѣмъ указать на самостоятельныя практическія попытки Муромцева провести и оправдать на дѣлѣ проповѣдуемыя имъ теоретическія начала.

Мы видѣли, что догму права Муромцевъ опредѣляетъ, какъ изслѣдованіе какого либо дѣйствующаго права въ интересахъ примѣненія его на практикѣ. Романисты, какъ извѣстно, выдвинули въ качествѣ дѣйствующаго и долженствующаго дѣйствовать типа *нормальнаго* права,—*право римское*.

Другое значеніе придаетъ римскому праву Муромцевъ. «Было время—говоритъ Муромцевъ—когда римское право было принято Германіей, и то обстоятельство, что чуждое право легло въ основаніе правовой жизни цѣлаго народа, не мало содѣйствуетъ образованію убѣжденія во всеобщей и вѣчной пригодности этого права» [1]). Однако,—продолжаетъ Муромцевъ,—въ римскомъ правѣ трудно найти хотя бы одинъ принципъ, который могъ бы быть приложенъ въ условіяхъ современной жизни безъ измѣненія. «При нашей кодификаціи *римское право* можетъ служить рядомъ съ правами другихъ народовъ лишь для соображенія, критерій же мы должны искать у самихъ себя. *Изученіе обычнаго права, изученіе народной жизни* вообще должно лечь въ основу законодательства» (ibid. 4). «Истинное значеніе римскихъ юридическихъ сборниковъ—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ [2])—въ томъ, что они служатъ памятниками могучаго живого творчества, и только тотъ, дѣйствительно, познаетъ римское право, кто освоится съ его конкретнымъ матеріаломъ, кто вникнетъ въ послѣ-

---

[1]) *С. А. Муромцевъ.* Статьи и рѣчи. Москва, 1910. Вып. II, стр. 3.

[2]) *С. А. Муромцевъ.* «Еще по вопросу о догмѣ». Юрид. Вѣстн. 1884, № 8, стр. 689.

довательное историческое наростаніе этого матеріала по каждому отдѣльному вопросу, кто уловитъ общую связь многихъ параллельныхъ теченій, дѣйствующихъ въ этомъ случаѣ... Историческое изображеніе есть лучшій способъ для передачи живого, конкретнаго права и его тенденцій; задача критико-догматическаго изслѣдованія—связать эти тенденціи съ стремленіями нашей гражданской жизни и создать, формулировать современные принципы и правила. Но, очевидно, что это послѣднее уже не будетъ догмою *римскаго* права».

«Юридическое мышленіе» до сихъ поръ составляетъ наиболѣе поучительную сторону римскаго права. Но «юридическому мышленію» *римскихъ* юристовъ мы плохо научаемся изъ современныхъ догматическихъ системъ, которыя вмѣсто принциповъ даютъ намъ одни понятія и опредѣленія и изображеніемъ мертвой схемы стремятся достигнуть того, что̀ можетъ быть достигнуто только изображеніемъ живого процесса юридическаго творчества» [ibid. 690].

Лекціи проф. С. А. Муромцева, читанныя имъ въ бытность его лекторомъ римскаго права въ Московскомъ Университетѣ, и были дѣйствительно «изображеніемъ живого процесса юридическаго творчества». Его изложеніе не было ни историческимъ, ни догматическимъ. Оно было *историко-догматическимъ*. Онъ повторялъ всѣ опредѣленія римскаго права, обобщалъ ихъ въ принципы и распредѣлялъ ихъ въ системѣ. Но онъ не ограничивался одной эпохой, а связывалъ преемственной связью право многихъ эпохъ. Историко-догматическое изложеніе римскаго права онъ считалъ наиболѣе цѣлесообразнымъ въ русскихъ университетахъ [1]). Этого же метода онъ придерживался и въ своемъ печатномъ курсѣ лекцій: «*Гражданское право древняго Рима*» (Москва, 1883 г.). «Дать картину живого процесса юридическаго творчества, ввести читателя въ общество римскаго юриста и заставить его, такъ сказать, на *римскій* ладъ продумать римское право состав-

[1]) Въ этомъ отношеніи, по собственному его признанію онъ является преемникомъ покойнаго профессора Никиты Крылова. Юрид. Вѣстн. 1884, № 4, стр. 764.

ляло задачу книги: «Гражданское право древняго Рима» [о. с. стр. 690]

«Если римскому праву предстоитъ сослужить какую либо службу въ России, то прежде всего она должна—по мнѣнію Муромцева—состоять въ оживленіи нашего гражданскаго правосудія чрезъ ближайшее ознакомленіе его съ *пріемами нормальнаго судебнаго творчества*» [ibid].

Въ этомъ отношеніи историческое изложеніе римскаго права представляетъ, на глазахъ Муромцева, даже особую *практическую* цѣну.

«Только при такомъ изложеніи обнаруживается, въ какой огромной степени прогрессъ гражданскаго права и его высокое состояніе могутъ зависѣть отъ широкаго развитія суда по совѣсти или по убѣжденію (суда присяжныхъ),—результатъ, очень поучительный для всѣхъ тѣхъ странъ, которыя не выяснили еще окончательно своихъ задачъ по отношенію къ гражданскому правосудію». [*Предисловіе* къ Гражд. праву древняго Рима, VII].

Мы видимъ, такимъ образомъ, что С. А. Муромцевъ преклоняется передъ техническимъ величіемъ гражданскаго права древняго Рима, но, оставаясь навсегда вѣрнымъ его строгой методикѣ и его яснымъ логическимъ конструкціямъ, онъ освобождается отъ «опеки ученой юриспруденціи», отъ гипноза тѣхъ романистическихъ идей, подъ властью которыхъ находился ученый міръ въ XIX вѣкѣ [1]).

Онъ сводитъ догму римскаго права на степень «описательнаго правовѣдѣнія, т. е. подсобнаго матеріала для науки правовѣдѣнія. Какъ *искусство*, римское право, построенное на принципахъ аристократизма и индивидуализма, отжило свой вѣкъ. Оно не пригодно потому при разрѣшеніи практической задачи насажденія въ странѣ началъ соціальной справедливости. Конструктивный аппаратъ Corpus Juris Civilis долженъ служить лишь формальную помощь въ практической

---

[1]) Здѣсь умѣстно вспомнить докладъ С. А. Муромцева адвокатской молодежи въ первомъ засѣданіи группы его имени 21-го ноября 1908 года: «*Живемъ ли мы еще римскимъ правомъ*»? Преклоняясь передъ техническимъ величіемъ гражданскаго права древняго Рима, онъ призывалъ къ освобожденію отъ римскаго плѣненія въ матеріальномъ смыслѣ и къ самостоятельному творчеству новыхъ правовыхъ цѣнностей.

работѣ въ великихъ соціальныхъ задачахъ современности.

Проводя на своихъ лекціяхъ и въ печатномъ трудѣ: «Гражданское право древняго Рима» свой взглядъ на догму, какъ на *искусство*, Муромцевъ намъ далъ образцы и *научной* разработки правовѣдѣнія.

Онъ первый въ русской юридической литературѣ началъ то дѣло, которое и на Западѣ было подъ силу лишь такимъ выдающимся корифеямъ науки, какъ Максъ Мюллеръ, Іерингъ Мэнъ: *начертаніе исторіи развитія человѣческаго духа*.

Въ своей магистерской диссертаціи «О консерватизмѣ римской юриспруденціи» [Москва, 1875 г.]— «сочиненіи, которое носитъ на себѣ печать умственнаго возбужденія, вызваннаго геніальнымъ творчествомъ Игеринга» [1]), Муромцевъ продолжаетъ дѣло, начатое его учителемъ Ihering'омъ: изученіе свойствъ и пріемовъ римской юриспруденціи, насколько они проявились въ постепенномъ созданіи системы римскаго права.

Двѣ мысли Ihering'а были положены Муромцевымъ въ основу его труда. Во-1-хъ, замѣчаніе Ihering'а о *консерватизмѣ* римлянъ, какъ одной изъ причинъ ихъ юридическаго творчества, и 2-хъ, особое понятіе объ «*юриспруденціи*». Въ противоположность исторической школѣ, Ihering училъ, что всякое право есть слѣдствіе столкновенія интересовъ, есть результатъ борьбы. Намѣреніе, размышленіе, сознаніе и разсчетъ дѣйствовали при самомъ возникновеніи права. «У самой колыбели права стояла юриспруденція» (die juristische Kunst). Юриспруденцію нельзя пріурочить къ какой либо эпохѣ. Она начинается съ первыхъ попытокъ мысли подчинить явленія практической жизни извѣстнымъ правовымъ нормамъ,—она совпадаетъ съ *юридическимъ мышленіемъ*. Въ противоположность традиціонному воззрѣнію, Ihering приходитъ къ выводу, что «юридическое искусство (юриспруденція) восходитъ къ такой же древности, какъ и самое римское право». Понятіе юриспруденціи совпадаетъ, такимъ образомъ, у Ihering'а съ юридиче-

---

[1]) *В. Герье.* Консерватизмъ у Римлянъ. Вѣстн. Евр., 1875, кн. 5, стр. 225.

скимъ мышленіемъ народа, черезъ какіе органы народъ ни осуществлялъ бы въ разное время это мышленіе.

Вотъ эти идеи и кладетъ въ основу своей работы Муромцевъ. Но воспринявъ эти идеи, Муромцевъ идетъ самостоятельнымъ путемъ и превосходитъ самого Ihering'а въ искусствѣ, съ которымъ онъ объясняетъ многія явленія римской правовой жизни.

Такъ, многіе пріемы римскихъ юристовъ (напр., аналогіи, фикціи, дуализмъ правовыхъ системъ, exceptiones) Ihering объяснялъ принципомъ *формализма*, какъ однимъ изъ существенныхъ признаковъ римской юридической техники или принципомъ *юридической экономіи*. Эти объясненія Ihering'а неубѣдительны, такъ какъ они искусственны, не жизненны. Наврядъ ли такіе пріемы могли быть выработаны юристами сознательно въ ту эпоху, когда не было еще теоріи права, отдѣльной отъ практики.

Муромцевъ обличилъ живое чувство исторической дѣйствительности, когда онъ эти явленія объяснилъ склонностью римскаго общества во что бы то ни стало сохранять старыя понятія и формы, т. е. чувствомъ *консерватизма*. Вся юридическая техника римскихъ юристовъ—по его мнѣнію—имѣла своимъ источникомъ самостоятельную потребность юридическаго мышленія—сохранять существующую систему права по возможности долго и неизмѣнно. Римскіе юристы умѣли оставлять ненарушимой форму объективнаго права, подводя подъ дѣйствіе старой формы, вновь нарождавшіяся жизненныя отношенія.

Не уклонился Муромцевъ и отъ объясненія причинъ консерватизма. Въ древнюю эпоху—думаетъ онъ—консерватизмъ былъ результатомъ *недостатка* мышленія, слѣдствіемъ его робости, неумѣлости. Сюда присоединяется и *трудность*, съ которою неразвитому мышленію дается построеніе отвлеченныхъ понятій. При трудности создавать новыя отвлеченныя понятія, юристы склонны обходиться какъ можно дольше старыми и подводить подъ нихъ новыя потребности практической жизни. Позднѣе, этотъ строй объективнаго права начинаетъ казаться имъ необходимымъ самъ по себѣ, онъ

объективируется, и, такимъ образомъ, консерватизмъ превращается въ *самостоятельную потребность* юридическаго мышленія.

Въ другой своей работѣ: «Рецепція римскаго права на Западѣ» (Москва, 1886) Муромцевъ даетъ намъ очеркъ рецепціи римскаго права на Западѣ до XIX в. Въ этой работѣ онъ дѣлаетъ опытъ самостоятельной оцѣнки значенія рецепціи чужого права для правовой жизни Германіи, и подмѣчаетъ такое интересное явленіе: господство иноземнаго права въ судахъ всегда стоитъ въ связи съ упадкомъ самостоятельнаго судебнаго творчества въ области права. Самъ Муромцевъ не идеализируетъ рецепціи, какъ историческаго явленія. Онъ отдаетъ дань почтенія той ненависти, которую возбудили къ себѣ ученые юристы-піонеры рецепціи. Причиной этому служитъ то, что въ нѣмецкіе суды «не проникло характерное свойство римскаго права и не водворилось тамъ замѣчательнѣйшее учрежденіе его—судъ по совѣсти и справедливости. Эти принадлежности права не усваиваются путемъ заимствованія и подражанія; онѣ выростаютъ только при широкомъ развитіи самостоятельнаго судебнаго творчества» (стр. 81). Примыкая въ общемъ и цѣломъ къ воззрѣніямъ Моддермана на состояніе всей средневѣковой культуры, какъ на причину рецепціи, Муромцевъ сильнѣе оттѣнилъ нѣкоторые изъ элементовъ культуры, наиболѣе подготовившихъ явленіе: такъ, вліяніе идеи о непрерывности и преемственности имперій—германской и римской—онъ свелъ къ болѣе общей причинѣ—идейному предрасположенію къ римскому или психологическому моменту; онъ подчеркнулъ также значеніе экономіи умственнаго труда, игравшей роль въ творчествѣ права вообще, и помимо эпохи рецепціи.

Предыдущее изложеніе имѣло цѣлью показать, что Муромцевъ далъ намъ практическіе образцы примѣненія своего ученія о существѣ догмы—*искусства* и правовѣдѣнія—*науки*. Въ своихъ лекціяхъ и своихъ ученыхъ трудахъ онъ всегда оставался неизмѣненъ своимъ

основнымъ положеніямъ, которыя онъ высказалъ еще въ первой рѣчи, произнесенной на зарѣ своей ученой дѣятельности, и въ которой онъ опредѣленно заявилъ о своей научной программѣ и своемъ философскомъ міровоззрѣніи. Догма не есть наука, ибо наука изучаетъ законы общественныхъ отношеній. Правовѣдѣніе есть *наука*, ибо она—есть обособленная вѣтвь единой науки объ обществѣ и должна быть возведена на степень объективно-научнаго изученія, раскрывающаго *законы*, которыми управляется юридическая жизнь общества.

Во всѣхъ своихъ работахъ Муромцевъ подчеркиваетъ тѣсную взаимную связь, иначе говоря,—*солидарность* общественныхъ явленій. Каждый гражданскій институтъ есть произведеніе всей совокупности факторовъ соціальной жизни. Посему наука объ обществѣ едина. Открытіе законовъ развитія общественныхъ отношеній и есть задача науки обществовѣдѣнія.

Проповѣдуя съ желѣзной настойчивостью эти начала, Муромцевъ все же сознавалъ, что въ интересахъ правильной классификаціи наукъ надо провести опредѣленную границу между правовѣдѣніемъ и другими отраслями соціологіи.

Конечно, объ отдѣленіи правовѣдѣнія, въ смыслѣ полнаго обособленія, не можетъ быть и рѣчи. Но существованіе одной общественной науки нисколько не устраняетъ ни возможности, ни практической необходимости относительно обособленія отдѣльныхъ вѣтвей ея, и, между прочимъ, правовѣдѣнія. Такое обособленіе желательно въ интересахъ раздѣленія научнаго труда, подъ условіемъ, конечно, сохраненія живой связи между отдѣльными вѣтвями науки [1]).

Разрѣшенію этой задачи онъ посвящаетъ особую монографію: *Опредѣленіе и основное раздѣленіе права* [Москва, 1879 г].

Что такое *право?* Что такое *правовый порядокъ?* Каково взаимное отношеніе права и нравственности?

---

[1]) *С. Муромцевъ.* Критическое Обозрѣніе, 1879, № 19, стр. 16: «Мы не допускаемъ иного *научнаго* изученія права, какъ изученіе его въ качествѣ явленія соціальной жизни».

Какъ мы должны классифицировать права? Опредѣленіе этихъ понятій и составляетъ содержаніе этой монографіи.

Муромцевъ разсматриваетъ право, какъ частную форму воздѣйствія общественной *среды* на людскія отношенія. Среда образуется людьми и предметами, вліяющими, такъ или иначе, на взаимное положеніе субъекта и объекта. Для существованія отношенія необходимо, что бы среда, какъ совокупность окружающихъ обстоятельствъ, не воздвигала неодолимыхъ препятствій дѣятельности субъекта. Въ тотъ моментъ, когда субъектъ не можетъ воспользоваться принадлежащею ему возможностью дѣйствій, «отношеніе» прекращается.

Продолжая свой анализъ, Муромцевъ отмѣчаетъ важное явленіе. Извѣстная группа людей оказывается заранѣе склонною помогать человѣку, въ установленіи и поддержаніи его отношеній. Эта помощь или защита увеличиваетъ силы отдѣльнаго человѣка и раздвигаетъ предѣлы существованія и содержаніе его отношеній. Эта защита совершается въ двухъ направленіяхъ. Во-1-хъ, она можетъ исходить со стороны окружающихъ лицъ и быть направленной къ устраненію препятствій, лежащихъ внѣ даннаго общества. Это защита перваго рода. Во-2-хъ, она можетъ исходить отъ самого общества, какъ особаго самостоятельнаго организма, и быть направленной противъ возможныхъ посягательствъ однихъ членовъ общества на другихъ членовъ. Это защита второго рода. Въ тѣхъ случаяхъ, когда эта защита *второго рода* осуществляется порядкомъ, заранѣе установленнымъ, обыкновенно посредствомъ особыхъ, назначенныхъ для того органовъ, мы имѣемъ *организованную* или *юридическую* защиту. Вотъ эти фактическія отношенія, охраняемыя организованною защитою, и образуютъ *право* [1]).

«Слѣдовательно, — дѣлаетъ такой выводъ Муромцевъ—въ способѣ защиты и заключается все различіе права и другихъ порядковъ, которые основаны на авто-

---

[1]) *С. А. Муромцевъ.* Опредѣленіе и основное раздѣленіе права, стр. 122: «юридическая (организованная) защита составляетъ основное отличительное свойство права, своимъ существованіемъ обусловливающее и вызывающее другія характеристическія свойства его».

ритетѣ общественнаго сознанія, касательно должнаго. *Этимъ отвергается то мнѣніе, по которому существуетъ коренное различіе права и нравственности»* (стр. 179).

«A priori представляется въ высшей степени невѣроятнымъ, что бы люди, строя идеалы должнаго, вмѣсто единаго пути шли какою-то раздвоенною дорогою и руководились различными понятіями добра и зла, смотря по тому, думаютъ ли они о правѣ, или о нравственности. Какимъ бы путемъ ни вырабатывались нравственные и правовые идеалы, разъ они существуютъ, ихъ родство и взаимное соотвѣтствіе представляется необходимымъ фактомъ. Допустить ихъ противорѣчіе—значило бы допустить непонятный дуализмъ и внутренній разладъ въ понятіи человѣка о должномъ... Невѣроятно что бы одни и тѣ же люди стремились одновременно къ различнымъ и противоположнымъ цѣлямъ и насаждали бы одной рукой то, что разрушали другою. Допустить коренное противорѣчіе права и нравственности, какъ фактъ, вытекающій необходимо изъ самаго существа этихъ двухъ явленій, значило бы стать въ разрѣзъ съ общимъ закономъ солидарности общественныхъ явленій» (стр. 170).

Такимъ образомъ, изъ опредѣленія понятія *права* Муромцевъ приходитъ къ констатированію гармоніи, какъ преобладающей и существенной чертѣ, характеризующей отношеніе права къ нравственности. «Разнорѣчіе права и нравственности является въ качествѣ второстепеннаго, случайнаго явленія, *которое вызывается исключительно различіемъ способовъ нравственнаго и юридическаго контроля общества надъ поведеніемъ своихъ членовъ»* (стр. 171).

Съ большой дозой темперамента возстаетъ Муромцевъ противъ попытки юристовъ свести раздѣленіе права и нравственности на высшія метафизическія начала. Благодаря общей склонности юриспруденціи къ абсолютнымъ метафизическимъ раздѣленіямъ, она возводитъ относительное неравенство права и морали въ абсолютное. По мнѣнію Муромцева, глубокое заблужденіе—утверждать, что право регулируетъ *только* внѣшнюю сторону поступковъ и удовлетворяется внѣшнимъ исполненіемъ юридическихъ обязанностей, не заботясь о свойствѣ побужденій, руководящихъ при этомъ людьми, тогда какъ нравственность оцѣниваетъ поступки *исключительно* по достоинству ихъ побужденій. Мы можемъ только утверждать, что *по преимуществу* право регули-

руетъ внѣшнюю, а нравственность—внутреннюю сторону поступковъ (стр. 175 и сл.). Но эта концепція вполнѣ совмѣстима съ представленіемъ объ однородности права и нравственности.

Правовый порядокъ, какъ предметъ правовѣдѣнія, есть *элементъ общественнаго порядка, произведенный юридическою защитою* (стр. 164).

Вотъ—главнѣйшій выводъ, къ которому пришолъ Муромцевъ въ своей монографіи. Предметъ правовѣдѣнія — *правовый порядокъ*. Правовой порядокъ есть *юридическая защита отношеній.*

Этими опредѣленіями Муромцевъ отмежевывается отъ господствующихъ ученій. Предметъ правовѣдѣнія не есть изученіе нормъ справедливости [ибо они не пользуются организованной охраной], или—юридическихъ нормъ. «Юридическія нормы должно считать лишь нѣкоторымъ аттрибутомъ правоваго порядка, говоря точнѣе,—факторомъ въ процессѣ его историческаго образованія» (стр. 159). Юридическія нормы Муромцевъ отодвигаетъ на второй планъ, поставивъ на ихъ мѣсто *правовый порядокъ.*

Итакъ,—«будучи поставлено на положительную почву, правовѣдѣніе представляется отдѣломъ соціологіи, который посвященъ изученію юридической (организованной) защиты, какъ одной изъ важнѣйшихъ функцій соціальнаго организма» (стр. 164). Такова формула, въ которой резюмируетъ самъ Муромцевъ свое опредѣленіе предмета гражданскаго правовѣдѣнія.

Эта формула и служитъ Муромцеву руководящимъ масштабомъ при разрѣшеніи всѣхъ вопросовъ правовѣдѣнія. И на первомъ планѣ—вопросъ о *классификаціи правъ.* Въ научной литературѣ давно подвергалась сомнѣнію правильность классификаціи, предложенной римскимъ юристомъ Ульпіаномъ: «publicum jus est quod ad statum rei Romanae spectat, privatum quod ad singulorum utilitatem». Основная мысль Ульпіана состоитъ въ томъ, что противоположность публичнаго и гражданскаго права сводится къ противоположности *общаго блага* и *личной пользы:* «sunt enim quaedam publice utilia, quaedam privatim».

Противъ такой классификаціи возстаетъ Муромцевъ. Представляется совершенно неправильнымъ сводить раздѣленіе права на противоположность общаго блага и частнаго интереса.

«Въ смыслѣ наиболѣе отвлеченномъ, научно-философскомъ общее благо есть все то, что способствуетъ наибольшему счастью наибольшаго числа лицъ. Частный интересъ способствуетъ напротивъ счастію отдѣльныхъ лицъ, безъ отношенія къ счастію прочихъ. Общее благо не враждебно, по природѣ своей, частному интересу; оно только комбинируетъ многіе частные интересы, дабы достигнуть, какъ сказано, наибольшаго счастія наибольшаго числа лицъ... Все общество, со всѣми своими учрежденіями, является органомъ общаго блага согласно съ тѣмъ, какъ оно понимается въ данное время и въ данномъ мѣстѣ. Право, будучи элементомъ общественнаго устройства, имѣетъ то же назначеніе. Во всей своей совокупности, право—и публичное и гражданское—служитъ одинаково *общему благу*. Было бы совершенно ошибочно проводить въ этомъ отношеніи какое бы то ни было различіе внутри правового порядка» [«*Опредѣленіе*» и т. д. стр. 186].

Итакъ, по воззрѣнію Муромцева, невозможно основывать классификацію права на противоположности общаго блага и частнаго интереса, если понять ее въ смыслѣ научно-философскомъ, потому что все право относится къ ней одинаковымъ образомъ. «Все право служитъ общему благу» [стр. 188].

Но слѣдуетъ ли изъ этого, что сама классификація (право публичное, право частное) неосновательна?

«Было бы скачкомъ въ логическомъ отношеніи отвѣтить на вопросъ утвердительно. Можетъ случиться, что классификація, сама по себѣ, основательна; невѣрно лишь опредѣленіе каждой изъ группъ» [1]). «Мы ошибемся, если станемъ защищать его въ смыслѣ какой то узаконенной противоположности общаго блага и личнаго интереса. Но мы должны допустить другой, менѣе отвлеченный смыслъ помянутаго разграниченія». [ibid., № 19, стр. 19]. «Если все право есть *порядокъ защиты*, то различія въ этомъ порядкѣ суть единственныя различія, которыя должны лечь въ основаніе его классификаціи» [2]). Съ этой точки зрѣнія, «различіе

---

1) Крит. Обозрѣніе, 1879 г., № 18, стр. 15.
2) «Опредѣленіе и основное раздѣленіе права», 196.

публичнаго и приватнаго права служитъ лишь формулированіемъ дѣйствительнаго различія, которое воплощено въ различіи дѣятельности, а часто и устройства органовъ общественной власти, охраняющихъ правовой порядокъ» [1]). Одинъ способъ защиты свойственъ публичнымъ, другой — гражданскимъ правамъ; обязательность по отношенію къ однимъ, свобода по отношенію къ другимъ правитъ порядкомъ ихъ установленія и прекращенія; *подчиненіе* индивида органамъ власти въ публичномъ правѣ и *свободное* развитіе его иниціативы въ частномъ правѣ составляетъ фактъ съ несомнѣннымъ соціальнымъ значеніемъ [2]).

И это разграниченіе, по мнѣнію Муромцева, вполнѣ цѣлесообразно. «Цѣлесообразно предоставить иниціативу въ защитѣ только тому, кто непосредственно заинтересованъ въ существованіи защищаемаго отношенія. Лицо, которое не заинтересовано въ немъ, не станетъ заботиться и о его защитѣ... Въ противоположность гражданскому—публичное право защищаетъ порядокъ отношеній, который дорогъ съ точки зрѣнія поддержанія и развитія общественности, но остался бы безъ достаточной защиты, если бы она была предоставлена исключительно усмотрѣнію частныхъ лицъ» [3]).

Мы видимъ, какъ строго закончено продумана Муромцевымъ его система гражданскаго права. Изъ своего основного воззрѣнія на правовѣдѣніе, какъ на отдѣльную отрасль соціологіи, онъ ткетъ изъ себя паутину логически стройныхъ обобщеній. Отказавшись отъ помощи метафизики, онъ нашелъ себѣ болѣе сильную опору въ позитивизмѣ, на принципахъ котораго онъ и строитъ всю свою систему гражданскаго права.

Посмотримъ теперь отношеніе Муромцева къ ученіямъ исторической школы.

III.

Историческая школа, основателемъ которой въ XIX в. почитается Савиньи, учитъ, что право составляетъ по-

---

1) Критич. Обозрѣніе, ibid., № 19, стр. 18.
2) Крит. Обозр., ibid., № 19, стр. 16.
3) Ibid., № 19, стр. 21.

добно языку, нравамъ и государственному устройству *безсознательный* продуктъ народной дѣятельности и народнаго убѣжденія. Непосредственное выраженіе народнаго убѣжденія есть *обычай*. Внося въ юриспруденцію идею закономѣрнаго развитія, Савиньи устраняетъ всякую мысль о случайномъ или произвольномъ происхожденіи права.

Такова,—въ двухъ словахъ, сущность ученія исторической школы. Конечно, такая концепція исторіи права не могла удовлетворить позитивиста Муромцева. Отъ исторической школы Муромцева оттолкнуло то наблюденіе, что правильной *научной* реализаціи своихъ основныхъ идей Савиньи не дастъ. «Онъ не сдѣлалъ ничего для дальнѣйшей научной разработки ихъ и не пытался формулировать отдѣльные законы образованія права. Настаивая на закономѣрности историческаго развитія права, Савиньи не указалъ ея отдѣльныхъ выраженій» [1]).

Неправильная идея связывается по мнѣнію Муромцева и съ понятіемъ *развитія* Развитіе понимается такъ, какъ будто бы оно необходимо предполагаетъ, что во всемъ существуетъ *внутреннее* стремленіе стать чѣмъ-то высокимъ.

> «Извѣстная метафора сравнивала развитіе права съ развитіемъ зерна, которое будто бы «само собою» превращается въ широкоствольное дерево,—какъ будто бы дерево не обязано своимъ происхожденіемъ *столько же окружающей его средѣ*, сколько и зерну! Не замѣчали, что «развитіе опредѣляется во всѣхъ случаяхъ взаимодѣйствіемъ внутреннихъ и внѣшнихъ факторовъ» (Спенсеръ). И какъ дерево происходитъ столько же изъ зерна, сколько изъ окружающихъ его газовъ, воды и элементовъ почвы, такъ же любой правовой институтъ развивается не самъ собою, но черезъ взаимодѣйствіе многихъ факторовъ, *изъ которыхъ главные надо искать внѣ области права*» (ibid. 13).

Историческая концепція исторіи права «идеализируетъ и поэтизируетъ жизнь, заслоняя дѣйствительность плодами фантазіи и облекая область самосознанія въ мистическую атмосферу». «Слѣдуя романтикамъ, юристы стремились къ наивному и народному, видя источникъ

---

[1]) Опредѣленіе права, стр. 5.

права въ простодушномъ народномъ убѣжденіи; и относясь недовѣрчиво къ сознательной творческой дѣятельности законодателя и юриспруденціи, были какъ бы склонны считать высшимъ состояніемъ праздное и безцѣльное прозябаніе» (ibid. стр. 14). Вслѣдствіе объективизма, право представлялось, какъ бы изначала готовымъ и, слѣдовательно, не требующимъ постепенной выработки. Другую «историческую причину» образованія права выдвигаетъ Муромцевъ. Образованіе юридическихъ нормъ въ исторіи—говоритъ онъ - всегда соединено, какъ съ непремѣннымъ условіемъ, съ извѣстною затратою психическаго труда. «Для человѣка и общества формулированіе юридическихъ нормъ, въ какой бы формѣ оно ни происходило, есть въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ результатъ опредѣленнаго *психическаго напряженія, опредѣленной психической дѣятельности*» (ibid. стр. 28). Въ этомъ смыслѣ человѣкъ самъ творитъ свое право и ничего не получаетъ готовымъ [1]).

Таково первое основное положеніе Муромцева, въ которомъ мы безъ труда узнаемъ ясные слѣды вліянія ученія Ihering'а о «*борьбѣ за право*», какъ существенномъ моментѣ и формѣ процесса образованія права. «Правовыя понятія и опредѣленія не даются человѣчеству сами собою, но составляютъ продуктъ его умственнаго труда»—это существеннѣйшее положеніе въ ученіи Іеринга находитъ въ Муромцевѣ своего талантливаго истолкователя и защитника. Съ особой настойчивостью Муромцевъ предостерегаетъ отъ смѣшенія понятій *борьбы* съ понятіемъ *произвольнаго*. Процессы мышленія и борьбы подчиняются дѣйствію психическихъ и соціальныхъ законовъ. «Они составляютъ формы, въ которыхъ выражается послѣдовательный ходъ развитія человѣка и общества» [2]).

«Но борьба, служа *формою*, въ которой проявляется послѣдовательное развитіе человѣка и общества, способна быть закономѣрною и принадлежитъ одинаково, какъ области матеріальныхъ силъ и интересовъ, такъ и области интересовъ и силъ духовныхъ.

---

[1]) Ср. *С. А. Муромцевъ*. Римское право, какъ предметъ науки. Журн. Гр. и Уг. Пр. 1875, № 6, стр. 77.

[2]) Опредѣленіе права, стр. 29.

Кто полагаетъ, что бороться можно только посредствомъ кулака или оружія, и забываетъ о борьбѣ посредствомъ слова и примѣра, кто думаетъ, что путемъ борьбы могутъ одерживать верхъ только грубые силы и интересы и не допускаетъ возможности побѣды со стороны духовныхъ силъ и интересовъ, тотъ высказываетъ лишь жалкое, и совершенно невѣрное, воззрѣніе на природу человѣка и закрываетъ свои глаза предъ краснорѣчивыми фактами исторіи» [Образованіе права, стр. 35—36].

Такимъ образомъ, то новое воззрѣніе, къ которому примыкаетъ Муромцевъ не идетъ въ разрѣзъ съ исторической школою по вопросу о *закономѣрномъ* движеніи исторіи права. «Принимая, что право вырабатывается дѣятельностью человѣка и общества, оно подразумѣваетъ, что каждый актъ этой дѣятельности не составляетъ чего либо произвольнаго и изолированнаго, но обусловленъ результатами предшествовавшихъ ему актовъ и всѣми сопровождающими его обстоятельствами; и между ними главное мѣсто принадлежитъ совокупности условій, вытекающихъ изъ природы человѣка и общества. Не ограничиваясь однимъ общимъ предположеніемъ о закономѣрности всего историческаго процесса творчества права, новое воззрѣніе вызываетъ на изслѣдованіе закономѣрности каждаго отдѣльнаго акта этого процесса» (ibid. 33).

Не уклонился Муромцевъ и отъ разрѣшенія вопроса о содержаніи той формы, въ которую выливается борьба юридическихъ идей. Мы видѣли, что эту борьбу онъ понимаетъ не въ грубо матеріалистическомъ смыслѣ слова, а понимаетъ подъ таковой и борьбу духовныхъ силъ и интересовъ. Въ своей журнальной статьѣ: «*Право и справедливость*» [Сборникъ правовѣдѣнія, т. II] Муромцевъ даетъ намъ обстоятельный очеркъ внутренняго содержанія того оживленія умственной и нравственной жизни, которое сопровождаетъ эпохи переходовъ общества изъ одного строя и порядка жизни къ другому строю и порядку, болѣе совершенному.

«Какъ скоро въ застывшемъ на видъ обществѣ пробуждается новое движеніе, въ области мысли выступаетъ на первый планъ критика существующихъ учрежденій съ точки зрѣнія потребностей новаго времени. Критика подрываетъ и разрушаетъ «естественность» былого порядка общественныхъ отношеній. Жертвуя имъ, стремятся къ порядку новому, согласному съ новыми усло-

віями жизни. Качество «естественности» переносится на этотъ послѣдній—изъ прошедшаго и настоящаго оно переходитъ въ будущее, которое постепенно должно опять перейти въ настоящее. Прошедшее опредѣляется, какъ уклоненіе отъ настоящаго, естественнаго пути; естественное совпадаетъ съ идеальнымъ» (стр. 7)...

Вотъ въ такое то время вопросъ о правѣ и справедливости играетъ въ общественномъ сознаніи первенствующую роль; въ противоположности двухъ этихъ понятій—справедливости и права, общественное сознаніе воплощаетъ то двойственное состояніе, которое оно переживаетъ, насколько такой дуализмъ касается области правовыхъ отношеній. Справедливость и право въ этой послѣдней области выражаетъ собою ту борьбу, которая никогда не ограничивается какою либо одною областью, а идетъ широкимъ потокомъ, захватывая собою всю совокупность общественныхъ отношеній» (стр. 8).

Итакъ, та *форма*, въ которую выливается *борьба* юридическихъ идей, есть *противоположеніе справедливости и права*. Кто же направляетъ эту борьбу въ сторону общественнаго блага. Черезъ какіе органы это противоположеніе права и справедливости превращается въ *право*? Какіе факторы вообще образуютъ право?

Мы видѣли, что историческая школа единственнымъ правообразующимъ источникомъ признавала *народно-правовое убѣжденіе*, непосредственнымъ выраженіемъ котораго является *обычай*.

Противъ такого олицетворенія народнаго духа выступаетъ во всю силу своего таланта Муромцевъ. Обычному праву онъ придаетъ совсѣмъ иную историческую роль. Въ процессѣ образованія права онъ различаетъ участіе двухъ основныхъ факторовъ: «жизни общества (народа), которая въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ родитъ потребность въ правѣ, и мыслительной дѣятельности какъ всего общества, такъ въ *особенности юристовъ,—дѣятельности, которая отыскиваетъ и творитъ право*».

«Юридическая норма не вызывается непосредственно потребностями правовой жизни, но создается при участіи мышленія. Вслѣдствіе этого юридическая норма отражаетъ на себѣ свойства создавшаго ее мышленія. Что бы понять юридическую норму—мало понять жизнь, ради которой она возникла; слѣдуетъ понять еще ту умственную среду, которая ее формулировала. Исторія юриспруденціи преобразуется въ исторію *юридическаго мышленія* народа». [Образованіе права, стр. 35].

Въ древнѣйшія времена настоящимъ «источникомъ» права является *юридическая сдѣлка* и *судебное рѣшеніе*. Въ юридической сдѣлкѣ *формулируется* юридическая норма только не сразу, а путемъ послѣдовательной разработки ряда случаевъ. И судья не только примѣняетъ право, но и творитъ его. Выдающіяся личности среди судей отличаются созидающей дѣятельностью, остальные же повторяютъ старыя судебныя рѣшенія. Путемъ такого *казуальнаго* творчества развивается право.

«Принадлежащія сюда нормы высказываются первоначально отдѣльными, наиболѣе авторитетными личностями и затѣмъ принимаются постепенно другими; только по окончаніи этого процесса, когда подчиненіе нормѣ становится всеобщимъ, и она не возбуждаетъ сомнѣній относительно своей справедливости, ей подчиняются по обычаю, *она дѣлается обычною* и объективируется. Обычная норма не дается непосредственно; ее надо найти и убѣдить другихъ въ ея необходимости» (ibid., 30).

Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что обычное право вовсе не есть *непосредственное* выраженіе народнаго убѣжденія. «Какъ все другое, обычное право вырабатывается и скорѣе само служитъ формою, которую постепенно принимаютъ продукты другихъ юридическихъ формъ, нежели даетъ имъ начало. Такъ, нормы, выработанныя первоначально сдѣлкою, судебнымъ рѣшеніемъ или закономъ, постепенно укореняются въ обществѣ и воспитываютъ въ немъ соотвѣтствующія убѣжденія и обычаи, такъ что въ концѣ концовъ начинаютъ соблюдаться въ силу этихъ убѣжденій и обычаевъ. Въ этомъ случаѣ обычное право является *вторичною* формою, въ которую воплощается право, возникшее въ другихъ формахъ» (ibid. стр. 25).

Исходъ борьбы юридическихъ идей лежитъ всецѣло не въ мистической силѣ «народнаго убѣжденія», а находится въ рукахъ государства, которое располагаетъ двумя могучими органами для обращенія ея въ право. Эти органы суть: *законъ* и *судъ*.

Когда рѣчь идетъ о крупныхъ соціальныхъ реформахъ, путь *законодательный* есть единственное вѣрное средство для осуществленія справедливости. Но полагаться всецѣло на починъ законодателя означало бы допускать на долгое время накопленія слишкомъ боль-

шого числа отдѣльныхъ несправедливостей. «Отъ государственной власти зависитъ довѣрить суду постоянное и постепенное проведеніе въ жизнь справедливости,—шагъ за шагомъ, по мѣрѣ возникновенія отдѣльныхъ случаевъ, обнаруживающихъ столкновеніе жизни съ дѣйствующимъ закономъ» [Сборникъ правовѣдѣнія, II, стр. 10]. «Судья—законодатель, тѣмъ болѣе дѣятельный, чѣмъ менѣе дѣятельнымъ оказывается самъ законодатель, судья—проводникъ въ жизнь тѣхъ началъ, которыя сознаніе общества въ противоположность дѣйствующему закону объявляетъ справедливыми и естественными» (ibid. 11).

Какъ ни стара эта идея о творческой силѣ суда,—она являлась прочнымъ достояніемъ еще римской исторіи права!—мысли Муромцева о судѣ, какъ органѣ справедливости, были, можно сказать, революціонными въ ту эпоху, когда въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, онъ, вторя въ этомъ отношеніи Іерингу, возгласилъ, что судъ есть естественная сила, не менѣе законодателя способная побороть какіе либо неправомѣрные инстинкты жизни.

Господствовавшее въ теченіи всего XIX в. ученіе о толкованіи закона состояло въ послѣдовательномъ проведеніи начала *пассивнаго отношенія* судьи къ закону. На этой точки зрѣнія стояли даже представители исторической школы. Право—учили эти послѣдніе есть непосредственное проявленіе духа народа, который выражается какъ въ обычномъ правѣ, такъ и въ законѣ. Каждый отдѣльный судья олицетворяетъ предъ лицомъ народнаго духа нѣчто *произвольное*. Онъ не смѣетъ потому «посягать на неизвѣданныя глубины народнаго духа», а долженъ преклониться предъ юридической нормою, которая происходила для него извнѣ.

Наперекоръ этому ученію, Муромцевъ выдвигалъ то положеніе, что «въ мирные періоды развитія гражданскаго права главнымъ двигателемъ его служитъ судъ. Самодѣятельность суда, его активное, но не пассивное положеніе передъ лицомъ закона составляютъ *нормальную* форму его дѣятельности». [Юрид. В. 1880, № 11, стр. 391].

«Я настаиваю на томъ—продолжаетъ Муромцевъ,—что таково *дѣйствительное* положеніе суда. Не только идеаломъ служитъ самостоятельность суда, но неустранимымъ фактомъ дѣйствительности. Законодательная функція никогда не была и не *можетъ быть* отдѣлена вполнѣ отъ власти судебной, и «толкованіе» или «примѣненіе» закона всегда содержитъ въ себѣ явное или скрытое преобразованіе его» [ibid., 391].

Таково отношеніе и «догматика» къ постановленіямъ положительнаго права. «Онъ имѣетъ право на ихъ критику и преднамѣренное измѣненіе, которое, смотря по обстоятельствамъ, совершается или открыто, или скрыто,—въ формѣ *искусственной интерпретаціи*. Но, такъ какъ это измѣненіе не должно совершаться произвольно, то уполномочить къ нему можетъ лишь глубокое изученіе и вѣрная историко-культурная оцѣнка измѣняемаго института, нуждъ, требующихъ его измѣненія, и реформы, предлагаемой ради удовлетворенія ихъ» [1]).

Вотъ почему, «образованіе права предполагаетъ живую, непосредственную связь юриста съ жизнью и самостоятельность его правоваго чувства относительно возможныхъ постороннихъ вліяній» [2]).

Какъ же понимаетъ Муромцевъ *справедливость*, органомъ которой долженъ являться судья? «Задача судьи—говоритъ онъ—состоитъ въ томъ, что бы сохранить въ каждомъ отдѣльномъ рѣшеніи по возможности *полную гармонію* между юридическою нормою, которая примѣняется, и случаемъ, который разрѣшается».

«Практика представляетъ крайнее разнообразіе случаевъ, которые поступаютъ на судебное разрѣшеніе; но юридическая норма не въ состояніи предвидѣть всѣхъ индивидуальныхъ особенностей субъекта, объекта и самого отношенія и формулируется обыкновенно въ разсчетѣ на средній типъ людей, вещей и отношеній. Задача судьи состоитъ въ томъ, что бы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣлить, въ какой степени обнаружены въ немъ типичныя свойства, къ которымъ относится норма, и не измѣняется-ли въ чемъ либо ихъ значеніе вслѣдствіе присутствія особенностей,

---

[1]) Опредѣленіе и основное раздѣленіе права, стр. 43.
[2]) «Очерки общей теоріи гражданскаго права», стр. 188.

непредусмотрѣнныхъ нормою. *Судья осуществитъ справедливость*, если согласуетъ свое рѣшеніе вполнѣ со всѣми *особенностями случая*, который онъ разрѣшаетъ. Онъ долженъ примѣнить норму именно въ той степени, въ которой случай характеризуется типичными свойствами, служащими основаніемъ нормы (индивидуализація рѣшеній)» (ibid. 156).

Итакъ, существенная задача судьи состоитъ въ *индивидуализированіи права*. «Индивидуализировать— значитъ привести судебное рѣшеніе въ гармонію со всѣми особенностями каждаго отдѣльнаго случая; и такъ какъ ни одинъ случай не похожъ на другіе, то ни одно судебное рѣшеніе невозможно хотя бы безъ капли творчества».. «Стремленіе къ индивидуализму подрываетъ обязательное значеніе юридическихъ нормъ и приближаетъ гражданскій судъ къ тому типу, главнымъ представителемъ котораго является судъ присяжныхъ» (Юр. В. 1880, № 11, стр. 388).

«Судъ по совѣсти—говоритъ въ другомъ сочиненіи Муромцевъ — есть идеалъ какъ уголовнаго, такъ и гражданскаго правосудія; вотъ гдѣ источникъ великаго значенія суда присяжныхъ при всѣхъ его кажущихся недостаткахъ, вотъ гдѣ основанія для мысли ввести въ юрисдикцію присяжнаго суда даже разрѣшеніе имущественныхъ и семейственныхъ споровъ» [Сборникъ правовѣдѣнія, т. II, стр. 10—11]. И какъ судъ присяжныхъ свободенъ въ своемъ дискреціонномъ уваженіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, такъ и гражданскій судъ призванъ считаться со всѣми нюансами жизни [1]).

«Въ былое время общество, неувѣренное въ нелицепріятіи судей, требовало отъ нихъ безпристрастія, одинаковаго по отношенію какъ къ богатымъ, такъ и бѣднымъ, какъ къ знатнымъ, такъ и незнатнымъ. Но теперь такое равенство предъ судомъ, будучи достаточно обезпечено и закономъ, и личными качествами судьи, является нерѣдко даже недостаткомъ, и наше время, вза-

---

[1]) Эти идеи обличаютъ настоящаго автора законопроекта «о вознагражденіи за вредъ, причиненный неисправностями ж.-д. предпріятій», составленнаго комиссіей Моск. Юрид Общества въ 1879 году. «Истинная справедливость—читаемъ мы въ объясн. запискѣ—состоитъ въ томъ, что бы трактовать неравно неравныя вещи. Положеніе, которое желѣзныя дороги занимаютъ относительно частныхъ лицъ, неравно положенію самихъ частныхъ лицъ по отношенію къ себѣ подобнымъ. Потому нельзя переносить принципы частнаго оборота въ область ж.-д. закона». [См. Юрид. В. 1880, № 1, стр. 72].

мѣнъ формальнаго безпристрастія, требуетъ часто отъ судьи великодушія, извѣстнаго снисхожденія къ человѣческимъ слабостямъ и недостаткамъ, а также заботливаго вниманія *къ соціальному неравенству отдѣльныхъ личностей»* [ibid. 10]...

Этимъ признакомъ отмежевывается область положительнаго изслѣдователя отъ области публициста, законодателя, судьи. Область чистой науки отъ области политики и практики. Задача положительнаго изслѣдованія состоитъ въ томъ, что бы оцѣнить каждый предметъ такъ, *какъ онъ есть*, но не такъ, *какъ онъ долженъ быть*. Наоборотъ, изслѣдователь, переходя въ область политики и практики, нисколько не стѣсненъ въ критикѣ существующаго порядка вещей. «Здѣсь онъ смотритъ на все съ точки зрѣнія должнаго. Въ качествѣ публициста, законодателя, судьи—вообще въ качествѣ общественнаго и государственнаго дѣятеля онъ одобряетъ, поддерживаетъ, старается развить, умножить защиту отношеній, которыя представляются ему полезными и напротивъ порицаетъ, ослабляетъ, старается парализовать или отмѣнить защиту отношеній, кои оказываются ненужными» [*Опредѣленіе права*, стр. 146]. «Такимъ образомъ, научная точка зрѣнія не мѣшаетъ, гдѣ нужно, проявленію точки зрѣнія практической. Особенности первой изъ нихъ представляютъ въ одномъ отношеніи большой интересъ и для практики. Онѣ напоминаютъ практикѣ, что для того, что бы достигнуть права наиболѣе справедливаго, мало образовать и хранить его въ мысляхъ: *надо употребить особыя усилія для того, что бы провести его въ жизнь»* (ibid. 146)...

Какая же—конечная цѣль законодателя и судьи—этихъ органовъ выработки правоваго порядка въ государствѣ? Каково вообще непосредственное значеніе гражданско-правового порядка?

Красной нитью проходитъ черезъ всѣ сочиненія Муромцева—монографическія и журнальныя—та мысль, что прогрессъ соціальной жизни составляетъ обоюдное и солидарное развитіе двухъ группъ интересовъ: *общественности* (общаго блага) и *частнаго интереса*. «Непосредственное значеніе гражданско-правоваго порядка заключается въ томъ, что, соблюдая вполнѣ интересы

общежитія, онъ *устраиваетъ міръ индивидуальной самодѣятельности и индивидуальнаго интереса*». [«*Опредѣленіе права*», стр. 195]. Право публичное и право гражданское не противорѣчатъ другъ другу, потому что объекты ихъ охраны совершенно солидарны. Съ прогрессомъ развивается общественность. Съ другой стороны, прогрессъ состоитъ въ *развитіи индивидуальности*.

«Мы заключаемъ о степени развитія народа по развитію отдѣльнаго субъекта: наибольшее развитіе личной энергіи, самостоятельности и самодѣятельности, связанное нераздѣльно съ наибольшимъ расширеніемъ круга личныхъ интересовъ, характеризуетъ, въ нашихъ глазахъ, высшее развитіе общества. Даже въ сферахъ жизни, которыя служатъ непосредственно къ устройству самого общенія, развитіе индивидуальности составляетъ необходимое условіе поступательнаго движенія»... «На извѣстной ступени историческаго роста государствъ дальнѣйшее развитіе государственности, т. е. той формы общежитія, которая создается государствомъ, находится въ прямой зависимости отъ развитія политической самостоятельности въ средѣ управляемыхъ. Чѣмъ ближе поставленъ каждый гражданинъ къ сферѣ политической дѣятельности,—чѣмъ чаще онъ выступаетъ активнымъ исполнителемъ государственнаго порядка, а не слѣпымъ его орудіемъ,—чѣмъ болѣе чрезъ это онъ заинтересовывается имъ и влагаетъ въ него свою душу, тѣмъ болѣе сторонъ человѣческаго существованія охватываетъ государство, тѣмъ сильнѣе оно по качественнымъ предѣламъ своего господства и могущественнѣе по степени своего культурнаго вліянія» (ibid. 193).

Вотъ—критерій, пользуясь которымъ Муромцевъ мѣтко опредѣляетъ въ одной изъ своихъ послѣднихъ работъ [«Болѣзненные процессы общественности» въ «Юридич. Запискахъ» 1908 г. Вып. I] сущность «болѣзненнаго процесса общественности». «Нормальная соціальная жизнь слагается изъ положеній, въ которыхъ индивидъ и родъ крѣпнутъ; болѣзненные процессы суть *извращеніе* или *вырожденіе* соціальныхъ формъ, имѣющихъ нормальное происхожденіе» (стр. 3).

«Соціальная жизнь, соціальная дѣятельность есть жизнь и дѣятельность многихъ индивидовъ, проявляющихъ себя въ извѣстномъ взаимномъ сочетаніи. Такова внѣшняя сторона общественности. Ея внутренняя сторона сводится къ соотвѣтствующему сочетанію психическихъ факторовъ въ самомъ индивидѣ,—сочетанію, опредѣляющему соціальную природу самого индивида или, короче, его *соціальность*. Болѣзненнымъ долженъ быть названъ каждый процессъ соціальной жизни, который состоитъ въ разру-

шенія сложившихся формъ соціальности безъ замѣны ихъ новыми формами ея, способными поглотить всю ту массу личной энергіи, которая поглощалась прежними;—всякій процессъ, который состоитъ въ уменьшеніи присущей индивидамъ потенціи соціальной дѣятельности. Въ болѣзненномъ процессѣ та или другая доля индивидуальной энергіи, отвращаясь отъ соціальной дѣятельности, или гаснетъ совершенно, или направляется въ исключительную область личныхъ интересовъ. Происходитъ *соціальная гибель* индивида; значеніе его, какъ соціальнаго дѣятеля умаляется, и онъ возвращается къ состоянію дикости, которое и есть состояніе внѣ-соціальное. Общій запасъ соціальности въ обществѣ понижается» (стр. 2—3).

Въ этихъ звучащихъ грустью строкахъ слышится печаль ученаго профессора, профессора—по призванію, сознающаго, что его личныя научныя силы остались неиспользованными въ полной мѣрѣ.

Быть можетъ, печальныя обстоятельства личной жизни профессора и сложили въ немъ воззрѣніе на «соціальную гибель индивида», какъ на сущность и признакъ болѣзненнаго процесса общественности...

IV.

Подведемъ итоги всему вышесказанному. Муромцевъ примыкаетъ къ тому философскому воззрѣнію на исторію права, которое раздѣляетъ идею *закономѣрности историческихъ явленій*. Это то общее, что объединяетъ его со школами: естественной и исторической. Но смыслу этой закономѣрности онъ придаетъ иное выраженіе.

Естественная школа смотрѣла на историческое развитіе человѣчества, общества и права, какъ на процессъ откровенія объективно-абсолютнаго разума,—процессъ постепеннаго осуществленія высшихъ принциповъ жизни. Бороться противъ этого «философскаго объективизма» Муромцевъ поставилъ цѣлью своей научной дѣятельности.

Историческая школа, наоборотъ, смотрѣла на исторію права, какъ на ирраціональный продуктъ народнаго духа, живущаго и проявляющагося во всѣхъ членахъ народа. И съ этимъ моднымъ въ XIX в. ученіемъ борется Муромцевъ. Онъ отрѣшается отъ «духа», какъ

первоисточника права и обращается къ «понятіямъ», созданнымъ сложившимися или слагающимися общественными «отношеніями» на почвѣ «потребностей» быта. Вводя въ науку идею «психическаго труда» и «борьбы за право», онъ подготовляетъ окончательное паденіе авторитета исторической школы.

Право, по воззрѣнію Муромцева, составляетъ продуктъ человѣческой дѣятельности, хотя и не въ томъ смыслѣ, какъ это понимается юристами естественной школы. Муромцевъ отводитъ должное мѣсто явленію, одностороннее преувеличеніе котораго составляло грѣхъ «естественнаго» ученія о правѣ, а излишнее умаленіе—промахъ «историческаго» воззрѣнія. То новое воззрѣніе, которое заложено Ihering'омъ, и къ которому примыкаетъ Муромцевъ, соединяетъ, такимъ образомъ, вмѣстѣ вѣрный элементъ обоихъ ученій—естественнаго и историческаго—и отбрасываетъ ихъ ложные элементы [Ср. «*Образованіе права*», стр. 33].

Послѣдователемъ Ihering'a является Муромцевъ и въ другомъ направленіи. Ihering былъ одинъ изъ первыхъ западно-европейскихъ ученыхъ, который отрѣшился отъ царствовавшаго на Западѣ «Begriffsjurisprudenz» и низведшій догму права изъ области чисто логическихъ конструкцій на почву *практической жизни*. Всѣ выводы, получаемые имъ изъ изученія юридическаго матеріала онъ ставилъ въ связь съ обобщеніями, принадлежащими другимъ областямъ соціальной науки и психологіи. Многіе изъ послѣдователей Ihering'a не справились съ этой задачей. Не обладая достаточной исторической и философской подготовкою, они свели всю задачу къ простой систематизаціи накопленнаго судебною практикой матеріала, внѣ всякаго освѣщенія полученныхъ выводовъ въ свѣтѣ исторіи и философіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ они отдали дань времени, и его наклонности привносить метафизическія начала въ объясненіе всѣхъ явленій права.

По этому ложному пути не пошелъ Муромцевъ. Онъ окончательно отрѣшается отъ примѣсей метафизическаго направленія, которыя обезцѣнивали труды послѣдователей Ihering'a. Задачей гражданскаго права онъ

выставляетъ изученіе права, какъ одной изъ формъ общественной жизни. «Съ этой реформою—говоритъ онъ—*исторія, догма и философія права* должны будутъ слиться въ одну общую науку, отдѣляющую отъ себя отдѣльныя отрасли, назначенныя къ достиженію практическихъ цѣлей, и расширятся границы того фактическаго матеріала, который служитъ основою для обобщеній современной юриспруденціи» [Изъ вступительной лекціи 2 сент. 1875 года].

Къ самимъ трудамъ своего геніальнаго учителя Муромцевъ занимаетъ довольно самостоятельную позицію. Лежащій въ основѣ его трудовъ богатый историческій матеріалъ разрабатывается имъ по указаніямъ современной *индуктивной логики*. Въ этомъ отношеніи, онъ имѣлъ авторитетными руководителями *Дж. С. Милля* и *Бэна*. Новые методологическіе пріемы позволили ему придать мыслямъ Ihering'а, коими онъ всегда вдохновлялся, новую и болѣе оригинальную форму.

Знакомясь съ ученой дѣятельностью С. А. Муромцева мы поражаемся двумя явленіями. За всю свою многолѣтнюю дѣятельность Муромцевъ никогда не измѣнялъ своимъ взглядамъ. Всѣ его ученія логически выростаютъ изъ его стройной философской концепціи исторіи права и культуры. Можно думать, что Муромцевъ родился съ уже готовымъ мировоззрѣніемъ и его ученые труды служатъ лишь все болѣе полнымъ и болѣе точнымъ выраженіемъ этого миросозерцанія. Мы не видимъ не только революціонныхъ скачковъ, но даже «эволюціи» въ его взглядахъ. Каждый послѣдующій трудъ имѣетъ логической основой трудъ предыдущій...

Въ связи съ этимъ стоитъ и другое поразительное явленіе. Въ 1875 году 25-ти лѣтній ученый Муромцевъ выступаетъ со своей магистерской диссертаціей: *«О консерватизмѣ римской юриспруденціи»*. Это—юридико-*философскій* трудъ. Составленіе такого труда предполагаетъ не только исключительную способность обобщенія, но и способность объять и обработать всю сумму фактовъ и данныхъ, добытыхъ уже въ изслѣдуемой отрасли знанія. Обнаруживъ въ своей юноше-

ской работѣ колоссальную *реальную* подготовку къ философскимъ обобщеніямъ, начинающій ученый Муромцевъ показалъ обществу, что онъ выступаетъ, не какъ рядовой ученый, но какъ *прирожденный* философъ, который познаетъ внутренній смыслъ явленій своимъ чутьемъ и проникновеніемъ, даннымъ ему свыше...

Какъ смѣлый и опытный авіаторъ безъ разбѣга поднимаетъ свой воздушный корабль, такъ же и нашъ молодой ученый съ первыхъ же шаговъ своей ученой дѣятельности взлетаетъ въ выси философскихъ построеній, съ которыхъ онъ никогда не спускался.

Многое, весьма многое изъ того, что создалъ своимъ творчествомъ Муромцевъ не получило признанія со стороны русскаго ученаго міра. И объясненіе имъ внутренняго смысла нѣкоторыхъ историческихъ явленій [1]) и его сведеніе догмы до степени искусства [2]), его взглядъ на роль догмы римскаго права и историческій методъ ея изученія [3]), его опредѣленіе *права* и правового порядка [4]), его классификація права публичнаго и права гражданскаго [5]), наконецъ, не всегда справедливое отношеніе къ оспариваемымъ имъ школамъ [6])—все это вызывало въ свое время рѣзкую критику со стороны русскихъ ученыхъ. Научная полемика

---

[1]) См. объясненіе причинъ консерватизма римской юриспруденціи у *В. Герье.* Вѣстникъ Европы, 1875, V, стр. 244 и сл.

[2]) См. *Гольмстенъ.* Этюды. Журн. Гр. и Уг. Пр. 1884, кн. 5. Авторъ ставитъ въ упрекъ Муромцеву смѣшеніе понятій *развитіе* и *сосуществованіе* (стр. 213), неясность понятія *догмы*, какъ дисциплины, изучающей существующее и *будущее* (!?) (стр. 214—217) и т. д. *Л. С.* (Слонимскій?) «Слово» дек. 1879, пытается обнаружить въ книгѣ «Опредѣленіе и основное раздѣленіе права» рядъ методологическихъ ошибокъ съ точки зрѣнія позитивизма. *Л. С.* отвергаетъ, впрочемъ, изученіе чистой науки безъ критики и полагаетъ, что политика и критика, отдѣленныя отъ объективнаго изслѣдованія, превратятся въ ремесло.

[3]) *Гольмстенъ.* l. с., стр. 234—241 упрекаетъ Муромцева въ методѣ преподаванія догмы права. Его методъ — «вставленіе въ исторію клочковъ догмы».

[4]) См. *Коркуновъ,* Лекціи по общей теоріи права, стр. 80 сл.

[5]) *Звѣревъ.* Журн. Гр. и Угол. Пр. 1881, кн. I, стр. 150 указываетъ на то, что признакъ «организованной защиты» есть признакъ внѣшній, не дающій идеи внутренняго содержанія этого различенія.

[6]) *Карасевичъ.* Юр. Вѣстникъ, 1887, № 3, стр. 449—451 указываетъ на невѣрное изложеніе Муромцевымъ ученія исторической школы. *К. Митюковъ.* Кіевск. Унив. Изв. 1877, мартъ—апрѣль, указываетъ на несовсѣмъ точное пониманіе Муромцевымъ теоріи Ihering'а въ его работѣ: «О владѣніи по римскому праву» въ Ж. Гр. и Уг. Пр. 1876, кн. 4.

принимала временами даже крайне нежелательную и прискорбную по своей остротѣ форму [1])...

Но оглядываясь на прошлое безпристрастнымъ взглядомъ, мы должны отдать дань нашего почтенія къ памяти человѣка, который при всѣхъ своихъ заблужденіяхъ и ошибкахъ, съумѣлъ создать образъ настоящаго ученаго юриста: юриста—*историка*, юриста—*философа*.

Произведенія Муромцева дышатъ той *жизненной правдой*, которая живетъ вѣчно, наперекоръ всѣмъ случайнымъ и произвольнымъ вѣяніямъ и политическимъ катастрофамъ. Эта жизненная правда сохранитъ изъ поколѣнія въ поколѣнія славу юриста—философа и запишетъ его имя на скрижаляхъ нашей отечественной исторіи въ ряду лучшихъ юристовъ XIX вѣка!

---

[1]) Вспомнимъ, напр., его рѣзкую полемику съ проф. Азаревичемъ, проф. Гольмстеномъ, Слонимскимъ и др. Обладая громаднымъ до болѣзненности развитымъ самолюбіемъ, покойный профессоръ быстро терялъ хладнокровіе и уравновѣшенность при всякомъ столкновеніи его научныхъ воззрѣній съ чужими воззрѣніями.

